

СТИВЕН

ИГРА ДЖЕРАЛДА

КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

ИГРА ДЖЕРАЛДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
GERALD'S GAME

*Перевод с английского Т. Покидаевой и М. Козырева
под общей редакцией Т. Покидаевой*

Художник В. Лебедева

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К 41 Игра Джералда : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ.
Т. Ю. Покидаевой, М. Козырева]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2017. — 352 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-087928-1

В уединенном доме на берегу лесного озера в штате Мэн разыг-
лась трагедия. Джесси потеряла мужа и осталась одна, прикованная к
кровати... Но ее одиночество было недолгим. Все страхи, которые она
когда-либо испытывала в жизни, в одночасье вернулись и заполнили
уединенный дом, превратившийся в зловещую камеру пыток...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Stephen King, 1992
© Перевод. Т. Покидаева, 2011
ISBN 978-5-17-087928-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

По дому гулял сквозняк. Джесси слышала, как задняя дверь то и дело хлопает на ветру. Был октябрь. Осенью косяк всегда разбухал от сырости, и дверь закрывалась нормально, только если прижать ее посильнее. Но сегодня они как-то забыли об этом. Она хотела сказать Джералду, чтобы он пошел и закрыл дверь, прежде чем они окончательно увлекутся, иначе она просто рехнется от этого стука. Но потом Джесси подумала, как смешно это будет выглядеть. Подобная просьба испортит все настроение.

Какое настроение?!

Хороший вопрос. Как только Джералд зашелкнул наручники у нее на запястьях, она поняла, что никакого настроения у нее нет и не было. Кстати, именно поэтому она и обратила внимание на стук незакрытой двери — потому что ее совершенно не возбуждали игры с наручниками и привязываниями к кровати.

Чего не скажешь о Джералде. На нем были только обтягивающие трусы, и Джесси стоило лишь взглянуть на то, что творилось под ними, чтобы понять — его интерес не слабеет.

Идиотизм какой-то, — подумала она. Она действительно чувствовала себя полной дурой. Но при этом ей было немножко страшно. Ей не хотелось этого признавать, но тем не менее так оно и было.

— Джералд, может, не надо?

Он на мгновение задумался, слегка хмуря лоб, а потом прошел через комнату к туалетному столику, что стоял слева от двери в ванную. По дороге его лицо прояснилось. Джесси внимательно наблюдала за ним. Прикованная к кровати, с разведенными в стороны руками, она ощущала себя Фей Рей в ожидании

Кинг-Конга. Ее запястья были намертво припилены наручниками к столбикам красного дерева в изголовье кровати. Каждая рука — отдельно. Свобода движений ограничивалась шестью дюймами стальной цепи. Немного.

Джералд положил ключи от наручников на туалетный столик — они тихонечко брякнули железом по дереву, и этот едва различимый звук отдался оглушительным эхом у Джесси в ушах — и повернулся к ней. Переливчатая рябь света, отраженного от поверхности озера за окном, бежала по белому потолку у него над головой.

— Что ты сказала? Ну вот... ты мне испортила всю прелесть игры.

А по мне ничего в этом прелестного нет. Изначально, — чуть не добавила Джесси, но все же сдержалась.

Он усмехнулся. У него было тяжелое одутловатое лицо, розовое, как у поросенка, и иссиня-черные волосы с таким трютольным мыском посередине лба, который, согласно народной примете, предвещал раннее вдовство. Джесси не нравилось, когда он так улыбался. Его улыбка всегда вызывала у нее какое-то странное чувство, которое она затруднялась определить. Хотя...

Определить это было совсем не сложно. Когда Джералд ухмылялся, он становился похожим на идиота. И чем шире он ухмылялся, тем глупее выглядел. Впечатление было такое, что с каждым дюймом ухмылки его интеллект падал на десять баллов. В такие моменты ее дорогой муженек — кстати сказать, преуспевающий адвокат — походил на сбежавшего пациента психушки.

Жестоко, но тем не менее... Но как сказать человеку, с которым ты прожила почти двадцать лет, что он, когда ухмыляется, похож на клинического дебила? Ответ прост: никак. Вот его улыбка — совсем другое дело. Улыбка у Джералда замечательная. Теплая, юморная. Наверное, именно из-за этой улыбки Джесси в него и влюбилась. Она напоминала ей отца. Когда они вечером собирались всей семьей и папа, потягивая вечерний джин-тоник, рассказывал забавные истории о том, что случилось с ним за день, у него на лице появлялась точно такая же улыбка.

Но сейчас Джералд не улыбался, а именно ухмылялся. Это была его «фирменная» ухмылка специально для подобных мероприятий. Ему самому она наверняка виделась таким хищ-

ным оскалом. Но Джесси — распятой на кровати, прикованной наручниками и одетой в одни крошечные трусики — она казалась на редкость глупой. Даже нет... просто *дебильной*. Потому Джералд отнюдь не являл собой образчик крутого мачо, которому сам черт не брат, по типу тех видных мужчин из приключенческих журналов для мальчиков, над которыми он так отчаянно извергался во дни блаженной юности — одинокий, некрасивый и толстый подросток в тяжкий период полового созревания. Джесси вовсе не обольщалась. Перед ней стоял неумолимо лысеющий пожилой адвокат, чьи тесные трусы недвусмысленно распирало спереди. Причем, справедливости ради сказать, средненько так распирало...

Впрочем, размер его возбужденного причиндала значения не имел. Имела значение его ухмылка. И судя по тому, что он продолжал ухмыляться, можно было сделать вывод, что он просто не воспринял ее слова всерьез. Ведь по правилам игры Джесси *полагалось* сопротивляться.

— Джералд, я серьезно. Я не хочу так.

Ухмылка расплылась, открыв еще несколько мелких и вполне безобидных зубов. Его интеллект упал еще пунктов на двадцать — тридцать. И он по-прежнему ее не слушал.

Ты уверена?

Да. Уверена. Джесси не могла читать его мысли — для того чтобы читать человека как книгу, надо прожить с ним гораздо больше, чем семнадцать лет, — но обычно она разбиралась в его настроениях и более-менее точно знала, что у него на уме.

И если все это правда, милая, как же так получилось, что он тебя не понимает? Почему он не видит, что это уже не игра? Что для тебя это — не очередная пикантная сцена в старом секс-фарсе?

Теперь пришла ее очередь хмуриться. Джесси всегда, сколько она себя помнила, слышала голоса в голове. Она ни капельки не сомневалась, что такое бывает у всех, просто не все об этом говорят — точно так же, как не говорят о походах в сортир. В общем, она слышала голоса, с которыми ей было уютно, как в любимых домашних тапках, и хорошо, как в компании близких друзей. Но сейчас у нее в голове прозвучал новый голос... далеко не такой дружелюбный.

Энергичный и сильный голос, молодой и какой-то озлобленный. Раздраженный и очень категоричный. И вот теперь он прорезался снова, отвечая на собственный вопрос:

Дело не в том, что он тебя не понимает. Просто иногда он не хочет тебя понимать.

— Джералд, правда... Я сегодня не в настроении. Сними с меня эти штуки. Давай как-нибудь по-другому. Хочешь, я буду сверху или просто ложись, а я тебе кое-что сделаю... ну, ты понимаешь.

Ты уверена, что тебе хочется это делать? — спросил этот новый категоричный голос. — *Ты вообще его хочешь, этого мужчину?*

Джесси закрыла глаза, как будто это могло бы заставить голос умолкнуть. Когда она снова открыла глаза, Джералд стоял в изножье кровати, его трусы выпирали спереди, словно нос корабля. Ну... скажем, игрушечного кораблика. Ухмылка стала еще шире, открыв последние зубы с обеих сторон — те, что с золотыми пломбами. Джесси поняла, что ей не просто не нравится эта ухмылка — она ее раздражает.

— Я тебе *разрешу* быть сверху... если ты будешь хорошей, послушной девочкой. Ты ведь будешь хорошей девочкой, Джесси?

Какая пошлость, — прокомментировал новый голос, который Джесси про себя окрестила «сказал, как отрезал». — *Тошнотворная пошлость.*

Джералд засунул большие пальцы за резинку трусов и теперь стал похож на какого-то нелепого ковбоя. Потом он потянул их вниз, и трусы — преодолев несущественное препятствие в виде прибора в «боевой готовности» — быстро соскользнули на пол. Его хозяйство предстало во всей своей расе. Это был вовсе не грандиозный поршень любви, с которым Джесси впервые встретилась еще подростком на страницах клиландовской «Фанни Хилл»*, а какой-то розовый мягкий пенек. Одним словом, пять дюймов ничем не примечательной эрекции. Два или три года назад, во время одной из нечастых поездок в Бостон, Джесси сходила на фильм под названием «Брюхо архитектора». Ага, подумала она, а те-

* «Фанни Хилл» — роман Дж. Клиланда, написанный в 1749 году, о женщине из публичного дома. — *Здесь и далее примеч. пер.*

перь я смотрю «Член юриста». Она закусила губу, чтобы не рассмеяться, потому что это было бы бестактно.

А потом ей в голову пришла одна мысль, от которой сразу же расхотелось смеяться: Джералд не понимал, что она говорит серьезно, потому что для него сейчас попросту не существовало никакой Джесси Махо Берлингейм, сестры Мэдди и Вилла, дочери Тома и Салли и бездетной жены Джералда. Она исчезла в тот самый момент, когда он защелкнул наручники у нее на запястьях. Подростковые приключенческие журналы времен блаженной юности Джералда сменились порнографическими изданиями, которые он хранил у себя в столе в самом нижнем ящике. В этих журналах грудастые девочки, одетые только в дешевенькие жемчуга, стояли на четвереньках на лохматых медвежьих шкурах, пока мужчины наяривали их сзади такими внушительными приборами, по сравнению с которыми принадлежность Джералда смотрелась вообще никакой. На последних страницах этих веселых журналов, среди объявлений секса по телефону, встречалась реклама анатомически правильных надувных женщин. На скромный взгляд Джесси, это был странный и даже дикий подход. И вот теперь она подумала об этих надувных куклах, об их бесформенных надувных телах и невыразительных безразличных лицах с каким-то гадливым отвращением. Ей даже стало слегка жутковато. Не то чтобы страшно, нет — но внутри она вся напряглась, и именно это непонятное напряжение было гораздо страшнее, чем их дурацкая игра с наручниками в летнем домике на берегу озера. И почему они вообще приехали в летний домик, когда лето давно прошло?!

Но даже сквозь эти не слишком приятные мысли к ней пробивались все звуки. Казалось, ее слух обострился донельзя. Издалека доносился рев бензопилы, чуть ближе — на озер. Кашвакамак — кричала гагара, припозднившаяся с отлетом. Ее пронзительный бешеный крик поднимался до самого неба. А совсем рядом, на северном берегу озера, лаяла собака. Этот противный хрипящий лай почему-то казался Джесси приятным. Наверное, потому, что он означал: даже в будний октябрьский день здесь есть еще кто-то живой. Иначе она слышала бы только стук двери — расхлябанной, как большой зуб в гниющей десне, — беспрестанно хлопающей по

разбухшему косяку. Джесси уже понимала: еще немного, и она просто рехнется от этого стука.

А тем временем Джералд, оставшийся в одних очках, взгромоздился на кровать и теперь подбирался к Джесси на четвереньках. Его глаза возбужденно блестели.

Джесси подумала, что именно из-за этого блеска она продолжает играть с ним в эти дурацкие игры, хотя ее интерес к ним давно угас. В последнее время — в последние годы — Джералд все реже и реже смотрел на нее с таким вот горячечным блеском в глазах. Для своих лет Джесси выглядела очень даже неплохо — она не растолстела и ее фигура осталась почти прежней, — но Джералд давно уже перестал на нее возбуждаться. Джесси считала, что его безразличие частично вызвано тем, что он стал много пить — теперь он пил значительно больше прежнего, — но это была только часть проблемы. Как там в старой пословице? Чем больше знаешь, тем меньше ценишь. Наверное, так оно и есть. Хотя поэты-романтики, которых Джесси изучала на семинаре английской литературы, опровергали эту житейскую мудрость и провозглашали, что истинная любовь не умирает. Но с годами Джесси поняла, что суровая правда семейной жизни не нашла отражения в творчестве Джона Китса и Перси Шелли. Впрочем, откуда им было знать эту суровую правду — они оба умерли молодыми.

Тем более что все это было не важно. Сейчас имело значение только то, почему она продолжала играть в эти игры, хотя они ее вовсе не привлекали — исключительно потому, что ей нравился этот возбужденный блеск в глазах Джералда. Когда он вот так на нее смотрел, она себя чувствовала молодой, красивой и желанной. Но...

...но если ты думаешь, что он возбуждается на тебя, то ты ошибаешься, милая. Или просто сама себя обманываешь. Да он вообще тебя не видит. То есть видит, конечно. Но не тебя. Может быть, пришло время решить — решить раз и навсегда, — согласна ли ты и дальше мириться с таким унижением? Потому что подобный подход — это действительно унижительно, разве нет?

Она вздохнула. Да, унижительно.

— Джералд, мне это *не нравится*, — проговорила она с нажимом, и блеск в его глазах слегка померк. Уже кое-что. Все-таки он ее слышит. Так что, наверное, все в порядке. Не замечательно, как было раньше, но хотя бы в порядке. Однако мгновение спустя его глаза вновь загорелись, и он опять усмехнулся своей идиотской ухмылкой.

— Я тебя прочту, моя гордячка. Моя красавица, — сказал Джералд. Он *действительно* так сказал, причем слово «красавица» он произнес с интонацией какого-нибудь напыщенного лорда из плохонькой мелодрамы о викторианской эпохе.

Пусть он сделает то, что хочет. Чем быстрее он начнет, тем быстрее все кончится.

Этот голос был хорошо знаком Джесси, и она собиралась последовать его совету. Вряд ли бы Глория Стейнем* одобрила такой подход, но Джесси было плевать. Совет был хорош уже тем, что он был практичен. Пусть он сделает то, что хочет, и чем быстрее он начнет, тем быстрее все кончится. Что и требовалось доказать.

Джералд протянул руку — мягкую, с короткими пальцами, такую же розовую и вялую, как его член — и стиснул ей грудь. В этот миг что-то внутри у нее оборвалось. Как рвутся перенапряженные сухожилия. Она резко дернулась и сбросила его руку.

— Хватит, Джералд, уймись. Сними с меня эти тупые наручники и дай мне встать. Может, полгода назад это еще и было забавно, но сейчас меня это не возбуждает. Я себя чувствую просто по-идиотски.

На этот раз он услышал ее. Она поняла это по тому, как потускнели его глаза. Огонек в них погас, как свеча на ветру. Джесси решила, что знает, какие слова наконец-то пробились к нему: «тупые» и «по-идиотски». В детстве Джералд был толстым увальнем в очках, и первый раз он пошел на свидание аж в восемнадцать лет — через год после того, как он посадил себя на строгую диету и начал заниматься спортом, стараясь укрепить дряблое тело. Тогда он учился на втором кур-

* Глория Стейнем, американская журналистка, одна из лидеров так называемого движения за освобождение женщин 60-х годов. Основательница феминистического журнала «Миз».

се и, как сам говорил, держал свою жизнь более или менее в узде. (Как будто жизнь — это дикий мустанг, которого нужно объездить и приручить.) Но Джесси знала, что когда Джералд учился в школе, его жизнь была одним сплошным кошмаром. Тогда-то в нем и развились комплекс неполноценности и недоверие к окружающим, которые он не изжил до конца даже потом, когда все стало нормально.

Он с отличием окончил колледж, юридический факультет, сделал весьма неплохую карьеру, женился на Джесси. Все это вместе (причем Джесси подозревала, что именно женитьба сыграла здесь главную роль) помогло Джералду вновь обрести уверенность в себе и какое-то самоуважение. Но на каком-то глубинном уровне в нем все-таки сохранились воспоминания о тех тумачах и затрещинах, которыми награждали его одноклассники, о том, как они дружно ржали над его тщетными попытками подтянуться на перекладине на физкультуре... и были такие слова — «идиот» и «тупой», например, — которые даже по прошествии стольких лет возвращали его в тот кошмар... по крайней мере так думала Джесси. Ей часто казалось, что все эти новомодные психологи совершенно не разбираются во многих действительно важных вещах — причем *намеренно* не разбираются, — но что касается живучести некоторых воспоминаний... в этом они абсолютно правы. Есть вещи, которые намертво врезаются в память; они присасываются к человеку, как злобные пиявки, которых не отодрать никакими силами. До поры они себя не проявляют, но определенные знаковые слова — «идиот» и «тупой», например — мгновенно их пробуждают, и вот тогда они начинают терзать человека по новой.

Это был удар ниже пояса. Джесси боялась, что ей станет стыдно, но с облегчением поняла, что не испытывает ни малейших угрызений совести. И ее это даже порадовало. *Наверное, я просто устала притворяться*, подумала она, и это натолкнуло ее на мысль, что у нее тоже должны быть свои сексуальные пристрастия. И что забавы с наручниками уж точно к ним не относятся. Подобные игры казались ей унижительными. В самом начале эксперименты Джералда — те, что с шарфами — действительно пробуждали в ней какое-то стыдливое возбуждение, и несколько раз было так, что она испытывала много-

кратные оргазмы, хотя в последние годы и самый обычный оргазм был для нее приятной неожиданностью. Но как бы там ни было, все эти забавы сопровождались для Джесси массой негативных эмоций, и чувство, что тебя унижают, было только одним из них. С самого начала, после первых придумок Джералда, ей каждый раз снились кошмары. Она просыпалась в холодном поту, закрывая промежность руками, сжатыми в кулаки. Джесси помнила только один из этих кошмарных снов, да и то приблизительно и размыто: она играет в крокет, совершенно голая, и солнце внезапно гаснет.

Погоди, Джесси, все это ты можешь обдумать и завтра. А сейчас тебе нужно заставить его снять с тебя эти наручники.

Да. Потому что это уже была не игра — не их игра. Теперь это была игра Джералда. И забавляла она его одного. Джесси подыгрывала ему раньше только потому, что он так хотел. Но теперь ей надоело. Ей было противно и неприятно.

Крик одинокой гагары снова взвился над озером. Идиотская ухмылка на лице Джералда сменилась выражением мрачного разочарования. *Ты мне испортила все удовольствие, сука*, читалось у него на лице.

Джесси вспомнился случай, когда она видела его таким в последний раз. Как-то в августе Джералд принес гляцевую брошюру и показал ей, какую машину он собирался купить. Она сказала, что он может купить «порше», если ему очень хочется — в конце концов они *могут* позволить себе «порше», — но лучше бы он приобрел абонемент в спортивный клуб на Форест-авеню, тем более что он грозился купить этот несчастный абонемент вот уже два года.

— Просто сейчас твои тела совершенно не будут смотреться на фоне «порше», — сказала Джесси, понимая, что это бестактно, но ей уже было не до тактичности. Джералд довел ее до того, что ей было уже плевать на его чувства. В последнее время такое случалось все чаще и чаще. Это пугало и огорчало Джесси, но она совершенно не представляла, как с этим бороться.

— Ты на что намекаешь? — сразу напрягся Джералд.

Сначала она промолчала. Она давно уже поняла, что когда Джералд задает вопросы вот таким ледяным тоном, он и

не ждет, что ему ответят. Это был скорее упрек, чем вопрос: *Ты не подыгрываешь мне, Джесси. Ты меня обижаешь.*

Но она была слишком раздражена — и только теперь до нее дошло, что, может быть, *то* раздражение было предвестием ее теперешнего состояния — и вместо того, чтобы просто проигнорировать его вопрос, как она делала почти всегда, решила ответить:

— Я намекаю на то, Джералд, что независимо от того, есть у тебя «порше» или нет, этой зимой тебе все равно исполнится сорок шесть... и ты все равно будешь весить на тридцать фунтов выше нормы.

Да, жестоко. Но в тот раз она не хотела сдерживаться и щадить его чувства. Потому что когда она посмотрела на фотографию изящной спортивной машины, что украшала обложку глянцевой рекламной брошюры, у нее в голове сразу возникла такая картина: маленький толстенький розовощекий мальчик с треугольным мыском волос надо лбом пошел купаться на пруд и застрял в надувном круге.

Джералд выхватил у нее рекламный проспект и ушел, не сказав ни слова. Вопрос о покупке «порше» больше не обсуждался... но после этого случая Джесси часто ловила на себе его обиженный взгляд из разряда «я так не играю».

Вот и теперь его взгляд был таким же.

Только обида была сильнее.

— Но ты же сама говорила, что это *заманчиво*. Я помню, ты именно так и сказала: «Звучит заманчиво».

Она *действительно* так сказала? Да, наверное, сказала. Но это была ошибка. Каждый может так ошибиться. Нельзя же винить человека за то, что он поскользнулся на банановой кожуре. Да. Но как объяснишь это мужу, который уже утопырил нижнюю губу, словно Малыш Хью*, готовый закатить истерику?!

Она не знала и поэтому опустила глаза... и то, что она увидела, очень ей не понравилось. Мистер Счастье в испол-

* Должно быть, имеется в виду герой фильмов *Clown on the Farm* (1952), *Git Along Li'l Duckie* (1955), *Huey's Ducky Daddy* (1953), *Huey's Father's Day* (1959), *Jumping with Toy* (1957), *One Quack Mind* (1951), *Party Smarty* (1951), *Pest Pupil* (1957), *Scout Fellow* (1951), *Starting From Hatch* (1953), *Swab the Duck* (1956) в исполнении Сида Реймонда.

нении Джералда не поутратил свой боевой настрой. Он, очевидно, не понял, что планы несколько изменились.

— Джералд, я не хочу...

— Ты не хочешь? И как это понимать? Я беру отгул на работе, чтобы приехать сюда и побыть вдвоем... я даже думал, что мы, может быть, останемся на ночь и хорошо позабавимся... — Он замолчал на секунду и уныло добавил: — Ты же сама говорила, что это заманчиво.

Джесси начала лихорадочно соображать, выбирая возможные отговорки из стандартного набора. *(Да, но у меня жутко болит голова; да, но у меня эти ужасные предменструальные боли; да, но я все-таки женщина и имею право капризничать; да, но теперь, когда мы с тобой совершенно одни и поблизости нет ни единой живой души, мне почему-то страшно. Ты пугаешь меня. Да, именно ты. Потому что сейчас в тебе есть что-то от зверя.)* Лживые отговорки, которые питали его заблуждения о своей драгоценной персоне и ублажали его самолюбие. Беспроектный вариант. И Джесси почти уже выбрала, с какой карты зайти, как вдруг этот новый решительный голос, звучавший до этого лишь у нее в голове, прорвался наружу. Джесси была приятно удивлена, когда обнаружила, что и вслух он звучит так же сухо, решительно и спокойно.

И еще было в нем что-то неуловимо знакомое.

— Да, наверное, я так сказала. Но я имела в виду, что будет заманчиво вырваться с тобой сюда, на природу, вдвоем — как в старые добрые времена, когда у тебя еще не было таблички с именем на двери собственного кабинета. Я думала, мы немного покувыркаемся в кровати, а потом погуляем или просто посидим на веранде. А вечером, может быть, поиграем в скраббл. А то, что ты сделал... это обидно, в конце концов. Как ты думаешь, Джералд? Скажи мне, потому что я действительно хочу знать.

— Но ты говорила...

Уже в течение пяти минут она пыталась ему втолковать, что хочет освободиться от этих дурацких наручников, но он упорно отказывался ее слушать. Ее раздражение переросло в ярость.

— Господи, Джералд, меня это давно уже не забавляет, и если б ты не был таким упертым, то давно бы это понял!

— Ты у меня остра на язычок. Иногда это приятно, щекочет нервы. Но иногда меня так раздражают твои...

— Джералд, когда ты вот так упираешься как баран, по хорошему до тебя вообще ничего не доходит. Кто же тут виноват?

— Когда ты такая, Джесси, ты мне не нравишься. Очень не нравишься.

М-да, если вначале все было плохо, то теперь стало просто отвратно. И что самое неприятное — это был еще не предел. На Джесси вдруг навалилась страшная усталость, и ей на ум почему-то пришла строчка из старой песни Пола Саймона: «Не хочу я участвовать в этой безумной любви». Все правильно, Пол. Хоть и не вышел ты ростом, но тупым тебя не назовешь.

— Знаю, что не нравлюсь. И хорошо, что не нравлюсь, потому что сейчас дело в этих дурацких наручниках, а не в том, нравлюсь я тебе или нет, когда говорю, что передумала. Я хочу, чтобы ты *снял* наручники. Слышишь меня?

Нет, не слышит, поняла Джесси. И ей стало страшно.

— Черт, какая же ты вся из себя *противоречивая* и *язвительная*. Я люблю тебя, Джесс, но, знаешь, я ненавижу, когда ты *дерзишь*. Меня всегда это бесило.

Он утер рот рукой и грустно посмотрел на нее — бедный обманутый Джералд, огорченный коварной женщиной, которая затащила его в эти девственные леса, а потом отказалась исполнить свои супружеские обязанности. Бедный обиженный Джералд, который — судя по всему — вовсе не собирався идти за ключами от наручников.

Джесси и сама не заметила, когда именно ее тревога переросла в нечто совсем иное. Она превратилась в гремучую смесь гнева и ярости. Сколько она себя помнила, что-то похожее с ней случилось всего однажды. Джесси тогда было лет двенадцать. Дело было у Вилла на дне рождения. Ее братец Вилл то ли толкнул ее, то ли как-то обозвал при всех. Все рассмеялись. *Ха-ха-ха, оборжешься*. Только Джесси было совсем не весело.

Вилл хохотал громче всех. Буквально давился смехом, согнувшись пополам и хлопая себя ладонями по коленкам. Его длинные лохмы упали ему на лицо. (В то время был самый

пик популярности Beatles, Rolling Stones и Searchers, и поэтому у всех мальчишек были длинные волосы.) В общем, волосы упали ему на лицо, и поэтому он не видел, как разъярилась сестра... обычно он опасался злить Джесси, зная ее взрывной нрав. Пока брат корчился от смеха, злость переполнила Джесси настолько, что она поняла: если она ничего не сделает, то просто взорвется от ярости. Она сжала руку в маленький кулачок и со всей силы ударила любимого брата в лицо, когда тот наконец отсмеялся и поднял голову, чтобы взглянуть на нее. Удар сбил Вилла с ног, словно кеглю, и он громко заплакал.

Уже потом Джесси пыталась себя убедить, что Вилл плакал больше от удивления, чем от боли. Но даже в свои двенадцать она понимала, что это не так. Ему было больно, очень больно. Она разбила ему все губы. Его нижняя губа в одном месте треснула от удара, а верхняя — в двух местах. Брату досталось неслабо. И за что, спрашивается? Только за то, что он сделал глупость? Но ведь ему в тот день исполнилось всего девять лет, а в таком возрасте *все* дети глупые. Нет, дело было не в этом. Просто она испугалась — испугалась, что если ничего не сделает с этой гремучей пенистой смесью из ярости и смущения, то

(солнце погаснет)

она просто взорвется. В тот день Джесси поняла, что внутри нее — колодец, но вода в нем отравлена. И когда Уильям посмеялся над ней, он опустил туда ведро, которое вернулось полное склизкой пены и всякой отвратной болотной живности. Она ненавидела брата за это. Наверное, она потому его и ударила. Он заставил ее заглянуть в себя. И то, что она там увидела, напугало ее самое. И вот теперь, столько лет спустя, эта темная глубина пугала ее по-прежнему... пугала и приводила в ярость.

Нет, солнце из-за тебя не погаснет, — подумала Джесси без понятия, что это значит. — *Будь ты проклята, если погаснет.*

— Я не хочу с тобой спорить, Джералд. Просто возьми ключи и *сними с меня* эти долбанные наручники!

И тут он сказал *такое*, что до нее даже не сразу дошел смысл сказанного — настолько это звучало дико.

— А если нет?

Сначала Джесси отметила лишь перемену в тоне Джералда. Обычно голос у мужа был добродушный, сердечный, с легкой такой хрипотцой — голос типа: *Всем нам крупно повезло, что я здесь главный, не так ли?* — но теперь это был низкий и вкрадчивый голос. Совершенно чужой. В глазах Джералда вновь вспыхнул тот лихорадочный блеск, который когда-то давно возбуждал ее с пол-оборота. Джесси различала его с трудом — он прятался в узких щелочках глаз за очками в золотой оправе, — но знала, что он там был. Действительно был.

Потом она обратила внимание на мистера Счастье, который, как ни странно, не только не поутратил боевой задор, а даже наоборот — приосанился, образно выражаясь, расправил плечи и стал очень даже внушительным... или сй это только казалось?

Ты и вправду так думаешь, милая? Я лично — нет.

Джесси переварила всю эту информацию и только потом осознала смысл слов Джералда. *А что если нет?* И когда смысл сказанного дошел до нее целиком и полностью, ее страх и ярость достигли предела. Где-то глубоко внутри это гипотетическое ведро вновь сорвалось ко дну колодца, чтобы зачерпнуть вязкой и тухлой жижи, в которой кишели микробы — ядовитые, как болотные гадюки.

Опять хлопнула задняя дверь, и где-то рядом, в лесу, снова залаяла собака — надрывно, отчаянно. Джесси подумала, что еще немного — и у нее начнется мигрень.

— Послушай, Джералд. — Голос Джесси звучал властно и сильно. Это был тот самый новый голос, с которым оназнакомилась только сегодня. Она вполне понимала, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы проявлять характер — в конце концов она сейчас находилась в полной власти Джералда, на безлюдном северном берегу озера Кашвакамак, прикованная наручниками к кровати, в одних узеньких трусиках, — но ей нравился этот голос. Почти против воли, но нравился. — Ты меня слушаешь или нет? Я знаю, что обычно ты пропускаешь мои слова мимо ушей, но сейчас мне действительно важно, чтобы ты меня выслушал. Так ты слушаешь?

Он стоял на коленях и смотрел на нее как на какого-нибудь жука доселе неизвестного науке вида. Его щеки, украшенные ярко-красной сеточкой кровеносных сосудов (про себя Джесси их называла отметинами старого выпивохи), стали просто пунцовыми. Краска разлилась даже по лбу — четкой темной полосой, которая походила на родимое пятно.

— Да, — сказал он все тем же чужим вкрадчивым голосом. — Я тебя слушаю, Джесси. Очень внимательно слушаю.

— Хорошо. Тогда возьми ключи и освободи мне руки. Сначала эту, — она постучала правой рукой о спинку кровати, — а потом эту, — она постучала о спинку кровати левой рукой. — И если ты это сделаешь прямо сейчас, то я тебе гарантирую нормальный, безболезненный, обоюдно приятный секс. Потом мы поспим, а наутро вернемся в Портленд, к нашей нормальной и безболезненной жизни.

И совершенно бессмысленной, — подумала Джесси. — Ты пропустила два слова. В Портленд, к нашей нормальной, безболезненной и совершенно бессмысленной жизни. Может быть, так оно и было. А может быть, Джесси излишне драматизировала ситуацию (она обнаружила, что когда ты лежишь прикованная к кровати наручниками, у тебя волей-неволей появится склонность к излишней драматизации). Но так или иначе, она этого не добавила. И может, оно и к лучшему. Получалось, что новый решительный голос был не таким уж и дерзким, как ей показалось сначала. Но буквально в следующую секунду этот голос — который был все-таки *ее* голосом — зазвучал с удвоенной яростью.

— И если ты не прекратишь издеваться и дразнить меня — *сейчас же*, — то я прямо отсюда поеду к сестре, узнаю телефон адвоката, который вел ее бракоразводный процесс, и позвоню ему. Я не шучу. *Эти твои игры противны.*

И тут случилось нечто совсем уже невероятное. Джесси даже представить себе не могла, что такое вообще возможно. Джералд опять ухмыльнулся. Ухмылка выплыла у него на лице, словно подводная лодка, которая наконец-то всплыла в дружественных водах после долгого и опасного плавания. Хотя это было еще не самое невероятное. Самое невероятное, что теперь эта ухмылка безобидного дебила превратилась в оскал буйнопомешанного.

Он опять протянул руку, провел Джесси ладонью по левой груди, а потом неожиданно больно ее сдвинул. В довершение ко всем радостям он уцепился за сосок. Раньше он себе такого не позволял. Никогда.

— Ой, Джералд! *Больно же!*

Джералд серьезно кивнул. Можно даже сказать, сочувственно — что совсем не вязалось с его жуткой ухмылкой.

— Хорошо, Джесси. Я имею в виду все в целом. У тебя хорошо получается. Из тебя получилась бы замечательная актриса или девушка по вызову. Ты была бы одной из самых дорогих. — Он заколебался, а потом добавил: — Вообще-то это был комплимент.

— Господи, что ты несешь?!

Но Джесси прекрасно понимала, что происходит. Теперь ей стало страшно уже не на шутку. В комнате поселилось какое-то зло — и оно разрасталось, как бездонная черная дыра. Хотя «зло», наверное, сильно сказано. Просто что-то нехорошее, темное.

Но Джесси была все еще вне себя от ярости — как в тот день, когда она ударила Вилла.

Джералд рассмеялся.

— *Что я несу?* Я чуть было тебе не поверил. *Вот я о чем.* — Он положил руку на ее правое бедро и произнес будничным, неуместно деловитым тоном: — Так ты их сама разведешь или мне сделать это за тебя? Это тоже часть игры?

— Дай мне *встать!*

— Да... но попозже. — Джералд вытянул другую руку и уцепился Джесси за правую грудь, причем так сильно, что боль пронзила весь бок. — А теперь разведи свои прекрасные *жжи*, моя гордячка, моя красавица!

Джесси внимательно посмотрела на мужа и поняла одну страшную вещь: он знал. Знал, что она не шутит. Он все знал, но предпочел *не знать*, что он знает. Разве это нормально?

Нет, не нормально, — заявил новый голос, который «сказал, как отрезал». — *Но тут, опять же, смотря для кого. Если ты крутой малый из крупнейшей адвокатской конторы на всем восточном побережье от Бостона до Монреаля, то вполне можешь себе позволить знать только то, что тебе хочется*

знать, и не знать того, чего знать не хочется. Сдается мне, милая, у тебя очень крупные неприятности. По-настоящему крупные неприятности — из тех, что обычно кончаются разводом. Так что мой тебе совет: стисни зубы и зажмурь глаза. Думаю, тебе предстоит небольшая инъекция.

Эта ухмылка. Эта уродливая отвратительная ухмылка.

Притворяется, что ни о чем не догадывается. Причем так хорошо притворяется, что потом запросто сможет пройти проверку на детекторе лжи. *Я думал, что это тоже часть игры, обиженно скажет он и даже глазом не моргнет. Я правда так думал.* А если Джесси будет давить на него, будет злиться, то Джералд прибежит к старейшему способу защиты, которым пользуются все мужчины... и скользнет в него, словно ящерица — в трещину в камне. *Тебе же понравилось. Ты же знаешь, что тебе понравилось. Почему ты не хочешь это признать?*

Притворяется, что ни о чем не догадывается. Ведь знает же, но все равно продолжает. Он приковал ее наручниками к кровати — и она, кстати, не возражала — и теперь собирается... черт, будем называть вещи своими именами. Он собирается ее изнасиловать. По-настоящему изнасиловать. Под стук незакрытой двери, лай собаки, визг бензопилы и пронзительные вопли гагары на озере. Вот такие дела. Эх, ребята, хе-хе... ни хрена вы не знаете об этом деле, пока не вздрючите девочку, которая будет вертеться под вами, как курочка на сковородке. А если Джесси потом и *вправду* поедет к Мэдди за телефоном того адвоката, Джералд будет с жаром доказывать, что ничего *такого* у него и в мыслях не было.

Джералд положил свои пухлые розовые руки ей на бедра и раздвинул ей ноги. Джесси почти не сопротивлялась. Она была слишком напугана и ошарашена тем, что сейчас происходит, чтобы сопротивляться.

Правильное решение, — прозвучал у нее в голове знакомый голос — не тот новый, а старый, давнишний. — *Просто лежи себе тихо-спокойно, и пусть он там копошится. В конце концов ничего в этом такого нет. Он это делал уже, наверное, тысячу раз — и ничего с тобой не случилось. Если ты вдруг забыла: ты уже давно не стыдливая девственница.*

А если она не послушает этот голос? Что тогда?

Как будто в ответ на невысказанный вопрос перед мысленным взором возникла кошмарная картина. Джесси увидела себя и Джералда в суде, на бракоразводном процессе. Она не знала, как происходит развод в штате Мэн — через суд или нет, — но это никоим образом не повлияло на ее видение. Картина была очень четкой и ясной. Она даже видела, во что она одета — в розовый деловой костюм от Донны Каран. Под ним была шелковая персиковая блузка. Она сидела на скамье очень прямо, на сведенных вместе коленях лежала белая сумочка. Джесси говорила судье, похожему на покойного Гарри Ризонера*, что да, она поехала с Джералдом в летний домик по собственной воле и позволила ему приковать себя к кровати наручниками тоже по собственной воле... и да, они с мужем так забавлялись *и раньше*, правда, не на озере.

Да, ваша честь. Да.

Да, да, да.

Джералд раздвигал ей ноги, а Джесси продолжала рассказывать судье, похожему на Гарри Ризонера, что они начинали свои забавы с шелковых шарфов, что она была не против перейти на веревки, а потом и на наручники, хотя все это надоело ей очень быстро. Ей было противно. *Настолько* противно, что она поехала с Джералдом на озеро Кашвакамак, в безлюдное место за восемьдесят три мили от Портленда, в будний день в октябре, и там вновь позволила ему посадить себя на цепь, как собаку; ей все это *настолько* наскучило, что на ней были только узенькие тонкие трусики — совершенно прозрачные, так что сквозь них можно было читать зету, набранную мелким шрифтом. И судья, конечно же, ей поверит и искренне посочувствует. Ну конечно, поверит. Любой бы поверил. Джесси представила, как она сидит на месте свидетеля и говорит:

— Итак, я лежала прикованная наручниками к кровати, в одних только трусиках из «Виктории Секрет», и улыбалась любимому мужу. Но в последний момент я передумала и сказа-

* Гарри Ризонер (1923–1991), американский журналист, комментатор и ведущий новостей на телеканале CBS.

ла об этом Джералду. Но он все равно мне засунул, и поэтому я считаю, что это было изнасилование.

Да, сэр, именно так все и было. Даю голову на отсечение.

Джералд рывком спустил с нее трусики, и это вернуло Джесси к реальности. Он стоял на коленях между ее раздвинутыми ногами, и у него было такое сосредоточенное лицо, словно он собирался сдавать выпускной экзамен, а не заниматься любовью с женой. По подбородку сползала белая капля слюны, сорвавшаяся с пухлой нижней губы.

Пусть он сделает то, что хочет, Джесси. Пусть он правит и кончит. Ты же знаешь, что полные яйца сводят его с ума. Они все, мужики, просто бесятся от полноты яиц, если так можно сказать. Сейчас он их опустошит, и тогда с ним опять можно будет нормально разговаривать. Так что не распадайся по пустякам — просто лежи и жди, когда он избавится от своего спермотоксикоза.

Хороший совет, и она бы, наверное, последовала ему, если бы не новый голос, поселившийся у нее в голове. Этот бесцеремонный новосел, очевидно, считал, что прежний советчик Джесси — голос, который с годами она стала называть про себя «примерной женушкой Берлингейм», — еще тот зануда. Может быть, Джесси все же последовала бы совету «доброй женушки», если бы не два обстоятельства. Во-первых, до нее вдруг дошло, что хотя ее руки прикованы к кровати, ноги у нее свободны. А во-вторых, с подбородка Джералда капнула слюна. Мгновение капля висела, покачиваясь, набухая, и сорвалась прямо ей на живот, чуть выше пупка. В этом было что-то знакомое, и на Джесси вдруг нахлынуло невероятно сильное ощущение *дежа-вю*. В комнате стало темнее, как будто окна и стеклянная крыша сменились панелями из закопченных стеклышек.

Это его сперма, — подумала Джесси, хотя прекрасно знала, что это слюна. — Его проклятая сперма.

Причиной такой реакции был не столько Джералд, сколько это странное ненавистное чувство, которое поднималось, как штормовая волна, из глубин ее сознания. Она не думала, что она делает, — она действовала инстинктивно, как стал бы действовать человек, с ужасом осознавший, что трепы-

хающееся существо, которое запуталось у него волосах, это не что иное, как летучая мышь.

Джесси резко поджала ноги, чуть не задев правым коленом подбородок Джералда, и с силой выбросила их вперед. Правая пятка угодила ему прямо в солнечное сплетение, а левая — в плотное основание пениса и набухшие яйца, что висели под ним, словно бледный перезрелый плод.

Джералд откинулся назад, плюхнувшись задом на свои полные безволосые икры. Он запрокинул голову и издал высокий сдавленный крик. Словно в ответ, на озере вновь закричала гагара. Для Джесси это прозвучало так, как будто один самец соболезнует другому.

Глаза Джералда больше не щурились и не блестели. Голубые, как сегодняшнее ясное небо (когда Джералд позвонил ей и сказал, что взял на работе отгул и приглашает ее съездить на озеро на целый день и, может, даже с ночевкой, она согласилась именно потому, что ей очень хотелось увидеть это высокое небо над пустым по-осеннему озером), они широко распахнулись, и в них читалась такая боль, что было страшно на это смотреть. На шее у него вздулись вены. Джесси подумала: *Я не видела его таким с того самого лета, когда целыми днями шел дождь, и Джералду осточертело садовничать, и он нашел себе новое хобби — дегустацию виски и прочих коньячных спиртов.*

Его крик постепенно стихал, словно кто-то медленно убавлял звук на пульте дистанционного управления Джералдом. Но, разумеется, все было проще: он слишком долго кричал, что-то около тридцати секунд, и ему уже не хватало дыхания. *Ему, наверное, очень больно, —* подумала Джесси. Красные пятна у него на лбу и щеках стали просто багровыми.

Что ты наделала?! — воскликнула в страхе примерная женоушка. — *Что ты наделала?!*

Ага. Хороший удар, черт побери, — задумчиво произнес новый голос.

Ты врезала по яйцам собственному мужу! — верещала примерная женоушка. — *Господи, как ты могла?! Как ты могла?!*

Джесси знала ответ на этот вопрос или думала, что знает. Она сделала это потому, что муж собирался ее изнасиловать,

а потом списать все на то, что произошло небольшое недо-
разумение между двумя любящими супругами, которые собра-
лись предаться вполне безобидным забавам. *Это была игра, —*
скажет он, пожав плечами. — Просто игра, и я тут ни при
чем. Если хочешь, мы больше не будем в нее играть. Конечно,
не будем. Джералд далеко не дурак и сразу сообразит, что
отныне и впредь она ни за что уже не согласится снова надеть
наручники. Это как раз тот случай, когда последний раз оку-
пает все. Джералд прекрасно это понимал и собирался полу-
чить все сполна.

Та нехорошая чернота, которую Джесси почувствовала
раньше, все-таки вырвалась из-под контроля. Именно этого
она и боялась. Джералд вроде бы продолжал кричать, но его
губы кривились в *беззвучном* крике (по крайней мере Джесси
ничего не слышала). Его лицо налилось кровью настолько,
что местами казалось почти черным. На чисто выбритом гор-
ле мужа яростно пульсировала яремная вена — или это была
сонная артерия, если это вообще имеет значение, — и выг-
лядела она страшно, словно вот-вот взорвется. Джесси по-
холодела от ужаса.

— Джералд? — Ее голос звучал тонко и неуверенно, как
голос девушки, которая разбила какую-то дорогую вазу у друга
на дне рождения. — Джералд, с тобой все нормально?

Конечно, это был глупый вопрос, идиотский вопрос, но
задать его было легче, чем спросить о том, о чем ей действи-
тельно хотелось спросить: *Джералд, тебе очень больно, да?*
Джералд, ты не собираешься умирать?

Разумеется, он не собирается умирать, — нервно прогово-
рила примерная женоушка. — *Ты его сильно ударила, очень силь-*
но, и тебе должно быть стыдно, но он не умрет. Здесь никто
не умрет.

Перекошенный рот Джералда беззвучно дрожал, но он не
ответил на ее вопрос. Одной рукой он держался за живот, а
другой прикрывал ушибленные гениталии. Теперь обе руки
медленно поползли вверх и замерли над его левым соском.
Замерли, словно пара маленьких толстеньких розовых пти-
чек, которые долго летели, и очень устали, и сели передох-
нуть. Джесси заметила, что на животе у мужа проступает

отпечаток ноги — ее ноги, — ярко-красный на фоне его розовой кожи.

Джералд попытался выдохнуть воздух. Пахнуло протухшим луком. *Последний выдох*, — подумала Джесси. — *В нижней части легких зарезервирована десятая часть от всего объема воздуха, для последнего выдоха, кажется, так нас учили на биологии. Да, вроде так. Последний выдох, пресловутый последний выдох утопающих и курильщиков. Как только ты его сделаешь, ты либо отклеишься, либо...*

— Джералд! — яростно закричала она. — Джералд, дыши!

Его глаза вылезли из орбит, словно мраморные шарики, застрявшие в комке пластилина, но ему удалось сделать единственный маленький вдох. И Джералд — человек, который, как временами казалось, весь состоит из слов, — использовал этот воздух, чтобы сказать свое последнее слово:

— ...сердце...

Вот и все.

— *Джералд!* — Теперь к ее ярости добавилась нотка испуганного потрясения, как у старой школьной учительницы, застукавшей второклассницу, которая задирала платье перед мальчишками, чтобы показать им крольчат на трусиках. — *Джералд, перестань валять дурака и дыши, черт тебя побери!*

Но Джералд уже не дышал. Его глаза закатились, так что стали видны желтоватые белки. Язык вывалился наружу. Из обмякшего члена хлынула струя мутной бледно-оранжевой мочи, горячие капельки оросили колени и бедра Джесси. Она пронзительно завизжала. Дергаясь в наручниках и неуклюже перебирая ногами, она отодвинулась подальше от Джералда.

— *Прекрати, Джералд! Прекрати, пока ты не упал с кр...*

Поздно. Даже если он слышал ее — в чем Джесси сомневалась, — было уже поздно. Он завалился назад, верхняя часть его туловища перегнулась через край кровати, и тяготение взяло свое. Джералд Берлингем — человек, с которым Джесси когда-то завтракала в постели сливочными пудингами, — кувырнулся с кровати вверх ногами, как неуклюжий мальчишка, который пытается выпендриться перед друзьями в бассейне. Его голова ударилась о деревянный пол с противным глухим стуком, и Джесси опять завизжала. Звук был

такой, как будто о край каменной кастрюли разбили огромное яйцо. Она бы, наверное, все отдала, лишь бы только его не слышать.

Воцарилась гнетущая тишина, которую нарушал только визг бензопилы в отдалении. В воздухе перед глазами у Джесси распускалась гигантская серая роза. Лепестков становилось все больше и больше, и когда они окружили ее, как пыльные крылья огромной бесцветной моли, и закрыли собой весь мир, она ничего не почувствовала, ничего. Только признательность.

2

Ей пригрезилось, что она оказалась в длинном холодном коридоре, ведущем куда-то вниз. Вокруг клубился белый туман. По таким вот проходам люди обычно спускаются в неизвестность в фильмах и сериалах типа «Кошмара на улице Вязов» или «Сумеречной зоны». Она была голой, и ей было жутко холодно — все тело ломило, особенно мышцы спины, шеи и плеч. *Надо скорее выбираться отсюда, иначе я заболею*, — подумала она. — *У меня уже судороги от холода и сырости.*

(Хотя Джесси знала, что холод и сырость тут ни при чем.)

К тому же Джералду плохо. Я не помню, что с ним, но, по-моему, он болен.

(Хотя она знала, что «болен» — это совсем не то слово.)

Но что самое странное: в глубине души она не хотела уходить из этого туманного коридора, уводящего вниз — к неизвестности. Ей почему-то казалось, что будет лучше остаться здесь. Что если она не останется, то потом пожалеет. И Джесси осталась еще ненадолго.

Она пришла в себя из-за лая собаки. На редкость противный звук — глухой и низкий, но временами срывающийся на пронзительный визг. Каждый раз, когда эта собака гавкала, она словно выблевывала из горла целые горсти острых щепок. Джесси и раньше слышала этот лай... правда, лучше бы не вспоминать — где, когда и при каких обстоятельствах.

Она шевельнулась — левая стопа, правая стопа, ноги как ватные — и вдруг поняла, что если открыть глаза, то можно

будет хоть что-то увидеть, даже в тумане. Она так и сделала, и увидела, что находится не в каком-то зловещем коридоре из «Сумеречной зоны», а в спальне их с Джералдом летнего домика на северном берегу озера Кашвамамак, в бухте, которую все называли Зазубриной. Теперь она поняла, почему ей холодно — потому что на ней были одни только тонкие трусики — и почему так болят спина, шея и плечи. Потому что она прикована наручниками к кровати, а, скажем так, задняя часть сползла вниз, когда она отключилась. Никакого сырого тумана, никакого сумеречного коридора... а вот собака была реальной. И она все еще лаяла. Где-то уже совсем близко. Если Джералд услышит...

Джесси вздрогнула при мысли о муже, и этот резкий толчок отдался легким покалыванием в ее сведенных судорогой мышцах. Ощущение исчезало где-то в районе локтей, и Джесси с ужасом поняла, что предплечья и кисти почти ничего не чувствуют — руки как будто превратились в перчатки, набитые остывшим картофельным пюре.

Представляю, как будет болеть, — подумала Джесси и вдруг вспомнила все... и ее самым ярким воспоминанием была та кошмарная картина, когда Джералд падал с кровати вниз головой. То есть сейчас ее муж лежит на полу, мертвый или без сознания, а она тут разлеглась на кровати и размышляет, с чего это вдруг ее руки почти не слушаются. Самовлюбленная эгоистка. Разве так можно?!

Если он умер, то сам виноват, черт его дер, — произнес у нее в голове новый напористый голос, который «сказал, как отрезал». Он собирался добавить еще парочку измышлений, но Джесси заставила его заткнуться. Даже в теперешнем — полубессознательном — состоянии ей все-таки удалось собраться с мыслями, и она поняла, чей это голос — немного гнусавый, надрывный, готовый в любую секунду залиться язвительным смехом. Это был голос Рут Ниери, с которой Джесси жила в одной комнате, когда училась в колледже. И теперь, когда Джесси все вспомнила, она уже не удивлялась. Рут обожала давать советы и высказывать свое мнение по поводу и без повода, причем ее речи частенько шокировали Джесси, девятнадцатилетнюю провинциалку из Фальмут-Форсайд, молоденькую и наивную девочку... хотя так, на-

верное, и было задумано. Рут вообще обожала эпатировать публику. Она никогда не теряла голову, и Джесси не сомневалась, что Рут искренне верила в шестьдесят процентов того, что говорила, и действительно делала сорок процентов того, о чем рассказывала подругам. А когда речь заходила о сексе, то тут процент был еще выше. Рут Ниери была единственной женщиной из всех знакомых Джесси, которая принципиально не брила ноги и подмышки. Однажды она повздорила с дежурным по их этажу в общежитии — весьма неприятным типом, кстати сказать — и вылила ему в наволочку целый флакон клубничной пены для душа. Рут из принципа ходила на все студенческие собрания и не пропускала ни одной постановки экспериментального студенческого театра. *Даже если спектакль поганый, то все равно стоит сходить, лапуля. Хотя бы взглянуть, как какой-нибудь симпатичный парень раздевается прямо на сцене,* — говорила она удивленной и заинтригованной Джесси, возвращаясь с очередного провального спектакля под названием «Сын попугая Ноя». — *То есть они не всегда раздеваются, но как правило. Я так думаю, что студенты как раз для того и пишут и ставят свои эти пьесы — чтобы парни и девушки могли раздеваться и красоваться на публике.*

Джесси уже сто лет не вспоминала про Рут, но теперь голос бывшей соседки по комнате звучал у нее в голове и давал бесценные советы, как в старые добрые времена. А почему бы и нет? Кто, как не Рут Ниери, даст хороший совет и ободрит растерянного человека, который утратил покой и душевное равновесие?! Кто, как не Рут, которая по окончании Нью-Хэмпширского университета успела трижды побывать замужем, два раза пыталась покончить с собой и четыре раза лечилась в реабилитационном центре для хронических алкоголиков и наркоманов?! Старушка Рут — еще один яркий пример того, как тяжело бывшие Дети цветов переживают кризис среднего возраста.

— Господи, мне сейчас только этого и не хватает. «Дорогой Эбби»* из преисподней, — высказалась она вслух, и ее

* «Дорогая Эбби» — колонка полезных советов в газете San-Francisco Chronicle.

собственный голос, хриплый и низкий, напугал ее куда больше, чем онемевшие и потерявшие чувствительность руки.

Джесси постаралась подтянуться и вернуться в полусидячее положение, в котором была до того, как Джералд совершил свое показательное выступление по кувыркам с кровати (может быть, этот кошмарный звук, похожий на хруст разбившейся скорлупы, тоже был частью сна? Джесси очень на это надеялась), и не на шутку перепугалась, когда поняла, что не может даже пошевелиться. Ее мышцы как будто пронзило тысячами иголок, но руки так и остались висеть неподвижными, бесчувственными плетьюми. Страх подействовал на нее как нашатырь — в голове прояснилось и сердце забилося быстрее. Но больше она ничего не добилась. На какую-то долю секунды перед ее мысленным взором возникла картинка из учебника древней истории. Молодая женщина, закованная в колодки, стоит посреди рыночной площади, а вокруг нее толпятся люди, смеются и тыкают в нее пальцами. Она вся сгорбилась, словно ведьма из сказки, а растрепанные волосы скрывают ее лицо, как покрывало кающейся грешницы.

Ее зовут примерная женушка Берлинггейм, и ее наказали за то, что она причинила боль мужу, подумала она. Они наказали примерную женушку, потому что не могут привлечь к ответу истинную виновницу, которая ударила Джералда... Ту, чей голос напоминает мне голос моей старой соседки по комнате.

Но разве *ударить* и *причинить* боль верные определения? Вполне вероятно, что единственным верным словом здесь будет *убить*. Вполне вероятно, что Джералд действительно умер. И вполне вероятно, что — кроме нее и собаки — здесь, на северном берегу озера, больше нет ни единой живой души. И если она сейчас закричит, разве ответит ей кто-нибудь, кроме гагары? Хоть кто-нибудь?! Разве что эхо... Эхо — больше ничего.

Эти невеселые размышления, завершившиеся строкой из «Ворона» Эдгара По, открыли Джесси глаза. Внезапно она осознала, что здесь произошло и что ей еще предстоит пережить, и ее захлестнула волна безумного ужаса. Секунд на двадцать (если бы Джесси спросили, сколько длился этот приступ животного страха, она бы ответила, что как мини-

мум три минуты, а то и все пять) она совершенно обезумела. Крошечная искорка разума еще теплилась в самых глубинах сознания, но она была настолько мала, что могла лишь беспомощно наблюдать, как взрослая женщина корчится на кровати, хрипя и мотая головой, и отказываясь верить в происходящее.

Острая боль в основании шеи прямо над левым плечом положила конец истерике. Судорога. Очень сильная судорога. Джесси застонала, откинула голову и уперлась затылком в изголовье кровати. Сведенная спазмом мышца напряглась еще больше в таком неестественном положении и как будто окаменела. И снова тысячи иголок впились в руки, но эти мелкие боли не шли ни в какое сравнение с болью в плече. Джесси поняла, что, подтягиваясь к изголовью, только усиливает нагрузку на сведенную мышцу.

Действуя инстинктивно, без какой-либо мысли, она уперлась пятками в матрас, приподняла ягодицы и оттолкнулась ногами. Локти согнулись, и нагрузка на плечи ослабла. И уже в следующую секунду судорога начала отпускать. Джесси с облегчением вздохнула.

Ветер — Джесси мельком отметила, что он заметно усилился, — завывал в соснах на спуске от дома к озеру. В кухне (с тем же успехом это могло быть и в другой галактике) дверь, которую они с Джералдом не потрудились захлопнуть, по-прежнему хлопала по разбухшему косяку: бум-бум-бум. И никаких больше звуков — только ветер и стук. Собака больше не лаяла. Затихла и пила; и даже гагара, казалось, ушла на обеденный перерыв.

Представив гагару на обеденном перерыве, которая лениво дрейфует на поверхности озера и ведет светские беседы со своими товарками, Джесси издала сдавленный хрип — жалкое подобие смеха. Но, как ни странно, он помог ей успокоиться и прогнал остатки истерики. Ей по-прежнему было страшно, но теперь она снова могла мыслить здраво и контролировать свои действия. Хотя из-за этого полусмеха во рту появился противный металлический привкус.

Это адреналин, лапуля, или что там выделяют железы, когда ты выпускаешь когти и лезешь на стену. И теперь, если кто-нибудь спросит, что такое панический страх, ты смо-

жешь ответить со знанием дела — это слепое бесчувствие, после которого во рту остается противный привкус, как будто ты обсосала пригоршню медяков.

Ее предплечья гудели, но пальцы наконец обрели чувствительность. Морщась от боли, Джесси попыталась сжать и разжать кулаки, и у нее получилось. Она услышала слабое позвякивание наручников о столбики в изголовье кровати, и ей вдруг подумалось, что они с Джералдом определенно сумасшедшие. Да, они точно трехнутые. Хотя она не сомневалась, что тысячи людей по всему миру забавляются подобным образом постоянно. Она где-то читала о людях, настолько пресыщенных и сексуально раскрепощенных, что они находили себе совсем уже изуверские развлечения: вешались в туалете и бились в экстазе до тех пор, пока кровоснабжение мозга почти полностью не прекращалось. Подобные игрища лишь укрепляли уверенность Джесси в том, что пенис для мужа — не дар Божий, а скорее проклятие.

Но если это была лишь *игра* (только игра и ничего больше), то зачем Джералд решил купить настоящие наручники? Интересный вопрос, да?

Может быть, и интересный, но я не думаю, что сейчас это важно, Джесси, — раздался у нее в голове голос Рут Ниери. Удивительно все-таки устроен человек — сколько мыслей приходит ему в голову одновременно. Вот, например: помимо всего прочего, Джесси сейчас размышляла о том, что, интересно, сейчас стало с Рут, которую она не видела уже десять лет. Последней весточкой от нее была открытка трехлетней давности: на открытке был изображен молодой человек в вычурном костюме из красного бархата с гофрированным воротничком. Он стоял, игриво высунув язык, а внизу была надпись: «ОДНАЖДЫ МОЙ ПРИНЦ ПОЙМЕТ, ДЛЯ ЧЕГО МУЖИКУ ЯЗЫК». Юмор новой эпохи, подумала тогда Джесси. У викторианцев был Энтони Троллоп*, у потерянного поколения — Г.Л. Менкен**, нас же хватило только на

* Энтони Троллоп (1815–1882), английский писатель, автор нраво-описательных романов.

** Генри Луис Менкен (1880–1956), американский журналист и писатель, автор сатирических эссе.

скабрезные почтовые открытки да на остроты на бамперных наклейках типа: «КСТАТИ, ЭТО МОЯ ДОРОГА».

На обратной стороне открытки была лишь размытая марка штата Аризона и краткое сообщение, что Рут вступила в общину лесбиянок. Эта новость вовсе не удивила Джесси. Она даже порадовалась про себя, что ее старая приятельница — такая раздражительная и вместе с тем такая необычайно милая — наконец-то смогла найти в великой мозаике жизни ячейку, подходящую и для ее стеклышка — замысловатой стеклышки нетривиальной формы и расцветки.

Джесси закинула открытку Рут в левый ящик стола, где она хранила странные письма, на которые скорее всего никогда не ответит. С тех пор она вообще не вспоминала о Рут Ниери — выдающейся личности, которая мечтала иметь мотоцикл «Харлей-Дэвидсон», но не могла справиться даже с коробкой передач на стареньком Джессином «форде пинто»; которая часто терялась в студенческом городке собственного университета, в котором проучилась три года; которая плакала каждый раз, когда начинала что-то готовить и забывала стряпню на плите, сжигая ее дотла. Случалось это настолько часто, что она не спалила их комнату — а то и все общежитие — лишь по счастливой случайности. Как странно, что этот самонадеянный напористый голос в ее голове ассоциируется у Джесси именно с Рут.

Собака снова залаяла где-то на озере. Лай не приблизился, но и не отдалился. Хозяин этой собаки — явно не охотник. Кому придет в голову взять с собой на охоту такого пустобреха?! А если хозяин просто вывел пса на прогулку, то почему лай раздается из одного и того же места вот уже минут пять?!

Потому что ты была права, — подсказал внутренний голос. — Нет там никакого хозяина. Это был совершенно непонятный голос. Он не принадлежал ни примерной женоушке Берлингейм, ни Рут Ниери, ни самой Джесси (насколько Джесси вообще представляла себя). Это был очень молодой и очень испуганный голос. И, как и голос Рут, он казался ей очень знакомым. *Это просто бездомный пес. Он не поможет тебе, Джесси. Он не поможет нам.*

Но, может быть, это было слишком уж мрачное предположение. В конце концов она же не *знает* наверняка, что это бездомный пес, верно? Конечно. И пока она не *знает наверняка*, она будет думать, что это не так. Потому что ей так спокойнее.

— А если тебе что-то не нравится, можешь подать на меня в суд, — прохрипела Джесси.

Между тем оставалась еще одна «маленькая» проблема. Джералд. В боли и панике она напрочь о нем забыла.

— Джералд? — Ее голос по-прежнему звучал сипло. Джесси откашлялась и попробовала еще раз: — Джералд!

Ничего. Никакого ответа. Глухо.

Это еще ничего не значит. Это не значит, что Джералд умер. Так что держи себя в руках, женщина, и не впадай в панику. Одного раза вполне достаточно.

Она *держала* себя в руках и — большое спасибо — вовсе не собиралась снова паниковать. Но вместе с тем она чувствовала глубокое беспокойство. И даже не беспокойство, а скорее тоску — как это бывает, когда ты скучаешь по дому. То, что Джералд не отвечает, вовсе не означает, что он умер. Но это значит, что он — в лучшем случае — без сознания.

Но скорее всего он умер, — добавила Рут Ниари. — *Я не хочу тебя обижать и писать тебе в норку, Джесс* — Джесси, конечно же, вспомнилась их старая студенческая приколка: обидели кротика, написали в норку, — *но ты же не слышишь его дыхания, верно? Ведь обычно мы слышим, как дышат люди без сознания, как они шумно втягивают воздух, а потом выдыхают, храпя и сопя, ты согласна?*

— Блин, да откуда мне знать, как они там дышат?! — психанула Джесси, но это было глупо. Потому что она знала, как дышат люди без сознания. В старших классах она подрабатывала в больнице и знала, как отличить живого от мертвого. Мертвые не дышали вообще, мертвые не издавали ни звука. И Рут знала о том, сколько времени Джесси провела в Портлендской городской больнице — про себя она называла эти дежурства «годами суден подкладных». Впрочем, даже если бы Рут не знала, этот голос, звучавший у нее в голове, знал обо всем. Потому что это был *ее* голос. Ее, а не Рут. Джесси приходилось постоянно напоминать себе об

этом, потому что голос все время пытался вырваться из-под контроля и стать отдельной, независимой личностью.

Как и те голоса, что ты слышала раньше, — пробормотал молодой голосок. — Голоса, которые ты стала слышать после темного дня.

Но она не хотела об этом думать. *Вообще не хотела об этом думать.* Ей что, мало других проблем?!

Но Рут все же была права. Люди, которые потеряли сознание — и особенно те, которые отключились, хорошенько приложившись башкой, — обычно *храпят*, да еще как храпят. А это значит...

— Что скорее всего он умер, — произнесла она вслух. — Замечательно получается.

Джесси осторожно наклонилась влево, памятуя о недавней судороге в плече. Еще не достигнув предела, отпущенного длиной цепи наручника на ее правом запястье, она увидела розовую пухлую руку Джералда и часть кисти — правой, судя по тому, что на безымянном пальце не было обручального кольца, — с аккуратными, чуть ли не маникюренными ногтями. Джералд всегда очень следил за своими руками и ногтями, но до теперешнего момента Джесси даже не представляла, *насколько* шепетильно он относился к красоте своих рук. Прямо как женщина. Забавно как получается. Тебе кажется, что ты знаешь о человеке все, и вдруг выясняется, что ты очень многого не замечала.

Да, наверное. Но знаешь что, сладость моя? Можешь уже опускать занавес, потому что я не хочу больше на это смотреть. Да, смотреть не хотелось. Но сейчас она просто не могла позволить себе эту роскошь — не смотреть.

Продолжая двигаться с предельной осторожностью, чтобы не потревожить шею и плечи, Джесси наклонилась еще дальше влево — насколько позволяла длина цепи наручника. А позволяла она немного. Еще два-три дюйма — и все. Впрочем, этого вполне хватило, чтобы увидеть часть правого плеча и головы Джералда. Она не была уверена, но ей казалось, что на кончиках его редющих волос виднеются крохотные капельки крови. Джесси очень надеялась, что это всего лишь игра ее воображения.

— Джералд, — прошептала она, — ты меня слышишь? Пожалуйста, не молчи.

Не отвечает. Не двигается. Ее вновь охватила тоска пополам с липким страхом. Противное ощущение, которое переполняло ее и саднило в душе, словно кровоточащая рана.

— Джералд, — прошептала она опять.

Почему она шепчет? Он мертв. Человек, который однажды ее удивил, пригласив на выходные в Арубу — в Арубу, не куда-нибудь, — и как-то на вечеринке под Новый год надел ее туфли из крокодиловой кожи себе на уши... Этот человек мертв. *Так какого же черта ты шепчешь?!*

— *Джералд!* — На этот раз она крикнула в полный голос. — *Джералд, очнись!*

Ее собственный крик чуть было не вызвал истерику снова. И страшнее всего было даже не то, что Джералд не подавал никаких признаков жизни, а то, что панический страх никуда не ушел. Вот он, *здесь*, у нее внутри. Без устали кружит в ее сознании, словно хищник — вокруг догорающего костра человека, который отбилсЯ от своей компании и заблудился в чаще непроходимого леса.

Но ты-то не заблудилась, — сказала примерная женушка Берлингейм, но Джесси не верила ей. Ее железное самобладание казалось наигранным, а непробиваемое здравомыслие — поверхностным и фальшивым. — *Ты же знаешь, где ты.*

Да, она знает где. В конце извилистой разбитой проселочной дороги, которая отходит от шоссе в двух милях южнее озера. Когда они с Джералдом ехали сюда, дорога была устлана нетронутым ковром из желтых и красных осенних листьев, так что вполне можно было предположить, что по этому проселку, ведущему к бухте, никто не ездил как минимум три недели. С начала листопада. Обычно на этот берег озера приезжают только летом, и вовсе не исключено, что еще со Дня Труда сюда вообще никто не ездил. До ближайших домов на автобане 117, где люди живут круглый год, отсюда было миль пять — сначала по проселку, потом по шоссе.

Я здесь совсем одна, мой муж лежит мертвый на полу, я прикована наручниками к кровати. Я могу кричать хоть до посинения, только это ничего не изменит, потому что никто

меня не услышит. Ближе всех ко мне парень с пилой, но до него мили четыре, не меньше. Может быть, он вообще на другом берегу. Собака меня услышит наверняка, но она скорее всего бездомная. Джералд мертв, какая досада... я не хотела его убивать, если это я виновата... но он умер хотя бы быстро и безболезненно. А вот мне предстоит умирать долго и мучительно, если никто в Портленде не начнет о нас беспокоиться, а я не вижу причин, почему бы там начали беспокоиться...

Джесси понимала, что ей не надо об этом думать; эти мрачные мысли только усугубляли страх. Если она не возьмет себя в руки, то ее вновь захлестнет волна паники. Нет, ей не надо об этом думать. Но вот что хреново: если ты *начинаешь* об этом думать, остановиться уже невозможно.

А может, ты этого и заслуживаешь, — вдруг прорезался нервный и возбужденный голос примерной женушки Берлингейм. — *Да, именно этого ты и заслуживаешь. Потому что ты его убила, Джесси. И ты себя не обманешь на этот счет. Я тебе не позволю себя обманывать. Да, он был в плохой форме, и рано или поздно это должно было произойти — сердечный приступ на работе, или на автостоянке, или по дороге домой с работы, когда он пытается прикурить, а большой грузовик резко сигналил ему, чтобы он уступил дорогу. Но ты не могла дожидаться этого «рано или поздно», правда? Нет, только не ты. Только не дочь Тома Махо, хорошая девочка Джесси. Ты не могла просто расслабиться и позволить ему сделать то, что он хочет. Супербаба Джесси Берлингейм решительно заявляет: «Ни один мужик не закует меня в цепи», — и бьет мужа ногой по яйцам. Тебе обязательно нужно было ему заехать? И причем в самый что ни на есть подходящий момент... когда его термостат и без того зашкаливало. Давай лучше начистоту, милая: ты его убила. Так что ты, может быть, и заслуживаешь того, что с тобой приключилось. Может быть...*

— Господи, что за чушь, — сказала она вслух. И ей было приятно услышать, что в беседу вступил голос Рут. Иногда (ну, если честно... то слово *часто* было бы ближе к истине) Джесси ненавидела голос примерной женушки. Ненавидела и боялась. Он нередко бывал капризным, а то и попросту глупым, но вместе с тем он был настолько *весомым*, настолько

уверенным в своей правоте, что с ним было почти невозможно спорить.

Примерная женушка вечно старалась уверить Джесси, что она купила не то платье или договорилась с ненадежным поставщиком продуктов для вечеринки по случаю окончания лета, которую Джералд устраивал каждый год для партнеров из фирмы (то есть устраивала их Джесси, а Джералд только ходил с важным видом, болтал с гостями и выслушивал восторженные отзывы). Примерная женушка вечно нудела, что Джесси не мешало бы похудеть фунтов на пять. Она бы, наверное, не успокоилась, даже если бы у Джесси со всех сторон выпирали ребра. *Забудь про ребра!* — вопила она в праведном гневе. — *Погляди на свои сиськи, старая ты кошелка! А если тебя не стошнит от их вида, то взгляни на свои бедра!*

— Полный бред, — повторила Джесси, пытаясь придать голосу уверенность, но голос все-таки дрогнул, и это было плохо, очень плохо. — Он знал, что я говорила серьезно... он знал. Так кто же тогда виноват?

Но так ли все было на самом деле? С одной стороны, да. Она же *видела*, что он все понял, но решил сделать вид, будто не понимает, и пропустил мимо ушей ее просьбу. Чтобы не портить себе игру. Но с другой стороны, Джесси знала, что это не так. Потому что последние десять лет их совместной жизни Джералд по большому счету вообще не принимал ее всерьез. Он как будто специально развивал в себе это умение — не слушать жену, и прислушивался к ее словам только тогда, когда речь заходила о еде или о том, куда и когда они собирались идти завтра вечером (только смотри не забудь, Джералд). Единственным исключением из «Свода правил об отключенном слухе» были ее колкие замечания насчет его веса и количества потребляемой выпивки. Он прекрасно слышал все, что она говорила по этому поводу, и хотя это ему совершенно не нравилось, воспринимал ее слова как проявление непреложного закона природы: рыбы плавают, птицы летают, а жены брюзжат.

И что она, спрашивается, ждала? Что он ей скажет: да, дорогая, сейчас я тебя освобожу, и, кстати, большое тебе спасибо, что ты мне подсказала, какая я сволочь?!

Да, она всегда подозревала, что в ней все еще живет наивная, простодушная и доверчивая маленькая девочка, которая именно этого и ждала.

Бензопила, возобновившая было свое рычание, вдруг затихла. Собака, гагара и даже ветер тоже умолкли, по крайней мере на время. Тишина получилась какая-то плотная и осязаемая, как десятилетний слой пыли в заброшенном доме. Джесси напряженно прислушалась. Ничего... Ни звука... И даже у нее в голове больше уже не звучали ничьи голоса. Только ее собственный голос: *Боже мой. Боже мой, я здесь одна. Совсем одна.*

3

Джесси зажмурилась. Шесть лет назад, втайне от Джералда, она прошла пятимесячный курс психотерапии. Джесси не стала ничего говорить мужу, потому что знала, что он лишь посмеется над ней, а ей совершенно не хотелось выглядеть глупо в его глазах. Она думала, что у нее сильный стресс, и Нора Кэллиган, психотерапевт, показала ей простейшее упражнение для релаксации.

У большинства людей счет до десяти ассоциируется с Дональдом Даком, который пытается унять свой буйный темперамент, говорила Нора, но это простенькое упражнение действительно помогает успокоиться и привести мысли в порядок... А если человек не нуждается в эмоциональной разрядке хотя бы раз в день, то у него проблемы хуже наших.*

Вспомнив спокойный и уверенный голос Норы, Джесси улыбнулась с легким сожалением.

Она мне нравилась. Очень нравилась.

Думала ли она об этом тогда? Джесси даже слегка удивилась, обнаружив, что просто не помнит. Зато она хорошо помнила, почему бросила ходить к Норе по вторникам, после обеда. Столько всего навалилось одновременно: Городской благотворительный фонд, приют для бездомных на Корт-стрит, сбор средств на новую библиотеку. Дерьмо случается

* Имеется в виду знаменитый герой диснеевских мультфильмов, утенок Дональд, совершенно бесноватый птица, который очень легко выходит из себя.

с каждым, гласит еще одна эпохальная «мудрость» нового времени. Но скорее всего это было и к лучшему — бросить занятия. Если вовремя не остановиться, то терапия затянется настолько, что ты будешь ходить к своему аналитику до глубокой старости, а когда отойдешь в мир иной, то даже на небесах все равно приковыляешь к своему психотерапевту, чтобы всласть поваляться на кушетке и поплакаться на тяжелую жизнь.

Да ладно, брось, считай давай. Начни с пальцев ног, как тебя учили.

Ну да... почему нет?

Раз, для ступней и для пальчиков ног, десять милых свинок — лежат к боку бок.

Да, если учесть, что восемь из этих милашек забавно скрючены, а большие пальцы напоминают набалдашники крикетных молоточков.

Два, для левой и правой ноги, они так прекрасны, стройны и длинные.

Ну, не то чтобы очень стройны и длинные — в ней всего пять футов семь дюймов росту, да и талия, честно сказать, низковата, — но Джералд всегда ее уверял, что ноги у нее по-прежнему очень даже сексапильные, и вообще это одно из главных ее достоинств. Джесси всегда умилялась этим горячечным уверениям, которые вроде бы были искренними. Но она все равно удивлялась: неужели он не замечает, что колени у нее раздуты и похожи на наросты на стволе дерева, на бедрах скопился лишний жирок?

Три, для того, что у женщины есть. Женщина я — это нужно учесть.

Симпатичная штучка, конечно — и даже очень, по общему мнению, — но не сказать, чтобы что-то особенное. Не открывая глаз, Джесси приподняла голову, словно хотела взглянуть на ту самую — самую сокровенную — часть своего тела. Но ей и не надо было открывать глаза. С этой штучкой она прожила всю жизнь. С точки зрения эстетики, эта щель между ног, обрамленная колечками рыжих жестких волос, была не более привлекательной, чем плохо зарубцевавшийся шрам. Но, как ни странно, для мужской половины человечества эта в общем-то непримечательная штуковина — кото-

рая представляла собой лишь отверстие, окруженное мышечной тканью, — являлась чуть ли не манной небесной. Этакая сказочная долина, куда стремятся дикие единороги.

— Мать моя женщина, что за чушь, — сказала она и даже слегка улыбнулась, не открывая глаз.

Хотя... не такая уж и чушь. Эта щель — предмет вожделения любого нормального мужика — в смысле, гетеросексуала, — и вместе с тем они (мужики) питают к ней совершенно необъяснимое презрение, подозрение и ненависть. Все их шутки по этому поводу насквозь пропитаны злобой: *Что такое женщина? Система жизнеобеспечения для влагалища.*

Прекрати, Джесси, — осадил ее примерная женушка. Судя по ее возмущенному тону, эта тема была ей глубоко противна. — *Немедленно прекрати.*

«Чертовски хороший совет», — подумала Джесси и решила вернуться к своим упражнениям по релаксации. Четыре — это бедра (слишком широкие), пять — живот (слишком толстый). Шесть — грудь, которая, по мнению *самой* Джесси, была ее главным достоинством. Но она всегда подозревала, что Джералду не особенно нравится ее грудь, в частности из-за размытых контуров голубоватых вен под ее бледной кожей. Ведь у игривых девиц из его любимых журналов как бы и не было никаких кровеносных сосудов, а вокруг их сосков не росли темные длинные волосы.

Семь — ее слишком широкие плечи. Восемь — шея (которая когда-то была очень даже привлекательной, но с годами все больше и больше походила на цыплячью). Девять — подобие подбородка, и десять...

Погоди! Черт, остановись хоть на минуту! — бесцеремонно вмешался голос, который «сказал, как отрезал». — *Что это за кретинская игра такая?*

Джесси зажмурилась еще сильнее, напуганная его бешеной яростью и еще тем, что он звучал совершенно отдельно и как бы *самостоятельно*. Казалось, это был не ее собственный голос, а голос какого-то постороннего злобного существа, которое пытается бесцеремонно захватить ее сознание, как демон Пацузу, вселившийся в девочку в «Экзорцисте»*.

* Знаменитый фильм ужасов, в русском прокате шел под названием «Изгоняющий дьявола».

Что, не хочешь отвечать? — спросила Рут Ниери, она же Пацузу. — Хорошо, может быть, этот вопрос слишком сложный. Ладно, Джесс, я его упрощу. Специально для тебя: кто превратил глупенькую расслабляющую считалочку Норы Кэллиган в гимн самобичевания и ненависти к себе?

Никто, — смиренно подумала она, но поняла, что взбешенному голосу Рут Пацузу такой ответ не понравится, и поспешно добавила: — Примерная женушка, это все она.

Нет, не она, — презрительно парировала Рут, так что сразу же стало ясно: жалкая попытка Джесси переложить вину на чужие плечи была ей противна донельзя. — Женушка глуповата и сейчас сильно напугана, но она в общем-то неплохая и всегда желала тебе добра. А у того, кто переделал считалочку Норы, были действительно злые намерения. Очень злые. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты не видишь...

— Я вообще ничего не вижу с закрытыми глазами, — сказала Джесси, и ее голос дрогнул. Она хотела открыть глаза, но что-то ей подсказало, что этого делать не стоит. Так будет только хуже.

Так кто это, Джесси? Кто вдолбил тебе в голову, что ты никчемная уродина? Кто решил, что вы с Джералдом — прекрасная пара и что он твой Прекрасный принц, причем задолго до вашей встречи на той вечеринке? Кто придумал, что он — это именно то, что тебе нужно, именно то, чего ты заслуживаешь?

Огромным усилием воли Джесси заставила этот голос — все голоса, как она очень надеялась, — умолкнуть и вновь начала декламировать считалочку, но уже не про себя, а вслух.

— Раз, для ступней и для пальчиков ног, десять милых свинок лежат к боку бок. Два, для левой и правой ноги, они так прекрасны, стройны и длинны. Три, для того, что у женщины есть. Женщина я — это нужно учесть. Четыре — крутые и крепкие бедра, пять — плоский животик, завидно до черта. — Она не могла вспомнить дальше (и, вероятно, к лучшему, потому что у нее были сильные подозрения, что Нора сочиняла эти стишки сама по типу дурацких плохо рифмованных сентенций из тоскливых журналов из серии «Помоги себе сам», которые валялись на столике у нее в прием-

ной) и продолжила уже без рифмы: — Шесть — моя грудь, семь — плечи, восемь — шейка...

Джесси остановилась, чтобы перевести дух, и с облегчением отметила, что сердце колотится уже не так сильно. С бешеного галопа оно перешло на быстрый бег.

— ...девять — подбородок, а десять — глаза. Глазки, откройтесь!

Она распахнула глаза, и залитая солнцем спальня развернулась вокруг нее ярким вихрем, какая-то новая и — на мгновение — почти такая же уютная, как в то первое лето, которое они с Джералдом провели в этом доме вместе. Словно время повернуло вспять и то волшебное лето семьдесят девятого вернулось назад. Тогда все это казалось сказкой, но давно уже превратилось в замшелую древность.

Джесси оглядела серые, обитые вагонкой стены, высокий белый потолок, играющий бликами света от отраженной воды, и большие окна по обе стороны кровати. Левое выходило на запад, открывая вид на пологий берег и ослепительно яркую голубизну озера. Вид из правого окна был куда менее романтичен — кусок подъездной дорожки и ее пожарной, купленный восемь лет назад серенький «мерседес», на котором уже кое-где появились пятнышки ржавчины.

На противоположной стене, прямо над туалетным столиком, висел батик с изображением бабочки. Джесси совершенно не удивилась, вспомнив, что эту картинку ей подарила Рут. На день рождения, когда ей исполнилось тридцать. Отсюда, с кровати, она не видела маленькую подпись, вышитую красными нитками: *Ниери, 83*, — но она знала, что подпись там есть. Восемьдесят третий. Еще один фантастический год.

Недалеко от батика с бабочкой на хромированном крючке, вбитом в стену, висела глиняная пивная кружка Джералда (уродливая донельза и совершенно не вписывающая в убранство комнаты, хотя Джесси так и не собралась с духом сказать об этом мужу) с эмблемой его бывшего студенческого братства «Альфа Гамма Ро». «Альфа» не пользовалось популярностью в университете, и члены других братств называли его за глаза «Альфа Геморрой». Но Джералд всегда относился к нему с каким-то чуть ли не священным трепетом и

извращенной гордостью. И к этой кружке он относился так же — держал ее на виду, на стенке и каждый год пил из нее первое летнее пиво. Этот торжественный ритуал наряду с другими странностями Джералда — еще задолго до сегодняшней веселухи — иногда заставлял Джесси задуматься, а была ли она в здравом уме, когда выходила замуж за этого человека.

Кто-то должен был положить этому конец, — мрачно подумала она. — Но никто ничего не сделал, и вот как все обернулось.

На стуле у входа в ванную валялись стильные юбка-брюки и легкая блузка без рукавов, которые Джесси надела в этот не по-осеннему теплый день. Ее лифчик висел на дверной ручке. Яркий свет падал на кровать, превращая мягкие волоськи у нее на ногах в тонкие золотые проволочки — не квадрат желтого света, который лежал почти точно посередине постели ровно в час дня, и не четкий прямоугольник, как в два часа пополудни, а широкая полоса, которая скоро сузится до тоненькой тесемочки. Электронные часы, стоявшие на комод, сбились из-за перепадов напряжения (мигая, словно неоновая вывеска над баром, они упрямо показывали двенадцать часов), но судя по тому, как падал солнечный свет, было уже около четырех. Чуть позже, но уже скоро тесемочка света поползет по кровати, а в углах и под столиком утены сгустятся тени. В конце концов свет тонкой нитью соскользнет с кровати и, постепенно угасая, начнет восхождение вверх по стене. Тени крадутся покинут свои убежища и заполняют всю комнату, поглощая свет. Солнце клонилось к западу, через час — самое большее полтора — начнет смеркаться, а еще минут через сорок станет совсем темно.

Эта мысль не вызвала паники — пока что не вызвала, — но все-таки привела Джесси в уныние, а ее сердце похолодело от страха. Джесси попыталась представить, как все это выглядит со стороны. Вот она лежит прикованная наручниками к кровати, на полу под кроватью валяется мертвый Джералд — и они так и останутся тут лежать, когда на улице станет темно, и парень с бензопилой уйдет домой, где жена и детишки, тепло и уют, и пес убежит, и только треклятая

гагара останется на озере и будет тоскливо кричать на озере. И ответом ей будет лишь эхо. Эхо — и больше ничего.

Мистер и миссис Берлингейм проводят вместе последнюю ночь.

Взглянув на пивную кружку и бабочку из батика — такое вопиющее несоответствие можно стерпеть лишь в доме, где живешь два-три месяца в году, — Джесси подумала, что легко размышлять о прошлом и почти так же просто (хотя и менее приятно) строить планы на будущее. А вот жить в настоящем было тяжело. Но она все же должна постараться, решила Джесси. Иначе все могло обернуться гораздо хуже. Не стоит рассчитывать, что какой-нибудь *deus ex machina** явится словно по волшебству и вытащит ее из этой передраги. Лучше сразу настроить себя на то, что никто не придет и ей придется выпутываться самой. И если это удастся, то ее ждет награда: не придется лежать практически голой и краснеть, пока помощник шерифа будет отпирать наручники, выпрашивать, что, черт побери, здесь произошло, и при этом пялиться во все глаза на ладное белое тело новоиспеченной вдовы.

Ее беспокоили еще две вещи. Джесси многое бы отдала, лишь бы забыть о них хоть ненадолго. Ей хотелось пить и нужно было в туалет. Пока что желание пить было не таким уж и сильным и не являлось большой проблемой. Но было вполне очевидно, что уже очень скоро жажда станет практически невыносимой, и она даже думать боялась о том, что с ней будет, если в самое ближайшее время не удастся освободиться и добраться до крана.

Вот будет забавно, если я умру от жажды в сотне ярдов от девятого по величине озера штата Мэн, — подумала Джесси, но потом покачала головой. Кашвакамак — не девятое по величине озеро штата, о чем она только думает? Девятое — Дак-Скор, на котором она отдыхала много лет назад вместе с братом, сестрой и родителями. Задолго до голосов в голове. Задолго до...

* Выражение буквально переводится с латинского как «Бог из машины» и означает счастливую развязку трудной ситуации вследствие вмешательства непредвиденных обстоятельств.

Джесси резко оборвала воспоминания. Тяжело. Неприятно. Она уже очень давно не вспоминала об озере Дак-Скор и совершенно не хотела думать о нем теперь. Лучше уж думать о том, что ей хочется пить.

А что тут думать, лапуля? Это всего лишь психосоматика. Тебе хочется пить исключительно потому, что ты знаешь, что не можешь встать и попить. Все просто.

Просто, да не совсем. Джесси поссорилась с мужем, и два ее резких удара вызвали у него в организме цепную реакцию, которая привела к смерти. И теперь сама Джесси переживала последствия выброса гормонов в кровь. Шок, одним словом, а жажда — один из самых распространенных его симптомов. Скорее всего ей еще повезло. Все могло обернуться гораздо хуже...

Но если подумать, то выход у тебя есть.

Джералд, по сути своей, был рабом привычек. Среди его бесчисленных привычек была и такая: всегда оставлять стакан воды на своей стороне полки в изголовье кровати. Джесси подняла голову — и да, вот он стоит, высокий бокал воды с горстью подтаявших кубиков льда. Стакан, без сомнения, стоял на подносе, чтобы на поверхности полки не осталось мокрого следа. В этом был весь Джералд — он всегда помнил о таких мелочах. Капельки воды блестели на запотевшем стекле, словно пот.

Взглянув на стакан, Джесси почувствовала первый приступ уже настоящей жажды. Она нервно облизала губы и подинулась вправо, насколько это позволила цепь наручников. Всего лишь шесть дюймов, но тем не менее Джесси оказалась на половине кровати мужа. На покрывале виднелось несколько темных пятен. Пару секунд Джесси разглядывала эти мокрые пятна, недоумевая, откуда они могли взяться, но потом вспомнила, как Джералд обмочился в предсмертной агонии. Она быстро перевела взгляд на стакан с водой, стоявший на картонном кружочке с рекламой какого-то элитного пива, скорее всего Beck's или Heineken.

Она медленно протянула руку к стакану, очень надеясь, что у нее получится. Но нет. До воды оставалось еще три дюйма. Новый приступ жажды не заставил себя ждать. Гор-

ло болезненно сжалось, а язык засадило. Хорошо еще, что он быстро прошел, этот приступ.

Если никто не придет или я не придумаю, как мне освободиться до завтрашнего утра, то я просто свихнусь от вида этого стакана.

Ее ужаснула безупречная логика этой мысли. Нет уж, завтра утром ее здесь *не будет*. Смешно даже думать об этом. Безумно. Нелепо. Да и не стоит оно того, чтобы о нем вообще думать. И...

Перестань, — оборвал ее категоричный голос, который сказал, как отрезал. — *Прекрати*. И Джесси прекратила.

До нее вдруг дошло, что все это совсем не смешно. Джесси даже мысли не допускала, что может тут умереть — вот *это* действительно было нелепо, — но если она не соберется с мыслями и ничего не придумает, то ей точно придется провести здесь долгие томительные часы. Одной, в темноте, в компании мертвого мужа.

Долгие, томительные... и, вероятно, болезненные, — захныкала примерная женушка. — *Но боль будет тебе как расплата, правильно? В конце концов ты сама виновата. Надеюсь, я не очень тебя утомляю, но если бы ты дала ему кончить...*

— Ты *очень* меня утомляешь, женушка, — сказала Джесси. Она не помнила, чтобы раньше разговаривала так вот, вслух, со своими внутренними голосами. Она подумала, что сходит с ума. Но сейчас ей было на это плевать. Да и вообще — на все.

Джесси снова закрыла глаза.

4

На этот раз перед мысленным взором Джесси предстала вся комната целиком. Конечно, она по-прежнему оставалась центральной фигурой этой картины. Боже ты мой, Джесси Махо Берлингейм, приятная дама под сорок, еще вполне элегантная, ростом пять футов семь дюймов, весом сто двадцать пять фунтов, с серыми глазами и рыжевато-каштановыми волосами (первая седина у нее появилась лет пять назад, и она тут же ее закрасила и была уверена, что Джералд даже и

не догадывался об этом). Джесси Махо Берлингейм, которая влипла в историю, совершенно не понимая, как такое могло получиться. Джесси Махо Берлингейм, по-прежнему бездетная — только теперь уже не жена, а, очевидно, вдова Джералда, прикованная к этой проклятой кровати двумя парами полицейских наручников.

Она заставила себя сосредоточиться на этих чертовых наручниках. Она думала о них так упорно, что на лбу пролегла морщинка.

Четыре браслета, соединенные стальными шестидюймовыми цепочками, звенья которых покрыты резиной, с оттиском М-17 около замка — наверное, серийный номер. Джесси вспомнила, что, когда эти забавы только начинались, Джералд говорил, что на каждом браслете есть зазубренная дужка для регулировки размера. На этой модели можно было уменьшить длину цепей так, чтобы руки пленника оказались стянутыми за спиной запястье к запястью. Впрочем, Джералд всегда оставлял максимальную длину.

А почему бы и нет, черт побери? — подумала Джесси. — *В конце концов это всего лишь игра... верно, Джералд?*

Она снова задумалась, как ее муж относился к подобным забавам. Может быть, для него это было не просто игрой?

Что такое женщина? — прошептал тихий голос, голос из НЛО, в глубинах ее сознания. — *Система жизнеобеспечения ля влагалища.*

Уходи, — подумала Джесси. — *Пошел прочь, ты мне только мешаешь.*

Зачем женщине рот и писька? — не унимался голос НЛО. — *Чтобы она могла писать и одновременно стонать и охать. Еще вопросы, девочка?*

Нет. После таких обескураживающе бредовых ответов Джесси решила больше не спрашивать. Она покрутила руками в наручниках и поморщилась. Стальные браслеты больно царапали нежную кожу запястий, хотя боль была не такой уж и сильной, а руки двигались достаточно свободно. Джесси не знала, считал ли Джералд женщин системой жизнеобеспечения для влагалища, но ему хотя бы хватило ума не затягивать наручники до упора, чтобы ей не было больно. Да

она бы и не дала ему затянуть их до упора (по крайней мере она так себе говорила, и не один из внутренних голосов не стал вредничать и возражать). Но тем не менее браслеты наручников держали достаточно крепко и просто вытащить руки Джесси не могла.

Или нет?

Она попробовала дернуть. Браслеты скользнули вверх и больно впились в кожу там, где запястье переходит в ладонь. Джесси рванула сильнее, боль стала почти нестерпимой. Вдруг она вспомнила, как отец однажды прищемил передней дверцей фургона руку Мэдди, когда она почему-то решила вылезти из машины через водительскую дверцу. Как же она кричала! Сестре раздробило какую-то кость — Джесси не могла вспомнить ее точное название, но зато помнила, как Мэдди ходила, гордо показывая всем гипс, и хвастала, что у нее порвана ректальная связка. Это очень веселило Джесси и Вилла, ведь всем известно, что «ректальный» — это научное определение пятой точки. Они смеялись, совершенно не желая обижать Мэдди, но та все равно обижалась и грозилась пожаловаться маме.

Ректальная связка, — подумала Джесси и потянула сильнее, несмотря на боль. — Ректальная связка и радио-локтевого-то-там. Не важно. Если ты сможешь выбраться — а по моему, лапуля, тебе стоит попробовать, — то пусть уже доктора потом думают, как собрать Шалтая-Болтая.

Джесси тянула все сильнее и сильнее, надеясь, что руки выскользнут из наручников. Если бы они сдвинулись хоть чуть-чуть, на четверть дюйма — или лучше наполовину, — то проскользнули бы выступающие суставы больших пальцев и дальше пошло бы гораздо легче. По крайней мере она очень на это рассчитывала. Да, дальше тоже есть суставы, но о них мы подумаем позже, когда до них дойдет дело, если вообще дойдет.

Она потянула еще сильнее, морщась от боли и напряжения. На руках вздулись бугры затвердевших мышц. На бровях, на щеках и над верхней губой проступили капельки пота. Джесси безотчетно высунула язык и слизнула бисеринки пота над губой.

Боль была просто кошмарная, но Джесси не обращала внимания на боль. Она остановилась, когда поняла, что мышцы уже выдали предельный максимум того, на что способны, а наручники не сдвинулись ни на дюйм. Все надежды на быстрый благополучный исход пошли прахом.

А ты уверена, что тянула в полную силу? Или ты просто боишься, что будет больно?

— Да, — ответила Джесси, не открывая глаз. — В самую полную силу. Честное слово.

Но другой голос не исчезал. Причем Джесси воспринимала его не на слух, а скорее как зрительный образ — как вопросительный знак на картинках комиксов.

На запястьях — в тех местах, где в кожу врезались наручники, — остались глубокие белые следы. Джесси уже перестала тянуть, но руки все равно саднило. Она подняла руки вверх и схватилась за перекладину в изголовье кровати.

— Опаньки, — проговорила она с дрожью в голосе. — А вот это уже совсем хреново.

Она же тянула в полную силу... или все-таки не до конца?

Не важно, — подумала Джесси, глядя на блики, пляшущие на потолке. — Это не важно, и я объясню почему: даже если я смогу потянуть сильнее, ты помнишь, что было с запястьем Мэдди, когда его прищемили дверцей машины? Так вот, у меня будет то же самое, только с двумя руками: кости сломаются, ректальные связки порвутся, как резиновый жгут, а радио-локте-чего-то-там вообще разлетятся на кусочки, как глиняные птички в тире. Я и так здесь лежу прикованная к кровати и мучаюсь от жажды. Не хватало мне только еще и с искалеченными руками. Они еще и распухнут вдобавок ко всем прочим радостям. Вот что я думаю: хотя Джералд и не успеет мне вставить, но он все-таки пошмел меня напоследок. Как следует пошмел, просто раком поставил.

Ладно, какие будут предложения?

Никаких, — всхлипнула примерная женушка, которая, судя по голосу, была на грани нервного срыва.

Джесси ждала, что голос Рут тоже выскажет свое мнение, но он, как ни странно, молчал. Похоже, Рут тоже ушла на обеденный перерыв и плескалась сейчас где-то там... с ос-

тальными гагарами. Иными словами, Рут бросила Джесси на произвол судьбы. Мол, разбирайся сама.

Хорошо, ладно, каждый сам за себя, — подумала Джесси. — Что мы теперь будем делать с наручниками, когда убедимся, что просто вытащить руки у нас не получится? Что тут вообще можно сделать?

Две пары наручников, по два браслета в каждой, — неуверенно начал молоденький голос, которому Джесси пока не придумала имя. — Ты пыталась вытащить руки из пары браслетов, и у тебя ничего не вышло... А как насчет двух других? Которые пристегнуты к столбикам в изголовье? О них ты подумала?

Джесси запрокинула голову, откинулась на подушку и выгнула шею, чтобы посмотреть на спинку кровати. В таком положении она видела все вверх ногами, но это нисколько ее не смущало. Кровать была меньше, чем «королевский размерчик», но все же чуть больше обычной двуспальной. У нее вроде бы тоже было какое-то смешное название — типа «размер придворного шута» или «старшей фрейлины», — но Джесси давно заметила, что с годами все сложнее и сложнее быть в курсе всякой такой ерунды. Она не знала, что это: развитие хорошего вкуса или признаки приближающейся старости. Но как бы там ни было, эта кровать идеально подходила для секса, но была чуть-чуть тесноватой для того, чтобы нормально спать вдвоем.

Впрочем, ей с Джералдом это не причиняло никаких неудобств: на протяжении последних пяти лет они спали в разных комнатах — и здесь, в летнем домике, и дома, в Портленде. Она сама так решила, потому что устала от постоянного храпа мужа, который с годами становился все громче. В тех редких случаях, когда они приезжали сюда на выходные с друзьями, им приходилось спать вместе, и это было ужасно неудобно. А вообще-то эта кровать была у них только для секса. Но если честно, то не храп был главной причиной того, что они с Джералдом спали раздельно. Это была просто дипломатичная отговорка, а настоящей причиной был запах. Запах пота Джералда. Сначала он просто не нравился Джесси, а потом стал вообще противен. Даже если Джералд

перед сном принимал душ, уже через пару часов вокруг него распространялся кислый запах шотландского виски.

До этого года все развивалось по одному сценарию: вялый и безразличный секс, за ним — период сладкой дремоты (который нравился Джесси гораздо больше, чем первая часть), после чего Джералд шел в душ и уходил к себе в комнату. Но с марта все изменилось. После забав с шелковыми шарфами и наручниками — с наручниками в особенности — Джералд выматывался до состояния выжатого лимона, чего никогда не случалось после обычного секса в старой доброй позе стыдливого миссионера, и частенько засыпал рядом с ней. Джесси не возражала, потому что в такие дни они весь вечер забавлялись в постели и от Джералда пахло просто потом, а не несло перегаром. Вдобавок он почти не храпел.

Но все эти занятия — все эти утренники с шарфами и наручниками — проходили в их доме в Портленде, — подумала Джесси. — Мы провели здесь почти весь июль и начало августа, но в тех редких случаях, когда мы занимались любовью, это был старый добрый супружеский секс, незамысловатый, как пюре с тушенкой: Тарзан сверху, Джейн снизу. До сегодняшнего дня мы ни разу не забавлялись здесь с наручниками. Интересно, почему?

Быть может, все дело в слишком высоких окнах необычной формы, к которым не подходили обычные занавески. Они так и не собрались поставить тонированные стекла, хотя Джералд каждый год бубнил, что обязательно сделает это к... ээ...

Прямо к сегодняшнему дню, — закончила примерная женушка, и Джесси мысленно поблагодарила ее за тактичность. — И ты права: все дело в окнах. Вряд ли бы Джералд был рад, если бы в самый неподходящий момент к вам заехал Фред Лэглэн или, скажем, Джэйми Брукс пригласить его на партию в гольф, и увидел бы, как Джералд экспериментирует с миссис Берлингейм, прикованной наручниками к кровати. Представляешь, какие пошли бы слухи? Фред и Джэйми в принципе неплохие парни, и тем не менее...

Парочка старых хрычей, на мой взгляд, — мрачно вклинилась Рут.

...они самые обыкновенные люди, а эта история слишком занятная и пикантная, чтобы хранить ее в тайне. И еще одно, Джесси...

Джесси не дала ей закончить. Ей совсем не хотелось слышать приятный и милый, но безнадежно ханжеский голос примерной женушки.

Возможно, Джералд никогда не просил ее поиграть в их игру здесь, в летнем домике, потому что боялся чего-нибудь непредвиденного, словно мнительный игрок, который боится, что в самый ответственный момент у кого-нибудь на руках будет джокер, который побьет его туза. Какой такой джокер? Ну мало ли, — подумала она. — *Давай скажем так: наверное, какая-то часть Джералда и вправду считала женщину системой жизнеобеспечения для влагалища... но была и другая часть, которую я назвала бы «лучшей частью Джералда». И вот она-то как раз и боялась, что что-нибудь выйдет из-под контроля. И, как выяснилось, не зря.*

С этим трудно поспорить. Потому что все так и случилось: кое-что вышло из-под контроля. Причем очень серьезное «кое-что».

В душе на миг шевельнулась щемящая тоска, и Джесси с трудом подавила желание посмотреть туда, где лежал Джералд. Она до сих пор еще не поняла, горюет или нет по покойному мужу, но одно она знала точно: сейчас не время об этом думать. И тем не менее было бы хорошо вспомнить что-нибудь приятное о человеке, с которым она прожила столько лет. И теперь Джесси поняла, что ей нравилось, когда он засыпал рядом с ней после занятий любовью. Ей были противны шарфы, а наручники — вообще отвратительны до глубины души, но она любила смотреть на Джералда, когда он засыпал. Ей нравилось наблюдать, как смягчаются жесткие черты его большого розового лица.

В каком-то смысле он и сейчас спит рядом...

От этой мысли Джесси пробрал озноб. Холодом обдало даже верхнюю часть бедер, по которым сползало тающее пятно солнечного света. Она решила не думать о муже — по крайней мере постараться не думать — и вновь принялась изучать изголовье кровати.

Столбики чуть возвышались над изголовьем, но под таким углом, чтобы Джесси чувствовала себя достаточно комфортно даже с раскинутыми в стороны руками. Между столбиками шли четыре горизонтальные рейки, тоже из красного дерева, с простеньким, но приятным волнистым узором. Однажды Джералд предложил вырезать на центральной рейке их инициалы — он даже знал человека из Ташмур Глен, который бы взялся за эту работу, — но Джесси быстренько охладила его пыл. Она посчитала это показухой и настоящим ребячеством. В конце концов они с мужем не парочка влюбленных подростков, которые вырезают на школьных партах свои имена внутри пронзенных стрелой сердечек.

Почти сразу над верхней рейкой висела полка, расположенная с таким расчетом, чтобы никто не стукнулся головой, если захочет сесть. На ней стоял стакан воды, валялось несколько книжек в бумажном переплете, а на стороне Джесси лежала и кое-какая косметика, которую она забыла забрать после лета. Теперь она наверняка вся высохла. Какая досада, ведь ничто так не бодрит прикованную к кровати женщину, как румяна «Сельская утренняя роза». Так пишут во всех женских журналах.

Джесси медленно и осторожно подняла руки. Она по-прежнему лежала, откинув голову назад, чтобы видеть спинку кровати. Наручники были пристегнуты к столбикам между второй и третьей рейкой. Теперь, с поднятыми и сжатыми в кулаки руками, она стала похожа на атлета, поднимающего невидимую штангу. Браслеты наручников скользнули вверх по столбикам и уперлись в рейку. Ага. Теперь надо придумать, как выломать эту рейку и еще следующую... и тогда можно будет снять наручники через верх. *Вуаля.*

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком уж просто, но ты все же попробуй. Не получится, так хотя бы развлечешься — время проведешь.

Джесси взялась руками за рейку, мешающую снять наручники, глубоко вдохнула, на секунду задержала дыхание, собираясь с силами, и резко дернула. Одного раза было вполне достаточно, чтобы понять: ничего не получится. С тем же успехом она могла бы пытаться выдернуть стальную арматуру из бетонной стены. Рейка даже не шелохнулась.

Я могу дергать хоть до посинения и все равно не сдвину ее ни на дюйм, не говоря уж о том, чтобы выломать, — подумала она и расслабилась. Руки снова бессильно повисли на цепях наручников. Джесси вскрикнула от отчаяния. Этот сдавленный крик напоминал вопль голодной чайки, кружащей над морем.

— И что мне теперь делать? — спросила она у бликов на потолке, и ее наконец прорвало. Она разрыдалась от страха и отчаяния. — Что же мне теперь делать, черт побери?

Словно в ответ на ее вопрос на улице снова залаяла собака. На этот раз очень близко — так близко, что Джесси испуганно вскрикнула от неожиданности. Впечатление было такое, что собака стоит на подъездной дорожке, прямо под восточным окном.

5

Только собака была не на подъездной дорожке, а гораздо ближе. Ее длинная тень на асфальте едва не касалась переднего бампера «мерседеса», а это значит, что собака стояла прямо на заднем крыльце. Джесси смотрела на ее жутковатую бесформенную тень, и ей представлялся какой-то уродец из цирка уродов. Она сразу же возненавидела эту собаку.

Не будь идиоткой, — одернула себя Джесси. — *Солнце садится, и поэтому тени такие длинные. Лучше, девочка, позови на помощь. Может быть, она все-таки не бездомная, эта собака?*

Вполне может быть. Где-то поблизости может бродить и хозяин, хотя лучше не слишком на это надеяться. Скорее всего собаку привлекла корзина для мусора, стоящая на крыльце. Джералд иногда называл это сооружение, плетенное из кедровых веток, «магнитом для енотов», но на этот раз оно «притянуло» собаку — голодную бродячую дворнягу.

Но все-таки стоит попробовать.

Как говорится, попытка не пытка.

— *Эй!* — закричала она. — *Эй! Там есть кто-нибудь? Помогите! Кто-нибудь, помогите?!*

Собака тут же перестала лаять. Ее паучья бесформенная тень дернулась, повернулась, сдвинулась... и опять насто-

роженно замерла. По дороге сюда они с Джералдом ели сэндвичи, огромные масляные бутерброды с колбасой сыром. И когда они подъехали к дому, Джесси первым делом собрала и выбросила в корзину остатки сэндвичей оберточную бумагу. Сочный запах масла и мяса привлек собаку и удержал на крыльце, хотя при звуке голоса Джесси она явно хотела сорваться обратно в лес. Голод пересилил страх.

— *Помогите!* — опять закричала Джесси. Отчасти она понимала, что ей не стоит кричать, что лучше всего лежать тихо, потому что от воплей лишь сядет голос и еще больше захочется пить. Но так уж устроены люди: редко когда кто слушает предостерегающий голос разума. Джесси чувствовала запах своего страха, такой же сильный и притягательный, как запах объедков — для собаки. Она сейчас пребывала в таком состоянии, которое было даже не паникой, а каким-то мгновенным умопомешательством. — **ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ ПОМОГИИИТЕ!**

Она кричала, пока окончательно не охрипла. Мокрые от пота волосы спутанными завитками прилипли ко лбу и щекам, глаза чуть не вылезли из орбит. Джесси даже думать забыла о том, что ее найдут голую и прикованную к кровати, а рядом на полу будет лежать мертвый Джералд. Новый прилив ланики был сродни странному помутнению сознания — свет рассудка померк и перед мысленным взором предстала ужасная картина ее вероятного будущего: голод, сводящая с ума жажда, судороги и смерть. Она не была, к сожалению, ни Хизер Локлер*, ни Викторией Принсипал, и это были не съемки какого-нибудь приключенческого кино для кабельного телевидения. Здесь нет ни камер, ни прожекторов, ни режиссера, который крикнет: «Стоп. Снято!» Все это происходит *на самом деле*, и если никто не придет на помощь, то так и будет происходить — до самого конца. Джесси уже не волновало, что ее найдут в таком неприглядном виде. Она дошла до того состояния, что встретила бы Мори Пович и всю

* Актриса, известная российскому зрителю по сериалу «Мелроу плейс».

сьемочную группу сериала «Вот такие дела»* со слезами благодарности.

Никто не откликнулся на ее дикие вопли: ни зритель дачного городка, решивший обойти округу, ни любопытный из местных, который вышел прогуляться с собакой (и, возможно, проверить, нет ли где по соседству маленькой плантации марихуаны среди шелестящих сосен), и уж тем более Мори Пович. Поблизости не было никого — только длинная жутковатая тень, при взгляде на которую воображение рисовало нелепого собако-паука, балансирующего на четырех тонких трясущихся лапках. Джесси сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки и унять разыгравшееся воображение. В горле пересохло, а в носу неприятно саднило от слез.

И что теперь?

Она понятия не имела. Горькое разочарование затопило ее сознание, вытеснив все остальные чувства и не давая возможности сосредоточиться. Сейчас она вообще ничего не соображала и знала только одно: собака ей не поможет. Она лишь постоит на заднем крыльце и убежит себе восвояси, как только поймет, что в корзинку, где так вкусно пахнет, ей все равно не забраться. Джесси всхлипнула и закрыла глаза. По щекам медленно покатились слезы, сверкающие в заткном солнце, как капельки золота.

Что теперь? — снова спросила она. За окном шумел ветер, шептались сосны, хлопала неприкрытая дверь. — *Что теперь, примерная жenuшка? Что теперь, Рут? Что теперь, всякие НЛО и прочие призрачные голоса? У кого-то из вас — то есть из нас — есть идеи? Я хочу пить, я хочу в туалет, и мой муж лежит мертвый. Вокруг ни души, только бродячая собака, у которой единственная мечта — добраться до остатков сэндвичей с колбасой из забегаловки «У Амато» в Горхэме. Но скоро до нее дойдет, что вкусная штука недостижима, как рай на земле, и она быстренько свалит. Ну... что теперь?*

Нет ответа. Все голоса замолчали. С одной стороны, это плохо — как-никак, все же компания. Но приступ паники миновал, и это было уже хорошо. Пусть даже во рту вновь остался все тот же противный металлический привкус.

* Информационно-развлекательный телесериал на основе реальных событий — скандальных, сенсационных, курьезных и просто необычных.

Посплю немного, — решила Джесси и сама удивилась, когда поняла, что действительно сможет уснуть, если захочет. — Чуть-чуть посплю, а потом, как проснусь, глядишь, и придумаю что-нибудь умное. Но даже если и не придумаю, то хотя бы отдохну на время избавлюсь от страха.

Джесси закрыла глаза. Морщинки в их уголках и на лбу постепенно разгладились. Она почувствовала, что засыпает. Жалость к себе сменилась чувством облегчения и искренней благодарности. Ветер, казалось, шумел уже где-то совсем далеко, а неугомонный стук двери отодвинулся еще дальше: *хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, хлоп.*

Уже погружаясь в сон, она задышала спокойнее и глубже. Но вдруг задержала дыхание и открыла глаза. Поначалу, спронеся, Джесси даже не сообразила, что произошло. Ее переполнили раздражение и обида: она уже *почти* заснула, черт побери, и тут эта проклятая дверь...

Что там с этой дурацкой дверью?

Просто эта идиотская дверь сбилась с обычного ритма и хлопнула один раз вместо двух, только и всего. И теперь, когда Джесси сообразила, в чем дело, она услышала стук когтей по полу в коридоре. Собака вошла через открытую дверь. И теперь она в доме.

Джесси отреагировала мгновенно и недвусмысленно:

— *Пошла прочь!* — завопила она. Ее сорванный хриплый голос звучал, как портовая сирена в тумане. — *Убирайся, таршивка! Ты слышишь? ПОШЛА ПРОЧЬ ИЗ МОЕГО ДОМА! УБИРАЙСЯ К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ!*

Она замолчала, задохнувшись. Ее всю трясло, словно под кожей по венам пустили ток. Волосы на затылке топорщились, как иглы дикобраза. Сон как рукой сняло.

Стук когтей в коридоре внезапно стих. *Наверное, я напугала собаку, и она убежала. Опять через заднюю дверь. По идее, бродячие псы боятся домов и людей.*

Не знаю, милочка, — ответила Рут с несвойственным ей сомнением в голосе. — Я что-то не вижу тени на дорожке.

Ну и что, что не видишь? Она, наверное, убежала дом с другой стороны и рванула в лес. Или вдоль озера. Напуганная до смерти, несется теперь сломя голову. Правильно?

Рут не ответила. Промолчала и женоушка, хотя Джесси была бы не против выслушать их мнение по этому поводу.

— Я спугнула собаку, — произнесла Джесси вслух. — Я уверена, что спугнула.

Но она все равно еще долго лежала, напряженно прислушиваясь к тишине. Ни звука. Только стук крови в висках и ничего больше. *Пока* ничего.

6

Она не спугнула собаку.

Пес *и вправду* боялся домов и людей, но Джесси недооценила его отчаянное положение. Его прежняя кличка — Принц — теперь звучала как злая насмешка. Этой осенью подгоняемый голодом пес обошел почти все дома возле озера, и ему попадалось немало мусорных корзин с плотно закрытой крышкой, точь-в-точь как у четы Берлингейм. Наученный горьким опытом, он быстро выбросил из головы манящий запах салями, сыра и оливкового масла. Запах манил, но до еды, увы, было никак не добраться.

Однако здесь были и другие запахи. Он чуял их каждый раз, когда дверь чуточку приоткрывалась. Эти запахи, разумеется, были гораздо слабее, чем от мусорной корзины, и они доносились из дома, но зато они были такими приятными и аппетитными, что перед ними не устоял бы никто. Бывший Принц уже знал, что скорее всего его прогонят хозяева. Они будут кричать на него и, весьма вероятно, пинать ногами — этими странными, твердыми лапами, — но запахи были сильнее страха. Может быть, Принц не решился бы сунуться в дом, если бы знал, что у людей бывают ружья. Но до открытия сеза охоты на оленей оставалось еще две недели, и самым страшным кошмаром для пса были вопящие хозяева с твердыми ногами, которые так больно били по бокам.

Как только ветер вновь приоткрыл дверь, Принц проскользнул внутрь и пробежал в глубь коридора... но недалеко, чтобы успеть удрать в случае внезапной опасности.

Слух подсказывал Принцу, что в доме была хозяйка, причем очень стервозная. Она знала о его присутствии и кричала на него, но в ее крике пес уловил скорее страх, нежели гнев.

Он дернулся, но не убежал — решил подождать, не заорет ли хозяин. Или, может быть, выбежит в коридор, чтобы его прогнать. Но хозяин не вышел. Принц поднял голову и втянул носом слегка спертый воздух дома.

Первым делом он пошел направо, на кухню, и дразнящие запахи, заманившие его в дом, стали сильнее. Сухие запахи, но приятные: арахисовое масло, крекеры, изюм и овсяные хлопья (хлопьями пахло из нижнего ящика буфета — голодная мышь-полевка прогрызла в коробке дыру).

Принц сделал еще шаг в сторону кухни и оглянулся проверить, не крадется ли следом хозяин — обычно они сразу же начинают кричать, но иногда попадаются очень хитрые, которые подходят к тебе втихаря. В коридоре, который шел влево, не было никого, но пес вдруг учуял один сильный запах, идущий оттуда. В животе у него заурчало.

Пес в нерешительности усталился в глубь коридора, его глаза заблестели безумной смесью страха и желания, морда сморщилась, как мятая тряпка, а длинная верхняя губа нервно задергалась, будто в спазматической ухмылке, обнажая острые белые зубы. Струйка мочи ударила в пол: Принц поместил коридор и тем самым — весь дом. Джесси этого не услышала, хотя напряженно прислушивалась к каждому шороху. Слишком тихим и непродолжительным был этот звук.

Пахло кровью. Запах был сильным и каким-то неправильным. Но голод все-таки победил: надо поесть. Причем прямо сейчас. Иначе он просто протянет ноги. Бывший Принц медленно пошел по коридору в сторону спальни. С каждым шагом меняющий запах становился сильнее. Да, все правильно: пахло кровью. Но какой-то неправильной кровью. Это была кровь хозяина. В конце концов этот одуряющий запах — насыщенный и соблазнительный, запах, на который просто нельзя не идти, — полностью завладел мозгом пса. Он пошел вперед по коридору и, приблизившись к спальне, зарычал.

7

Джесси услышала стук когтей по деревянному полу и поняла, что собака действительно в доме и идет к ней в спальню. Она завизжала. Она понимала, что так нельзя — она знала, что потенциально опасным животным ни в коем слу-

чае нельзя показывать свой страх, — но ничего не могла с собой сделать. Потому что она понимала, *что* привлекает бездомного пса сюда, в спальню.

Не отрывая глаз от двери в коридор, она уперлась ногами, подтянулась и села на кровати, насколько это позволяли наручники. Пес зарычал, и внутри у Джесси все перевернулось. Ее бросило в жар.

На пороге комнаты пес помедлил. Уже стемнело, и Джесси видела только размытую тень в дверном проеме, но и этого было достаточно, чтобы понять, что собака хотя и не слишком большая, но все-таки далеко не карликовый пудель или чихуа-хуа. Умирующий солнечный свет отражался в глазах животного зловещими желтыми полумесяцами.

— *Пошел прочь!* — закричала Джесси. — *Уходи! Убирайся! Тебя... Тебя тут не ждут!* — Это прозвучало донельзя глупо... хотя, учитывая обстоятельства, сейчас все было глупо.

Если так пойдет дальше, то я попрошу его принести мне ключи от наручников, — подумала Джесси.

Размытая тень в дверях зашевелилась. Собака вильнула хвостом. В каком-нибудь женском романе это бы означало, наверное, что пес спутал голос женщины на кровати с голосом любимой, но давно потерянной хозяйки. Вот только Джесси была реалисткой и знала, что собаки виляют хвостом не только когда довольны и счастливы, но — точно так же, как кошки — и когда пребывают в нерешительности и пытаются оценить ситуацию. Пес даже не вздрогнул от ее воплей, но все еще не доверял сумрачной комнате. *Пока еще* не доверял.

Бывшему Принцу только еще предстояло познакомиться с ружьями, но за те шесть недель с конца августа — когда он бродил, предоставленный сам себе, — жизнь преподала ему немало жестоких уроков. Кошмар начался тогда, когда мистер Чарлз Сатлин, адвокат из Брейнтри, штат Массачусетс, решил, что лучше бросить собаку в лесу, чем брать с собой в город и платить за домашних животных. С его точки зрения, семьдесят долларов — это слишком большие деньги за какую-то дворняжку. *Слишком* большие. Только в июне он купил себе новый катер, и эта покупка вылилась в пятизначную сумму. И если сравнить сумму налога и стоимость кате-

ра... тут есть над чем задуматься, черт побери, но дело даже не в этом. Дело в том, что катер был *запланированной* покупкой. Старина Сатлин больше двух лет собирался с духом чтобы сделать такое приобретение. А собаку он прикупил под влиянием порыва на придорожной овощной базе в Харлоу. Так, минутная блажь. Он бы в жизни не сподобился на что-то подобное, если бы не дочка, которая просто влюбилась в этого щенка. «Вот этого, папочка! С белым пятном на носу, — показала она пальчиком. — Смотри, как он гордо стоит в сторонке, словно маленький принц». Так Чарлз Сатлин купил дочке собаку. Он прекрасный отец и знает как сделать дочурку счастливой. Но семьдесят долларов — может, даже и сотня, если бы Принца отнесли к классу Б то есть «крупные собаки», — это серьезные бабки, когда речь идет о дворняжке без родословной. Слишком серьезные — так решил мистер Сатлин, когда пришло время закрывать летний домик на озере на зиму. Везти пса обратно в Брейнтри на заднем сиденье «сааба» — это был бы полный геморрой: все будет в шерсти, пса может стошнить или он может загадить обивку сидений. Чарлз, конечно же, мог купить ящик для транспортировки животных или хотя бы будку, что бы оставить собаку при доме, но самая дешевая стоит тридцатку. Да и к тому же псу будет плохо в будке. Такой собаке, как Принц, лучше свободно разгуливать по округе, чтобы все северные леса были его королевством. Так уговаривал себя Чарлз Сатлин, когда 31 августа припарковался на пустынной обочине шоссе Бэй-Лэйн и выманил собаку с заднего сиденья. Достаточно было внимательнее приглядеться к старине Принцу, чтобы понять, что у него душа счастливого скитальца. Ему будет хорошо на свободе. Сатлин не был тупицей и прекрасно осознавал, что это все полная чушь что он сам себя успокаивает. Но, с другой стороны, ему нравилась сама *идея*. Он вернулся в машину и укатил прочь а Принц еще долго стоял на обочине и смотрел ему вслед Чарлз насвистывал мотив песенки из «Рожденной свободной» периодически вставляя слова, которые помнил: «Рождееееенная свобоооооодной... следует зову сеееееердца». Сатлин прекрасно спал ночью и даже не вспомнил о Принце (которому теперь предстояло стать *бывшим* Принцем и который про

вел эту ночь, свернувшись клубочком под упавшим деревом). Голодный песик дрожал от холода, всю ночь не сомкнул глаз и всякий раз, когда ухал филин или какое-нибудь животное шурило в лесу, жалобно подвывал от страха.

Теперь собака, которую Чарлз Сатлин бросил на обочине под веселый мотивчик из «Рожденной свободной», застыла в дверях спальни летнего домика четы Берлингейм (коттедж Сатлинов находился на дальней стороне озера, и семьи не были даже знакомы, хотя радушно кивали друг другу при встрече на лодочной пристани). Голова низко опущена, глаза широко открыты, шерсть на загривке стоит дыбом. Пес и сам не замечал, что постоянно рычит — он был полностью сосредоточен на сумрачной комнате. Инстинкты подсказывали ему, что уже очень скоро одуряющий запах крови заставит его забыть об осторожности. Но прежде нужно убедиться, что все в порядке и это не ловушка. Пес не хотел, чтобы его поймали хозяева, которые больно пинают собак ногами или которые поднимают с земли всякие твердые и тяжелые штуки и швыряются ими в него.

— Уходи! — попыталась крикнуть Джесси, но голос дрогнул. Она уже поняла, что ей не удастся отпугнуть собаку криком; каким-то образом этот убудочный пес догадался, что Джесси не может встать с кровати и ударить его.

Этого не может быть, так не бывает на самом деле, — подумала Джесси. — Еще три часа назад я ехала в «мерседесе», слушала кассету Rainmakers и напоминала себе, что неплохо бы выяснить репертуар кинотеатров в Маунтэйн-Вэйлли на случай, если мы вдруг решим пойти куда-нибудь вечером. Как мой муж мог умереть, если мы вместе с ним подпевали Бобу Уокенхорсту? «Еще одно лето, — пели мы, — еще один шанс, влюблюсь еще раз». Мы оба знали слова этой песни, потому что она очень славная, как Джералд мог умереть? Как все могло измениться так быстро? Извините, ребята, но это сон. Дурной сон. Все это слишком абсурдно... в жизни так не бывает.

Собака медленно пошла вперед, в комнату. Лапы напряжены, хвост висит, широко распахнутые глаза потемнели, ощеренная пасть полна острых зубов. Пес не знал о таких сложных понятиях, как абсурдность.

Бывший Принц, с которым когда-то возилась восьмилетняя Кэтрин Сатлин (пока ей не подарили на день рождения тряпичную куклу Марни и она временно не потеряла интерес к щенку), был все-таки не беспородной дворняжкой. Напс — ловину лабрадор, наполовину колли, это все-таки кое-что. Когда в конце августа Сатлин бросил пса на шоссе Бэй-Лэйк — Принц весил восемьдесят фунтов, его шерсть лоснилась и искрилась здоровьем (вполне симпатичное сочетание черного и коричневого с характерным для колли белым воротником). Теперь он весил дай бог сорок фунтов — можно было прощупать каждое ребро, — а когда-то здоровое сердце давно начало сдавать и билось теперь лихорадочно и неровно. Одно ухо было сильно поранено. Увешанная репьями шерсть стала тусклой и грязной. Полузаживший шрам, идущий зигзагом по бедру, остался как память о паническом бегстве сквозь заборы из колючей проволоки. На морде, как сломанные усы, застряли иглы дикобраза. Дней десять назад Принц нашел полубревном дохлого дикобраза, но решил, что лучше его не трогать, когда нацеплял на нос иголок. Тогда он был просто голоден — он еще не дошел до отчаяния.

Теперь же пес был *отчаянно* голоден. Последний раз он ел два дня назад, и это были червивые объедки, которые он обнаружил в перевернутом мусорном баке в канаве у шоссе 117. Умный песик, который так быстро научился приносить красный резиновый мячик, когда Кэтрин Сатлин катала его по полу в гостиной, теперь буквально умирал от голода.

Да, но здесь — прямо здесь, на полу, *в поле зрения!* — лежали фунты и фунты свежего сочного мяса и костей, полных сладкого костного мозга. Словно подарок от бога бродячих собак.

Бывший любимец Кэтрин Сатлин медленно приближался к телу Джералда Берлингейма.

8

Этого не случится, — сказала себе Джесси. — Ни за что не случится, так что расслабься.

Она продолжала себя успокаивать до тех пор, пока верхняя часть туловища собаки не скрылась из виду за левым бо-

ком кровати. Пес молотил хвостом как сумасшедший, а потом раздался звук, который Джесси мгновенно узнала — именно с таким звуком собаки пьют воду из лужи в жаркий летний день. Хотя нет, этот звук был *чуть-чуть* не таким. Противнее, что ли. Как будто пес не лакает, а *лизет*. Джесси уставилась на машущий хвост, и внезапно ее фантазия дорисовала то, что было скрыто от глаз краем кровати. Эта бездомная дворняга — вся ободранная, в репьях, с усталым подозрительным взглядом — жадно слизывала кровь с редющих волос мужа.

— **НЕТ!** — Джесси приподняла ягодицы от кровати и перебросила ноги на левую часть кровати. — **ОТОЙДИ ОТ НЕГО! УБИРАЙСЯ!** — Она с силой дернула ногами и одной пяткой задела собаку по хребту.

Пес мгновенно отскочил назад, поднял морду и уставилсь на Джесси широко распахнутыми глазами — так широко, что были видны белки. Его пасть приоткрылась, и паутинки слюны, протянувшиеся между нижними и верхними резцами, блеснули, как золотые нити, в свете угасающего дня. Пес рванулся к ступне Джесси, и та с визгом отдернула ногу, успев почувствовать кожей тепло собачьего дыхания. Она инстинктивно подобрала под себя ноги, не обращая внимания на боль в затекших плечах, на хруст суставов, которые с трудом провернулись в своих костяных люльках.

Пес смотрел на нее, угрожающе рыча. *Давайте разберемся, дамочка, — говорили его глаза. — Вы занимаетесь своим делом, а я — своим. На этом и остановимся, договорились? И лучше вам сказать «да», потому что в противном случае я и до вас доберусь и навалю люлей, что мало не покажется. К тому же он все равно уже мертвый, и вам это известно не хуже моего. Так чего же ему пропадать зазря, когда я умираю от голода?! Вы поступили бы так же. Я сомневаюсь, что вы меня понимаете, но если вы взглянете на все это с моей точки зрения, то вы со мной согласитесь. Вы все поймете, и даже раньше, чем вам сейчас кажется.*

— **УБИРАЙСЯ!** — крикнула Джесси. Она сидела на пятках, руки были разведены в стороны, и теперь она, как никогда, напоминала Фей Рей на жертвенном алтаре в джунглях. Она словно позировала для пикантного эротического

журнала: голова запрокинута, груди выпячены вперед, плечи отведены назад, так что суставы даже побелели, глубокие тени лежат в треугольных ложбинках у основания шеи. Такая зазывная девочка. Для полного сходства не хватало лишь страстного взгляда и манящей улыбки. Сейчас лицо Джесси напоминало лицо человека на грани безумия. — **УБИРАЙСЯ**

Собака по-прежнему смотрела на Джесси и угрожающе рычала. Потом пес, видимо, убедился, что пинать его больше не будут, и опустил голову. На этот раз он уже не лакал и не лизал. Джесси услышала громкое смачное чмоканье. Что-то оно ей напоминало... Ну да: именно так ее брат Вилл целовал бабушку Джоан в щеку, когда они приезжали к ней в гости.

Собака все еще рычала, но теперь звук был как-то странно приглушен, как будто кто-то надел ей на морду наволочку. Сидя вот так, Джесси почти доставала головой до полочки над кроватью; отсюда ей были видны пухлая стопа и правая рука Джералда. Нога дергалась туда-сюда, словно он под танцовывал под какую-то музыку. «Еще одно лето» группы Rainmakers, например.

Теперь собака была видна лучше: все туловище до начала шеи. Если бы пес поднял голову, то Джесси увидела бы и его тоже. Но пес вовсе не собирался отрываться от своего занятия. Его задние лапы были широко расставлены и подрагивали от напряжения. Внезапно раздался противный *хлюпающий* звук — звук рвущейся плоти, словно кто-то с кошмарной простудой пытался прочистить горло. Джесси застонала — Перестань... пожалуйста, прекрати.

Пес даже ухом не повел. Когда-то он терпеливо сидел и ждал, не перепадет ли ему что-нибудь вкусненького с хозяйского стола. Тогда его глаза как будто смеялись, а сам он как будто улыбался, но эти дни, как и его бывшая кличка, остались в далеком прошлом, которого уже не вернуть. Теперь было лишь *здесь и сейчас* — все как есть, без прикрас. Умение выжить не предполагает вежливых извинений. Собака не ела уже два дня, а здесь есть еда — много еды, — и хотя есть и хозяйка, которая не разрешает брать эту еду (давно прошли те времена, когда у него были хозяева, которые смеялись

гладили по голове, называли его «ХОРОШАЯ СОБАКА» и угощали вкусностями, когда он исполнял какой-нибудь нехитрый трюк из своего небольшого репертуара), ноги у этой хозяйки маленькие и мягкие, а не большие и твердые, которые так больно бьют; и судя по голосу, она была бессильна как-то ему помешать.

Рычание бывшего Принца сменилось приглушенным пыхтением, и Джесси увидела, что и все тело Джералда стало подрагивать вслед за ногой. Сначала он просто дергался вздвигаясь вперед, а потом весь затрясся и начал *скользить* — как будто даже мертвый не мог устоять перед зажигательным ритмом какой-то веселой музыки.

Давай, давай, Диско-Джералд! — мелькнула у Джесси безумная мысль. — *Давай, забавляй собачий вальс!*

Если бы на полу был ковер, то пес просто не смог бы сдвинуть Джералда с места, но Джесси договорилась, чтобы после Дня Труда пол натерли воском. Билл Данн, смотритель, нанял рабочих, которые выполнили заказ на совесть. Естественно, им хотелось, чтобы хозяйка дома оценила их труд по достоинству, и не положили ковер на место — он так и стоял скатанным в трубку в стенном шкафу у двери. И когда пес волочил Джералда по глянцевому полу, ее мертвый муж двигался так же легко, как Джон Траволта в «Лихорадке субботней ночи». Псу надо было лишь удерживать равновесие и не скользить самому. И Принц прекрасно с этим справлялся. Его длинные грязные когти оставляли глубокие царапины на натертом полу. Вцепившись зубами в толстое плечо Джералда, пес волок тело к двери.

Ничего этого нет. Я ничего не вижу. Это все не на самом деле. Не так давно мы слушали Rainmakers, и Джералд убавил громкость, чтобы сказать, что в эту субботу он хочет поехать на футбол в Ороно. Я помню, как Джералд почесывал мочку правого уха, когда мне это рассказывал. Поэтому он не может быть мертвым, и пес не может тащить его тело по полу.

Волосы у Джералда растрепались — наверное, потому, что собака слизывала с них кровь, — но очки плотно сидели на месте. Джесси видела его полуприкрытые остекленевшие гла-

за, которые злобно глядели из-под припухших век на меркнущие блики света на потолке. Его лицо напоминало застывшую маску из уродливых красных и фиолетовых пятен. Казалось, даже смерть не сумела смягчить его раздражения по поводу внезапного каприза Джесси, когда она передумала с ним играть. (Неужели он думал, что это каприз? Да, именно так он и думал.)

— Пусти его, — сказала она собаке, но теперь ее голос звучал слабо, сдавленно и бессильно. Пес лишь слегка шевельнул ушами и продолжал тащить Джералда к двери — непонятное нечто с растрепавшимися волосами и пятнистым лицом. Это «нечто» несколько не напоминало Диско-Джералда. Теперь это был просто Мертвый Джералд.

Из пасти пса свисал разлохмаченный лоскут кожи. Джесси пыталась убедить себя, что это похоже на кусок обоев, но на обоях не бывает родинок и шрамов от прививки. Теперь ей уже стал виден розовый толстый живот Джералда с пупком, больше похожим на след от ранения мелкокалиберной пулей. Его член болтался из стороны в сторону в гнездышке из черных лобковых волос. Жирные ягодички с отвратительной легкостью шелестели по полу.

А потом удушающую атмосферу ее страха пронзила вспышка гнева, как первая молния пропарывает насупленное небо в самом начале грозы. Джесси не стала подавлять это новое настроение. Наоборот — она всецело ему отдалась. Конечно, ярость вряд ли поможет ей выпутаться из этой кошмарной ситуации, но зато послужит хорошим противовесом от растущего ощущения нереальности происходящего.

— Ты *ублюдок*, — сказала Джесси низким дрожащим голосом. — Трусливый вонючий *ублюдок*.

Хотя Джесси и не могла дотянуться до мужниной половинки полки, но все-таки выяснила — повернув запястье в браслете наручников так, чтобы пальцы легли на полку, — что может ощупать небольшую часть полочки со своей стороны кровати. Она не могла повернуть голову и посмотреть — полка находилась уже за пределами той области поля зрения, которую называют «краем глаза», — но это было не так уж и важно. Джесси прекрасно знала, что там стоит. Она водила рукой взад-вперед, сшибая тюбики с косметикой. Одни ос-

тавались на полке, другие падали на покрывало, третьи летели на пол, подпрыгнув на простыне или стукнувшись о Джессино левое бедро. Ну и черт с ними, все равно от них толку мало. Потом Джесси нащупала баночку с кремом «Нивея» и на мгновение обрадовалась — ей показалось, что это как раз то, что нужно. Но это был всего лишь пробник, слишком маленький и легкий, чтобы причинить собаке сколько-нибудь ощутимый вред, даже если бы баночка была сделана из стекла, а не из пластика. Джесси забросила ее обратно на полку и продолжила поиски.

В самом дальнем углу она нащупала закругленный край какого-то стеклянного предмета, вероятно, самого большого из того, что ей попадалось на полке. Поначалу она никак не могла его подцепить, но потом ей это удалось. На память о веселых деньках в братстве «Альфа Геморрой» у Джералда осталась не только пивная кружка, но и эта стеклянная пепельница. Джесси не вспомнила о ней сразу, потому что обычно она стояла на мужниной стороне полки, рядом со стаканом воды. Кто-то — может быть, миссис Дал, уборщица, а может, и сам Джералд — передвинул пепельницу, чтобы стереть пыль или освободить место для чего-то другого. Но это уже не имело значения. Главное — пепельница была здесь, в пределах досягаемости.

Джесси схватила за округленный бортик, пальцы удобно легли в выемки для сигарет. Зажав пепельницу крепче, она замахнулась, насколько это позволяли наручники, и швырнула ее в собаку. Ей повезло. В последний момент замаха браслет наручников резко затормозил руку, и бросок получился в лучших традициях питчера высшей лиги. Все произошло мгновенно и очень точно, словно в системе наведения ракет: поиск цели, цель найдена, запуск! У Джесси не было времени, чтобы задуматься, как прикованная к кровати женщина, у которой к тому же по модной тогда в колледже стрельбе из лука на протяжении двух лет был хронический «неуд», может попасть пепельницей в собаку с расстояния в пятнадцать футов.

Но тем не менее она *попала*. Пепельница перекувырнулась в полете, на мгновение сверкнув девизом «Альфы Гаммы Ро». Джесси, конечно же, не смогла бы его прочесть,

но она и так знала, что там написано: «Служить, Раста Смелым быть» — примерно так переводилась эта надпись на латыни. И прежде чем пепельница успела кувырнуться еще разок, она врезалась в костлявые плечи пса.

Собака взвизгнула от боли и неожиданности, и на мгновение Джесси охватило дикое, первобытное ликование. Губы растянулись в довольной ухмылке. Она взвыла как безумная, прогнула спину и вытянула ноги. Ей уже далеко не двадцать, и суставы были готовы вывихнуться из хрящей, но Джесси не чувствовала боли. Боль даст знать о себе позже — в каждом движении, рывке или повороте. Но сейчас Джесси пребывала в бешеном восторге от своего удачного броска, и ей надо было хоть как-то выразить этот восторг. Иначе она просто взорвется от полноты чувств. Она молотила ногами по покрывалу и раскачивалась из стороны в сторону, потные волосы хлестали по вискам и щекам, сухожилия выступили на шее, как толстые провода.

— *ХА!* — кричала она. — *Я... ПОПАЛА... В ТЕБЯЯЯЯЯ! ХА*

Пес отскочил назад, когда его ударило пепельницей, и потом — еще раз, когда пепельница, гремя, покатилась по полу. Он уловил перемену в тоне хозяйки. Теперь в ее голосе не было страха, а было лишь дикое торжествующее ликование. Сейчас она встанет с кровати и пойдет раздавать пинки направо и налево своими маленькими ногами, которые в итоге окажутся очень твердыми. Он понял, что если остаться, то будет больно. Надо бежать.

Пес повернул голову, чтобы убедиться, что путь к бегству открыт, и тут пленительный запах свежего мяса и крови опять ударил ему в нос. Желудок сжался под властью голода, и пес тревожно завыл. Его раздирали два противоречивых желания, так что он даже описался от волнения. Запах собственной мочи — запах слабости и болезни, а не уверенности и силы — еще больше расстроил и смутил собаку, и она принялась лаять.

Джесси вздрогнула от неприятного, режущего уши звука — она бы закрыла их руками, если бы могла, — и еще уловил перемену в ее настроении. Запах хозяйки переменялся. Он стал блекнуть, стираться, и до собаки дошло, что один удар по спине вовсе не означает, что за ним пос

ледуют другие. И потом, если разобраться, то и первый удар больше напугал, нежели причинил боль. Пес сделал робкий шаг по направлению к руке, которую выпустил из пасти... по направлению к густому пьянящему запаху крови и мяса. Но при этом он продолжал внимательно следить за хозяйкой. Его первое впечатление о ней как о беспомощной и безвредной могло оказаться неверным. Надо быть настороже.

Джесси уже начала ощущать слабую пульсацию в плечах, горло саднило сильнее, но больше всего ее пугало, что собака так и не ушла. Захваченная восторгом от своего броска, она как-то и не подумала, что пес может и не убежать. Но факт остается фактом. Собака не испугалась. Она все еще здесь. И — что хуже всего — опять приближается. Правда, с опаской и осторожно, но все-таки приближается. Джесси чувствовала себя так, словно проглотила пилюлю с ядом, и теперь он пульсирует где-то внутри, горький и противный, как болиголов. Она испугалась, что если пилюля все-таки растворится и яд прольется, то она задохнется от собственной бессильной ярости.

— Выметайся отсюда, кусок дерьма, — крикнула Джесси собаке хриплым срывающимся голосом. — Убирайся, иначе я тебя убью. Не знаю как... но Богом клянусь, убью.

Пес остановился и с тревогой взглянул на нее.

— Правильно, образина. Тебе лучше со мной считаться, — сказала Джесси. — Я с тобой не шучу. — Она повысила голос но он постоянно срывался на шепот. — *Я убью тебя. Убью. Богом клянусь, убью. ТАК ЧТО ПОШЕЛ ОТСЮДА!*

Пес, который когда-то был Принцем маленькой Кэтрин Сатлин, перевел взгляд с хозяйки на мясо, потом опять на хозяйку и снова на мясо. И принял решение, которое отец Кэтрин назвал бы компромиссом. Собака наклонила голову и, не сводя взгляда с Джесси, схватила зубами кусок сухожилий, жира и хрящей, который когда-то был правым бицепсом Джералда. Помогая себе рычанием, пес резко дернул на себя. Рука Джералда поднялась — казалось, его мягкие пальцы указывают в восточное окно на «мерседес» на подъездной дорожке.

— *Прекрати!* — взвизгнула Джесси. Ее осипший голос чаще срывался на высокие тона, и визг то и дело переходил режущий ухо шепот. — *Тебе что, мало? Оставь его в покое!*

Пес не обращал на нее никакого внимания. Он быстро мотал головой из стороны в сторону, в точности как тогда когда он игрался в «а ну-ка отбери» с резиновыми игрушками Кэтрин Сатлин. Только теперь это была не игра. Пес силился оторвать мясо с кости, с его морды, словно свернувшееся молоко, стекала обильная пена. Превосходно наманикюренная рука Джералда как сумасшедшая болталась в воздухе туда сюда. Он походил на дирижера, побуждающего музыкантов ускорить темп.

Джесси снова услышала низкий звук, как будто кто-то прочищает горло, и поняла, что ее сейчас вырвет.

Не надо, Джесси! — раздался встревоженный голос Рут. — *Не делай этого! Запах может привлечь пса к тебе... на тебя!*

Джесси изо всех сил пыталась подавить приступ тошноты ее лицо исказила гримаса предельного напряжения. Снова раздался звук рвущейся плоти, но Джесси лишь мельком взглянула на пса — передние лапы напряжены и расставлены в стороны, он словно стоял на краю толстой резиновой ленты цвета водопроводной прокладки — и тут же закрыла глаза. Забыв, что прикована, она попыталась закрыть лицо руками. Звякнули цепи, руки остановились в двух футах одна от другой. Джесси застонала, безысходность сменилась отчаянием. Похоже, она сдалась.

Джесси снова услышала липкий хлюпающий звук рвущейся плоти, за которым последовал *чмок* большого-счастливого-поцелуя, но не открыла глаза.

Пес начал пятиться к двери в коридор, ни на миг не спуская глаз с хозяйки на кровати. Он держал в пасти большой сочный кусок Джералда Берлинггейма. Если хозяйка попытается встать и отнять еду, он знает, что надо делать. Собака не умела думать — во всяком случае, не в том смысле, какой люди вкладывают в это понятие, — но ее развитый инстинкту служил достойной заменой процессу мышления. И пес прекрасно осознавал, что то, что он сделал, и то, что он собирается сделать, ляжет на него вечным проклятием. Но он слишком давно не ел. Человек бросил его в лесу и уехал.

насвистывая мотивчик из «Рожденной свободной», и теперь он просто умирал от голода. Если хозяйка попытается отобрать у него еду, он будет драться.

Бывший Принц в последний раз взглянул на хозяйку, понял, что та вставать не собирается, развернулся и вышел в коридор. Он отнес мясо в прихожую и положил у самой двери, крепко прижав его лапами к полу. Ветер периодически хлопал дверью. Пес бросил на нее короткий взгляд и сообразил на свой собачий, не-совсем-мыслительный манер, что при необходимости сможет открыть дверь мордой и быстренько убежать. Больше он ни о чем не думал — он приступил к еде.

9

Пусть и медленно, но рвотные спазмы все-таки отступали. Джесси лежала на спине, плотно зажмурив глаза, и только сейчас начала ощущать боль, пульсирующую в плечах. Боль накатывала волнами, и внезапная мысль, что это только начало, порядком перепугала Джесси.

Я хочу спать, — подумалось ей. Опять этот детский голос, только на этот раз он звучал испуганно. Ему не было дела до логики, и он не принимал таких слов, как «можно» или «нельзя». — Я уже почти заснула, когда пришла эта плохая собака. И сейчас мне хочется одного — спать.

Джесси искренне ему сочувствовала. Но вот в чем проблема: спать ей теперь расхотелось. Она только что видела как пес вырвал кусок мяса из ее мертвого мужа, и сон как рукой сняло.

Зато ужасно хотелось *пить*.

Она открыла глаза, и первое, что увидела — Джералд, который лежал в кругу своего отражения на отполированном до блеска полу, словно какой-то гротескный атолл на безмолвной глади океана. Его глаза были все так же открыты и по-прежнему злобно тарасились в потолок. Очки висели косо, одна дужка воткнулась в ухо, вместо того чтобы быть там, где ей положено. Голова была вывернута под неестественным углом, так что пухлая левая щека почти касалась левого плеча. Красная рана с рваными белыми краями зияла между правым плечом и локтем, словно кошмарная улыбка.

— Боже мой, — пробормотала Джесси и быстро отвернулась к западному окну. В глаза ударил яркий золотистый свет — солнце уже почти село. Она снова закрыла глаза и принялась наблюдать за игрой постоянно меняющихся красно-черных разводов, которые подрагивали в такт сердцебиению. Пару секунд спустя она поняла, что стремительно сменяющие друг друга узоры всегда остаются одними и теми же. Словно смотришь на амёб в микроскоп, через стекло красного оттенка. Это было интересно и как-то даже успокаивало. Если учесть обстоятельства, то не надо быть гением, чтобы понять всю притягательность этих простых повторяющихся образов. Когда спокойная размеренная жизнь человека рушится в одночасье, ему просто необходимо что-то, за что можно ухватиться, что-то нормальное и предсказуемое. И если циркуляция крови в тонкой оболочке век, закрывающих больные глаза от света вечернего солнца, это все, что у тебя есть, то надо быть благодарной хотя бы за это. Ведь если тебе не удастся найти хоть что-то, за что можно уцепиться, что-то хоть сколько-нибудь разумное, то чужеродные фрагменты нового — безумного — миропорядка просто сведут тебя с ума.

Например, эти звуки, доносящиеся из прихожей. Ободранная голодная дворняга жрет кусок человека, который водил тебя в кино на Бергмана, с которым ты ездила в парк развлечений на Олд-Очард Бич и который катал тебя на огромном корабле викингов, что качается в воздухе туда-сюда, словно гигантский маятник, и потом хохотал до слез, когда ты сказала, что хочешь прокатиться еще разок. Человека, с которым ты занималась любовью в ванной и буквально кричала от удовольствия. Того человека, который теперь стал мясом и скользит в виде кусков и ошметков по пищеводу собаки.

Вот такие вот чужеродные элементы реальности.

— Странные дни, милая мама. Действительно, странные, — сказала Джесси осипшим голосом. Говорить было больно, в горле саднило. Она подумала, что лучше бы помолчать и не нагружать голосовые связки, но панический страх был еще рядом. И если молчать, то в тишине можно было расслышать, как он крадется на мягких лапках, ищет,

как бы подобраться к Джесси, ждет, пока та не утратит бдительности. Хотя... тишины-то особой и не было. Парень с бензопилой ушел отдыхать, но гагара на озере продолжала кричать. Ветер к ночи усилился, и под его порывами задняя дверь хлопала все чаще и громче. Самые разные звуки...

Ну и, конечно же, чавканье собаки, поедающей ее мужа. Пока Джералд ждал, когда приготовят сэндвичи у Амато, Джесси зашла в соседний магазин. Там всегда была отличная рыба, такая свежая, что аж шевелится, как сказала бы ее бабушка. Она купила великолепное филе палтуса, рассудив, что поджарит его вечером, если они решат остаться на ночь. Палтус как раз то, что нужно. Если бы Джералд жил один, то сидел бы на диете исключительно из жареной говядины или курицы (периодически поглощая жареные грибы, так — для разгрузочных целей). Но палтус, по его словам, ему нравился. Джесси купила рыбу, даже не подозревая, что Джералда съедят раньше, чем ему удастся поесть самому.

— Закон джунглей, милашка, — проговорила она хриплым голосом и вдруг поняла, что теперь она уже не просто *думает* голосом Рут Ниери, а *говорит* как Рут. Которая, когда жила одна, сидела на диете из «Мальборо» и «Девара».

Этот сильный — «сказал, как отрезал» — голос заговорил внезапно, как будто Джесси потеряла волшебную лампу.

Помнишь песенку Ника Лоува? Ты ее слышала однажды на WBLM, когда возвращалась с занятий лепкой прошлой зимой? Ты над ней так смеялась.

Джесси помнила песню. Ей не хотелось ее вспоминать, но она все-таки помнила. Кажется, эта попсовая песенка называлась «Раньше она побеждала (Пока на ужин к псу не попала)». Циничные рассуждения на тему непробиваемого одиночества, положенные на неуместный веселый мотивчик. Да, Рут права: прошлой зимой это было смешно. Но сейчас Джесси было совсем не до смеха.

— Перестань, Рут, — прохрипела она. — Если уж ты живешь у меня в голове, то хотя бы имей совесть и не дразни меня.

Кто тебя дразнит? Господи, лапуля, я тебя не дразню, я пытаюсь тебя растормошить, возбудить.

— Я не сплю! — раздраженно возразила Джесси. На озе—
ре, словно желая ее поддержать, закричала гагара. — И от—
части благодаря тебе!

*Нет, ты спишь. Ты уже долгое время не просыпалась по—
настоящему. Знаешь, что ты всегда делаешь, Джесс, если
случается что-то плохое? Ты говоришь себе: «Не о чем беспоко—
иться, это всего лишь дурной сон. Каждому время от времени
снятся кошмары, подумай, стоит только перевернуться на
другой бок, и все будет в порядке». Вот как ты себе говоришь—
и спишь дальше, глупышка. Такой у тебя подход.*

Джесси открыла было рот, чтобы возразить — пусть у нее
пересохло в горле и ей больно говорить, но такие нелепые
инсинуации просто нельзя оставлять без ответа, — но при—
мерная женушка Берлингейм встала на ее защиту еще преж—
де, чем Джесси успела собраться с мыслями.

Как можно вообще говорить такое?! Ты просто мерзкая злока!
А ну убирайся!

Снова раздался циничный смех Рут, и Джесси подумала,
что это ненормально и страшно — слышать как бы со сторо—
ны, как часть твоего собственного сознания смеется смехом
старой знакомой, которая теперь бог знает где.

*Ты меня прогоняешь?! Ждешь не дожدهшься, когда я уйду? У—
тю-тю, сладенький пирожок, папочкина дочка. Каждый раз,
когда правда подходит к тебе слишком близко, каждый раз,
когда у тебя возникает мысль, что сон — это, может быть, и
е сон вовсе, ты попросту убегаешь и прячешься.*

Это просто смешно.

Да? Тогда расскажи, что случилось с Норой Кэллиган?

Это заставило женушку и Джесси на мгновение замолчать,
но и этого мига хватило, чтобы в тишине вновь проступил
странный знакомый образ: толпа людей — в основном жен—
щины — собралась вокруг девушки, закованной в кандалы;
они смеются и показывают на нее пальцем. Саму девушку
видно плохо, там очень темно, хотя, несомненно, это был
день, только почему-то темный. Но даже если бы светило солн—
це, лица девушки все равно было не разглядеть. Его закрывали
густые волосы, словно покров кающегося грешника — хотя труд—
но было представить, что девочка совершила какой-то на—
столько ужасный грех, ведь на вид ей было не больше две-

надцати. Ее могли наказать за что угодно, но только не за убийство мужа. У этой дочери Евы даже месячных-то еще не было, не говоря уж о муже.

Нет, это неправда. — Голос раздался внезапно, откуда-то из потаенных глубин сознания. Он был мелодичным и вместе с тем пугающе мощным, как крик кита. — *Месячные у нее начались в десять с половиной. Может быть, в этом все дело. Может быть, он почуял кровь, как та собака в прихожей. Может быть, он от этого и обезумел.*

Заткнись! — мысленно закричала Джесси. Она сама словно обезумела. — *Заткнись, мы это не обсуждаем!*

Кстати, к слову о запахах, какой он? — спросила Рут. Теперь ее голос звучал резко и напряженно... как голос старателя, который все-таки натолкнулся на рудную жилу, о которой давно догадывался, но никак не мог найти. — *Такой минеральный, как пахнет соль и старые медяки.*

Я сказала: мы это не обсуждаем!

Она лежала на покрывале; мышцы напряжены под похолодевшей кожей. На время смерть мужа и ее собственное плачевное положение отодвинулись на задний план перед лицом новой угрозы. Джесси нутром ощущала присутствие Рут — или той отколовшейся части себя, которая говорила голосом Рут, — вечно пытающейся докопаться до истины. Несмотря ни на что. Но сейчас Рут вроде бы решила не развивать тему или хотя бы не лезть напролом, и Джесси с примерной женушкой Берлингейм вздохнули с искренним облегчением.

Ладно, давай тогда поговорим о Норе, — сказала Рут. — *Помнишь Нору, твоего психиатра? Нору, твою советчицу? Ты стала ходить к ней, когда забросила живопись, потому что тебя пугали некоторые твои картины. И тогда же... вот только не знаю, совпадение это или нет... Джералд сексуально к тебе охладел, и ты стала обнюхивать его рубашки — не пахнут ли они духами? Ведь ты не забыла Нору, правда?*

Нора Кэллиган была надоедливой сучкой! — огрызнулась примерная женушка.

— Нет, — пробормотала Джесси, — у нее были добрые намерения, я в этом ни капельки не сомневаюсь, просто она

всегда торопилась. Хотела быть пусть на шаг, но все-таки — впереди. И задавала слишком много вопросов. Просто не умела вовремя остановиться.

Ты же говорила, что она тебе очень нравилась, или я, может быть, ошибаюсь?

— Я хочу ни о чем не думать, — нерешительно проговорила Джесси. — Но больше всего я хочу, чтобы затихли все эти голоса. Я не хочу разговаривать с ними. Это просто безумие какое-то.

Нет уж, послушай, что я тебе скажу, — мрачно изрекла Рут, — от этого ты не сбежишь так просто, как сбежала от Норы, да и от меня, уж если на то пошло.

Я от тебя не сбежала, Рут! Вымученный ответ, нелепая отмазка, да и звучит не очень-то убедительно. Она именно сбежала. Просто собрала вещички и уехала из бедной, но развеселой студенческой общаги. Джесси уехала вовсе не потому, что Рут стала задавать слишком много ненужных вопросов — о детстве, об озере Дак-Скор — и делать всякие предположения о том, что могло случиться в то лето, сразу после начала месячных. Только очень плохая подруга могла бы уехать по таким причинам. Она уехала не потому, что Рут стала задавать вопросы, а потому, что она не перестала их задавать, хотя Джесси очень просила ее прекратить. И вот это непонятное, в чем-то даже жесткое упорство, по мнению Джесси, свидетельствовало о том, что Рут — плохая подруга. Ведь она же прекрасно знала, где проходит грань между дозволенным и недопустимым, и тем не менее переступила ее сознательно. Как и Нора Кэллиган — много лет спустя.

К тому же, если учесть обстоятельства, сама идея побега была бы нелепой, правильно? Ведь Джесси прикована к кровати.

Не держи меня за идиотку, пупсик, — сказала Рут. — Твое сознание не приковано наручниками, и ты это знаешь не хуже меня. Ты умеешь себя убеждать, если хочешь, но я бы рекомендовала... действительно рекомендовала... этого не делать. Я — твой единственный шанс. Если ты будешь лежать и твердить себе, что все это — лишь дурной сон, который тебе снится, потому что ты спишь на левом боку, то ты тут и померешь.

Ты этого хочешь? Это будет тебе наградой — за то, что ты всю свою жизнь прожила в наручниках с тех пор, как...

— Я не буду думать об этом! — выкрикнула Джесси в пустоту сумрачной комнаты.

На какое-то время Рут замолчала, и Джесси уже было понадеялась, что та ушла насовсем и оставила ее в покое, но не тут-то было. Рут вернулась... вернулась с намерением растормошить ее, как терьер тормошит в зубах старое тряпье.

Валяй, Джесс, тебе проще считать, что ты сходишь с ума, чем бередить старую рану, но ты же прекрасно знаешь, что ты нормальная. Я — это ты, и примерная женоушка — тоже ты... да, собственно, все мы — ты. Я представляю, что могло случиться тогда на озере, когда вся семья уехала. Но меня волнует другое, и это никак не связано с тем, что там произошло. Может быть, есть еще одна часть тебя, о которой я не знаю, которая мечтает присоседиться к Джералду в желудке собаки, когда та вернется сюда завтра утром? Я почему тебя спрашиваю... исключительно потому, что мне это не кажется трогательным примером супружеской верности. Мне это кажется полным бредом.

Слезы опять потекли по щекам. Может быть, потому, что Джесси в первый раз по-настоящему осознала, что может здесь умереть — теперь это было сказано вслух, — или, может быть, потому, что, наверное, впервые за последние четыре года она опять задумалась над тем, что же все-таки произошло тогда на озере, когда погасло солнце.

Однажды она чуть было не выболтала этот секрет на собрании женской группы, посвященном проблемам осознания себя как личности... это было еще в начале семидесятых. Идея посетить собрание исходила, понятное дело, от Рут, но Джесси никто не заставлял — она охотно пошла с подругой, ведь поначалу все выглядело безобидно, просто еще одно действо красочного карнавала, каким была тогда жизнь в колледже. Первые два года учебы — и особенно когда Рут Ниери таскала ее по спектаклям и выставкам и приглашала с собой в поездки — были для Джесси чуть ли не самым прекрасным периодом в жизни, когда ты вообще ничего не боишься, когда здоровый напор и наглость кажутся самым обычным делом и ты искренне веришь, что у тебя в

жизни будут одни достижения и победы. В то время буквально в каждой комнате общежития висел плакат с изображением Питера Макса, а если вам надоедали «Битлз» — ну, если представить такую возможность, — то можно было послушать Not Tuna или MC5. Все это было настолько ярким, что казалось вообще нереальным, словно живешь в бреду... словно у тебя постоянно высокая температура, но все-таки не *такая* высокая, чтобы это было опасно для жизни. В общем, первые два года в колледже были, как говорится, одним большим праздником.

Но праздник внезапно кончился на первом собрании той самой группы. Именно тогда Джесси вдруг обнаружила, что существует отвратительный серый мир, который одновременно и предвещал ее взрослое будущее в восьмидесятых, и нашептывал о мрачных секретах детства, заживо похороненных в шестидесятых... о секретах, которые не упокоились с миром. Около двадцати женщин собрались в гостиной домика, примыкающего к зданию Ньювортской церкви разных конфессий. Кто-то сидел на диване, кто-то расположился на стульях, кому не хватило стульев, расселись прямо на полу, образовав неровный круг. Двадцать женщин в возрасте от восемнадцати до сорока с небольшим. В начале собрания все взялись за руки и немного помолчали. Потом на Джесси вылился поток ужасных рассказов об изнасилованиях, инцестах и истязаниях. Она никогда не забудет спокойную симпатичную девушку со ветлыми волосами, которая задрала свитер, чтобы показать шрамы от сигаретных ожогов под грудью.

Вот тогда праздник для Джесси Махо закончился. Закончился? Нет, не совсем так. Просто ей как бы показали, что скрывается за карнавалом. Она увидела серые, по-осеннему пустые газоны, а на них смятые сигаретные пачки, использованные презервативы и дешевые разбитые вазочки, призы из аттракционов, запутавшиеся в высокой траве, пока их не сдует ветром или не покроет снегом. Она увидела этот безмолвный, глупый и опустевший мир, лежащий за тонкой завесой, что отделяла его от суматошной и яркой ярмарки, от криков разносчиков, от красочного очарования каруселей... она все это увидела и испугалась. Ей было страшно

осознавать, что то же самое ждет ее *впереди*, в будущем, и что то же самое осталось *позади*, в прошлом, кое-как скрытое кричащей мишурой подправленных ею же самой воспоминаний. Все это было невыносимо.

Симпатичная белокурая девушка показала следы сигаретных ожогов, опустила свитер и объяснила, что не могла рассказать папе с мамой о том, что друзья ее брата сделали с ней в выходные, когда родители ездили в Монреаль, — ведь тогда ей пришлось бы рассказать и о том, что делал с ней *брат* в течение всего предыдущего года. А *такому* родители прос-то бы не поверили.

Ее голос был очень спокоен. Когда она закончила, все застыли как громом пораженные. Джесси почувствовала, как что-то оборвалось внутри, и словно тысячи призрачных голосов закричали у нее в голове в странном смешении надежды и ужаса. Но тут заговорила Рут.

— Почему бы они *не поверили*? — спросила она. — Господи, Лив, они же жгли тебя *сigaretами*! Я имею в виду, что ожоги были бы *доказательством*, что ты говоришь правду! Почему ты считаешь, что родители тебе не поверили бы? Разве они тебя не любили?

Да, — подумала Джесси. — Да, они любили ее, но...

— Да, — сказала блондинка. — Они любили меня. И до сих пор любят. Но они просто *боготворили* моего брата Барри.

Джесси вспомнила, как прошептала тогда, подпирая лоб дрожащей рукой:

— К тому же это бы ее убило.

Рут повернулась к ней:

— Что?..

Но тут светловолосая девушка все так же неестественно спокойно произнесла:

— К тому же, если бы мама об этом узнала, это бы просто ее убило.

И Джесси вдруг поняла, что попросту взорвется, если останется здесь. Она вскочила так резко, что чуть не опрокинула огромный уродливый стул, и бросилась вон из комнаты, и ей было все равно, что на нее все смотрят. Ей было не важно, что они о ней подумают. Имело значение только то,

что солнце погасло, *само солнце погасло*, и если бы она рассказала все, то ей бы никто не поверил, если Бог все-таки есть и он хороший... а будь Бог в плохом настроении, ей бы поверили... И если это не убило бы маму, то уж точно развалило бы их семью, как динамитная шашка разносит гнилую тыкву на тысячи мелких ошметков.

Так что Джесси выбежала из комнаты, понеслась через кухню и ударилась о запертую дверь черного хода. Рут побежала за ней, кричала, чтобы она остановилась. И Джесси остановилась, но лишь потому, что чертова дверь была заперта. Она прислонилась лицом к темному холодному стеклу, и ей вдруг захотелось... да, на мгновение ей действительно захотелось разбить головой стекло и перерезать горло, чтобы уничтожить, стереть этот серый образ безотрадного будущего и прошлого... но она просто повернулась и съехала на пол, натянула подол короткой юбочки на ноги, уткнулась лбом в колени и закрыла глаза. Рут опустилась на пол рядом с ней, обняла ее, принялась гладить по волосам и уговаривать выплакаться, переболеть и избавиться навсегда от того, что ее гнетет.

И вот теперь Джесси лежала в доме на берегу озера Кашва-камак и пыталась представить, что стало с той неестественно покойной белокурой девушкой, которая рассказала о своем рате Барри и его друзьях. О молодых людях, которые относились к женщине как к системе жизнеобеспечения влаги-ла, а прижигание груди сигаретами было для них самым что ни на есть справедливым наказанием для девушки, которая трахается с родным братом, но не хочет удовлетворить его лучших друзей. А еще Джесси пыталась вспомнить, что она рассказала Рут, когда они сидели обнявшись под дверью. Она почти ничего не помнила. Кажется, она говорила что-то вроде: «Он не прижигал меня сигаретами, он никогда меня не прижигал, он вообще не делал мне больно». Да. Но было что-то еще, потому что вопросы, которые Рут так и не перестала ей задавать, относились к озеру Дарк-Скор и к тому черному дню, когда на небе погасло солнце.

В конце концов Джесси предпочла сбежать от Рут. Все что угодно, лишь бы не рассказывать... Так же она поступила и с Норой. Она бежала со всех ног — Джесси Махо Бер-

лингейм, также известная как Рыжая и Удивительная девчонка, сладкий имбирный пряник, последнее чудо века сомнений, пережившая день, когда на небе погасло солнце. А теперь она прикована наручниками к кровати и больше не может сбежать.

— Помоги мне, — обратилась она к пустой спальне. Теперь, когда она вспомнила белокурую девушку с неестественно спокойным лицом и голосом и цепочку старых круглых шрамов под ее красивой упругой грудью, Джесси не могла просто так выбросить это из головы. Теперь она поняла, что это было вовсе не спокойствие, а попытка отрешиться от того ужаса, который случился с ней наяву. Каким-то образом лицо этой девушки стало лицом Джесси, и она произнесла дрожащим смиренным голосом, как атеист, у которого отняли все, кроме последней молитвы: — Пожалуйста, помоги мне.

Но ответил ей не Бог, а та ее часть, которая говорила голосом Рут Ниери. Теперь голос был мягким и ласковым, но все же не очень-то обнадеживающим.

Я попытаюсь, но и ты тоже должна мне помочь. Я знаю, что ты умеешь терпеть физическую боль, но мысли тоже причиняют боль. Ты готова к этому?

— Мысли здесь ни при чем. — Голос у Джесси дрожал, и она подумала: так вот какой голос у примерной женушки Берлинггейм, когда она говорит вслух. — Я говорю... ну... спасении. Мне надо как-то освободиться.

Тебе придется ее заткнуть, — строго сказала Рут. — Она неотъемлемая часть тебя, Джесси... нас обеих... да в общем-то и неплохой человек, но она слишком долго заправляла этим веселеньким шоу, а в ситуациях вроде этой ее представления о мире никуда не годятся. Надеюсь, ты не собираешься спорить?

Джесси вообще не хотелось спорить. Она слишком устала. Свет из западного окна становился все гуще и все краснее — скоро солнце зайдет и наступит ночь. Ветер шелестел в соснах, гонял сухие листья по пустым мосткам на берегу. Задняя дверь по-прежнему хлопала, собака вроде притихла, но потом мерзкое чавканье возобновилось.

— Я хочу пить, — простонала Джесси.

Хорошо, тогда с этого и начнем.

Она повернула голову и почувствовала на шее тепло лучей заходящего солнца. Локон влажных волос прилип к щеке. Джесси снова открыла глаза и увидела стакан воды. Она заснонала от жажды.

Для начала забудь о собаке, — сказала Рут. — Пес просто пытается выжить, и тебе не мешает взять с него пример.

— Не знаю, смогу ли я про него забыть, — отозвалась Джесси.

Мне кажется, что у тебя все получится, лапа, правда. Если ты сумела забыть, что случилось в день, когда на небе погасло солнце, то сдастся мне, что теперь ты сможешь забыть что угодно.

На мгновение Джесси показалось, что у нее все получится, и поняла, что получится — если очень захотеть. Страшный секрет того дня так и не канул в бездну подсознания, как это часто бывает в слезных мелодрамах и мыльных операх... она его похоронила, да. Но могила была неглубокой. Это больше походило на добровольную выборочную амнезию. И если бы Джесси захотела вспомнить, что случилось в тот день, когда погасло солнце, она бы вспомнила.

Словно по мановению волшебной палочки ее сознание тут же нарисовало картину, пугающую в своей потрясающей четкости: ромбик стекла, зажатый в щипцах для барбекю. Рука в варежке-прихватке, поворачивающая стекло то одной, то другой стороной над торфяным костерком.

Джесси вздрогнула и отогнала видение прочь.

Давай проясним кое-что, — подумала она, вроде бы обращаясь к Рут... только она не была уверена, что именно к Рут. Впрочем, она уже ни в чем не была уверена полностью. — Я не хочу вспоминать. Понятно? То, что случилось тогда, никак не связано с тем, что происходит сейчас. Это две разные вещи. Да, кое-какое общее есть — два озера, два летних домика, оба случая

(тайны, молчания, боли, терзаний)

связаны с сексом, но воспоминания о том, что случилось в 1963 году, сейчас мне ничем не помогут, разве только усугубят страдания. Так что давай просто закроем тему, договорились? Давай забудем об озере Дак-Скор.

— Ну и что скажешь, Рут? — прошептала Джесси и взглянула на противоположную стену, где висела картина-батик, изображающая яркую бабочку. На мгновение в рамочке возник другой образ — маленькая девочка, чей-то сладкий пирожок, смотрит на небо сквозь закопченное стеклышко. Чуть уловимый, сладковатый запах лосьона после бритья... видимо, из сострадания к Джесси видение тут же исчезло.

Она еще пару секунд смотрела на бабочку, словно желая убедиться, что тревожащий образ больше не вернется, потом перевела взгляд на стакан. Удивительно, но на поверхности воды все еще плавали осколки льда, хотя сгущающийся в комнате мрак еще хранил тепло полуденного солнца.

Джесси скользнула взглядом по стакану, словно лаская чуть запотевшее от влажной прохлады стекло. Ей не было видно картонной подставки — мешал край полки, — но ей и не нужно было смотреть. Джесси прекрасно себе представляла темное растекающееся кольцо влаги, все яснее проступавшее на картоне, по мере того как капельки конденсированной влаги сбегали вниз по стенкам стакана.

Она облизала верхнюю губу пересохшим языком.

Хочу пить! — требовательно закричал испуганный детский голос, голос чьего-то сладенького пирожка. — *Пить хочу, дайте попить! СЕЙЧАС ЖЕ!*

Но Джесси не могла дотянуться до стакана. Классический случай: видит око, да зуб неймет.

Рут. *Не сдавайся так сразу. Если ты сумела попасть пельницей в эту чертову собаку, лапуля, то скорее всего сумеешь и заполучить этот стакан воды.*

Джесси вытянула правую руку, насколько это позволяло затекшее плечо, но ей по-прежнему не хватало каких-то двух с половиной дюймов. Она сглотнула и поморщилась — по горлу словно провели наждачной бумагой.

— Ну вот видишь? — спросила Джесси. — Теперь довольна?

Рут не ответила, вместо нее заговорила женушка. Мягким, словно извиняющимся, голосом:

Она сказала заполучить, а не дотянуться. Это... это может быть не одно и то же. Женушка смущенно рассмеялась в своей «да-кто-я-такая-чтобы-лезть-не-в-свое-дело» манере.

Джесси вновь удивилась, как это странно — слышать, как часть тебя самое смеется так, словно это совершенно отдельная личность. *Будь у меня еще пара-тройка внутренних голосов, — подумала Джесси, — то мы бы смогли сыграть в бридж, черт побери.*

Она ненадолго задержала взгляд на стакане, а потом откинулась назад, на подушки, чтобы осмотреть полку снизу. Полочка не была прикреплена к стене, а лежала на четырех стальных скобах в форме заглавной буквы «L», только вверх ногами. Причем к скобам она не была привинчена, это Джесси знала наверняка. Она вспомнила, как однажды Джералд говорил по телефону и рассеянно облокотился на край полки. Другой ее конец тут же поднялся вверх, словно качели, и не отдерни он руку, полка бы попросту перевернулась. Мысль о телефоне на мгновение отвлекла Джесси, но *лишь* на мгновение. Аппарат стоял на низком столике перед восточным окном, из которого открывался живописный вид на дорогу и «мерседес», припаркованный у крыльца. С таким же успехом телефон мог быть и на другой планете, в сложившейся ситуации пользы от него не было никакой. Джесси вернулась к осмотру полки, пристально оглядывая и саму доску, и скобы в форме буквы «L».

Когда Джералд облокотился на полку со своей стороны, то приподнялся *ее* конец полки. То есть если она как следует надавит на свою сторону полки, чтобы приподнять *его* конец, то стакан с водой...

— Может съехать, — задумчиво произнесла Джесси осипшим от жажды голосом. — Съехать на мою сторону полки. — Конечно, с таким же успехом стакан может весело проехать мимо и вдребезги разбиться об пол или наткнуться на что-нибудь, перевернуться и разлиться. Но попробовать стоит, верно?

Да, наверное, — подумала она. — Я собиралась слетать в Нью-Йорк на собственном самолете, поужинать в «Четырех временах года», а потом протанцевать всю ночь напролет в Бердлэнде, но теперь, когда Джералд умер, поездка, я думаю, отменяется. Радости жизни мне теперь недоступны, так что стоит хотя бы попробовать раздобыть утешительный приз.

Ну хорошо: и как она думает это сделать?

— Осторожно, — сказала Джесси. — Очень осторожно. Вот как.

Она подтянулась на руках, чтобы еще раз взглянуть на стакан. И тут же натолкнулась на первое препятствие: она не могла осмотреть всю поверхность полки. Она помнила, что лежит на ее стороне, но вот сторона Джералда и ничейное место посередине... с этим было сложнее. И неудивительно. Только человек с фотографической памятью мог бы запомнить расположение всех мелочей на прикроватной полке. Да и кто мог подумать, что это будет так важно.

Ну вот теперь стало важно. Я попала в безумный мир, где все перевернуто с ног на голову.

Да уж, действительно. В этом мире бродячие псы будут страшнее Фредди Крюгера, телефоны живут в Сумеречной зоне, а обычный стакан воды с подтаявшим льдом превращается просто в Святой Грааль, цель кровавых крестовых походов. В этом новом вывернутом мире обычная полка — это морской путь, не уступающий по важности Панамскому каналу, а дешевая книжка в мягкой обложке может стать Бермудским треугольником.

Тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь? — не уверенно спросила себя Джесси, но, говоря по правде, она нисколько не преувеличивала. Даже при самых благоприятных условиях шансы на успех этой затеи невелики, а уж если на полке валяется что-то, что станет препятствием для стакана, то про воду вообще можно забыть. Там вполне мог лежать тонкий «Эркуль Пуаро» или книжонка из цикла «Стар-Трэк», которые Джералд прочитывал и выбрасывал, словно использованную салфетку. Достаточно, чтобы остановить или перевернуть стакан. Так что Джесси не преувеличивала. Отнюдь нет. Законы этого мира действительно изменились. Она вспомнила фантастический фильм, где главный герой уменьшился и жил в кукольном домике своей дочери, а домашний кот превратился в огромное чудовище. Но Джесси так просто не сдастся. Она быстренько выучит новые правила... запомнит и будет им следовать.

Мужайся, Джесси, — прошептала Рут.

— Не беспокойся, — ответила Джесси. — Я сделаю все возможное; все, что в моих силах. Но иногда не мешает сна-

чала узнать, с чем имеешь дело. В некоторых ситуациях это действительно важно.

Она развернула правое запястье от себя, вытянула руку, при подняв ее над головой — в этой позе Джесси напоминала фигуру женщины из египетского иероглифического письма, — и опять принялась шарить по полке в поисках возможных препятствий на пути стакана.

Она наткнулась на лист достаточно плотной бумаги. Что бы это могло быть? Сначала Джесси решила, что это листок из блокнота, который обычно валялся на столике у телефона, но нет... уж слишком плотной была бумага. Тут ее взгляд упал на журналы «Таймс» и «Ньюсвик» на телефонном столике. Джералд привез их с собой. Джесси вспомнила, как он быстренько пролистал один из них, пока снимал носки и расстегивал пуговицы на рубашке. Так что бумажкой на полке вполне могла оказаться одна из этих надоедливых реклам, которыми буквально набиты журналы. Джералд часто вынимал и откладывал эти карточки, а потом использовал как закладки. Впрочем, какая разница, что это за бумажка. Главное, что листок был слишком тонким, чтобы остановить или перевернуть стакан. А так на полке не было больше ничего, по крайней мере в зоне досягаемости ее вывернутой руки.

— Ладно, — сказала Джесси. Сердце забилось быстрее. Какой-то садист пиратски подключился к ее мозгам и начал трансляцию фильма «Стакан падает с полки», но она тут же блокировала передачу. — Полегче, не торопись. Тише едешь — дальше будешь. Я надеюсь.

Джесси оставила правую руку на месте, хотя это было чертовски больно, подняла левую (*Руку, метаящую пепельницы*, — с улыбкой подумала она.) и схватилась за край полки прямо за последней со своей стороны скобой.

Ну, с Богом, — подумала Джесси и сильно нажала рукой на край полки. Ничего не произошло.

Наверно, я давя слишком близко к крайней скобе. Черт бы побрал эти наручники. Цепь слишком короткая.

Да, наверное, так и есть. Только это никак не меняет положение дел. Оставалось только надеяться, что у нее получится вытянуть пальцы чуть дальше. Простой закон физи-

ки мог оказаться для Джесси смертельным. Ирония заключалась в том, что она могла запросто *приподнять* свой край полки. Но вот проблема: стакан поедет в другую сторону и упадет на пол. Даже в такой ситуации, если подумать, можно найти что-то забавное. Словно любительский ролик, присланный из ада на передачу «Сам себе режиссер».

Ветер внезапно стих и стало слышно, как пес возится в прихожей.

— *Наслаждаешься ужином, сукин сын?* — крикнула Джесси. Боль резанула горло, но она не могла остановиться. — *Давай наслаждайся, пока еще можешь, потому что первое, что я сделаю, как только освобожусь, так это отстрелю тебе башку!*

Пустые угрозы, — подумала она про себя. — *Если учесть, что я даже не помню, где старый дробовик Джералда — который ему подарил отец, — здесь или на чердаке дома в Портленде.*

И тем не менее в сумрачном мире за пределами спальни наступила внезапная тишина. Как будто пес серьезно задумался над словами Джесси.

Но вскоре чавканье возобновилось.

Правое запястье дало о себе знать резкой болью. Словно напоминая, что есть дела, с которыми лучше бы поторопиться... если хочешь чего-то добиться.

Джесси наклонилась влево и вытянула руку, насколько позволила цепь. И опять надавила на полку. Ничего. Зажмурив глаза, скривив рот, она нажала сильнее. Ее лицо стало похоже на лицо ребенка, которого заставляют принять горькое лекарство. Когда затекшие мышцы выдали почти максимум, на что были способны, Джесси почувствовала, что противоположный конец полки слегка приподнялся. Совсем чуть-чуть. Она скорее догадалась об этом, чем действительно почувствовала.

Ты принимаешь желаемое за действительное, Джесс, и больше ничего.

Может быть, все ее чувства сейчас на пределе, но ей все-таки не показалось. Полка действительно шевельнулась.

Джесси отпустила ее и пару минут полежала, пытаясь расслабиться и давая мышцам передохнуть. Ей совсем не хоте-

лось, чтобы в самый ответственный момент руки свело. У нее и так проблем выше крыши. Почувствовав, что готова, Джесси обхватила столбик кровати левой рукой и принялась возить ею вверх-вниз, пока не вытерла весь пот и красное дерево не закрипело под ладонью. Потом вытянула руку и снова схватилась за полку. Время пришло.

Надо быть осторожнее. Полку я сдвинула, это точно, и сдвину еще раз, если понадобится, но самое сложное — это поймать стакан, когда он поедет вниз... если, конечно, получится приподнять полку. Ведь силы будут на исходе, мышцы и так уже все болят, ловкость будет на нуле.

Это действительно так, но это сейчас не главное. Проблема в том, что Джесси совершенно не чувствовала, где надо нажать на полку.

Она вспомнила, как они с сестрой Мэдди качались на качелях на детской площадке во дворе фальмутской школы. Гем летом семья рано вернулась с озера, и теперь Джесси казалось, что они с сестрой провели весь август, качаясь на облупленной доске. И у них замечательно получалось. Мэдди была тяжелее, и ей надо было всего лишь подвинуться ближе к середине. Долгие жаркие дни тренировки, детские песенки под качание. Они выяснили высшие точки качелей с почти математической точностью. Полдюжины покоробленных зеленых досок, стоящих в ряд на раскаленном дворе, казались им почти живыми. А вот полка никак не хотела оживать под ее руками. Но Джесси решила, что все равно сделает все возможное, и очень надеялась, что у нее получится.

И что бы там ни писали в Библии, левая рука должна вести, что творит правая. Левая стала у тебя рукой для швыряния пепельниц, а вот правой придется ловить стакан, Джесси. У тебя всего несколько дюймов полки, где ты можешь его схватить. Если ты неймаешь его с первого раза, то уже будет без разницы — упадет стакан или нет. До него все равно уже не дотянешься. Так что ты не забывай, что творит твоя правая.

Джесси никоим образом не могла забыть, что творит ее правая — слишком сильно она болела. Сможет ли эта рука сделать то, что нужно, — вот в чем вопрос. Она продолжала

нажимать на свой край полки, стараясь увеличивать давление как можно плавнее. Едкая капля пота забежала в уголок глаза, и Джесси моргнула. Снова захлопала дверь, но теперь казалось, что она далеко-далеко — в той же вселенной, что и телефон. Здесь и сейчас были только Джесси, полка и стакан. В глубине души она нисколько не сомневалась, что полка просто подпрыгнет, как чертик из табакерки, и все свалится на пол. И Джесси решила заранее настроиться на самое худшее и подготовить себя к грядущему разочарованию.

Когда это случится, тогда и будешь расстраиваться, лапуля. А пока не трать силы и время. К тому же там вроде бы что-то такое есть.

И действительно. Сторона полки Джералда чуть шевельнулась. Джесси надавила сильнее. На левой руке проступили бугорки мышц, дрожащие от напряжения. Она застонала. Полка все-таки поддавалась.

Правый край медленно приподнимался. Подтаявшие льдинки тихо позвякивали в стакане, но сам стакан стоял как приклеенный. У Джесси мелькнула страшная мысль: что, если вода просочилась сквозь картон и подставка прилипла к полке?

— Нет, этого не может быть, — выпалила Джесси шепотом, словно усталый ребенок — бездумно зазубренную молитву. Она из последних сил надавила на левый край полки. — Пожалуйста, пусть все получится. *Ну, пожалуйста.*

Джералдов край продолжал подниматься. Тюбик румян «Макс Фактор» соскочил с полки со стороны Джесси и упал на пол рядом с тем местом, где была голова Джералда, пока пес не сдвинул его с места. И тут до Джесси дошло, что есть возможность — скорее даже *вероятность*, — что если надавить еще сильнее, то полка просто соскочит со скоб и грохнется на пол вместе со стаканом и всем, что на ней стоит. Она составляла свой план на примере качелей, и теперь эта ошибка могла привести к непоправимым последствиям. Полка ведь *не качели*, у нее нет центральной опоры.

— *Ну давай же, съезжай, мерзавец!* — крикнула Джесси. Она забыла о Джералде, забыла о том, что хочет пить, она вообще обо всем забыла — обо всем, кроме стакана, который уже накренился под таким углом, что вода чуть ли не

выплескивалась через край. Джесси никак не могла понять, почему стакан до сих пор не опрокинулся. Он стоял на месте словно приклеенный. — *Съезжай!*

Стакан сдвинулся с места.

Вопреки мрачным предположениям Джесси, стакан ехал по полке так медленно, что поначалу она даже не поняла, что происходит. Уже потом, вспоминая об этом захватывающем приключении со скользящим стаканом, Джесси задумалась о своей вере в себя и пришла к самым неутешительным выводам. Она изначально настроилась на неудачу, а когда у нее все получилось, это даже ее напугало.

Стакан плавно и медленно полз прямо в правую руку, и Джесси так поразились этому неожиданному успеху, что чуть было не навалила сильнее. Это бы точно нарушило хрупкое равновесие, и полка свалилась бы на пол. Когда пальцы ощутили холод стекла, Джесси опять закричала. Это был радостный крик человека, который только что выиграл в лотерею немалую сумму.

Полка качнулась и стала съезжать со скоб, потом внезапно остановилась, словно раздумывая, хочет она упасть или нет.

У тебя мало времени, лапушка, — предупредила Рут. — *Хватай этот чертов стакан, пока хваталка не отказала.*

Джесси очень старалась, но пальцы скользили по гладкому влажному боку стакана. Ухватиться было не за что, а стакан, будь он трижды проклят, никак не подкатывался ближе. Вода плеснула ей на руку, и Джесси поняла, что даже если ей удастся удержать полку, стакан все равно опрокинется.

Лапуля, все дело в тебе. Ты по-прежнему считаешь, что у такого маленького несчастного пирожка, как ты, никогда ничего не получится.

Это было недалеко от истины — и даже, наверное, ближе к истине, чем бы Джесси хотелось — и не всей правдой тоже. Во всяком случае, не сейчас. Стакан *вот-вот* перевернется, а Джесси даже не представляла, что делать, чтобы этому помешать. Ну почему у нее такие короткие корявые пальцы? *Почему?!* Если бы можно было их вытянуть еще чуть-чуть, чтобы обхватить стакан...

И тут в сознание Джесси ворвался один старый дебильный рекламный ролик: дородная тетка с застывшей улыбкой и с прической в стиле пятидесятых, у нее на руках — голубые резиновые перчатки. Только ролик был в стиле кошмара. *Такие мягкие и гибкие, просто прелесть!* — вопила тетенька сквозь улыбку. — *Жалко, у вас нет таких же, Маленький Пирожок, или Примерная Жenuшка, или как вас там, черт побери! Будь у вас пара таких вот чудесных перчаток, у вас, может быть, и получилось бы ухватить этот гребучий стакан, прежде чем эта треклятая полка грохнется на пол со свистом!*

Джесси вдруг поняла, что эта тетка в резиновых перчатках «Плэйтекс» — ее мама, и тихо всхлипнула.

Не сдавайся, Джесси, — заорала Рут. — Еще не все потеряно! Ты уже близко! Клянусь, у тебя все получится!

Джесси собрала волю в кулак и нажала на левый край полки еще сильнее, бормоча несвязные молитвы. *Не сейчас, Боженька миленький, или кто там есть на небесах, пожалуйста, не дай ей упасть, только не сейчас.*

Доска соскользнула... но совсем чуть-чуть. Потом опять замерла. Видимо, зацепилась щепкой или сучком за крепежную скобу. Стакан соскользнул чуть дальше в напряженную руку и, каким бы это ни казалось бредом, тоже вроде как заговорил. Он проворчал голосом обозлившегося на весь мир таксиста: *Господи, дамочка, что я еще должен сделать?! Может, мне отрастить себе чертову ручку и превратиться специально для вас в какой-нибудь гребучий кувшин?* На правую руку снова выплеснулась вода. Теперь стакан точно упадет. Джесси уже представляла, как ледяная струйка обожжет ей шею.

— *Нет!*

Она протянула руку чуть дальше и пошире растопырила пальцы, чтобы ухватить стакан. Браслет наручников глубоко впился в кожу, но Джесси не обращала внимания на боль. Мышцы левой руки дрожали от напряжения, еще больше раскачивая полку. Еще один тюбик косметики упал на пол. Оставшиеся льдинки слабо позвякивали о стекло. На стене за полкой плясала тень от стакана. Она походила

на гигантскую башню-зернохранилище, наклоненную сильным ветром прерий.

Немножко... еще чуть-чуть...

Да все уже! Дальше некуда!

Должно быть куда. Должно быть.

Джесси вытянула правую руку так, что сухожилия затрепали, и почувствовала, что стакан пододвинулся чуть ближе. Она снова сомкнула пальцы, надеясь, что этого хватит: тянуться дальше было действительно некуда. И она чуть было его не схватила. Но пальцы по-прежнему лишь скользнули по мокрому стеклу. Казалось, что стакан ожил и превратился в разумное, но подленькое существо. Он как будто дразнился. Давал только дотронуться до себя, а потом выскальзывал из руки. Видимо, он решил свести Джесси с ума и оставить лежать здесь в бреду в компании сумеречных теней.

Не дай ему ускользнуть, Джесси, не смей, НЕ СМЕЙ УПУСТИТЬ ЭТОТ ГРЕБУЧИЙ СТАКАН!

И хотя ей казалось, что сил больше нет, что руку нельзя вытянуть дальше хотя бы еще на четверть дюйма, Джесси все-таки удалось слегка развернуть кисть, и на этот раз она сумела ухватить стакан.

Кажется, у меня получилось. Я еще не уверена, но может быть... может быть.

Или, может, на этот раз она и вправду принимает желаемое за действительное. Но Джесси было уже все равно. Никакие «может быть» ее уже не волновали. Предельно ясно было одно: она больше не может держать эту полку. Тот конец поднялся всего лишь на три-четыре дюйма — ну максимум на пять, — но ощущения были такие, словно она нагнулась и, взявшись за утол, приподняла весь дом.

Все относительно, — подумала Джесси, — и голоса, которые учат меня жить, я так думаю, тоже. Но они есть. Голоса у меня в сознании.

Теперь Джесси молилась, чтобы у нее получилось удержать стакан в руке, когда она отпустит полку. Доска упала на скобы немного криво, сдвинувшись влево на пару дюймов. Стакан остался у нее в руке, картонная подставка прилипла к донцу.

Господи Боже, пожалуйста, не дай мне его уронить, не дай...

Левую руку свело судорогой, Джесси дернулась и откинулась на спинку кровати. Лицевые мышцы тоже свело. Губы стали как белый шрам, а глаза превратились в щелки, полные боли.

Подожди, это скоро пройдет... скоро все пройдет...

Конечно, пройдет — она в этом и не сомневалась. У Джесси и раньше бывали судороги, но к такому нельзя привыкнуть. Если бы она смогла дотянуться и потрогать правой рукой мышцы левой, то почувствовала бы, что под кожу как будто набили много-много мелких и гладких камешков, а потом умело зашили невидимой нитью.

Ничего страшного, у тебя и раньше так было. Просто потерпи немного, и все пройдет само. И ради Бога, не урони стакан с водой.

Казалось, прошла целая вечность или даже две вечности прежде чем мышцы левой руки начали расслабляться. Боль понемногу отступала. Джесси хрипло вздохнула и приготовилась пить свою честно заслуженную награду. *Да, пей, — подумала женушка, — но мне кажется, милочка, ты заслужила гораздо больше, чем стакан обычной холодной воды. Наслаждайся наградой... но не забывай про достоинство. Пей аккуратно, по чуть-чуть.*

Да, женушка, ты в своем репертуаре, — подумала Джесси, но тем не менее, когда подняла стакан, она сделала это чинно, с утонченным спокойствием гостя на королевском обеде, ничем не выдавая, что небо как будто облили щелочью, а в горле пульсирует горькая жажда. В принципе женушку нужно иной раз заткнуть — а иногда она просто на это напрашивается, — но держаться с достоинством при сложившихся обстоятельствах (и особенно при сложившихся обстоятельствах) — это и вправду хорошая мысль. Джесси постаралась на славу, чтобы добыть себе эту воду, и действительно, почему бы спокойно не насладиться долгожданным питьем? Когда первый ледяной глоток коснется губ, скользнет по сухому горячему языку, она узнает вкус победы... С учетом того, что ей пришлось пережить, простая вода станет просто божественной.

Джесси вся отдалась мечтам о долгожданной влаге, словно пустыня, мечтающая о дожде. Вкусовые рецепторы замерли в предвкушении, пальцы на ногах свело легкой судорогой, а сердце бешено заколотилось чуть ли не в горле. Джесси вдруг с удивлением поняла, что даже соски напряглись и затвердели, как это бывало, когда она возбуждалась. *Вот они, тайны женской сексуальности, которые даже не снились Джералду*, — подумала она. — *Он приковал меня наручниками к кровати, но ничего не получилось, но стоило мне посмотреть на стакан воды, и я превратилась в безумную нимфоманку.*

Она улыбнулась этой дурацкой мысли, и вдруг стакан замер в футе от лица, плеснув водой на голое бедро, которое тут же покрылось гусиной кожей. Сначала Джесси ничего не поняла, улыбка так и застыла у нее на лице. Она почувствовала странную смесь глупого удивления и

(а?)

совершенного непонимания. В чем дело? Что *не так*?

Ты сама знаешь прекрасно, — сказал один из голосов с НЛО. Его спокойная уверенность испугала Джесси. Она уже все поняла, но не хотела в это верить. Иногда правда слишком жестока, чтобы ее принять. Слишком жестока и несправедлива.

К несчастью, правда бывает и очевидной. Джесси смотрела на стакан, и ее опухшие, налитые кровью глаза наполнились кошмарным пониманием. Все дело в *цепи*. Цепь наручников была слишком короткой, черт бы ее побрал. Это было ясно с самого начала — настолько очевидно, что Джесси просто не подумала об этом.

Ей вдруг вспомнился день, когда Джорджа Буша выбрали президентом. Их с Джералдом пригласили на шикарное празднество — в ресторан на крыше отеля «Сонеста». Сенатор Уиллиам Коэн был почетным гостем, а свежизбранный президент должен был выступить с речью около полуночи. Ради такого случая Джералд заказал серый лимузин; он подъехал к дому ровно в семь, в точности когда было назначено, но в семь десять Джесси все еще сидела на кровати в своем лучшем вечернем платье и, чертыхаясь, рылась в шкатулке с драгоценностями в поисках золо-

тых сережек. Джералд нетерпеливо заглянул в комнату — посмотреть, чего она там копается, — и заметил с выражением «ну почему все бабы такие тупые?!» на лице, что он, конечно же, не уверен, но ему *кажется*, что те серьги, которые она ищет, сейчас на ней. Так и было. Джесси почувствовала себя ужасно глупой — просто хрестоматийная иллюстрация к снисходительному выражению мужниного лица. Тогда ей захотелось наброситься на Джералда и выбить ему зубы ногой в роскошной, но страшно неудобной туфле на высоченной шпильке. Примерно так же Джесси чувствовала себя и сейчас, вот только зубы хотелось выбить себе самой.

Она вытянула шею и выпятила губы, как романтическая героиня старого черно-белого кино. Стакан был так близко, что Джесси могла различить даже пузырьки воздуха, заточенные в последних кусочках льда, и почувствовать минеральный запах колодезной воды (по крайней мере ей так показалось). Но она не могла пить. Тянуться дальше не было никакой возможности, а ее выпяченные «поцелуй-меня-милый» губы намертво остановились в каких-то четырех дюймах от края стакана. Почти дотянулась, но почти не считается, как любил говорить Джералд (да и ее отец тоже).

— Не могу в это поверить, — прохрипела Джесси своим силным «виски-и-Мальборо» голосом. — Просто не верю и все.

Внезапно внутри пробудилась злость и закричала голосом Рут Ниери, чтобы Джесси швырнула стакан о стену, уж если из него нельзя напиться. Если Джесси не может насладиться его содержимым, то пусть хоть полюбуется на фонтан брызг от стакана, разлетающегося на тысячу осколков.

Джесси сжала стакан сильнее. Стальная цепь провисла, когда она отвела руку назад, чтобы как следует размахнуться. Несправедливо! Просто нечестно!

Ее остановил мягкий и терпеливый голос примерной жenuшки.

Может быть, есть другой выход, Джесси. Не сдавайся так сразу. Может быть, что-нибудь можно придумать.

Рут только фыркнула. Ее неверие было прочным, как металл, разочарование — горьким, как луковый сок. Она хоте-

ла швырнуть стакан о стену. Нора Кэллиган, несомненно, сказала бы, что у Рут явно выражена склонность к мщению.

Не обращай на нее внимания, — продолжала женушка. Теперь ее голос звучал взволнованно, даже слегка возбужденно, в нем и следа не осталось от обычно не свойственной ей робости. — *Поставь стакан обратно на полку.*

И что дальше? — спросила Рут. — *Что дальше, о великая и непорочная Гуру, о Богиня одежды из экологически чистой овечьей шерсти, о Святая мученица Церкви заказа покупок по почтовым каталогам?*

Когда женушка начала отвечать, Рут сразу заткнулась. Джесси тоже притихла, как и все голоса у нее в голове... они слушали молча.

10

Джесси аккуратно поставила стакан обратно на полку, так, чтобы он — не дай Бог — не упал. Язык был словно кусок крупной наждачки, а горло саднило, как будто она заболела — жадой. Точно так же Джесси чувствовала себя той осенью, когда ей было девять лет и она подхватила одновременно и грипп, и бронхит. Она полтора месяца не ходила в школу. Болезнь осаждала ее долгими ночами, она просыпалась от спутанных, нервных кошмаров, которые сразу же забывались.

(хотя кое-что помнила: закопченное стеклышко, и гаснущее солнце, и стойкий, острый запах колодезной воды, и его руки... она помнила его руки во сне)

Она просыпалась, вся мокрая от пота, но была слишком слаба, чтобы дотянуться до стакана с водой на столике у кровати. Она помнила, как лежала во влажной постели — вся липкая и горячая, — во рту пересохло, а в голове кружались призрачные фигурки. Она лежала и думала, что больна *жаждой*, а не бронхитом. И вот теперь, столько лет спустя, она себя чувствовала точно так же.

Из головы никак не выходил тот ужасный момент, когда она поняла, что не сможет преодолеть это ничтожное расстояние в несколько дюймов и дотянуться губами до края стакана. Перед глазами плясали узоры из пузырьков воздуха в под-

таявшем льду. В носу остался слабый запах минералов из подземных ключей, питающих озеро. Эти образы дразнили и не давали покоя, как бывает, когда чешется между лопатками, куда не дотянуться рукой.

И все же она заставила взять себя в руки. Той ее части, которая была женошкой Берлингейм, нужно было время, чтобы обдумать положение — невзирая ни на неотвязные образы, ни на предательски пересохшее горло. Ей надо дожидаться, пока сердце не прекратит колотиться как бешеное, пока мышцы не перестанут трястись, пока не стихнет буря эмоций.

За окном постепенно темнело. Мир обесцвечивался, становился мрачным и грустно серым. На озере, в вечернем сумраке, снова пронзительно закричала гагара.

— Заткнись ты, пернатая, — сказала Джесси и рассмеялась. Смех был как скрип ржавых дверных петель.

Так, все в порядке, милая, — сказала примерная женошка. — Самое время попробовать, пока окончательно не стемнело. Но для начала вытри как следует руки.

Джесси обхватила руками столбики в изголовье кровати и поводила ими вверх-вниз, пока ладони не заскрипели по красному дереву. Потом подняла правую руку и покрутила кистью туда-сюда, разминая запястье. *Все смеялись, когда я захотела научиться играть на пианино, —* подумала она и опять принялась шарить по полке, медленно и осторожно. Браслет наручников жалобно звякнул о стекло, и Джесси замерла. Она испугалась, что стакан перевернется и упадет. Но он стоял на месте, так что она продолжила поиски.

Она была почти уверена в том, что предмет ее поисков съехал на самый край полки или вообще свалился на пол. Но потом она все же нащупала картонный уголок журнальной карточки. Она ухватила ее, зажав между указательным и средним пальцем, и поднесла к глазам.

Карточка была ярко-малиновой: по верхнему краю шел узор из хлопущек, серпантин вился между словами рекламки, а разноцветные конфетти дополняли эту развеселенькую пошлятину. «Ньюсвик» празднует ГРАНДИОЗНУЮ ЭКОНОМИЮ и приглашает вас разделить радость» — гласила надпись на карточке. Журналисты «Ньюсвика» будут держать вас

в курсе последних событий в мире, раскроют тайную жизнь звезд политики и эстрады и обещают всестороннее обозрение событий в мире спорта, искусства и — опять же — политики. В общем, карточка без ложной скромности сообщала, что с ее помощью Джесси проникнет в суть мироздания, хотя об этом и не было сказано напрямую. Дальше — больше. Наши придурки из отдела подписки делают вам предложение, от которого вы все описаетесь кипятком: если с помощью ЭТОЙ САМОЙ КАРТОЧКИ вы подпишетесь на наш журнал на три года сразу, то будете получать каждый номер ПО ЦЕНЕ ВДВОЕ НИЖЕ, ЧЕМ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ! Вам не обязательно платить сейчас! По желанию вам вышлют счет позже!

Интересно, у них есть доставка в кровать для женщин, прикованных наручниками? — подумала Джесси. — И чтобы Джордж Уилл, или Джейн Брайан Квинн, или еще кто-нибудь из этих напыщенных старых болванов переворачивал мне страницы, потому что, сами понимаете, в наручниках это не очень удобно.

Несмотря на весь свой сарказм, Джесси почему-то заинтересовалась содержанием карточки и никак не могла оторваться от текста в стиле «давайте веселиться и водить хоровод», от белых полей, куда нужно вписать свое имя, фамилию, адрес и указать тип кредитки: Visa, Master Card, Amex. *Всю жизнь меня просто трясло от этих тупых реклам, особенно когда они выпадали на пол и приходилось нагибаться за ними, а теперь — кто бы мог подумать — от такой вот бумажки зависит, сойду я с ума или нет, и даже — буду я жить или нет. Моя жизнь зависит теперь от такого вот пустяка.*

Жизнь?! Неужели она и вправду боится, что может здесь умереть?! Неужели эта жуткая мысль родилась у нее в голове?! Но по здравом размышлении Джесси все-таки пришла к выводу, что так оно и есть. Ее, конечно, найдут. Но может пройти много времени, а при сложившихся обстоятельствах вполне может быть, что глоток воды станет зыбкой — нет, жидкой — гранью между жизнью и смертью. Мысль была совершенно бредовой, но больше уже не казалась смешной.

Так же, как раньше, моя дорогая: тише едешь — дальше будешь.

Да, но кто бы мог предположить, что финишная черта окажется в такой глуши.

Джесси делала все медленно и осторожно и с облегчением обнаружила, что управляться с карточкой одной рукой не так уж и сложно. Может быть, потому, что размером картонка была всего шесть на четыре дюйма; но скорее всего потому, что Джесси сейчас не пыталась сделать с ней что-то из ряда вон выходящее.

Она зажала рекламку между указательным и безымянным пальцами, а большим пальцем загнула край на полдюйма. Сгиб получился неровным, но вполне подходил для того, что задумала Джесси. К тому же никто и не собирался оценивать ее работу. Кружок «Умелые руки», который она посещала по средам в первой методистской церкви Фальмута, остался в далеком прошлом.

Потом она зажала карточку чуть дальше и загнула еще на полдюйма. Минуты через три плотный листок был сложен всемеро и напоминал неуклюжий косяк с марихуаной, свернутый из малиновой бумаги.

Или, если включить воображение, соломинку для питья.

Джесси взяла ее в рот, придерживая зубами и пытаясь не дать расползтись жестким неровным сгибам. В конце концов это ей удалось, и она потянулась за стаканом.

Аккуратнее, Джесси. Не торопись. Как говорится: поспешишь — людей насмешишь.

Спасибо за совет. И за идею. Здорово ты придумала, действительно здорово. Но теперь, пожалуйста, заткнись на минутку. Дай мне спокойно попить, хорошо?

Джесси нащупала стакан и обхватила его осторожно и с нежностью, как неопытная молодая девушка, которая в первый раз лезет парню в ширинку.

Сейчас взять стакан не составляло вообще никакого труда. Джесси поднесла его поближе ко рту, насколько это позволяла цепь. Лед весь растаял. Время все же бежало вперед, хотя Джесси и казалось, что оно замерло с тех пор, как в дом вошел пес. Но сейчас она не будет думать про пса. Сейчас она постарается представить, что никакого пса вообще не было.

Да уж, лапуля-красотуля, убеждать себя ты умеешь.

Слушай, Рут, я тут пытаюсь хоть как-то держаться и удерживать этот чертов стакан, если ты вдруг не заметила. Если ты точно уверена, что интеллектуальная беседа мне сейчас поможет, то вперед. Но лучше просто заткнись, хорошо? Малость передохни и не мешай мне заниматься делом.

Но Рут просто так не заткнешь.

Ты мне сказала: «Заткнись»?! — удивилась Рут. — Что я слышу! Это лучше, чем старые записи Beach Boys по радио. У тебя всегда замечательно получалось затыкать других, Джесси. Помнишь ту ночь в общежитии, когда мы вернулись с твоего первого и последнего посещения собрания женской группы?

Я не хочу вспоминать это, Рут.

Да, я знаю, что ты не хочешь. Так что я вспомню за нас обеих, идет? Ты утверждала, что это она тебя так расстроила, эта девушка со шрамами от ожогов. А когда я попыталась напомнить тебе, что ты рассказывала мне на кухне... о том, как вы с отцом были одни в вашем летнем домике на озере Дак-Скор летом шестьдесят третьего, когда погасло солнце, и он там что-то сделал с тобой, ты попросила меня заткнуться. Когда я не послушалась, ты попыталась вцепить мне пощечину. Когда и это не помогло, ты схватила пальто, выбежала на улицу и провела ночь неизвестно где. Хотя мне кажется, что ты была у Сьюзи Тиммель, в домике на берегу реки. Мы еще называли его «Отель «У Сьюзи». К концу недели ты нашла девушек, которые собирались снять квартиру в городе и им нужна была соседка. Раз — и тебя нет. Как ветром сдуло. Ты всегда делала все очень быстро, если принимала решение. И, как я уже говорила, у тебя замечательно получается затыкать людей.

Заткн...

Вот видишь! Что я говорила?!

Оставь меня в покое!

Ага, это мне тоже знакомо. Знаешь, что самое обидное, Джесси? Дело даже не в доверии, я прекрасно понимаю: то, что случилось тогда на озере, когда погасло солнце, ты вообще никому не доверяла, даже себе. Самое обидное было знать, насколько близко ты подошла к тому, чтобы все-таки рассказать мне об этом. Помнишь, мы сидели на полу на кухне в домике при ньювортской церкви, спинами к двери, обнявшись.

И вдруг ты заговорила. Ты сказала, что никому не могла рассказать, потому что это убило бы твою маму, а если бы не убило, то она непременно бросила бы его, а ты его любила. Вы все любили его, все в нем нуждались. И все бы стали винить тебя, да и он в общем-то ничего такого не сделал. Я спросила, кто ничего такого не сделал, и ты ответила так быстро, словно все эти девять лет только и ждала, чтобы кто-нибудь тебя спросил. «Мой отец, — ты сказала. — Мы были на озере Дак-Скор в день, когда погасло солнце». Ты бы рассказала и дальше, я уверена, но тут вошла эта тупая сука и спросила: «С ней все в порядке?» Словно по тебе было не видно, в порядке ты или нет, ну ты понимаешь, о чем я. Господи, иногда мне просто не верится, что люди бывают настолько тупыми. Уже давно пора ввести закон, что каждый должен получить правительственную лицензию или хотя бы ученическое разрешение, прежде чем что-то сказать. И до тех пор, пока не пройдешь тест на умение вести беседу, лучше просто молчи. Это решило бы кучу проблем. Но, к сожалению, такого закона нет, и когда эта корова встряла в наш разговор, ты замолчала, словно воды в рот набрала. И я так и не смогла разговорить тебя вновь, хотя, видит Бог, я пыталась.

Тебе надо было оставить меня в покое, только и всего! — ответила Джесси. Стакан с водой начал трястись у нее в руке, самодельная соломинка дрожала во рту. — Ты не должна была лезть не в свое дело! Это тебя не касалось! Тебе не стоило вмешиваться...

Друзьям иногда приходится вмешиваться, Джесси, — ответил голос внутри с такой искренней добротой, что Джесси сразу замолчала. — Знаешь, я навела кое-какие справки. Я догадалась, о чем ты начала говорить, и разузнала подробнее. Я совсем ничего не помнила о затмении в начале шестидесятых. Конечно, я тогда была во Флориде, и в основном меня занимало подводное плавание и спасатель по имени Делрей — я была влюблена в него по уши, до поросычьего визга. Так что какие-то астрономические заморочки меня вообще не колыхали. Но я разузнала... Наверное, я просто хотела убедиться, что все это не сумасшедшая выдумка, навеянная шрамами на буферах той девушки. И мне удалось выяснить, что в штате Мэн действительно было солнечное затмение, и ваш летний

домик на озере Дак-Скор как раз находился в зоне, где оно было полным. Июль шестьдесят третьего года. В доме только маленькая девочка и ее папа. Они наблюдают это явление природы. Ты мне не сказала, что сделал с тобой твой папаша, но я знала две вещи: он все-таки твой отец, что уже очень плохо, и тебе шел только одиннадцатый год, что еще хуже.

Рут, прекрати, пожалуйста. Ты не могла найти более подходящего времени, чтобы начать разгребать этот старый...

Но Рут нельзя было остановить. Рут, бывшая соседка Джесси по комнате, всегда договаривала все, что хотела сказать, до конца. И та Рут, которая поселилась сейчас в голове у Джесси, несколько не отличалась от настоящей.

И еще я знала, что из общежития ты переехала к трем Сьюзи из Университетского женского клуба — принцессам в джемперах с треугольным вырезом и белых блузках. И у каждой, я думаю, было по несколько комплектов трусиков с вышитыми днями недели. Я уверена, что именно тогда ты решила начать тренироваться, чтобы вступить в олимпийскую сборную по вытиранию пыли и натиранию полов. Ты вела себя так, словно в тот вечер в ньюортской часовне вообще ничего не произошло. Словно и не было этого вечера, словно и не было боли, ярости и слез. И меня тоже как будто не было. Да, конечно, мы иногда встречались, ели пиццу в забегаловке «У Пета». Но в общем-то наша дружба кончилась, правда? Когда пришло время выбрать между мной и тем, что случилось на озере в июле шестьдесят третьего, ты выбрала затмение.

Стакан с водой задрожал сильнее.

— Почему сейчас, Рут? — спросила Джесси, даже не осознавая, что она говорит это вслух. — Почему именно сейчас, хотелось бы знать? С учетом того, что ты сейчас — часть меня? Почему именно тогда, когда мне нельзя отвлекаться и надо быть сильной?

Самый очевидный ответ был также и самым неприятным: потому что внутри у нее поселился враг — мерзкая, скандальная сука, которой нравилось то, что Джесси прикована наручниками к кровати, и у нее все болит, и ей ужасно хочется пить, и она напугана и несчастна. Сука, которой хотелось злорадствовать и совсем не хотелось, чтобы Джесси

стало хоть чуточку лучше. И которая пойдет на все — на любую низость, — лишь бы все осталось, как есть.

Полное солнечное затмение тогда длилось всего лишь минуту, Джесси... Но похоже, что у тебя в голове оно все еще продолжается.

Джесси закрыла глаза и сосредоточилась на том, чтобы унять дрожь в руках. Теперь она обращалась к Рут не как к части себя, которая вдруг решила поиграть в самостоятельность — как сказала бы Нора Кэллиган, — а так, как будто она говорила с другим человеком.

Оставь меня в покое, Рут. Если тебе все еще захочется обсуждать эту тему, то пожалуйста, ради Бога, но только после того, как я наконец поью.

— А сейчас заткнись, мать твою, — закончила она хриплым шепотом.

Ага, — тут же отозвалась Рут. — Я знаю, что у тебя в голове живет кто-то еще, кто говорит моим голосом и кто пытается все испортить. Он, без сомнения, великий чревовещатель, но это не я. Я любила тебя и до сих пор люблю. Именно поэтому я старалась поддерживать связь с тобой. Да и к тому же, по моему глубокому убеждению, такие сучки, как мы, должны держаться вместе.

Джесси попыталась улыбнуться, но ей мешала самодельная соломинка.

Ну давай, Джесси, пей. Только осторожнее.

Джесси подождала пару секунд, но все было тихо. Рут заткнулась, по крайней мере на время. Она открыла глаза, медленно наклонила голову, свернутая трубочкой карточка торчала изо рта, как знаменитый мундштук Рузвельта.

— Господи! Пожалуйста... пусть все получится.

Конец самодельной соломинки опустился в воду. Джесси закрыла глаза и всосала воду. Поначалу ничего не произошло и внутри шевельнулось горькое разочарование. Но потом ее рот наполнился вкусной прохладной водой, и это было как экстаз. Она бы всхлипнула от радости, на рот был занят свернутой подписной карточкой, так что она только замычала от удовольствия.

Долгожданная вода ласкала горло и рот, словно нежный шелк. Она пила жадно, бездумно, как голодный теленок со-

сет вымя матки. Соломинка была далеко не идеальной; вода шла с перерывами, с хлюпаньем, а не ровной струйкой. Большая часть стекала обратно из-за неровных, неплотно прилегающих сгибов карточки. Краем сознания Джесси это отмечала, слышала, как капли падают на покрывало, словно редкий дождь. Но она отчаянно верила, что это — величайшее изобретение, созданное человеком...

Не пей все, оставь что-нибудь на потом.

Джесси не знала, который из ее внутренних голосов подал эту мысль, но это было не важно. Совет замечательный, но с тем же успехом можно было доказывать восемнадцатилетнему парню, доведенному почти до сумасшествия жестью месяцами глубокого петтинга, что даже если девушка и созрела на что-то большее, то у него все равно ничего не выйдет, потому что у них нет резинки. Бывают такие моменты, когда невозможно прислушаться к голосу разума. Тело просто берет свое, и ничто его не остановит. И еще Джесси поняла, какое это блаженство — потакать естественным потребностям организма.

Она продолжала пить через свернутую карточку, наклоня стакан, чтобы конец этой мокрой малиновой штуки оставался под поверхностью воды. Какой-то частью сознания Джесси понимала, что соломинка течет и надо бы остановиться и дать ей немного высохнуть. Но она словно обезумела от жажды и все пила и пила.

Она пришла в себя только тогда, когда обнаружила, что на протяжении нескольких секунд втягивает лишь воздух. Вода еще оставалась в стакане, но соломинка была слишком короткой, чтобы до нее добраться. На покрывале, под свернутой в трубочку рекламкой, расплзлось влажное пятно.

Наверное, я смогу добраться до того, что осталось. Если вывернуть руку так же, как тогда, когда я доставала стакан, и вытянуть шею, я, может быть, и смогу достать до воды. Наверняка смогу. Наверняка.

Она просто знала, что у нее получится. И позже она опробует свою идею на практике. Но сейчас парни в костюмах-тройках с верхнего этажа, откуда открывается замечательный вид, вновь захватили власть; так что рабочие машинного отделения недолго праздновали победу. Мятеж был подавлен.

Джесси не утолила жажду, но жжение в горле слегка поутихло, и она почувствовала себя лучше. Как морально, так и физически. Разум прояснился, и восприятие действительно стало более адекватным.

Джесси была довольна, что в стакане осталось еще немного воды. Разумеется, два глотка ее не спасут. И особенно в том положении, в котором она сейчас — в положении жертвы в почти безвыходной ситуации между жизнью и смертью. Но ей хотя бы будет чем заняться, когда и *если* ей в голову снова полезет какая-нибудь ерунда. И вообще, надвигается ночь, муж лежит на полу мертвый, и похоже на то, что ей придется здесь заночевать.

Отнюдь не радужная перспектива, если вспомнить еще про бездомного пса, который вроде бы собирается ночевать вместе с ней. Но Джесси все равно клонило в сон. Она попыталась найти причины, почему ей нельзя засыпать, но не придумала ничего убедительного. Ее не проняла даже мысль, что пока она будет спать, руки у нее затекут и потеряют чувствительность, и пробуждение будет, мягко сказать, неприятным. Ей было уже все равно. Ну, затекут... ну и что? Она просто подвигает ими — кровоснабжение восстановится и все придет в норму. Приятного мало, конечно, но Джесси не сомневалась, что все будет в порядке.

К тому же ты, может быть, что-нибудь и придумаешь во сне, — сказала примерная женушка. — *Так часто бывает в книгах: человек засыпает, и ему снится, как разрешить проблему.*

— *Может быть, это ты что-нибудь придумаешь?* — отозвалась Джесси. — У тебя хорошо получается, знаешь.

Она постаралась спиной подтолкнуть подушку как можно выше под голову, чтобы улечься поудобнее. Плечи болели, и руки — тоже. И особенно — левая. Мышцы брюшного пресса все еще ныли после непомерной нагрузки, когда она пыталась дотянуться до стакана... Но как ни странно, она себя чувствовала довольной. В полной гармонии с собой.

Довольной?! С чего бы тебе быть довольной? Твой муж умер, и ты, кстати, этому поспособствовала. А представь, что ты не сумеешь освободиться сама и тебя найдут? Ты не думала, как все это будет выглядеть со стороны? Как говорится:

что скажет констебль Тигарден? Сколько он будет соображать, что не худо бы вызвать полицию? Тридцать секунд? Может, сорок? В провинции медленно соображают. Но минуты через две он точно допрет, можешь не сомневаться.

Возразить было нечего. Все верно.

С чего бы тебе быть довольной, Джесси? В твоём-то бедственном положении...

Она не знала, с чего. Но была довольна. Ощущение пока было глубоким и мягким, как пуховая перина промозглой мартовской ночью, когда за окном воет ветер, а с неба выплется снег с дождем, и теплым, как стеганое одеяло из усиного пуха. Она догадывалась, что истоки этого ощущения лежат в физиологии: если человек мучается от жажды, то может легко впасть в протрацию, выпив полстакана воды.

Но дело было не только в физиологии. Ровно десять лет назад она бросила преподавать — она работала учительницей на подменах, — уступив давлению упорных (или лучше сказать непреклонных) логических доводов Джералда. Тогда он уже зарабатывал почти сто тысяч долларов в год, и по сравнению с такими деньжищами ее жалкие пять или семь тысяч выглядели просто смешно. Тем более что всякий раз, когда приходило время подавать налоговую декларацию в Службу внутренних доходов, у нее забирали большую часть ее денег, и при этом неутомимые инспектора все равно методично перерывали всю бухгалтерскую документацию в поисках незадекларированного дохода.

А когда Джесси жаловалась на них мужу, он только смотрел на нее с этакой странной смесью нежности и плохо скрываемого раздражения. Это было не то выражение «Ну почему все вы, бабы, такие тупые?», которое появилось гораздо позже и в последние годы почти не сходило с его лица. Не то — но все-таки очень похожее. *Они знают, чем я занимаюсь, — говорил он ей, — они видят, что у нас в гараже — две немецкие машины, они рассматривают фотографии домика на озере, а потом читают твою налоговую декларацию и видят, что ты работаешь, как им кажется, практически задаром. Они не могут в такое поверить, им кажется, что это — обман, мошенничество. Вот они и начинают вынюхивать: а вдруг здесь дело нечисто? Они просто не знают тебя, вот и все.*

Она так и не смогла объяснить Джералду, что для нее значит работа, пусть даже и не на полную ставку... Или это не она не смогла, а *он* не захотел слушать. Как бы там ни было, работа в школе придавала ее жизни какой-то смысл. Но Джералд этого так и не понял. Не понял он и того, что эта работа служила своеобразным мостом, соединяющим ее жизнь до знакомства с Джералдом с ее теперешней жизнью. До знакомства со своим будущим мужем Джесси была учителем английского в старших классах школы. Она жила одна и сама себя обеспечивала, ее любили и уважали коллеги, и — что очень важно — она никому и ничем не была обязана. Она не сумела ему объяснить (или это он не хотел слушать), что, бросив работу, она стала тосковать и почувствовала себя потерянной и какой-то даже бесполезной.

Она ничего не могла с собой поделать. По большей част. это гложущее чувство опустошенности было вызвано тем, что она никак не могла забеременеть. А решение бросить работу только усугубило эту гнетущую безысходность. И хотя через год Джесси почти успокоилась, она все-таки не избавилась полностью от неприятного ощущения, что с ней происходит что-то не то. Иногда ее жизнь казалась ей каким-то клише: молодая учительница удачно выходит замуж за преуспевающего адвоката, у которого — несмотря на столь юный возраст (с точки зрения профессиональной карьеры) — уже есть собственный кабинет с именной табличкой на двери. Эта молодая (ну, относительно молодая) женщина уже входит в запутанные коридоры дворца под названием средний возраст. Осматривается и понимает, что она совсем одна: ни детей, ни работы — только муж, озабоченный (можно даже сказать одержимый) лишь тем, как бы добиться успеха и подняться как можно выше по служебной лестнице.

Жизнь летит быстро, и вот этой женщине уже сорок. Она из тех женщин, которые очень легко могут влипнуть в самые разные неприятности вроде наркотиков, алкоголя или романа с другим мужчиной, скорее всего — молодым. Но ничего такого не произошло с этой молодой (ну... *когда-то* молодой) женщиной. И вот у нее — куча свободного времени, она копается саду, играет в боулинг, ходит на занятия живописью и скульптурой, посещает поэтический кружок. Она

вполне могла бы закрутить роман с преподавателем поэзии, если бы захотела (да она в принципе и хотела, и даже чуть было не соблазнилась, но потом ее что-то остановило). У нее было время копаться в себе, и она познакомилась с Норой. Но никогда еще она не чувствовала такого глубокого удовлетворения, как сейчас. Усталость и боль стали как почетные боевые ранения, а наползающая дремота — как награда за мужество. Эпоха Миллера глазами женщины, прикованной наручниками к кровати.

Да, Джесси, с водой ты придумала здорово.

Еще один НЛО-голос, но сейчас Джесси было уже все равно. Что-то давно Рут не слышно... Она была самой интересной из внутренних собеседников, но и самой утомительной тоже.

Большинство людей даже до стакана бы не добрались, — продолжал ее почитатель-НЛО. — А уж додуматься сделать из рекламной карточки соломинку — это вообще высший класс. Так что давай — так держать. А пока наслаждайся своей победой. Думаю, ты это заслужила. Как и краткую передышку на сон.

А как же собака? — с сомнением в голосе спросила жenuшка.

Пес тебя больше не побеспокоит. И ты знаешь почему.

Да. Ответ на этот вопрос лежал на полу, недалеко от кровати. Сейчас Джералд был всего лишь неясным силуэтом среди других теней, и слава Богу. За окном ревел ветер. Его шелестение в соснах успокаивало, убаюкивало. Джесси закрыла глаза.

Осторожнее там со снами! — внезапно заволновалась жenuшка. Теперь ее голос звучал как-то слабо и неубедительно. Но она повторила еще раз: — Осторожнее, я серьезно.

Да, конечно. Примерная жenuшка всегда говорит серьезно, и поэтому частенько бывает навязчивой и утомительной.

Что бы мне там ни снилось, — подумала Джесси, — мне хотя бы не будет сниться, что я хочу пить. У меня не было полных побед на протяжении десяти лет... так, лишь удачные партизанские вылазки... но то, что я достала этот стакан и напилась, — вот самая настоящая победа, полная и безоговорочная. Правильно?

Да, — согласился НЛО-голос. Вроде бы он был мужским, и уже засыпая, Джесси подумала, что он похож на голос ее брата Вилла... когда тот был еще маленьким, в начале шестидесятых. — Да! Ты была просто великолепна!

Спустя пять минут Джесси уже крепко спала. Руки разведены в стороны, запястья болтаются в браслетах наручников, голова свесилась на правое плечо (оно болело меньше, чем левое). Она размеренно похрапывала. И вдруг — за окном уже взошла луна — в комнату вошел пес. Как и Джесси, он теперь успокоился, потому что поел. В животе перестало урчать, пузо приятно округлилось. Он смотрел на женщину на кровати, подняв здоровое, целое ухо, и пытался понять: она правда уснула или просто притворяется. Судя по запаху (пот практически высох, в ноздри не бил острый запах адреналина), она действительно спит, решил пес. Никто не будет кричать на него и линать. Только надо быть осторожным, чтобы не разбудить ее.

Мягко ступая, пес приблизился к груде мяса на полу. Есть хотелось уже не так сильно, но теперь мясо пахло гораздо лучше. Потому что теперь уже всё — он нарушил древнее табу на этот сорт мяса. В первый раз было трудно преодолеть себя, но теперь будет проще. Впрочем, пес этого не осознавал — по крайней мере не так, как осознал бы человек, — но даже если бы и осознавал, ему было уже все равно.

Он опустил морду, обнюхал мертвого адвоката с видом гурмана, готового насладиться изысканным блюдом, и осторожно прихватил зубами его нижнюю губу. Потянул, сначала — чуть-чуть, но потом все настойчивее. Плоть вытягивалась все больше. Джералд как будто выпячивал нижнюю губу. А потом она оторвалась, обнажив нижние зубы в смертельной ухмылке. Пес проглотил этот маленький деликатесный кусочек и принялсялизывать то место, откуда его оторвал. Два маленьких пятнышка света пустились в пляс на потолке — луна отражалась на пломбах в двух нижних зубах Джералда. Они были сделаны всего неделю назад и сияли, как свежечеканенные четвертаки.

Пес еще раз лизнул лицо Джералда, а потом вытянул шею — точно как Джесси, когда она пыталась достать воду соломинкой из картонки. Он обнюхал лицо Джералда, но не прос-

то, а со вкусом и вкусом. Сначала вдохнул слабый запах воска для натирки полов, которым пропахло левое ухо. Потом — смешанный аромат пота и бриолина у линии роста волос, потом — острый, чарующий аромат запекшейся крови на макушке. Пес не просто обнюхивал тело — он как будто проводил расследование своим поцарапанным и грязным, но зато очень чувствительным носом. Он опять стал похож на гурмана, который выбирает самое лучшее из изобилия наивкуснейших блюд. В конце концов он вцепился зубами в левую щеку Джералда и потянул.

Глаза Джесси забегали под закрытыми веками. Потом она громко застонала.

Пес замер, инстинктивно приняв виновато-испуганный ид. Но лишь на пару секунд. Ведь перед ним лежала целая куча мяса. И вся — его. Он собирается за нее драться и даже готов умереть, если так будет нужно. К тому же звук издала хозяйка, а он уже знал, что она ему ничего не сделает.

Пес опять наклонил голову, вонзил зубы в щеку Джералда Берлингейма и потянул, трясая головой из стороны в сторону. Полоска мяса оторвалась со щеки мертвеца со звуком, похожим на треск клейкой ленты на бобине упаковщика. Теперь улыбка Джералда стала еще более яростной и хищной, словно у человека, сорвавшего банк в покере на игре по-крупному.

Джесси вновь застонала и что-то пробормотала во сне. Пес снова насторожился и взглянул на нее. Он понимал, что хозяйка не сможет встать и помешать ему, но звук ее голоса все равно заставлял его нервничать. Древний запрет был нарушен, но пес про него не забыл. Тем более что голод уже не терзал его так, как раньше. Он уже и не ел, а так — закусывал. Бывший Принц повернулся и затрусил прочь из комнаты. Кусок щеки болтался у него во рту, как детский скальп.

11

Четырнадцатое августа 1965 года. Прошло чуть больше двух лет с того дня, когда на небе погасло солнце. Сегодня праздник — день рождения Вилла. Он подходит ко всем и каждому и торжественно заявляет, что прожил столько же лет, сколь-

ко иннингов в бейсболе. Джесси никак не может понять, почему для него это важно. Но получается, что очень важно, и она решает, что если Вилл хочет сравнить свою жизнь с игрой в бейсбол, то флаг ему в руки.

Сначала все хорошо. Все так, как и должно быть на дне рождения. Магнитофон играет песенку Марвина Гея. Неплохая такая, совершенно безобидная песенка. «Я не буду мешать тебе, детка, — шутливо заявляет он. — Я просто уйду и не буду мешать». Легкая приятная мелодия. Да и, по правде сказать, это не просто хороший день, а *очень* хороший. Не день, а концерт для скрипки с оркестром, как сказала бы тетушка Кэтрин. Даже папа согласен, хотя поначалу идея поехать в Фальмут на день рождения Вилла ему не особо понравилась. Но потом Джесси сама услышала, как он сказал, что *в общем-то это была неплохая идея*. Услышала и ужасно обрадовалась, потому что это была *ее* идея — Джесси Махо, дочери Тома и Салли, сестры Мэдди и Вилла, ничьей жены. Именно она предложила ехать сюда, не на Сансет-Трейлз.

Сансет-Трейлз — это их загородный домик (по прошествии трех поколений семья разрослась, так что его вполне уже можно назвать загородной резиденцией) на северном берегу озера Дак-Скор. Но в этом году они нарушили традицию девятидневного летнего уединения. Потому что так хочется Виллу. Он почти месяц канючил — тоном старого вельможи, который пытается выпросить у смерти еще годик-другой. «Ну хоть разок», — доставал он маму с папой. Ему так хотелось отпраздновать день рождения и с семьей, и с городскими друзьями.

Сначала Том Махо был категорически против. Он — биржевой маклер и разрывается между Бостоном и Портлендом. И годами убеждает семью не верить той чуши, что, мол, те люди, которые ходят на работу в галстуках и белых рубашках, целый день валяют дурака и только и делают, что периодически бегают к автомату с газировкой и назначают свидания блондинистым секретаршам. Даже фермеру округа Арустук, который весь день напролет окучивает картошку, живется легче, чем мне, — любит он повторять. Следить за рынком — это не так просто, как кажется, и не так увлекательно. Но, если честно, они и не собираются возражать, и

все семейство считает (и его жена не исключение, хотя Салли никогда бы в этом не призналась), что его работа скучнее ослиного дерьма, и из всех только Мэдди приблизительно себе представляет, чем он там занимается у себя на бирже.

Том настаивает на том, чтобы поехать на озеро, потому что ему просто *необходимо* отдохнуть на природе — ведь он так много работает. Да и к тому же у сына вся жизнь впереди, и он отметит еще *миллион* дней рождения с друзьями. Ему исполняется всего девять, а не девяносто. «К тому же, — добавляет Том, — отмечать дни рождения с друзьями — это не слишком весело, пока ты еще мал и не можешь пропустить пару стаканчиков».

Так что скорее всего просьба Вилла отпраздновать день рождения в городе была бы решительно отклонена, если бы Джесси вдруг не поддержала его предложение (Вилл удивлен больше всех: Джесси старше его на три года, и он частенько сомневается, что она вообще помнит о существовании брата). Она говорит, что идея поехать в город совсем не плоха. Не надолго, всего на пару дней. Можно будет устроить пикник с барбекю на лужайке перед домом, поиграть в крокет и бадминтон, а когда стемнеет — зажечь в саду японские фонарики. И постепенно Том проникается, и ему даже начинает нравиться это предложение. Он — из тех людей, которые считают себя «волевыми сукиными детьми», но воспринимаются окружающими как «упертые козлы». В общем, как ни назови, но Том — человек упрямый. «Как я сказал, так и будет». И переубедить его невозможно.

Повлиять на него может только Джесси. Даже у всей вместе взятой семьи не получилось бы лучше. Ей удастся находить секретные подходы, невидимые всем остальным. Салли считает — с оттенком какой-то даже ревности, — что средний ребенок в их семье всегда был и остается любимчиком Тома, а он, наивный, уверен, что никто об этом не догадывается. Мэдди и Вилл смотрят на это проще: они считают, что Джесси просто подлизывается к отцу, и он во всем ей потакает. «Если бы отец застукал с сигаретой *Джесси*, — сказал Вилл своей старшей сестре год назад, когда Мэдди за это дело запретил ходить гулять, — то он бы ей подарил зажигалку, наверное» — Мэдди тогда засмеялась и обняла брата. Ни Мэдди, ни Вилл

ни их мать не имеют ни малейшего представления о том, что у Тома Махо и его младшей дочери есть секрет — гадкий, как куча протухшего мяса.

Сама Джесси считает, что просто поддерживает предложение младшего брата, заступает за него. Ей даже в голову не приходит, что на самом деле она возненавидела Сансет-Трейлз и ей страшно не хочется туда ехать. Она возненавидела озеро, которое когда-то просто обожала (и особенно — едва уловимый, минеральный запах его воды). В 1965 году, даже в самые жаркие дни, она заставляет себя купаться буквально через силу. Джесси знает, что мама думает, будто это из-за фигуры: она начала созревать очень рано и уже к двенадцати годам практически оформилась в женщину. Точно, как сама Салли в свое время. Но дело было не в этом. Джесси уже свыклась с этим и понимала, что ей далеко до красоток из «Плейбоя». Дело было не в груди, не в губах или попе. Все дело в *запахе*.

В общем, не важно, что заставляет главу семьи передумать, но в конце концов Том решает выполнить просьбу сына. Они поехали в город пораньше, чтобы Салли (обе дочери активно и с удовольствием вызвались ей помочь) успела подготовиться к празднику. Сегодня 14 августа — разгар лета в штате Мэн. Небо цвета полинявших голубых джинсов, пухлые белые облака, соленый ветерок.

В районе озер, где в 1923 году дед Тома Махо построил хижину, все изнемогает от жары — леса, озера, пруды и болота, — на улице девяносто градусов*, а влажность такая, что можно пить воздух. Зато на побережье, в Фальмуте, всего около восьмидесяти**. Влажность совсем незаметна из-за морского бриза, который к тому же сдувает мошкарку. На лужайке перед домом полно детей. В основном это друзья Вилла, но есть и подруги Джесси и Мэдди. И, *что странно*, все очень даже неплохо ладят. Все хорошо, никаких происшествий. И около пяти вечера Том наконец удобно располагается в кресле со стаканом мартини. Он смотрит на Джес-

* по шкале Фаренгейта. По Цельсию — около 32 градусов.

** около 27 по Цельсию.

си, которая стоит неподалеку с крикетным молотком на плече, как часовой с винтовкой (и которой прекрасно слышно, о чем говорят родители, но это можно расценить как комплимент в ее адрес), потом поворачивается к жене и говорит, что ему кажется, что все-таки это была замечательная идея.

И не просто замечательная, — думает Джесси, — а гениальная и совершенно потрясающая идея, уж если по правде. На самом деле она думает не совсем так, но не надо высказывать это вслух, потому что — зачем искушать судьбу? Джесси считает, что сегодня просто отличный день — как сладкий вкусный персик. Даже музыка, орущая из переносного магнитофона Мэдди (который она охотно вынесла на лужайку перед домом, хотя обычно это была Великая и Неприкосновенная Святыня), совершенно не раздражает. Джесси, наверное, никогда не полюбит Марвина Гея — как она больше уже никогда не полюбит минеральный запах воды, исходящий от озера в жаркие летние дни, — но *эта* песня очень даже ничего. «И черт меня побери, если ты не красавица, крошка» — глупая песенка, но вполне ничего. Безобидная.

14 августа 1965 года. Этот день все еще длится в памяти спящей женщины, которая прикована наручниками к кровати в домике на берегу озера, в сорока милях южнее Дак-Скор (но с тем же противным, металлическим запахом воды в жаркие летние дни). И двенадцатилетняя девочка, которой она была когда-то, не видит, что Вилл подкрадывается к ней сзади. Она наклонилась над мячиком, прицеливаясь, и ее оттопыренный задик превратился в слишком заманчивую мишень для мальчишки, который прожил на свете столько же лет, сколько иннингов в бейсбольной партии. И все же какая-то ее часть знает о том, что он к ней подходит. И с этого момента сон превращается в кошмар.

Джесси прицеливается, чтобы попасть в воротца с расстояния в шесть футов. Трудная позиция, но попасть очень даже *возможно*. И если получится, ей удастся наконец сравнять счет с Кэролайн. Это было бы здорово, потому что эта воображала Кэролайн почти *всегда* побеждает в игре в крокет. И вот как раз когда она заносит молоток для удара, из магнитофона раздается новая песня.

О-о-о, слушайте все, — в шутку грозит Марвин Гей, только Джесси почему-то кажется, что это вовсе не шутка. — *И особенно вы, девочки...*

Загорелые руки Джесси покрываются гусиной кожей.

...как тяжело быть одному, когда любимой нет рядом... Друзья говорят, что я слишком сильно люблю...

Пальцы немеют, и Джесси совсем не чувствует молоточка в руках. В запястьях покалывает, как будто

(Колодки, смотрите, женушка в колодках, посмейтесь над женушкой в колодках)

на них надеты невидимые оковы. И сердце внезапно переполняется страхом. Это другая песня... *плохая песня.*

...но кажется мне... кажется... только так и надо любить...

Джесси поднимает голову и смотрит на подруг, которые ждут, когда она ударит, и видит, что Кэролайн исчезла. На ее месте стоит Нора Кэллиган. Волосы заплетены в косички, кончик носа измазан белой краской; на ней — теннисные туфли и медальон Кэролайн с маленькой фотографией Пола Маккартни. Но зеленые глаза — Норины; она смотрит с пронзительным, взрослым состраданием. Джесси вдруг вспоминает, что Вилл — которого, несомненно, подстрекают приятели, — Вилл, очумевший от шоколадных пирожных и кока-колы, подкрадывается к ней сзади, чтобы ушипнуть. И тогда она разозлится, развернется и ударит его по лицу. И если праздник не будет испорчен полностью, то это по крайней мере добавит половник дегтя в его приторное совершенство. Джесси пытается ударить по мячу молоточком, чтобы выпрямиться и повернуться, прежде чем Вилл подойдет. Ей хочется изменить прошлое, но это очень непросто — все равно как пытаться приподнять дом и заглянуть под него в поисках спрятанных или потерянных вещей.

Кто-то прибавил громкость, и магнитофон уже просто-напросто надрывается, исторгая торжественную садистскую песенку: **ОБИДНО ОЧЕНЬ МНЕ СЕЙЧАС... СО МНОЙ ТЫ ПЛОХО ОБОШЛАСЬ... КТО-НИБУДЬ, ПОДСКАЖИТЕ ЕЙ... ЧТО ПОСТУПИЛА ОНА НЕЧЕСТНО...**

Джесси снова пытается ударить по мячу молоточком и отшвырнуть его от себя, но все бесполезно. Он словно приклеен к рукам.

Нора! — кричит она. — Нора, помоги мне! Останови его!

(В этот момент спящая Джесси в первый раз застонала и ненадолго отпугнула пса от тела Джералда.)

Нора медленно и сурово качает головой. *Я не могу тебе помочь, Джесси. Ты сама по себе. Как и все в принципе. Обычно я не говорю этого пациентам, но в твоём случае, мне кажется, лучше быть откровенной.*

Ты не понимаешь! Я не смогу пережить это еще раз! НИ СМОГУ!

Да ладно тебе, не глупи, — раздраженно отвечает Нора и отворачивается, словно не в силах вынести яростного выражения на лице Джесси. — Подумаешь, большое дело. Еще никто от этого не умер.

Джесси затравленно оглянулась (хотя по-прежнему никак не могла разогнуться) и увидела, что ее подруга Тэмми Хоу тоже исчезла, а на ее месте стоит Рут, в белых шортах и желтой майке Тэмми. В одной руке у нее — молоточек для крокета в красную полоску, в другой — сигарета «Мальборо». На лице застыла язвительная усмешка, но глаза серьезные, полны печали.

Рут, помоги мне! — кричит Джесси. — Ты должна мне помочь!

Рут глубоко затягивается сигаретой, потом бросает ее на землю и затаптывает пробковой подошвой Тэмминой сандалии. *Ой как страшно, лапуля. Он всего лишь тебя ущипнет, а не засунет тебе в жопу мясницкий нож. И ты это знаешь не хуже, чем я. К тому же ты уже через это прошла один раз. Что в этом такого? Подумаешь...*

Нет, он не просто меня ущипнет, не просто ущипнет, а ты это знаешь!

Ну футы-нуты, я знаю, — говорит Рут.

Что? Что это значит...

Я имею в виду, что не могу знать ВСЕГО, — кричит Рут. Ее голос пронизан гневом и болью. — Ты же мне ничего не рассказываешь, ты никому ничего не рассказываешь. Ты тогда просто сбежала и все. Удрала, словно кролик, увидевший на траве тень совы.

Я НЕ МОГЛА рассказать! — орет Джесси. Теперь она замечает перед собой чью-то тень, словно Рут накаркала. Конеч

но же, это не тень совы, а всего лишь тень Вилла. Она уже слышит сдавленные смешки его друзей. Знает, что он уже вытянул руку, а она так и не может распрямиться и отойти. Она бессильна изменить то, что сейчас произойдет. Джесси понимает, в чем суть кошмара.

Я НЕ МОГЛА! — снова визжит она. — *Я не могла рассказать, не могла! Это бы убило маму, или разрушило нашу семью, или и то и другое сразу. Он мне так сказал! Папа мне так сказал!*

Мне очень не хочется лишний раз тебя огорчать, но я все же напомним, что в декабре будет двенадцать лет, как он умер, лапуля-крохотуля. Так что можно уже и забыть об этой душевраздирающей мелодраме. Он же не подвесил тебя за соски на бельевой веревке и не разжег под тобой костер.

Но Джесси не хочет об этом слышать, не хочет задумываться о своем прошлом — даже во сне. Если костяшки домино начнут валиться, кто знает, чем это может закончиться? Так что она «отключила» слух и продолжала смотреть на свою старую подругу пронзительным, жалобным взглядом, который так часто вызывал у Рут (чья внешняя непробиваемость и уверенность в себе была лишь показухой) смех, и она соглашалась сделать все, о чем бы Джесси ее ни просила.

Рут, ты должна мне помочь! Должна!

Но на этот раз умоляющий взгляд не помог. *Я так не думаю, лапуля. Три Сьюзи уже в прошлом. Про молчание можно забыть. Бежать тебе некуда, а проснуться — не вариант. Это сказочный поезд, Джесси. Ты — котенок, а я — сова. И мы уже едем. Так что давай, пристегнись получше. Это экспресс.*

Нет!

И тут — к ужасу Джесси — начинается темнеть. Может быть, солнце просто скрылось за тучей, но она уверена, что это не так. Солнце гаснет. Скоро летним днем засверкают звезды, и хищный филин выйдет на охоту за беспомощной голубкой. Пришло время затмения.

Нет! — опять кричит Джесси. — *Это было два года назад!*

Вот в этом ты не права, — говорит Рут Ниери. — Затмение не кончилось — для тебя. Для тебя солнце так и не зажглось.

Джесси открыла было рот, чтобы возразить, что Рут преувеличивает — так же, как и Нора, которая вечно пыталась разговаривать с Джесси, которая повторяла, что *настоящее можно улучшить*, но лишь разобравшись с прошлым — как будто можно улучшить сегодняшний ужин, смешав его с засохшими остатками вчерашнего завтрака. Джесси хотела сказать Рут — как сказала и Норе, когда уходила, — что есть разница между жить с чем-то и жить пленником чего-либо. *Неужели вы, две идиотки, не понимаете, что Культ себя любимой это всего лишь еще один культ?!* Она хотела это сказать, но прежде чем успевает открыть рот, наглая рука просовывается ей между ног — большой палец грубо поглаживает расселину между ягодицами, а остальные пальцы прижимаются через шорты прямо к влагалищу. Рука гораздо больше, чем у Виллы, и далеко не такая невинная. В магнитофоне играет гаденькая песня, три часа дня, а на небе — звезды. Вот как

(от этого еще никто не умирал)

дурачатся взрослые.

Она оборачивается, ожидая увидеть отца. Что-то похожее он с ней проделал во время затмения. Наверное, вечно ноющие апологетки Культа себя любимой, приверженицы жизни прошлым — Рут и Нора — назвали бы это соvrращением малолетних. Она уверена, что это отец, и боится, что очень жестоко накажет его за то, что он сделал. Не важно, мелочь это или нет. Она замахнется молотком для крокета и ударит его по лицу: разобьет ему нос и вышибет зубы. И когда он упадет на траву, придет собака и сожрет его.

Но это не Том Махо, а Джералд. Он совсем голый. Напрягшийся пенис Преуспевающего Адвоката торчит из-под мягкого розового живота и направлен прямо на нее. В каждой руке у него — по паре полицейских наручников. Он протягивает их ей в этой неестественной темноте среди белого дня. Звезды отражаются на зубастых челюстях браслетов со штампом М-17. Ему не удалось достать F-23.

Давай, Джесс, — говорит он, ухмыляясь. — Стоишь тут будто не знаешь, чего от тебя хотят. К тому же тебе это нравилось. В первый раз, когда ты кончала, ты едва не взорвалась. Да и мне тоже безумно понравилось. Мне даже иногда

снится наш первый раз. И знаешь, почему тебе было так здорово? Потому что не надо было ни о чем думать. Почти все женщины любят, когда мужчина подчиняет их себе. Уже доказанный факт из женской психологии. А интересно: ты кончила, когда твой отец тебя лапал? Я уверен, что да. Да так, что чуть с ума не сошла. Эти дуры-апологетки Культа Себя любимой могут спорить хоть до посинения, но мы-то с тобой знаем правду, так ведь? Одни женщины могут сами сказать, чего хотят, а другим нужен мужчина, чтобы он им сказал, чего они хотят. Ты из второй категории. Но ничего, Джесси. Я для этого и раздобыл наручники. Это браслеты любви. Так что надень их, моя дорогая. Надень.

Она отступает назад, и трясет головой, и не может понять, смеяться или плакать. Тема новая, но речи знакомы. Я слишком долго была замужем за адвокатом, Джералд, и адвокатские штучки на меня не действуют. Мы оба знаем, что эти забавы с наручниками совсем не по мне. А вот тебе это надо. Чтобы растормошить своего старого и в хламиду пьяного Джона Томаса. Так что оставь при себе свою неудачную интерпретацию фактов женской психологии.

Джералд понимающе улыбается. Попытка хорошая, крошечка. Чертовски хорошая. Лучшая защита — это нападение, да? Вроде даже я тебя сам этому научил. Впрочем, не важно... У тебя сейчас есть два варианта: либо надеть наручники, либо убить меня еще раз крокетным молоточком.

Джесси оглядывается и с ужасом понимает, что за ее спором с толстым возбужденным мужем (на котором сейчас надеты только очки) наблюдают все, кто был на дне рождения Вилла. И тут не только ее семья и друзья детства. Вот там, у чаши с пуншем, стоит мисс Хендерсон, которая будет ее научным руководителем на первом курсе в колледже. Стоит на лужайке и Бобби Хаген, который приглашает ее на бал в выпускном классе школы, а потом трахнет на заднем сиденье папашиного «олдсмобила», 88-го года выпуска. Рядом с ним — белокурая девушка из ньювортской часовни; та, чьи родители очень ее любили, но ее брата буквально боготворили.

Барри, — думает Джесси. — Ее зовут Оливия, а брата — Барри.

Блондинка что-то говорит Бобби Хагену, но смотрит при этом на Джесси. Ее лицо очень спокойно, но выглядит она устало. На ней футболка с рисунком из комиксов Р. Крамба: мистер Нэчурал куда-то бежит по улице и говорит на ходу: «Порок — хорошо, а инцест — лучше». За Оливией стоит Кендалл Уилсон — директор школы, куда Джесси впервые устроилась преподавателем. Кендалл отрезает кусок шоколадного торта для миссис Пэйдж, которая была ее учителем музыки в раннем детстве. Для женщины, умершей два года назад, она выглядит бодрячком.

Это не сон, — думает Джесси. — Я словно тону. Все, кого я когда-либо знала, собрались здесь — под ночным звездным небом в три часа дня. Все смотрят, как мой голый муж пытается заставить меня надеть наручники, пока Марвин Гей поет: «Может, найдется свидетель?» Утешает только одно: хуже уже не бывает.

Бывает. Миссис Верц, первая учительница Джесси, вдруг заливается смехом. Старик мистер Кобб, их бывший садовник, который уволился в 1964 году, тоже начинает хохотать. К ним присоединяются Мэдди, и Рут, и Оливия со шрамами на груди, а Кендалл Уилсон и Бобби Хаген — те вообще пополам согнулись от смеха. Они дружески хлопают друг друга по спине, как будто услышали грязную шуточку местного юмориста из парикмахерской. Вероятно, про *систему жизнеобеспечения влагалища*.

Джесси оглядывает себя и видит, что теперь она тоже голая. На груди — помадой оттенка «Мятная-ням-ням» — написаны два проклятых слова: **ПАПОЧКИНА ДОЧКА**.

Надо проснуться, — думает Джесси. — А то я тут умру со стыда.

Но проснуться не получается, по крайней мере сейчас. Она поднимает взгляд и с ужасом видит, что понимающая улыбка Джералда превратилась в кровавую рану. А потом между зубами показалась собачья морда... шерсть пропитана кровью. А между ее клыками — жестокой пародией на роды — вылезает лицо отца Джесси. Над хишной ухмылкой — мрачно светятся серым его обычно голубые глаза. Это глаза Оливии, вдруг понимает Джесси. И еще до нее

доходит, что всюду витает запах пресной озерной воды — едва уловимый и тем не менее такой отвратительный.

Друзья говорят, что я люблю слишком сильно, — поет отец из пасти пса, который, в свою очередь, высунул из рта ее мужа. — Но мне кажется, мне кажется, что только так и надо любить...

Джесси швыряет молоточек в сторону и бежит прочь, заходясь криком. И когда она пробегает мимо этой кошмарной матрешки, Джералд защелкивает наручники у нее на запястье.

Попалась! — кричит он победно. — *Моя гордячка. Моя красавица!*

И тут ей в голову приходит мысль, что затмение еще не полное, потому что небо еще темнеет. Но потом она с облегчением понимает, что это не небо темнеет — это темнеет в глазах. Сейчас она упадет в обморок.

Не глупи, Джесс, во сне нельзя упасть в обморок.

Но Джесси кажется, что именно это сейчас и случится. Да это уже и не важно: обморок или фаза глубокого сна, к которой она стремится, как к единственному укрытию во время страшной катастрофы. Важно лишь то, что она все-таки вырвется из этого кошмара, который потряс ее больше, чем то, что сделал в тот день отец. Она наконец спасется, и ее благодарность, кажется, не имеет границ.

Она уже почти провалилась в глубокий сон, но тут в сон внезапно ворвался ужасный звук, похожий на хриплый рваный кашель. Джесси пытается скрыться, не слышать, но ничего не получается — ничего. Звук вонзается в нее, словно крюк, и тащит вверх — к безбрежному, хрупкому серебристому небу, что разделяет сон и явь.

12

Бывший Принц — когда-то гордость и радость маленькой Кэтрин Сатлин — сидел около кухонной двери. С момента его последней вылазки в спальню прошло уже около десяти минут. Он сидел, подняв голову; немигающий взгляд устремлен в темноту. Последние месяца два пес питался очень скудно, а сегодня вечером наелся до отвала — просто обо-

жрался, — и, по идее, на него уже давно должна была навалиться ленивая сонливость. Да, так и было какое-то время, но сейчас сонливость как рукой сняло. Вместо нее пришла нервность, которая все нарастала и нарастала. Что-то замкнуло тонкие, словно волос, контакты в той части мозга, где у собак пересекаются чувства и интуиция. Хозяйка продолжала стонать в другой комнате и периодически что-то бормотала во сне, но вовсе не это заставляло пса нервничать. Он не поэтому насторожился, хотя уже почти уснул. Не поэтому обнажились клыки, а целое ухо встало торчком.

Там было что-то еще... что-то странное... что-то, возможно, опасное.

Нервы все же не выдержали — пес резко вскочил. Джесси к тому моменту уже пережила кульминацию своего кошмара и теперь плавно летела вниз по спирали в черную бездну, где же нет никаких сновидений. Пес развернулся, открыл мордой заднюю дверь и выбежал в ветреную ночь. И тут ему в нос ударил непонятный запах, таящий в себе угрозу.

Пес испуганно взвизгнул и со всех ног пустился в лес — насколько это ему позволяло переполненное брюхо. Под прикрытием деревьев, где он себя чувствовал в безопасности, он развернулся и подошел чуть поближе к дому. Пусть сейчас он сбежал, но даже очень большая опасность не заставит его отказаться от целой кучи еды, которую он тут нашел.

Убедившись, что ему ничего не грозит, пес поднял к лунному небу свою усталую, исхудавшую, но умную мордашку и истошно залаял. Именно этот звук и разбудил Джесси.

13

Давно, еще в начале шестидесятых, когда они всей семьей приезжали на озеро, а Уильям был совсем маленьким и барахтался на мелководье в оранжевом надувном круге, Мэдди и Джесси — которые всегда дружили, несмотря на разницу в возрасте, — ходили купаться к Найдермеерам. У них был плот, а на нем — небольшой трамплин для прыжков в воду. Именно тогда Джесси и научилась нырять, и ныряла она просто мастерски. Ее включили в состав школьной команды по плаванию, а в 1971 году она была даже в команде

штата. Она отлично запомнила ощущения (хотя, конечно же, самым приятным воспоминанием до сих пор остается полет сквозь горячий воздух к манящему зеркалу прохладной воды), когда ты вынырываешь на поверхность и, поднимаясь из глубины, проходишь сквозь контрастные слои воды — теплые и холодные.

Пробуждение от кошмара было очень похоже на те ощущения.

Сначала были черные ревущие завихрения, словно Джесси вдруг оказалась внутри грозового облака. Она протиснулась сквозь эту взвихренную черноту, извиваясь всем телом и расталкивая локтями темные сгустки. Джесси не имела ни малейшего представления о том, кто она и *когда* она, не говоря уж о том, где она. Потом был теплый, более спокойный слой. Тогда она поняла, что пережила, наверное, самый ужасный кошмар за всю историю человечества (ну или по крайней мере за всю *ее* жизнь), но это был *только сон*, и теперь он закончился. Почти у самой поверхности Джесси поджидал еще один холодный слой. И страшная мысль, реальность там, впереди, такая же страшная, как кошмар. Или, может быть, даже хуже.

Неужели? — спросила себя Джесси. — Разве может быть что-то хуже того, что я только что пережила?

Она решила просто не думать об этом. Ответ был очевиден, и если бы Джесси его нашла, она бы наверняка снова нырнула в манящие темные глубины сна. И на этот раз она бы там утонула. Впрочем, не самый плохой способ покончить со всем этим раз и навсегда. Гораздо лучше, чем врезаться на мотоцикле в каменную стену или прыгнуть с парашютом и приземлиться на высоковольтные провода, например. Да, это было заманчиво... но потом Джесси представила, что слабый минеральный запах воды, похожий на запах меди и устриц, пропитает все ее тело... Это было невыносимо. Все что угодно, но только не это. Она упрямо устремилась вверх, говоря себе, что раздумывать о реальности будет потом, когда всплывет на поверхность. Если всплывет, конечно.

Последний слой, уже у самой поверхности, был теплым и страшным, как свежая кровь. Ей вдруг подумалось, что,

когда она проснется, ее руки не просто одеревенеют, а вообще отомрут. Оставалось только надеяться, что ей удастся размять их хотя бы чуть-чуть.

Джесси дернулась и открыла глаза, хватая ртом воздух. Она понятия не имела, сколько времени проспала. На часах на туалетном столике по-прежнему мигали все те же цифры (двенадцать, двенадцать, двенадцать — как будто время навечно застряло на полуночи). Но судя по всему, спала она долго. На улице уже совсем стемнело, и луна стояла высоко.

Руки покалывало, как будто в них вонзились тысячи иголок. Обычно Джесси терпеть не могла эти противные ощущения, но теперь она даже обрадовалась — ведь могло быть и хуже. Она ожидала, что у нее начнутся ужасные судороги, если она попытается пошевелить руками. Под задницей и между ног расплзлось сырое пятно, и Джесси поняла, что писать уже не хочется. Тело само позаботилось о себе, пока она спала.

Джесси сжала кулаки и подтянула себя вверх, морщась от боли в запястьях. *Скорее всего руки болят потому, что я пыталась снять наручники,* — подумала она. — *Винить надо только себя, дорогая.*

Снова залаяла собака. Этот пронзительный звук резанул по ушам. Джесси узнала его. Именно он заставил ее плыть к поверхности, вместо того чтобы нырнуть еще глубже в кошмарные сны. Судя по звуку, пес был на улице. Джесси, с одной стороны, была рада, что он вышел из дома, но, с другой стороны, это ее озадачило. Может, он просто отвык спать под крышей? Да, в этом есть какой-то смысл... насколько вообще может быть смысл в данной — бредовой, в сущности — ситуации.

— Соберись, Джесси, — сказала она себе. И у нее вроде бы даже получилось. Безотчетная паника и обжигающий стыд, навеянные кошмаром, постепенно прошли. Сам сон стал похож на поблекшую фотографию. После пробуждения сны похожи на пустые коконы моли или на раскрытую шелуху, где когда-то созревали семена. Всего лишь мертвая оболочка, где не так давно пульсировала жизнь. Воспринимаются совсем по-другому, а потом забываются вовсе. Иногда это беспомыслие, если так можно сказать, огорчало Джесси. Но

сейчас было наоборот. Она была только рада такой забывчивости.

Да в общем-то и не важно, — подумала она. — Это был только сон. Эти головы, вылезające друг из друга... Сны символичны, я знаю, и в этом тоже был скрыт некий смысл, может быть, даже какая-то правда. Теперь я понимаю, почему ударила Вилла, когда он меня ущипнул. Нора Кэллиган, несомненно, назвала бы это успешным прорывом. Может быть, так оно и есть. Но мне оно не поможет выбраться, черт побери. А для меня сейчас самое главное — выбраться. Есть кто против?

Все молчали: и Нора, и женушка, и голоса с НЛО. Голос подал лишь желудок. Ему было страшно неудобно, что он вступил так некстати, но он все же пожаловался на голод тихим и продолжительным урчанием. Джесси представила, что будет завтра, когда к голоду присоединится и жажда. И два глотка воды ее не спасут.

Так. Надо сосредоточиться. Проблема сейчас не в воде и не в еде. Сейчас это не важно, как не важно сейчас и то, почему ударила брата в день его рождения. Сейчас надо придумать как мне отсюда...

Ее мысли внезапно оборвались, как пережатая веревка. Взгляд бесцельно скользил по комнате и вдруг натолкнулся на что-то в дальнем углу, где тени от сосен плясали в перламутровом свете луны.

Там стоял человек.

Джесси по-настоящему испугалась. Измученный мочевой пузырь выпустил горячую жидкость. Но она даже этого не заметила. Страх затмил ее разум. Джесси даже не вскрикнула. Она не могла выдавить из себя ни звука, не могла ни о чем думать. Мышцы шеи, плеч и рук превратились в теплый кисель — Джесси просто сползла по спинке кровати и повисла на раскинутых руках в полуобморочном состоянии. Она не отключилась, нет, но состояние полной прострации в сочетании с физическим бессилием в итоге дали эффект, который был еще хуже, чем обморок. Какие-то мысли пытались пробиться, но их останавливала глухая стена черного страха.

Человек. Там, в углу — человек.

Джесси видела его темные глаза. Он пристально смотрел на нее, но взгляд был пустым — как у полного идиота. Впа-

лые щеки и лоб — совершенно белые, как из воска. Пляшущие тени сосен мешали ей рассмотреть его как следует. Покатые плечи, по-обезьяньи свисающие руки, большие ладони. Ноги скрывала тень от бюро. Вот и все.

Она не знала, сколько времени провела в полуобмороке — парализованная страхом, но вполне способная видеть и слышать, как насекомое, укушенное пауком. Казалось, что очень долго. Время шло, а Джесси даже моргнуть не могла, не говоря уж о том, чтобы отвести взгляд от незнакомца. Страх немного отпустил, но его место заняли инстинктивное отвращение и безотчетный ужас. Позже Джесси пришло в голову, что источником этого ужаса и отвращения служила полная неподвижность незнакомца. Она в жизни еще не испытывала такого пронзительного омерзения, разве что когда собака грызла Джералда. Человек прокрался сюда, пока Джесси спала, и просто стоял там в углу и жадно смотрел на нее своими темными непроницаемыми глазами — такими большими и полными восхищения. Они напоминали пустые глазницы черепа. Непрерывный танец теней скрывал его почти полностью.

Незванный гость просто стоял в углу и смотрел.

Просто стоял и смотрел — и больше ничего.

Джесси лежала, прикованная к кровати, и ей казалось, что она лежит на дне глубокого колодца. Время шло, хотя на табло электронных часов по-прежнему моргало: двенадцать, двенадцать, двенадцать... И тут ей в голову пришла первая связная мысль, которая одновременно и успокоила, и насторожила.

Тут нет никого, Джесси, кроме тебя. То, что ты видишь в углу, всего лишь игра теней и воспаленного воображения...

Джесси опять приняла сидячее положение, подтянувшись на руках и помогая ногами. Укол боли не заставил себя долго ждать. И она ни на миг не выпускала из поля зрения длинную фигуру в углу.

Он слишком худой и высокий, чтобы быть настоящим, Джесс, правильно? Его здесь нет. Это просто ветер, лунный свет, тени сосен и впечатления от твоего кошмара, как мне кажется. Ты согласна?

Ну да, так оно и есть. Джесси начала потихонечку расслабляться. Снаружи опять залаяла собака. А эта фигура в углу — результат игры света, теней и ветра — не повернула ли голову на звук?

Нет, быть такого не может. Просто еще одна шутка ветра, лунного света и темноты.

Да, наверное. Джесси была уверена, что это движение головой — это точно иллюзия, но сомневалась насчет силуэта в целом. Она никак не могла заставить себя поверить, что это ей только кажется. Ведь не может же обман зрения быть *настолько* похожим на очертания человека... Правильно?

Внезапно заговорила примерная женушка Берлингем. В ее голосе сквозил страх, но не было даже намека на истерику, по крайней мере пока еще не было. Как ни странно, но мысль о том, что в комнате есть кто-то еще, больше всех напугала Рут. И эта часть Джесси все еще что-то несвязно бормотала и дрожала от страха.

Если оно ненастоящее, — сказала женушка, — то почему пес убежал из дома? Наверняка ведь не просто так, верно?

Но Джесси сразу же поняла, что женушка тоже сильно напугана и страстно желает услышать, что силуэт, который стоит в углу, — это действительно обман зрения, и пес убежал вовсе не из-за него. Женушка просто-напросто умоляла, чтобы кто-нибудь ей сказал, что собака ушла потому, что отвыкла спать в доме, как уже решила Джесси. А может быть, пес убежал по вообще самой банальной причине — почуял сучку. Можно предположить, что собаку напугал, скажем, стук ветки в окно на втором этаже. Эта версия больше всего понравилась Джесси, так как была вполне правдоподобна: собаку вспугнул шум ветки, она подумала, что кто-то ломится в дом, чтобы отнять у нее ее ужин, и теперь она лает, чтобы прогнать этого незваного гостя, которого на самом деле не существует.

Да, продолжай в том же духе, — вдруг попросила женушка, — и заставь меня в это поверить, даже если не веришь сама.

Но Джесси не была уверена, что у нее получится. И причина ее неуверенности стояла там, в углу. Там кто-то был. Это не галлюцинация и не пляски теней в лунном свете, это

не призрак, навешанный кошмаром, порожденный игрой воображения между явью и сном. Это

(чудище, людоед, он пришел меня съесть)

все-таки человек. Никакое не чудище, а человек, застывший в углу без движения. Он наблюдает за ней. Снаружи гуляет ветер, дом поскрипывает, и тени пляшут на странном, как будто светящемся лице незнакомца.

Страшная мысль — *чудище, людоед* — снова поднялась из глубин сознания, но Джесси опять от нее отмахнулась. Тем не менее ее снова сковал липкий страх. Может быть, это действительно человек — силуэт в углу комнаты, — но если это человек, то с лицом у него явно что-то не так. Если бы только рассмотреть получше!

Вот уж не надо его рассматривать, — зловеще прошептал НЛО-голос.

Но мне нужно с ним поговорить, нужно установить контакт с этим существом, — подумала Джесси, и тут же Рут с Кенушкой нервно ответили хором: *Это не существо, Джесси, это человек. То есть, может, его вообще тут нет, но ты лучше думай о нем как о простом человеке, который, может быть, заблудился в лесу и напуган не меньше тебя.*

В общем-то неплохая идея. Но Джесси вдруг поняла, что *не может* думать об этой темной фигуре в углу как о простом человеке. И ей почему-то не верилось, что оно — это непонятное *существо* — потерялось или напугано. Она буквально физически ощущала глухую враждебность и злобу, исходящие из угла черными волнами.

Это глупо! Поговори с этим нечто, Джесси! Поговори с этим человеком!

Она попыталась прочистить горло и с ужасом обнаружила, что там только гладкая выжженная пустыня. Сердце бешено колотилось в груди.

Снаружи выл ветер. На стенах и потолке плясали черные белые тени. У Джесси было странное ощущение — как будто она оказалась внутри калейдоскопа, где были только два цвета. На мгновение ей показалось, что она разглядела нос незнакомца. Тонкий, длинный и белый — под черными неподвижными глазами.

— Кто...

Сначала ей удалось выдавить из себя только шепот. Но его невозможно было расслышать даже на другом конце кровати, не говоря уже о дальнем угле комнаты. Джесси облизала губы и попробовала еще раз. Мышцы рук превратились в болезненные тугие шарики, но она все равно попыталась пошевелить пальцами.

— Кто здесь? — спросила она по-прежнему шепотом, но уже громче.

Силуэт не ответил. Он просто стоял. Длинные белые руки болтались где-то в районе колен, и Джесси подумала: *Колен? Колен?! Это никак не возможно, Джесс, у людей руки доходят лишь до середины бедра.*

Ей ответила Рут, но таким испуганным голосом, что Джесси поначалу ее не узнала: *Руки у нормальных людей доходят до середины бедра, ты это хотела сказать? Но разве нормальные люди полезут в чужой дом посреди ночи, разве нормальные люди будут стоять в углу, наблюдая за женщиной, прикованной наручниками к кровати. Просто стоять и смотреть, и ничего больше?!*

Потом оно пошевелило ногой... Или это опять была игра света и тени? Джесси заметила это лишь боковым зрением да еще и тени сосен, качающихся на ветру, сильно сбивали... в общем, она ни в чем не была уверена. Она вновь начала сомневаться, что там действительно кто-то был. Ей вдруг пришла мысль, что она все еще спит и это — лишь продолжение кошмарного сна о дне рождения Вилла. Просто сюжет развернулся в новом направлении. Мысль, конечно, заманчивая, но нет... Джесси тут же отогнала ее прочь. Это не сон.

Но как бы то ни было, незванный гость действительно пошевелил ногой (если это вообще была *нога*). Джесси быстро скользнула взглядом вниз. Ей показалось, что на полу у ног непонятого существа стоит какой-то черный предмет. Но было никак невозможно понять, что это — бюро отбрасывало густую тень, и вообще это была самая темная часть комнаты. Ей почему-то вспомнилось, как она пыталась втолковать Джералду, что говорит серьезно. Хлопала дверь, за окном шумел ветер, на улице лаяла собака, кричала гагара...

На полу у ног незнакомца стояла бензопила.

Теперь Джесси в этом не сомневалась. И он — этот темный незванный гость — пилил отнюдь не дрова, а *людей*. И пес убежал, потому что почуял этого ненормального маньяка, который пришел по тропинке вдоль берега озера... он шел вдоль озера, покачивая бензопилой в руке...

Перестань! — сердито прикрикнула женушка. — *Перестань говорить ерунду и сейчас же возьми себя в руки!*

Но Джесси с ужасом поняла, что *не может* остановиться. Это не сон. В ней неумолимо росла уверенность, что эта фигура, которая молча стоит в углу, как создание доктора Франкенштейна до оживления, — самая что ни на есть настоящая. Но даже если и так, не мог же он в самом деле весь день резать людей в капусту своей бензопилой. Разумеется, нет. А то получается прямо детская страшилка у лагерного костра, сюжет которой навеян дурацкими фильмами ужасов. Это было действительно весело — сидеть с подругами вокруг костра, слушать такие вот байки и жарить зефир на углях. Зато потом было так страшно лежать в спальном мешке и замирать от ужаса всякий раз, когда в лесу хрустнет ветка. Может быть, это крадется озерный человек, легендарный герой корейской войны, которому вышибли все мозги?

То, что стояло в углу, не было ни озерным человеком, ни серийным убийцей с бензопилой. Действительно, на полу что-то стояло (в этом Джесси была уверена), и это вполне могла быть бензопила. Но с таким же успехом это мог быть дипломат... или рюкзак... чемоданчик коммивояжера...

Или мое разыгравшееся воображение.

Да. Она прекрасно видела эту фигуру в углу, но все-таки не исключала возможность, что это ей только кажется. И вот что странно: это лишь укрепило ее уверенность в том, что само существо *реально*. Было почти невозможно не обращать внимания на черные волны враждебности, которые исходили из переплетения густых теней и рассеянного лунного света, — она их буквально *слышала*, как непрерывное глухое рычание.

Оно меня ненавидит, — подумала Джесси. — *Я не знаю, кто это... или что это... но оно меня ненавидит. Наверняка ненавидит... потому что иначе оно бы мне помогло... оно бы тут не стояло и не смотрело.*

Она снова взглянула на это лицо, полускрытое тенью. Глаза незнакомца в круглых черных глазницах, казалось, сверкали нездоровой жадностью. И тогда Джесси заплакала.

— Пожалуйста, есть здесь кто-нибудь или нет? — робко спросила она, захлебываясь слезами. — Пожалуйста, помогите мне. Видите эти наручники? Ключи прямо за вами, на столике...

Ничего. Ни движения, ни ответа. Оно — темное существо — просто стояло в тени, если, конечно, оно вообще там было, и смотрело на нее из-под маски, сотканной из пляшущих теней.

— Если хотите, я никому скажу, что я вас здесь видела. — Голос Джесси дрожал и срывался. — Обещаю, я никому не скажу. Я была бы очень вам благодарна...

Оно просто смотрело.

Просто смотрело и все.

Джесси чувствовала, как горячие слезы медленно катятся по щекам.

— Мне страшно. Я вас боюсь. Вы можете говорить? *Если вы действительно там стоите... пожалуйста, скажите хоть что-нибудь.*

Она чуть ли не билась в истерику. Панический страх, словно хищная птица, схватил и унес в своих цепких когтях какую-то ценную, незаменимую ее часть, которая помогала ей держаться. Теперь Джесси плакала и причитала. Страшная фигура молча и неподвижно стояла в углу комнаты, безучастная и к слезам, и к мольбам. Джесси оставалась в сознании, хотя иногда ей казалось, что она переносится в странное и пустынное место, как будто созданное специально для тех, чей страх переходит последний предел и превращается чуть ли не в экстатическое исступление. Смутно, словно издалека, Джесси слышала свой собственный жалобный голос, умоляющий освободить ее от наручников. (Пожалуйста, ну пожалуйста, освободите меня.) А потом она снова срывалась в тот провал пустоты. Она чувствовала, что ее губы шевелятся; слышала слова, которые сама же и произносила. Но пока она пребывала в том запредельном месте, слова казались бессвязной ерундой. Она слышала шум ветра и лай собаки, но не осознавала, что это за звуки. Она была

в ужасе — ее пугала эта фигура, полускрытая в тени, кошмарный незнакомец, незванный гость. Она не могла отвести взгляд от его бесформенной головы, белых щек, опущенных плеч. Но больше всего ее взгляд притягивали руки этого существа — руки, которые свисали гораздо ниже, чем руки обыкновенного человека, — ладони с длинными пальцами... Она понятия не имела, сколько времени проводила в этом пустынном месте (*двенадцать — двенадцать — двенадцать* — отсчитывали часы на столике). Потом она возвращалась. Вместо сменяющихся непонятных образов в голове появлялись мысли, а бессвязная белиберда складывалась в слова. До нее наконец дошло, что незнакомец не собирается ей помогать, и она спросила его — едва слышным шепотом, — в чаежде получить хоть какой-то ответ:

— Кто ты? Человек или дьявол? *Ради Бога, скажи, кто ты?*

Снаружи выл ветер.

Хлопала дверь.

Лицо незнакомца переменялось... Вроде бы растянулось в улыбке. В ней было что-то ужасно знакомое.

— Папочка? — прошептала она. — Это ты, папочка?

Не глупи, — взывала примерная женушка. Джесси почувствовала, что она тоже близка к истерике. — *Не будь идиоткой, Джесси. Твой отец умер в восьмидесятом году.*

Но это не помогло. Наоборот. Тома Махо похоронили в семейном склепе в Фальмуте — а это меньше чем в ста милях отсюда. Воспаленное, напуганное воображение Джесси тут же нарисовало сутулую фигуру в истлевшей, покрытой зеленой плесенью одежде — ожившего мертвеца, который крадется по полям, залитым лунным светом, торопливо пересекает сады частных домов. Сила притяжения хорошо поработала над разложившимися мышцами, и поэтому его руки теперь болтаются где-то в районе колен. Это — ее отец. Человек, который играл с ней, катал ее на плечах, когда ей было три года; который так хорошо ее успокоил, когда клоун в цирке напугал ее до слез. Тогда ей было шесть лет. Он рассказывал ей сказки на ночь, пока ей не исполнилось восемь. Ты вполне уже взрослая, чтобы читать самой, сказал он тогда. Ее отец, который закоптил стеклышки в день солнечного затмения, и посадил ее на колени, и они вместе

ждали начала этого редкого явления природы. *Ты только не бойся и не оглядывайся*, сказал он тогда. Но ей вдруг подумалось, что ему тоже страшно, потому что голос у него был дрожащий и хриплый, совсем не похожий на его обычный голос.

Существо в углу ухмыльнулось еще шире. И комната вдруг наполнилась запахом — слабым, полуметаллическим-полуорганическим запахом, напоминающим запах устриц в сметане. Так пахнет рука, когда долго перебираешь медяки в кармане. Так пахнет воздух перед грозой.

— Папа, это ты? — спросила она существо в углу. Где-то вдалеке закричала гагара. Слезы медленно текли по щекам. И тут произошло что-то странное. По мере того как в Джесси росла уверенность, что это ее отец, что это Том Махо стоит в углу, страх начал потихоньку отступать. Это было совсем неожиданно, и ей было не важно, умер он двенадцать лет назад или нет. Она расслабилась, и ноги, согнутые в коленях, безвольно сползли по покрывалу. В голове возник образ из ее кошмара: **ПАПОЧКИНА ДОЧКА** — помадой «Мятная-ням-ням» на груди.

— Ладно, давай, — сказала она темному существу. Голос был чуть хриловатый, но все же спокойный. — Ты ведь за этим сюда и пришел, правильно? Да и как я могу тебе помешать? *Просто пообещай, что потом ты меня освободишь. Освободишь и отпустишь.*

Фигура в углу даже не пошевелилась — она все так же стояла в зыбких переплетениях теней и лунного света и ухмылялась. Время шло (*двенадцать — двенадцать — двенадцать* — мигало табло электронных часов, словно намекая, что время намертво встало, а все вокруг лишь иллюзия), и Джесси вдруг пришло в голову, что, может быть, она была права и здесь действительно никого нет. Никого, кроме нее. Она себя чувствовала, словно флюгер под порывами переменного ветра, какой обычно бывает перед грозой или торнадо.

Твой отец не может вернуться с того света. Так не бывает, — сказала примерная женушка Берлингейм. Она пыталась придать голосу твердость, но ей это не удалось. Однако Джесси отдала должное ее стараниям. Случись вселенский потоп или даже конец света, примерная женушка все равно

не оставит свой пост и будет стараться как-то исправить положение. *Это не фильм ужасов и не очередная серия «Сумеречной зоны», Джесс. Это реальная жизнь.*

Но другая ее часть — та, где живут настоящие НЛО, а не какие-то призрачные проводники между сознанием и подсознанием — утверждала, что есть и другая правда: темная, страшная. Правда, которая не подчиняется никакой логике и происходит из тени иррационального (а может, и сверхъестественного). Правда из темноты. Голоса утверждали, что в темноте все *меняется*. И особенно когда человек один, и напуган, и воображение вырывается из клетки разума, и наружу выходят самые глубинные страхи.

Это вполне может быть твой отец, — прошептала какая-то новая, совершенно чужая часть ее сознания. И Джесси с ужасом осознала, что это был голос, в котором безумие и рассудок слились воедино. — Даже не сомневайся, такое вполне возможно. При свете дня люди обычно чувствуют себя в безопасности от привидений, упырей и живых мертвецов. Да и ночью, если ты не один, тоже бояться нечего. Но если ты совсем один, в темноте... то они тут как тут. Когда ты один в темноте, ты превращаешься в открытую дверь; и если ты позовешь на помощь, Джесси, кто знает, что за ужасные существа могут откликнуться на твой зов? Кто знает, что видели те, кто встречал смерть в одиночестве? И вполне вероятно, что некоторые из них умерли от страха, и не важно, что было записано в их свидетельстве о смерти.

— Я не верю, — сказала Джесси дрожащим голосом. Она специально говорила громко, чтобы добиться хотя бы подобия твердости, которой не было на самом деле. — Ты не мой отец! Тебя вообще нет! Ты — всего лишь игра теней и лунного света!

Как бы в ответ на ее слова фигура в углу согнулась в насмешливом поклоне, и на мгновение лунный луч осветил лицо — слишком реальное, чтобы сомневаться в его реальности. Джесси хрипло вскрикнула. В мертвенно-бледном свете луны лицо незваного гостя было похоже на жуткую карнавальную маску. Это был не отец. По сравнению со злом и безумием, что проступали в чертах незнакомца, ее папа был бы просто душкой, даже после двенадцати лет

в холодном гробу. Красные и воспаленные глаза мерцали в глубоких глазницах, окруженных морщинами. Тонкие губы изогнулись в сухой ухмылке, обнажив бесцветные неровные зубы, похожие на собачьи клыки.

Одной рукой он поднял с пола предмет, который был скрыт в тени от бюро. Сначала Джесси подумала, что незнакомец принес портфель Джералда из маленькой комнаты, которую муж использовал как кабинет. Но когда существо поднесло портфель ближе к свету, она увидела, что он был значительно больше, чем у Джералда, — скорее он напоминал старомодный портфель коммивояжера.

— Пожалуйста, — обессиленно прошептала она. — Кто бы вы ни были, я вас прошу, не трогайте меня. Вы не обязаны мне помогать, я все понимаю, но, пожалуйста, не трогайте меня.

Он улыбнулся шире, и что-то сверкнуло во рту. Видимо, у него были золотые зубы или пломбы, как у Джералда. Кажалось, что он беззвучно смеется — словно радуется тому что ей так страшно. Потом он расстегнул замки портфеля,

(я сплю, это и вправду похоже на сон; слава Богу, это всего лишь сон)

открыл его и показал ей содержимое. Там были кости и драгоценные украшения. Она видела кости отрезанных пальцев, кольца, зубы, браслеты, локтевые кости, кулоны. Бриллиант — такой огромный, что им подавился бы и носорог, — мутно поблескивал четкими гранями в маленькой детской грудной клетке. Джесси смотрела на это и очень хотела, чтобы это был сон... да, хотела... но если это действительно сон, то таких у нее никогда раньше не было. Место действия и декорации весьма походили на сон: Джесси прикована наручниками к кровати, и полускрытый в тени маньяк молча демонстрирует ей свои сокровища. Но ощущения...

Ощущения подсказывали, что это реальность. И здесь уже ничего не поделаешь. *Это не сон.*

Существо наклонило портфель, одной рукой поддерживая его снизу, чтобы Джесси смогла получше рассмотреть все сокровища. Другую руку оно запустило внутрь — в переплетение костей и украшений — и принялось перемешивать их с кошмарным сухим шелканьем и хрустом. Звук напоминал

стук кастаньет. Существо продолжало таращиться на Джесси, и на лице у него читалось блаженное удовольствие. Ужасный рот еще больше растянулся в дебильной ухмылке. Сутулые плечи то опускались, то поднимались, как будто оно беззвучно смеялось.

Нет! — хотела крикнуть Джесси, но не смогла выдать из себя ни звука.

А потом она вдруг почувствовала, что кто-то — скорее всего примерная женушка; вот ведь странно, она всегда недооценивала моральную силу и стойкость этой дамы — бежит в отсек, где расположены выключатели, размыкающие цепи в ее голове. Женушка — единственная из всех — заметила струйки дыма, которые показались из щелей защитных щитов, и поняла, что происходит. И предприняла отчаянную попытку выключить механизмы, прежде чем там случится короткое замыкание.

Ухмыляющаяся фигура в дальнем углу комнаты запустила руку поглубже в портфель, зачерпнула пригоршню костей и крашений и протянула их Джесси.

Что-то вспыхнуло у нее в голове, и наступила тьма. Она упала в обморок не изящно, как героиня барочной пьесы, — она просто дернулась и обмякла, как убийца, приговоренный к казни на электрическом стуле и наконец получивший разряд правосудия. Кошмару настал конец. Джесси Берлингейм погрузилась во тьму.

14

Очень скоро Джесси пришла в себя. Она пребывала в какой-то прострации и сознавала только две вещи: луна светила в окно с западной стороны, а сама она чего-то страшно испугалась, но чего — пока не могла вспомнить. Потом ее осенило: здесь был отец. Может быть, он до сих пор еще здесь. Правда, незванный гость был совсем на него не похож, но это лишь потому, что отец — когда он пришел к ней сюда — выглядел так же, как в день затмения.

Джесси попыталась сесть, отчаянно помогая себе ногами. Покрывало под ней сбилась. Руки вообще ничего не чувствовали. Пока она была без сознания, кто-то украл колю-

щие иголки, и теперь вместо рук у нее были две деревянные ножки от стула. Джесси взглянула в дальний угол. В ее глазах отражался рассеянный свет луны. Ветер стих, и тени решили отдохнуть от бесконечных плясок. В углу не было никого. Ночной гость исчез.

Откуда ты знаешь? Может, он просто где-нибудь спрятался. Может, он сейчас под кроватью... как тебе такая идея? И если он под кроватью, то в любой момент может вытянуть руку и схватить тебя за бедро.

Слабое дуновение ветра. Тихонько хлопнула задняя дверь. А в остальном — тишина. Ни звука. Пес затих, и это вроде бы ее убедило, что незнакомец ушел. Она осталась одна — совсем одна в темном доме.

И тут ее взгляд наткнулся на большое темное пятно на полу.

Небольшая поправка, — подумала она. — Это не пятно, это Джералд. Как можно было об этом забыть?!

Она откинулась назад и закрыла глаза. Горло саднило, но она не хотела просыпаться. Потому что если она проснется окончательно, ей придется признать, что это жжение в горле — не что иное, как жажда. Опять. Джесси не знала, сможет ли она нормально уснуть после такого глубокого обморока. Но именно этого ей сейчас и хотелось. Больше всего на свете ей хотелось спать... не считая, конечно, безумной мечты о том, чтобы кто-нибудь приехал сюда и все-таки ее спас.

Здесь никого не было, Джесси; надеюсь, ты это понимаешь. Это был — вот уж абсурд из абсурдов — голос Рут. Крутой девушки Рут, девизом которой всегда была строчка из песни Нэнси Синатры: «Когда-нибудь эти ботинки растопчут и тебя». Рут, которой хватило лишь взгляда на тень в углу, чтобы превратиться в горку трясущегося желе.

Ладно, лапуля, — сказала Рут. — Давай посмейся надо мной, если хочешь. Наверное, я это заслужила, но себя все равно не обманешь. Никого здесь не было. Воображение сыграло с тобой злую шутку. Всего лишь воображение и игра света и тени, и больше ничего.

Ты ошибаешься, Рут, — спокойно возразила женушка. — Здесь кто-то был, и мы с Джесси знаем кто. Хоть он и не выглядел в точности как папа, но это лишь потому, что на

нем была маска затмения. К тому же лицо — это не самое важное, как, впрочем, и рост. Может быть, он был в ботинках на высоком каблуке. Или в туфлях на толстой подошве. Не знаю, в конце концов он мог быть и на ходулях.

На ходулях? — удивилась Рут. — О Господи, что за бред?! Какая разница, что Том Махо умер еще до того, как Рейган стал президентом... это так, пустяки, житейское дело, с кем не бывает... Но ты вспомни, каким он был неуклюжим. Ему даже при спуске с лестницы не помешало бы заpastись страховкой от несчастного случая. На ходулях?! Ну ты меня и насмешила!

Не важно, — все так же спокойно отозвалась женоушка. — Это был он. Я узнала его запах — густой и теплый, как свежая кровь. Пахло не устрицами и не медяками. И даже не кровью. Пахло...

Мысль оборвалась и больше не вспомнилась.

Джесси заснула.

15

Днем 20 июля 1963 года Джесси оказалась в Сансет-Трейлз вдвоем с папой по двум причинам, и одна была лишь оправданием другой. Всем она говорила, что до сих пор побаивается миссис Джилетт, хотя с момента происшествия с печеньем и шлепком по руке прошло уже больше пяти лет (даже почти шесть). Но сама причина была незамысловата и проста: она просто хотела наблюдать это редкое явление природы вместе с любимым папочкой.

Мама подозревала, что она — лишь пешка в руках мужа и десятилетней дочери. Но вопрос уже был решен, и, естественно, мама была не в восторге. Сначала Джесси пошла к папе. Ей еще не исполнилось и одиннадцати, но это не значит, что она была полной дурой, и подозрения Салли Махо были оправданны — Джесси начала сознательную, тщательно продуманную кампанию «Папа и дочка вдвоем наблюдают затмение» (которая позволила бы провести этот знаменательный день вдвоем с отцом). Уже потом, значительно позднее, Джесси придет в голову, что это — еще одна причина, почему она не могла никому рассказать о том, что произошло в

тот день. Нашлись бы люди — ее мать, например, — которые бы сказали, что она сама во всем виновата. За что боролась — на то и напоролась.

За день до затмения Джесси нашла отца сидящим на террасе. Он читал книжку «Очерки мужества» в мягком переплете. Брат, мама и старшая сестра, смеясь, плескались в озере. Он улыбнулся Джесси. Она села рядом и тоже ему улыбнулась. Специально для этого разговора она подкрасила губы помадой «Мятная ням-ням», которую Мэдди подарила ей на день рождения. Когда Джесси нарисовала губы впервые, ей это совсем не понравилось. Просто ребячество, а на вкус — как «Пепсодент»* Но папа сказал, что ей очень идет, и поэтому помада превратилась для Джесси в незаменимую косметическую принадлежность. Она берегла ее для особых случаев и старалась не тратить просто так.

Пока она говорила, он слушал внимательно и с уважением, но даже не делал усилия скрыть озорной блеск скептицизма в глазах. *Ты действительно хочешь сказать, что все еще боишься Адриан Джилетт?* — спросил он, когда Джесси закончила пересказывать давнюю и уже всем известную историю о том, как мисс Джилетт шлепнула ее по руке, когда Джесси попыталась взять с блюда последнюю печенюшку. — *Я уже и не помню, когда это было, но тогда я еще работал на Даннигера, так что уж точно не позже 1959 года. Прошло уже столько времени, а ты все боишься?! Что-то не верится, честно сказать.*

Ну, знаешь... Немножко... Она распахнула глаза, пытаясь дать ему понять, что говоря *немножко*, она имеет в виду *очень сильно*. Сказать по правде, она и не знала толком, боится она до сих пор эту старую каргу, мисс Джилетт, или нет — но была точно уверена, что мисс Джилетт — старая и скучная кикимора с голубыми волосами, и она, Джесси, вовсе не собиралась наблюдать полное солнечное затмение, которое уже больше никогда не случится в ее жизни, в компании этой нудной старушечки... тем более если можно обстричь все так, чтобы остаться вдвоем с папочкой, которого она обожает до пороссячьего визга.

* «Пепсодент» — название мятной зубной пасты.

Она оценила его скептицизм и с облегчением пришла к выводу, что он был беззлобным, а может быть, даже конспиративным. Она улыбнулась и добавила: *Но еще я хочу быть с тобой.*

Он взял ее руку, поднес к губам и поцеловал, как галантный француз. В тот день он не побрился — что было обычным, когда они жили за городом, — и от прикосновения грубой щетины по рукам и спине пробежали приятные мурашки. *Comme tu es douce*, — сказал он, — *ma jolie mademoiselle. Je t'aime**.

Джесси хихикнула, не понимая его неуклюжего французского. И вот тогда она поняла, что все получится именно так, как она и хотела.

Это будет весело, — радостно сказала она. — *Только мы вдвоем, ты и я. Я могу приготовить чего-нибудь вкусного, и мы перекусим прямо на террасе.*

Он ухмыльнулся.

*Eclipse Burgers a deux?****

Она рассмеялась, кивнула головой и радостно захлопала в ладоши. А потом он сказал кое-что, что ее озадачило, ведь он был не из тех, кого волновала мода: *Можешь надеть этот свой симпатичный новенький сарафанчик.*

Конечно, папочка, если он тебе нравится, — согласилась она, хотя уже собиралась попросить маму подарить ей другой сарафан. Да, *тот* сарафан был действительно симпатичным — если вас не раздражают пронзительно яркие красные и желтые полосы. Но он был слишком коротким и таким... обтягивающим. Мама заказала его в Сирс без примерки и — черт возьми — всего лишь на размер больше того, который Джесси носила год назад, совершенно не подумав, что дочка сейчас в таком возрасте, когда дети быстро растут. Но если папе нравится... Если он поддержит ее решение...

И он *действительно* поддержал ее с силой и рвением, достойными Геркулеса. Начал он тем же вечером, после ужина (и двух-трех раздабривающих стаканов *vin rouge*****) — сказал жене, что Джесси вовсе не обязательно ехать на гору Вашинг-

* Какая ты нежная, моя милая мадемуазель. Я тебя люблю. (фр.)

** Отменные гамбургеры на двоих? (фр.)

*** красное вино (фр.).

тон вместе со всеми. Хотя почти все соседи туда собирались. Сразу после Дня Памяти** они начали обсуждать, где и как наблюдать солнечное затмение — Джесси эти общие сборища напоминали обыкновенные летние вечеринки с коктейлями, — и даже придумали название своему чудо-клубу «Солнцепоклонники с озера Дак-Скор». Ради такого случая они наняли один из школьных микроавтобусов и запланировали поездку на вершину самой высокой горы Нью-Хэмпшира. Уже договорились, что возьмут с собой: корзины с едой, солнцезащитные очки и специальные телескопы... и еще — шампанское. Много-много шампанского. Для мамы и старшей сестры Джесси это было само воплощение изысканного и ненапряжного веселья. А Джесси считала, что все это очень скучно... Поэтому она и не хотела с ними ехать. А старая карга Джилетт — это была вторая причина.

После ужина, вечером девятнадцатого числа, Джесси вышла на террасу, собираясь прочесть страниц двадцать — тридцать «За пределами тихой планеты» К. С. Льюиса, прежде чем зайдет солнце. Но если быть откровенной, то читать ей совсем не хотелось. Ей хотелось послушать, как ее отец бьет — образно выражаясь — забивать гол в мамнины ворота. И поболеть за него. Они с Мэдди уже давно узнали, что гостиная, она же столовая, в летнем домике обладает очень интересными акустическими качествами. Скорее всего из-за высокого потолка; и Джесси подозревала, что Вилл тоже знал, как хорошо слышно с террасы, о чем говорят в гостиной. С тем же успехом комната могла быть оборудована мощнейшим подслушивающим устройством. Только родители, похоже, ни о чем не догадывались. Им и в голову не приходило, что дети — по крайней мере дочери — знают обо всех решениях, которые принимают родители за рюмочкой коньяка или за чашкой кофе, еще до того, как им об этом сообщали.

Джесси заметила, что держит роман Льюиса вверх ногами, и еле успела вернуть его в нужное положение, но Мэдди, проходя мимо, беззвучно загоготала. Джесси чувствовала себя немного виноватой, потому что со стороны это смотре-

* День памяти павших в гражданской войне в США 1861–1865 гг., в испано-американской и других войнах (30 мая).

лось вовсе не так, что она поддерживает отца. Со стороны это смотрелось, как будто она просто подслушивает. Но уйти она не могла. Она решила, что делает правильно и не нарушает своих моральных принципов. В конце концов она же не прячется в шкафу, а сидит на виду, купаясь в ярком свете заходящего солнца. Она сидела с книгой и гадала, бывают ли затмения на Марсе и есть ли там марсиане, чтобы ими любоваться. Если родители так уверены, что никому не слышно, о чем они говорят, сидя в доме, разве это ее вина... и разве она должна идти к ним и докладывать, что с террасы прекрасно все слышно.

— Я так *не думаю*, дорогая моя, — нервно прошептала она голосом Элизабет Тейлор в «Кошке на раскаленной крыше»* и тут же прикрыла ладошкой глупую ухмылку. Она была уверена, что старшая сестра не станет ей мешать, по крайней мере в ближайшее время. Она слышала, что Мэджи уже спустилась вниз и теперь ссорится с Виллом в комнате для игр...

С ней ничего не случится плохого, если завтра она останется со мной. А ты как думаешь? — говорил отец веселым тоном заведомого победителя.

Нет, конечно же, нет, — отвечала мама. — *Но с ней опять же ничего не случится, если она поедет с нами. Хоть раз за лето. А то она и вправду становится только папиной дочкой.*

На прошлой неделе она с тобой и Виллом ездила в кукольный театр в Бетеле, и вообще... не ты ли мне говорила, что она смотрела за Виллом и даже купила ему мороженое на свои карманные деньги, пока ты ходила в торговый павильон.

Это не было жертвой с ее стороны, — мрачно заметила Салли.

Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду, что она пошла в кукольный театр только лишь потому, что сама хотела пойти, и за Виллом она присматривала не потому, что я ее попросила. Она сама вызвалась. — Теперь в голосе мамы появились привычные нотки раздражения. — *Тебе действительно не понять, что я имею в виду,* — подразумевал этот тон. — *Мужчины такого не понимают по определению.*

* Фильм 1958 года по одноименной пьесе Теннесси Уильямса.

В последние годы Джесси все чаще и чаще слышала этот тон. Она понимала, что это она сама растет, и взрослеет, и учится замечать всякие вещи. Но мама и *вправду* сердилась и злилась все чаще и чаще. И Джесси никак не могла понять, почему папина логика так раздражает маму.

И надо так напрягаться только из-за того, что девочка делает то, что хочет? — искренне поразился Том. — *Может, тут надо задуматься: все ли с ней в порядке? Она понимает свою ответственность за семью... и что нам по этому поводу делать, Сэл? Отправить ее в колонию малолетних преступниц?*

Ты брось этот свой покровительственный тон. Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать.

Нет, на этот раз я вообще ничего не понимаю, дорогая. У нас летний отпуск, правильно? И я глубоко убежден, что когда люди отдыхают, они должны делать то, что хотят, и быть с тем, с кем хотят, верно? В моем понимании в этом то и заключается суть летнего отдыха.

Джесси улыбнулась. Она поняла, что все решено. Завтра, когда начнется затмение, она останется тут вместе с папой, а не полезет на гору Вашингтон со старой каргой, пожалевшей печенью, и остальными «солнцепоклонниками». Папа был на высоте, как чемпион мира по шахматам, который преподавал урок талантливому любителю.

Ты тоже мог бы поехать, Том. Тогда бы и Джесси поехала.
Опасный момент. Джесси затаила дыхание.

Я не могу, дорогая. Я жду звонка от Дэвида>Addамса — раз... и по поводу портфолио «Бруклин фармацевтикал» — два. Это очень серьезное дело... и рискованное, кстати, тоже... вести с ними переговоры на этой стадии — все равно что играть с огнем. Буду с тобой честен: даже если бы я мог поехать, то не уверен, что поехал. Я далеко не в восторге от этой мисс Джилетт, но могу хоть как-то выносить ее присутствие, но этот засранец Слифорт... это выше моих сил.

Тише, Том!

Да не волнуйся ты, Мэдди и Вилл внизу, в игровой, а Джесси вообще сидит на террасе, вон видишь?

Джесси вдруг пришло в голову, что папа *прекрасно* знал акустические особенности гостиной-столовой. Знал, что

Джесси сейчас слышит весь их разговор, и более того — он *хотел*, чтобы она их слышала. Теплые мурашки пробежали по ногам и спине.

Я так и знала, что ты опять заговоришь о Дике Слиффорте. — Голос у мамы был злым и язвительным, но и веселым тоже. И от этого странного сочетания интонаций у Джесси закружилась голова. Ей казалось, что только взрослые могут совмещать такие разные чувства. Если бы чувства были едой, то у взрослых они были бы как бифштекс, залитый шоколадом, или картофельное пюре с кусочками ананаса, или рисовые мюсли с перцем чили вместо сахара. Джесси подумалось, что быть взрослым — это скорее наказание, а не какая-то там привилегия.

Это уже раздражает, Том. Этот человек пристал ко мне шесть лет назад, и он был в стельку пьян. Тогда он всегда был пьян, но теперь с этим покончено. Полли Бергерон мне говорила, что он ходит в общество анонимных алкоголиков и...

Великолепно, — сухо отрезал отец. — *Может, выслать ему открытку «Скорее выздоравливай» или выдать медаль за доблесть, а, Салли?*

Не передергивай. Ты чуть не сломал ему нос.

Воистину. Когда мужик спускается на кухню налить себе еще виски и видит, что какой-то вшивый алкаш одной рукой хватается его жену за задницу, а второй держится за ее грудь...

Да ладно тебе, — натянуто проговорила Салли. Но Джесси почему-то показалось, что голос у мамы был очень довольным. Все страньше и страньше. — *Дело в том, что тебе давно уже пора понять, что Дик Слифорт — не демон из преисподней, и Джесси тоже пора понять, что Адриан Джилетт — всего лишь старая одинокая женщина, и тогда она ударила ее по руке только в шутку. Не заводись, Том, я не говорю, что это была хорошая шутка, наоборот... я просто хочу сказать, что Адриан этого не знала и не хотела обидеть нашу дочь.*

Джесси опустила глаза и увидела, что книжка почти закрылась. Как может мама — женщина, которая с отличием окончила университет, — быть такой глупой. Для Джесси ответ был прост: не может она быть такой. Просто не может, и все. Либо она знала что-то такое, о чем не знал больше

никто, либо просто отказывалась смотреть правде в глаза... но в любом случае вывод был только один: когда ей пришлось выбирать между тем, кому верить — старой соседке-карге или собственной дочери, — Салли Махо выбрала мерзкую старушеницу. Замечательно, правда?

Потому что я папина дочка, вот почему. Она поэтому говорит всю эту ерунду. Только поэтому. Но я ей сказать не смогу, а сама она и за миллион лет не догадается.

Джесси заставила себя разжать руку с книжкой. Мисс Джилетт специально шлепнула ее, она *хотела* ее обидеть, но папа был прав — она давно уже не боится этой старой вороны. Она собиралась добиться своего и остаться с папой, так что мамино нытье сейчас не имеет значения. Она останется тут с отцом, и ей не придется встречаться с этой старой кикиморой, и все будет именно так, как надо, потому что...

— Потому что он за меня, — прошептала она.

Да, и точка. Папа за нее. А мама *против* нее. Все просто

В вечернем небе уже появлялись звезды. И Джесси с удивлением обнаружила, что сидит на террасе и слушает спор по поводу затмения и по поводу *нее самой* уже почти сорок пять минут. Этим вечером она открыла для себя одну интересную особенность: время летит очень быстро, когда подслушиваешь разговоры, касающиеся тебя.

Она подняла руку, сложила пальцы, словно изображая подозрную трубу, посмотрела на звезду и прошептала старое заклятие: «Хочу, чтобы мне было можно, хочу, чтобы я смогла». Ее желание уже почти исполнилось — она хотела загадать, чтобы ей разрешили остаться завтра с отцом. Они будут только вдвоем. Два человека — которые знают, что друг за друга надо стоять горой, — будут сидеть на террасе, кушать отменные гамбургеры à deux... совсем как семейная пара.

А что касается Дика Слифорта, так он потом передо мной извинился, Том. Не помню, говорила я тебе или нет...

Да говорила, но что-то я не припомню, чтобы он извинился передо мной.

Наверное, он просто боится, что ты ему башку открутишь или хотя бы попытаешься, — отозвалась Салли все тем же странным тоном — сложная смесь счастья, доброго юмора и злоб-

ной ярости. Джесси даже на мгновение удивилась, как может человек в своем уме говорить таким тоном?! И тут же оборвала эту мысль. — *И еще я хочу кое-что добавить про Адриан Джилетт, прежде чем мы закончим этот разговор...*

Слушаю очень внимательно...

Она мне сказала в 1959-м, то есть два года спустя, что за это время пересмотрела свои взгляды на жизнь, она не упоминала о Джесси и о том инциденте с печеньем, но мне показалось, что она пыталась извиниться.

Д-а-а-а-а? — протянул отец, это было его коронное, адвокатское «Да-а-а». — И никто из вас не подумал, дамочки, что неплохо было бы поставить в известность и Джесси... И объяснить ей, что это значит?

Мать молчит. Джесси с трудом представляла себе, что значит «пересмотреть свои взгляды на жизнь». Она вдруг заметила, что опять сжала книжку в руке, так что та почти свернулась в трубочку.

Или извиниться? — Папин голос был нежным, ласкающим, смертоносным.

Хватит уже, перестань. А то я себя чувствую как на перекрестном допросе! — взорвалась Салли после долгой паузы. — Если ты вдруг не заметил, мы дома, а не на заседании второй палаты верховного суда!

Это ты начала разговор, а я просто спросил.

Господи, как я устала от твоей этой мерзкой привычки переворачивать все с ног на голову. — Судя по голосу, мама вот-вот заплачет, подумала Джесси. И в первый раз в жизни это не вызвало у нее никакой жалости. Ей не захотелось бежать к мамочке и успокоить ее (и может быть, даже расплакаться и самой). Вместо этого Джесси почувствовала странное, злорадное удовлетворение.

Салли, ну вот, ты расстроилась, почему бы нам просто...

Ты что, издеваешься? Каждый раз, когда мы с тобой спорим, мне кажется, ты надо мной издеваешься. Странно, правда? И ты вообще понимаешь, о чем мы спорим? Я подскажу тебе, Том. Мы спорим не об Адриане Джилетт или Дике Слиффорте и даже не о завтрашнем затмении. Мы спорим о Джесси, о нашей дочери. Как обычно.

Она рассмеялась сквозь слезы, потом чиркнула спичкой с сухим щелчком и закурила.

Скрипучее колесо всегда надо смазывать первым. И это скрипучее колесо — наша Джесси. Всюду сует свой нос. Вечно она недовольна чужими решениями, если они происходят без нее, — она просто не хочет признать, что кто-то может придумать что-нибудь стоящее без нее.

В голосе матери сквозило что-то, очень похожее на ненависть, и вдруг Джесси испугалась.

Салли...

Ладно, Том, забудь. Она хочет остаться тут с тобой — отлично, пусть остается. В любом случае ей не понравится поездка на гору, ведь это не ее идея. Все равно с ней нормально не пообщаешься. Она только и будет, что затевать перепалки с сестрой и ныть, что ей вечно приходится приглядывать за Виллом. Другими словами, она будет только скрипеть и все.

Салли, Джесси вообще почти никогда не ноет и с удовольствием присматривает за братом...

Ты просто не понимаешь, какая она! — Салли Махо сорвалась на крик. И ненависть в ее голосе заставила Джесси съежиться. — Богом клянусь, иногда ты ведешь себя так, словно она твоя девушка, а не дочь!

На этот раз замолчал отец, а когда снова заговорил, его голос был мягким и очень холодным:

Подло, низко и нечестно так говорить.

Джесси сидела на террасе, смотрела на звезды, и ее беспокойство сменялось ужасом. Ей захотелось опять сложить пальцы, посмотреть на какую-нибудь звездочку и пожелать, чтобы все стало как прежде. Уж лучше бы она поехала вместе со всеми в день затмения.

Потом из гостиной донесся звук отодвигаемого стула.

Прости меня, — сказала Салли, и хотя голос звучал по-прежнему зло, в нем сквозил легкий страх. — Да забирай ее, если хочешь! Пожалуйста, забирай! Мне не жалко!

Потом донесся звук каблучков, уходящих прочь. Потом — чирканье «Зиппо». Папа зажег сигарету.

Джесси почувствовала, что по щекам бегут теплые слезы. Ей было стыдно и больно, но в то же время она была очень довольна, что все закончилось и не зашло дальше. Они с Мэд-

ди заметили, что последнее время споры родителей случались все чаще и были все злее. И что с каждым разом было все тяжелее растопить лед, появляющийся между ними после этих споров. Но ведь вряд ли такое возможно, что папа с мамой...

Нет, — оборвала она себя, прежде чем закончила мысль. — Это действительно невозможно, так что давай заткнись.

Может быть, смена обстановки разгонит печальные мысли? Джесси поднялась, сбежала вниз с террасы и направилась к озеру. Там она и сидела, бросая в воду камушки, когда через полчаса подошел отец.

— Затменные бургеры на двоих, — сказал он и поцеловал ее в шею. Он успел побриться, его подбородок был мягким и от него очень приятно пахло. По спине Джесси опять пробежали мурашки. — Я все уладил.

— Она сильно ругалась?

— Не-а, не сильно, — рассмеялся отец. — Сказала, что ей все равно, ведь ты хорошо себя вела всю неделю и...

Джесси забыла о своей догадке, что папа знает об акустических свойствах гостиной, и то, что он так щедро солгал, тронуло ее почти до слез. Она повернулась к нему, обняла за шею и принялась целовать его щеки и губы. Он страшно удивился. И судорожно отдернул руки, как только они коснулись ее маленьких грудей. По всему телу опять пробежали мурашки, и на этот раз гораздо сильнее — так, что стало почти больно. И тут, словно при *déjà vu*, она вспомнила о странных противоречиях взрослого мира, где можно заказать ежевичное жаркое или яичницу в лимонном соке... и некоторые действительно заказывают. Потом папа обнял ее и прижал к себе. И даже если его руки задержались чуть дольше там, она этого не заметила.

Я люблю тебя, папочка.

И я тебя тоже, малышка. Сильно-пресильно.

16

День затмения выдался жарким, сырым и душным, но относительно ясным. Предсказания синоптиков насчет того, что низкие облака могут закрыть обзор, не оправдались, по крайней мере в западной части штата Мэн.

Салли, Мэдди и Вилл ушли в десять, чтобы успеть на автобус «солнцепоклонников с озера Дак-Скор» (Салли на прощание молча чмокнула Джесси в щеку, на что та ответила таким же сухим поцелуем). Итак, Том Махо остался наедине с дочерью, которую его жена обозвала накануне «скрипучим колесом».

Джесси сменила шорты и футболку летнего лагеря Оссипии на новый сарафанчик — тот, который симпатичный (если вас не раздражают пронзительно яркие красные и желтые полосы), но тесноватый. Она слегка подушилась туалетной водой сестры «My Sin»*, побрызгалась маминым дезодорантом «Yodoga» и подкрасила губки «Мятной-ням-ням». И хотя Джесси была не из тех девчонок, которые вечно крутятся перед зеркалом и разговаривают со своим отражением (как выражается мама, что-то типа: «Мэдди, перестань болтать сама с собой и иди сюда!»), сегодня она по-особенному уложила волосы, потому что отец однажды похвалил такую прическу.

Джесси воткнула последнюю шпильку на место, потянулась было к выключателю в ванной, но остановилась. Из зеркала на нее смотрел не ребенок, а уже настоящий подросток. И дело было вовсе не в том, что облегающий сарафан подчеркивал две маленькие выпуклости, которые лишь через пару лет станут грудью, и не в накрашенных губках, и не в волосах, неуклюже уложенных во «взрослую» модную прическу. Просто все это вместе... сумма больше слагаемых, потому что... почему? Джесси не знала. Просто забранные наверх волосы подчеркивали ее скулы и изгиб оголенной шеи, которая выглядела куда сексуальнее, чем два прыщика еще не оформившейся груди и — уж тем более — чем ее поджарая мальчишеская фигура в целом. А может быть, дело было в глазах, в которых откуда-то появился странный бешеный огонек.

Но как бы там ни было, в тот день Джесси задержалась перед зеркалом дольше, чем обычно. Ей вспомнились слова матери: *Богом клянусь, иногда ты ведешь себя так, словно она твоя девушка, а не дочь!*

Джесси прикусила нижнюю губу и нахмурилась — чуть заметная складочка недовольства пролегла на лбу. Она вспо-

* «Мой грех».

минала вчерашний вечер. Дрожь, которая пробежала по телу от его прикосновения, ощущение его рук у нее на груди... Она почувствовала, что все ее тело снова покрылось мурашками, и отбросила эти тревожные мысли. Нет никакого смысла волноваться из-за вещей, которых ты не понимаешь, так что и думать о них не стоит.

Хорошая мысль, решила она и выключила свет в ванной.

По мере приближения затмения Джесси волновалась все больше и больше. Она включила портативное радио и настроилась на волну WNCH Северного Конвея, где гоняли рок-н-ролл. Они с Мэдди только ее и слушали, а мама ненавидела эту станцию. Она не могла вынести более получаса Дела Шеннона, Ди Шарп или Гари «ЮС» Бондса и всегда заставляла детей переключиться на радиостанцию классической музыки. Но папе вроде бы нравилась современная музыка, он часто притопывал в такт и подпевал. А однажды, когда передавали «Ты моя» в исполнении Дюпри, он подхватил Джесси на руки и закружил в танце.

Около половины четвертого Джесси разогрела угли в барбекю. До начала затмения был еще час, и она пошла спросить у отца, сколько гамбургеров ему приготовить.

Она нашла его в южном крыле дома, как раз под террасой, где она собиралась готовить. Он был в одних шортах спортивной команды Йелльского университета, а на руке у него красовалась стеганая варежка-прихватка. Лоб был повязан банданой, чтобы пот не попадал в глаза. Он сидел, согнувшись над маленьким, но дымным костерком. Сочетание шорт и банданы очень его молодило. В первый раз Джесси увидела в папе юношу, в которого влюбилась мама — как раз на каникулах перед выпускным классом.

Рядом с ним лежали кусочки стекла, аккуратно вырезанные из окон старого сарая. Одно стеклышко он держал в дыму костерка, зажав щипцами для барбекю, и поворачивал его над огнем, как будто жарил какой-то изощренный походный деликатес. Джесси рассмеялась. Больше всего ее развеселила варежка-прихватка. Отец обернулся к ней и улыбнулся. В голове промелькнула мысль, что оттуда, снизу, ему прекрасно видно, что у нее под платьем. Но это все же

ее отец, а не какой-нибудь там симпатичный мальчик вроде Дуэйна Корсона, что живет рядом с пристанью.

Что ты делаешь? — спросила она, давась смехом. — Мы вроде бы собирались есть гамбургеры, а не бутерброды со стеклом.

Это не для еды, малышка. Это чтобы смотреть на затмение, — сказал он. — Если сложить два или три стеклышка вместе, то можно спокойно смотреть на затмение и не бояться повредить глаза. Надо быть осторожнее... я где-то читал, что если смотреть на затмение просто так, то можно запросто заработать ожог сетчатки и даже этого не почувствовать.

Ой! — вздрогнула Джесси. Мысль о том, что можно обжечь глаза и даже этого не почувствовать, показалась ей просто кошмарной. — А сколько продлится полное затмение, папочка?

Недолго. Минуту или чуть больше.

Ну тогда, пожалуйста, сделай побольше этих стеклянных смотрелок... я не хочу обжечь глаза. Тебе один отменный гамбургер или два?

Ну если один, то большой-пребольшой.

Ладно.

Она повернулась, чтобы уйти.

Малыш?

Она обернулась и посмотрела на отца. Невысокий, крепко сбитый мужчина. На лбу проступили капельки пота. У него на теле почти не было волос. Именно за такого мужчину она потом выйдет замуж... только у отца не было толстых очков и брюшка, как у Джералда. На мгновение Джесси забыла, что это ее отец. Вернее, не то чтобы забыла, но ее это как-то не заботило. Она вновь поразилась, какой он красивый и как молодо выглядит. Капелька пота медленно скатилась по его животу, миновала пупок и растеклась маленьким темным пятнышком на резинке шорт. Джесси подняла глаза и вдруг увидела, что он тоже на нее смотрит. И хотя его глаза застилал дым, они были просто великолепными. Сероватый блеск зимнего рассвета над водой. Джесси тяжело сглотнула, в горле вдруг пересохло. Может быть, из-за едкого дыма от костерка. Или...

Да, папа?

Он долго молчал, просто смотрел не нее и все. На лбу и щеках искрились капельки пота, капельки пота медленно капались по груди и животу. Джесси вдруг испугалась. Но он улыбнулся, и все стало хорошо.

Ты сегодня прекрасно выглядишь, малыш. В общем, можно сказать, что ты очень красивая, если тебя это не раздражает.

Спасибо, вовсе не раздражает.

Его комплимент очень обрадовал Джесси (в особенности после вчерашних слов матери и даже скорее всего из-за них). Большой комок подкатил к горлу, и она чуть не расплакалась. Но она лишь улыбнулась и сделала реверанс. Потом развернулась и поспешила к барбекю. В груди барабанной дробью стучало сердце. Тут ей вспомнилась фраза матери, самая ужасная,

(ты ведешь себя так, словно она)

но Джесси безжалостно раздавила ее, как надоедливую осу. И в то же время она была вся во власти этой сумасшедшей «взрослой» смеси чувств — мороженое и подливка от мяса, жареная курица, начиненная кислыми леденцами, — и никак не могла от этого избавиться. Да в принципе не особенно-то и *хотела* избавиться. Из головы никак не шла картина, как капелька пота лениво сползает по животу отца и растекается по резинке шорт, оставляя темное пятнышко. Именно она, эта капелька пота, и вызвала эту бурю чувств. Это было похоже на какое-то сумасшествие — образ все повторялся и повторялся. Как будто зациклился.

Ну и что? Просто сегодня был сумасшедший день, вот и все. Даже солнце собиралось выкинуть что-то из ряда вон. Так зачем загружать себя всякими мыслями? Пусть все идет, как идет.

Да, — согласился голос, который в будущем станет голосом Рут Ниери. — Пусть все идет, как идет.

Бургеры с грибами, поджаренными с красным луком, получились на славу. *Даже вкуснее, чем у мамы, —* сказал отец. Джесси польщенно рассмеялась. Они ели на террасе, держа металлические подносы прямо на коленях. Круглый стол был заставлен приправами, бумажными тарелками и всякими штуками для наблюдения за затмением. Там были солн—

цезащитные очки «Полароид», самодельные телескопы из картона — точно такие же взяли с собой «солнцепоклонники» на гору Вашингтон, — кусочки закопченного стекла и стопка прихваток из кухонного шкафчика рядом с плитой. Стеклашки уже остыли, объяснил Том, но он не был мастером по обращению со стеклорезом и боялся, что у некоторых стеклышек остались острые края.

Меньше всего мне хотелось бы, — сказал он, — чтобы мама вернулась домой и нашла записку, что я повез тебя в больницу Оксфорд-Хиллз, чтобы тебе постарались пришить обратно пару отрезанных пальцев.

Маме бы это не очень понравилось, правда? — спросила Джесси.

Отец приобнял ее за плечи: *Нет, но зато я был бы в восторге за нас двоих, —* и так широко улыбнулся, что Джесси невольно улыбнулась в ответ.

Сначала они взяли картонные телескопы, чтобы наблюдать начало затмения. Было уже 16.59 по восточному поясному времени. Солнце в глазке картонки Джесси было не больше крышки от бутылки, но зато было таким ярким, что Джесси пришлось надеть солнцезащитные очки. Ее часики показывали 16.30. Затмение уже должно было начаться.

Наверное, у меня часы спешат, — нервно заметила Джесси. — *Или это такая шутка астрономов всего мира.*

Посмотри еще раз, — улыбнулся Том.

Когда Джесси снова взглянула в самодельный телескоп, она увидела, что яркий диск солнца уже не круглый. С правой стороны на него напал полумесяц тьмы. Джесси передернула плечами. Том это заметил, потому что наблюдал за ней, а не за затмением.

Малыш, все в порядке?

Да, но... мне чуточку страшно.

Да, — сказал он серьезно. Она взглянула на него и поняла, что он чувствует то же самое. Ему тоже было страшно, и поэтому он стал еще больше похож на студента-старшекурсника. Джесси никогда раньше не думала, что папа может чего-то бояться. — *Если хочешь, садись ко мне на коленки, Джесс.*

Правда, можно?

Спрашиваешь! Еще бы!

Держа в руках картонный телескоп, она забралась к нему на колени. Поерзала, устраиваясь поудобнее. Ей очень нравился слабый запах его кожи, влажной от пота и разогретой на солнце, и едва уловимый аромат лосьона после бритья. Кажется, он назывался «Редвуд». Сарафанчик задрался (что и следовало ожидать, ведь он был очень короткий), но она обратила на это внимание только тогда, когда отцовская рука легла ей на бедро. Но ведь это же ее папа, *папуля*, а не Дуэйн Корсон с причала и не какой-нибудь там Риччи Эшлок, над которым она потешалась с подругами.

Медленно тянулись минуты. Джесси постоянно крутилась, пытаясь усесться поудобнее. Сегодня, казалось, его колени были ужасно костлявыми и неудобными, но, как ни странно, ее вдруг потянуло в сон и она даже задремала минут на пять. А может, и на подольше. Ее разбудил порыв ветра, почему-то вдруг очень холодный. Вокруг все изменилось. Цвета — такие яркие до того, как она закрыла глаза, — теперь поблекли, и даже свет дня как будто потускнел. Такое впечатление, словно день вылинял и все его краски выцвели. Джесси снова посмотрела в самодельный телескоп и была крайне удивлена, даже поражена — теперь виднелась лишь половина солнца. На часах было девять минут пятого.

Вот оно, папочка. Солнце гаснет!

Да, — согласился он. Его тон был задумчивым и каким-то неуверенным. — *Точно по расписанию.*

Она обратила внимание, что, пока она спала, его рука поднялась чуть выше по бедру.

Уже можно смотреть через стеклышко, пап?

Еще нет. — Его рука скользнула еще выше. Она была теплая, потная, но приятная. Джесси накрыла его руку своей, обернулась к нему и улыбнулась.

У меня прямо дух захватывает!

Да, — отозвался он все тем же странным тоном, — *у меня тоже, малыш. Даже больше, чем я ожидал.*

Время шло. В телескопе луна потихоньку наползала на солнце. На часах — пять двадцать пять. Почти все внимание Джесси было сосредоточено на солнечном диске, исчезаю-

шем в объективе картонного телескопа. Но какая-то ее часть продолжала недоумевать, почему сегодня его колени такие жесткие. Что-то настойчиво упиралось ей в попу. Она подумала, что это рукоятка кого-то инструмента... отвертки там или молотка.

Джесси вновь заерзала, пытаясь устроиться поудобнее. Отец судорожно выдохнул воздух.

Папа? Я слишком тяжелая? Тебе больно?

Нет, все в порядке.

Джесси посмотрела на часы — пять тридцать семь. До полного затмения оставалось четыре минуты или чуть больше, если часы спешат.

Уже можно смотреть через стекло?

Нет, малыш, но уже скоро.

По радио на волне WNCN Дебби Рейнольдс пела что-то из цикла «Темные времена». «Старый страшный филин охотился за голубкой. Тамми, Тамми, Тамми — влюблена». Потом ее голос заглушил ураган скрипок, и песня кончилась. Диджей сообщил, что в Лыжном Городе, США (так обычно они называли Северный Конвей), уже темнеет, но над Нью-Хемпширом высокая облачность, поэтому затмения почти не видно. Люди разочарованы.

Но мы-то с тобой вовсе не разочарованы, правда, папа?

Ни капельки, — согласился он и как-то странно вздрогнул. — *По-моему, мы с тобой самые счастливые люди во всей вселенной.*

Джесси смотрела в телескоп, забыв обо всем, кроме маленького диска солнца. На него уже можно было смотреть, не щуря глаза. Темный полумесяц справа теперь разросся и закрыл почти все солнце — только слева остался тоненький яркий серп.

Взгляни на озеро, Джесси!

Она посмотрела туда, и ее глаза, спрятанные за темными стеклами очков, широко распахнулись. Она так увлеклась исчезающим солнцем, что ничего вокруг не замечала. Мягкие пастельные краски стали теперь еще бледнее — казалось, что она смотрит на старинный акварельный этюд. Станные сумерки опустились на озеро Дак-Скор в середине дня. Они

одновременно и завораживали, и пугали десятилетнюю девочку. Где-то в лесу негромко ухнул филин. Джесси вздрогнула. По радио закончилась рекламная пауза и запел Марвин Гей: *О-о-о, слушайте все, и особенно вы, девочки... как тяжело быть одному, когда любимой нет рядом...*

В лесу опять ухнул филин, и Джесси снова испуганно вздрогнула. На этот раз Том обнял ее, и она с радостью прислонилась к его груди.

Мне страшно, пап.

Скоро все кончится, милая. И скорее всего ты больше уже никогда не увидишь ничего подобного. Так что ты лучше смотри, ничего не бойся и наслаждайся моментом.

Она посмотрела в телескоп и не увидела ничего.

«Друзья говорят, что я слишком сильно люблю...»

Пап? Папуля. Оно исчезло. Можно я...

Да, теперь можно, но когда я скажу «хватит» — это значит хватит, и ты не будешь спорить, поняла?

Она все поняла. Ведь она знала, что можно сжечь сетчатку и даже этого не почувствовать, а потом будет уже слишком поздно, чтобы как-то помочь. И это было гораздо страшнее старого филина в лесу. Но даже такая опасность не заставит ее упустить — возможно, единственный в жизни — шанс посмотреть на полное солнечное затмение хоть одним глазком.

Но кажется мне... кажется мне... — с фанатичным жаром пел Марвин, — что только так и надо любить...

Том Махо дал дочери одну кухонную прихватку и три сложенных вместе стеклышка. Он тяжело дышал, и Джесси вдруг стало его жалко. Да, он тоже испугался затмения, но он был взрослым и, конечно, никоим образом не должен был показывать свой страх. Похоже, быть взрослым — очень тяжело. Она хотела обернуться и успокоить его, но потом решила, что ему будет только хуже, и он почувствует себя глупо... Джесси прекрасно это понимала, ведь она сама больше всего на свете ненавидела чувствовать себя глупой. Она взяла стеклышки и поднесла их к глазу.

Так что, девочки, согласитесь, так быть не должно. И я хочу слышать от вас только «Да», — надрылся Марвин.

То, что Джесси увидела через стеклышки...

В этот момент Джесси, прикованная наручниками к кровати в летнем домике на северном берегу озера Кашвамак — Джесси, которой было не десять, а тридцать девять и которая уже как двенадцать часов стала вдовой, — осознала две вещи. Во-первых, она спала. А во-вторых, затмение ей не *снилось*; скорее она *переживала* его вновь. Сначала она действительно думала, что это был *только* сон — как и тот, о дне рождения Вилла. Ведь некоторые из присутствующих там гостей были уже мертвы, а других Джесси не видела много лет. Да, это новое порождение ее сознания было таким же призрачным и нереальным, как и тот первый сон... но это было неверным сравнением, потому что и весь *тот день* был нереальным и призрачным. Сначала — затмение, а потом отец...

Нет уж, все, — оборвала себя Джесси. — Хватит.

Она попыталась вырваться из плена сна или воспоминаний. Ее мысленное усилие переросло в физическое, и она задергалась на кровати. Цепи наручников гулко позвякивали, пока она металась из стороны в сторону. Ей почти удалось освободиться от этого навязчивого кошмара, но лишь на мгновение. Она *могла* это сделать и наверняка бы *сделала*, но в самый последний момент передумала. Ее остановил непреодолимый, всепоглощающий ужас перед темной фигурой в углу. По сравнению с ней все, что произошло в тот день на террасе, было просто веселенькой сказочкой. Если, конечно, страшный ночной гость все еще был здесь. Если она сейчас проснется и...

А может, не стоит пока просыпаться?

И скорее всего ее заставило передумать не только желание спрятаться во сне. Какая-то ее часть была убеждена, что лучше дойти до конца — чтобы раз и навсегда покончить с этим кошмаром, чего бы ей это ни стоило.

Она успокоилась и легла на подушку. Глаза закрыты, разведенные руки подняты, как у жертвы на алтаре, бледное лицо напряжено.

— И особенно вы, девчонки, — прошептала она в темноту. — Особенно все вы, девчонки.

И опять наступил страшный день затмения.

18

То, что Джесси увидела через «смотрелку» и солнцезащитные очки, было настолько странно и ужасно, что поначалу ее сознание просто отказалось это воспринимать. Казалось, что на небе вдруг выросла огромная круглая родинка, как на подбородке у Энн Фрэнсис.

Если я разговариваю во сне, так это потому, что я уже неделю не видел свою крошку...

В этот момент Джесси почувствовала руку отца на своей правой груди. Он нежно сдвигал ее, потом накрыл рукой левую и снова вернулся к правой, как будто сравнивая. Он пытался ей прямо в ухо, как паровой двигатель. И Джесси снова почувствовала что-то твердое, упирающееся ей в попку.

Где мне найти свидетеля? — заходилась Марвин Гей. — Свидетеля, свидетеля!

Папуля, с тобой все в порядке?

Она почувствовала легкое покалывание в груди. Внутри все снова перевернулось от двух противоречивых чувств — удовольствия и боли. Жареная индейка в сладкой глазури с шоколадным соусом... но на этот раз в них вплелись тревога и смущение.

Да, — ответил он совершенно чужим голосом. — Да, все в порядке, только не оглядывайся. — Он дернулся. Убрал руку с ее груди, а та, что была на бедре, поползла выше, задирая подол сарафанчика.

Папочка, что ты делаешь?

В ее вопросе было скорее любопытство, чем страх. Но и страх тоже проскальзывал в ее тоне, словно ярко-красная нить на белом полотне. А в небе цвета индиго полыхали отблески света, окружая темный диск солнца алым пламенем.

Ты меня любишь, малыш?

Да, конечно...

Тогда ничего не бойся. Я тебе никогда не сделаю ничего плохого. Я хочу приласкать тебя. Просто смотри на затмение и дай мне тебя приласкать...

Мне что-то не хочется, папочка. — Джесси все больше смущалась, а красная нить страха становилась все толще. — Я боюсь обжечь глаза, обжечь эту, ну как там она называется.

Но думаю я, — пел Марвин, — жизнь пуста, если любимой нет рядом; и я останусь с ней навсегда.

Не беспокойся, — теперь он уже задыхался. — У тебя есть еще секунд двадцать. Как минимум. Так что не переживай. И не оборачивайся.

Джесси услышала шелчок резинки. Но ее трусики были на месте. Платье задралось почти до пояса.

Ты меня любишь? — снова спросил он. И хотя у нее появилось страшное предчувствие, что такой простой и правильный ответ сейчас станет неверным, но у нее не было выбора — ей было всего десять лет. И она ответила, что любит.

Свидетеля, свидетеля! — молил Марвин, затихая.

Отец дернулся, и эта твердая штука еще сильнее уперлась ей в попу. И Джесси вдруг поняла, что это уж точно не рукоятка отвертки или молотка из ящика с инструментами кладовке. И ощущение тревоги на миг сменилось чувством мстительного удовольствия. И предназначалось оно скорее матери, чем отцу.

Так тебе и надо, это все потому, что ты меня не любишь, — подумала Джесси, разглядывая темный диск на небе через несколько слоев закопченного стеклышка. — Вот что мы обе с тобой получили. — А потом все начало расплываться в глазах, и удовольствие испарилось. Осталось лишь пронизывающее чувство тревоги. О Боже, — подумала Джесси. — Это сетчатка... Наверное, я обожгла сетчатку.

Рука на бедре скользнула ей между ног и накрыла промежность. Он не должен так делать, подумала Джесси. Совершенно неподходящее место для его руки. Если, конечно, он не...

Он ласкает тебя, — внезапно воскликнул голос внутри головы.

Позже — во взрослой жизни — этот голос, который она окрестит примерной женошкой, не раз ее раздражал. Иногда

предостерегал, часто обвинял и почти всегда что-нибудь отрицал. Все неприятное, унижительное, болезненное — все со временем пройдет, если усердно не обращать на это внимания. Таким было жизненное кредо женоушки. Этот голос с ослиным упрямством утверждал, что черное — это белое и наоборот. Иногда даже (в особенности в одиннадцать и двенадцать лет, тогда Джесси еще называла этот голос мисс Петри, в честь учительницы во втором классе) она зажимала уши руками, чтобы не слышать этот рассудительный голос. Но это было бесполезно, ведь он звучал с той стороны ушей, куда Джесси попросту не могла добраться. Но в те минуты растущего смятения, когда над восточной частью штата Мэн погасло солнце, а звезды горели в глубинах озера Дак-Скор — именно тогда, когда маленькая Джесси поняла (вроде как), что делает рука отца у нее между ног, — этот голос был пропитан лишь добротой и практичностью. И она с паническим облегчением ухватила за его слова.

Он всего лишь ласкает тебя, Джесси, просто ласкает и ничего больше.

Ты уверена? — беззвучно крикнула она в ответ.

Да, — твердо ответил голос. И с течением лет Джесси поймет, что этот голос почти всегда уверен, и не важно прав он или нет. — Папа считает, что все это шутка, только и всего. Он даже не подозревает, что это пугает тебя так что не открывай рта, а то испортишь этот чудесный день. Это все ерунда.

Не верь ей, лапуля! — вступил в разговор новый суровый голос. — *Иногда он ведет себя так, словно ты его девушка черт побери, а не дочь. И именно так он ведет себя и сейчас. Он не ласкает тебя, Джесси! Он тебя трахает!*

Она была почти уверена, что все это вранье, потому что это странное и запрещенное слово со школьного двора относилось к действию, которое нельзя совершить только рукой. Но сомнения все равно оставались. С внезапным ужасом она вспомнила, как Карен Окойн рассказывала, что ни в коем случае нельзя позволять мальчику засунуть язык тебе в рот потому что из-за этого в горле может завестись ребенок. Карен говорила, что иногда такое случается, и девушка, кото-

рая попробует вытошнить из себя ребенка, скорее всего умрет, и ребенок тоже умрет. *Я никогда не позволю мальчику поцеловать себя по-французски, — сказала Карен, — может быть, я полежу на нем, если буду очень сильно его любить, но я не хочу, чтобы у меня в горле завелся ребенок. Как же я тогда буду ЕСТЬ?*

В тот раз эта теория беременности показалась Джесси совершенно безумной. Кому, как не Карен Окойн, которую вечно мучил вопрос, выключается ли свет в холодильнике, когда ты закрываешь дверь, могла прийти в голову такая дребедень?! Но теперь, как ни странно, эта бредовая мысль показалась ей очень логичной. Представь, *просто представь*, что это правда. И если от языка мальчика в горле может завестись ребенок, если *такое* возможно, тогда...

А твердая штука все упиралась ей в попку. И это была вовсе не рукоятка отвертки.

Джесси попыталась сжать ноги — жест, который отец истолковал совсем не так, как ей бы хотелось. Он сдавленно вздохнул — такой пугающий звук — и еще сильнее надавил пальцами на чувствительный холмик у нее в промежности. Было немного больно. Она вздрогнула и застонала.

Спустя годы до нее дошло, что отец скорее всего воспринял этот звук как стон наслаждения. Да и не важно, как именно он ее понял, но ее сдавленный стон стал кульминацией этого представления для двоих. Он выгнулся под ней, мягко приподнимая ее у себя на коленях. Это движение было пугающим, но вместе с тем странно приятным... он такой сильный, а она словно пушинка в его руках. На мгновение она почти поняла, что тут происходит на самом деле... и что она вполне в состоянии контролировать этот процесс, если, конечно, *захочет*.

Не хочу, — подумала она, — ничего не хочу. Я не знаю, что это, но что бы ни было, это противно, гадко и ужасно!

Потом твердая штука, которая не была рукояткой отвертки, стала пульсировать, и какая-то вязкая жидкость теплым пятном растеклась у нее по трусикам.

Это пот, — быстро подсказал голос, который в будущем станет голосом примерной женушки. — Вот что это — пот.

Он почувствовал, что ты его боишься, что тебе страшно сидеть у него на коленях, и поэтому разнервничался. Вот посмотри, что ты наделала. Тебе должно быть стыдно.

Пот?! Боже мой! — простонал другой голос, тот, который потом станет голосом Рут. Он звучал тихо, но властно и пугающе. — Ты знаешь, что это такое, Джесси! Ты об этом слышала, когда к Мэдди пришли подружки и остались на ночь... они разговаривали как раз об этом, когда решили, что ты уснула. Синди Лессард назвала это спермой. Она сказала, что сперма белая и вытекает из этих штук у парней, будто зубная паста. И именно из-за нее получают дети, а не из-за французских поцелуев.

Какое-то время она балансировала у него на коленях, словно на гребне волны. Она была смущена, напугана, но вместе с тем и взволнована. Она слышала, как тяжело он дышит. Но потом его мышцы расслабились, и он опустил ее вниз.

Не смотри больше на солнце, малыш, — сказал он. И хотя он дышал по-прежнему сбивчиво и тяжело, его голос звучал, как обычно. Пугающе возбужденный тон пропал, и Джесси почувствовала несказанное облегчение. Она не знала, что это было, но что бы ни было — все уже позади. Если, конечно, вообще что-то было.

Папуля...

Нет, время вышло. Мы договаривались, ты не будешь спорить.

Он осторожно отобрал у нее закопченные стеклышки и нежно поцеловал в шею. Джесси не мигая уставилась в странную темноту, окутавшую озеро. Смутно, как бы мимоходом, она отметила, что филин все еще ухает в лесу, а одуряченные темнотой сверчки начали свои напевы на два-три часа раньше. А перед глазами до сих пор стоял образ солнца — круглый черный диск, окруженный неровным ореолом зеленоватого света. Джесси подумала: *если я смотрела на солнце слишком долго и обожгла сетчатку, то, наверное, этот образ так и останется у меня перед глазами на всю жизнь. Как у солдат после вспышки от взорвавшейся гранаты.*

Может быть, ты пойдешь в дом и наденешь джинсы, малыш. Выходит, что сарафан был не самым удачным нарядом.

Он говорил совершенно бесцветным, ничего не выражающим голосом, как будто обвиняя ее... как будто надеть сарафан — ее идея. *(Даже если это его идея, надо было заранее подумать головой,* — тут же прокомментировала мисс Петри.) Ей вдруг пришла в голову страшная мысль: а если папа расскажет об этом маме? Это было действительно страшно. Так страшно, что Джесси расплакалась.

Прости меня, папочка, — хныкала она, обвив руками его шею и спрятав лицо у него на груди. Она чувствовала едва уловимый запах одеколона, или лосьона после бритья, или чем там пользуются взрослые мужчины. — *Если я сделала что-то не так, то, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прости меня!*

Господи, ну конечно, нет! — ответил он все тем же бесцветным голосом. Казалось, он еще думал, стоит ли рассказать Салли о том, что натворила Джесси, или об этом можно благополучно забыть. — *Ты не сделала ничего плохого.*

Ты меня еще любишь? — не унималась она. И только потом ей пришлось в голову, как дико звучал этот вопрос. И вообще, ей не стоило его задавать. Потому что ответ может ее убить. Но ей *надо было* знать правду.

Конечно, — тут же ответил отец, уже живее, и поэтому Джесси поняла, что он не врет (Господи, с каким же облегчением она это услышала). Но ее по-прежнему не покидало неприятное ощущение, что все изменилось. Она не понимала почему. Она только знала, что

(это были всего лишь ласки, просто ласки и только ласки)

все это как-то связано с сексом, но понятия не имела, насколько это серьезно. Наверное, это все-таки было что-то другое, а не то, что подружки Мэдди называли «дойти до конца» (но всезнайка Синди Лессард называла это «синхронное плавание с шестом на глубине», и эти слова напугали и заворожили Джесси). С другой стороны, если он не вставлял в нее свою штуковину, это еще не значило, что она не попадет под определение «быть в положении». Именно так это называлось у нее в школе. А что до рассказней Карен Окойн, то это скорее всего просто глупости... но даже если и правда, он же не засовывал язык ей в рот...

В голове вдруг зазвучал раздраженный голос матери: *Ведь правду же говорят — скрипучее колесо всегда смазывают первым!*

Теплое влажное пятно на трусиках снова напомнило о себе. Оно все еще расплзлось. Да, подумала Джесси. Все верно. Выходит, что скрипучее колесо действительно смазывают.

Папуля?..

Он поднял руку. Джесси прекрасно знала, что означает этот его жест. Отец часто так делал за обеденным столом, когда Мэдди или мама выходили из себя и начинали спорить. Джесси не припоминала, чтобы когда-нибудь этот жест относился к ней. Вот почему она поняла, что что-то пошло не так. Что в результате ужасной ошибки (может быть, из-за того, что она согласилась надеть сарафан) грянут глобальные перемены, которые уже никак нельзя предотвратить. Ей опять стало страшно. Очень страшно — внутри все оборвалось.

Краем глаза она заметила, что спортивные шорты отца чуть приспущены. И оттуда высовывалось что-то розовое. Джесси дала бы голову на отсечение, что это вовсе не рукав-тканка отвертки.

Прежде чем Джесси успела отвернуться, отец перехватил ее взгляд и быстро поправил шорты. Розовая штука исчезла. На мгновение у него на лице промелькнуло выражение неприкрытого отвращения, и снова у Джесси все сжалось внутри. Он понял, что она все видела, и решил, что взглянула она не случайно, а из любопытства.

То, что сейчас было... — начал он, прочистив горло. — Мы непременно должны об этом поговорить, но не сейчас. Давай бегом в дом — переодеться. Можешь даже принять душ. Поторопись, а не то прозеваешь окончание затмения.

Джесси уже потеряла всякий интерес к затмению, но ни за что не сказала бы об этом папе. Она кивнула и уже собралась уходить, но задержалась еще на минуточку.

Папочка, со мной все в порядке?

Вопрос, казалось, его озадачил, и он подозрительно посмотрел на нее. И она снова почувствовала, что внутри у нее все оборвалось. Даже не так: как будто кто-то копается пальцами у нее в животе... И тут она вдруг поняла, что отец

чувствует то же самое. А может, ему еще хуже. И тут ее осенило: *Все верно. Ведь это ты все начала!*

Да, — отозвался он, но как-то неуверенно, вовсе неубедительно. — *Лучше не бывает, Джесс. А теперь беги в дом и приведи себя в порядок.*

Хорошо.

Она попыталась улыбнуться, и у нее даже получилось. Поначалу отец словно оторопел, но потом улыбнулся в ответ. Она с облегчением почувствовала, что невидимые пальцы внутри приостановили свое черное дело. Но к тому времени, когда она поднялась наверх в их с Мэдди спальню, призрачные руки у нее в животе вновь вернулись к работе. Но что хуже всего — Джесси боялась, что отец расскажет все маме. И что она подумает?

Во всем виновата Джесси. Скрипучее колесо.

Их с сестрой спальню делила пополам бельевая веревка, натянутая посередине. Они с Мэдди повесили на нее листы бумаги и разрисовали их цветными мелками. Тогда это было ужасно весело, но сейчас все это показалось Джесси глупым ребячеством. А ее вытянутая тень на центральном рисунке выглядела как тень кошмарного чудища. Аромат сосновой смолы, который ей всегда очень нравился, теперь казался слишком резким и тяжелым, как резкий запах освежителя воздуха, который используют, чтобы скрыть неприятную вонь.

В этом — вся наша Джесси. Всюду сует свой нос. Вечно она недовольна чужими решениями, если они происходят без нее, — она просто не хочет признать, что кто-то может придумать что-нибудь стоящее без нее.

Она побежала в ванную, стараясь скрыться от этого голоса, хотя прекрасно понимала, что убежать от него невозможно. Джесси включила свет, рывком сняла сарафан через голову и швырнула его в корзину с грязным бельем, радуясь, что избавилась от него. Она пристально разглядывала себя в зеркало — маленькая девочка с прической взрослой женщины. Неумело заколотые шпильки частично повылезли, и локонны растрепались. Тело незрелой девочки: плоская грудь и узкие мальчишечьи бедра. Но это ненадолго. Она уже начала формироваться... если судить по тому, что с ней сделал отец.

Не нужны мне большие груди и округлые бедра, если из-за этого происходят такие вещи, — грустно подумала Джесси.

Джесси вспомнила о влажном пятне на трусиках. Она быстро стянула их — хлопчатобумажные, от Сирс, когда-то они были зелеными, но сейчас вылиняли и казались серыми — и, держа за резинку, подняла над головой. Снизу на них что-то было, и это определенно не пот. И на зубную пасту тоже не похоже. Скорее — на перламутрово-серую жидкость для мытья посуды. Джесси осторожно понюхала пятно. Слабый запах... примерно так пахнет от озера жарким летним днем и от колодезной воды, которую они пьют. Однажды она принесла отцу стакан воды, которая пахла особенно сильно, и спросила, чувствует ли он этот запах.

Не-а, — весело отозвался он, — но это не означает, что запаха нет. Просто я слишком много курю, черт меня раздери. Наверное, вода, проходя через землю, насыщается минеральными веществами и поэтому приобретает такой вот запах. И хотя это не вредно, маме придется спустить целое состояние на фильтры-смягчители для воды, чтобы отбить запах.

Минеральные вещества, подумала Джесси и еще раз понюхала пятно на трусиках. Она никак не могла понять, почему он ей так нравился. *Вода, проходя через землю, насыщается минеральными веществами и поэтому приобретает такой вот запах...*

И тут у нее в голове вновь зазвучал этот самоуверенный голос. В день затмения он был очень похож на мамин (он называл ее «лапуля», а именно так обращалась к ней мама, когда сердилась, если Джесси отлынивала от уборки или забывала о своих обязанностях по дому), но Джесси казалось, что это был ее собственный голос, только повзрослевшей. И если его боевой клич походил скорее на писк котенка, то лишь потому, что его время еще не пришло. И однако же он храбрился — как говорят у них в школе, всюю выпендривался — и прилагал все усилия, чтобы спустить Джесси с небес на землю. И самое главное: его грубоватый тон почему-то успокаивал.

Это же та самая дрянь, о которой рассказывала Синди Лессард, это сперма, лапуля! И, по-моему, ты должна бы сказать спасибо, что она оказалась на твоём нижнем белье, а не где-нибудь еще. Так что не вешай себе лапу на уши о запахе озера и минеральных веществ в колодезной воде. У Карен Окойн не мозги, а опилки, и ты знаешь прекрасно, что дети у Женщин не в горле заводятся! А вот Синди Лессард — далеко не дура и наверняка знает, о чем говорит. Сдается мне, она уже видела эту пакость! А теперь вот и ты увидела... Мужские выделения. Сперму.

Джесси захлестнула волна отвращения: и даже не из-за того, что это было, а чье это было. Она швырнула трусы в корзину для грязного белья. Но перед глазами тут же возникла картина: мама собирается стирать белье и достает из корзины именно эти трусы. И что, интересно, она подумает?! Скрипучее колесо наконец-то смазали... вот что!

Отвращение сменилось чувством ужасной вины. Она быстро вытащила трусики из корзины, и сразу же в нос ей ударил мягкий, тягучий, тошнотворный запах. *Устрицы и медь*, — подумала она. Это стало последней каплей. Она упала на колени перед унитазом, и ее вырвало. Джесси тут же спустила воду, чтобы запах свежей блевотины не распространился по дому, потом открыла холодную воду в раковине и хорошенько прополоскала рот. Ее страхи, что ей придется провести тут пару часов, засунув голову в унитаз, не оправдались. Тошнота потихоньку отступила. Только бы вновь не почувствовать этот медно-сметанный запах...

Задержав дыхание, она прополоскала трусы под холодной водой, отжала и зашвырнула обратно в корзину. Потом глубоко вдохнула и убрала волосы с висков мокрыми руками. А если мама спросит, что делает в грязном белье пара мокрых трусов...

Ты уже рассуждаешь как преступница, — грустно заметил голос, который потом станет голосом женушки. — Теперь ты понимаешь, что значит быть гадкой девчонкой, Джесси? Я очень надеюсь, что...

Молчи, задохлик, — огрызнулся другой голос, — потом еще наворчишься вдоволь! А сейчас нам нужно заняться делом, нет возражений?

Ответа не было, и это было хорошо. Джесси нервно заправила волосы за уши, хотя они совершенно ей не мешали. Если мама спросит, как в корзине оказались мокрые трусы, Джесси попросту скажет, что было жарко, и она решила искупаться, но переодеваться было лень... она уже не раз так делала.

Но тогда надо бы намочить и шорты, и футболку. Верно, лапуля?

Верно! — согласилась она. — *Отличная мысль.*

Она надела халат и вернулась в спальню за шортами и футболкой, которые надевала утром, когда мама, Мэдди и Вилл уезжали на гору. Казалось, это было так давно — тысячу лет назад. Она не сумела найти их сразу и опустилась на колени, чтобы заглянуть под кровать.

Другая женщина тоже стоит на коленях, — отметил голос, *— и чувствует тот же запах. Сметаны и меда.*

Джесси слышала, но не слушала. Она была занята поисками шорт и футболки для того, чтобы замести следы. Как она и подозревала, вещи оказались под кроватью. Джесси потянулась за ними.

Он идет из колодца, — продолжал голос, *— запах идет из колодца.*

Да. Да, — подумала Джесси, сгребая одежду в охапку. Из колодца. Мило, очень мило. Она вернулась в ванную.

По ее вине он упал в колодец. Это она все подстроила, и он упал в колодец. — После этой загадочной фразы голос наконец умолк. Джесси как вкопанная остановилась в дверях ванной. И тут ей стало действительно страшно. Она прислушалась к голосу и поняла, что он был совсем не такой, как остальные. Похожий голос можно услышать по радио в ночной передаче. Голос, который идет откуда-то издалека.

Ну не так уж и издалека, Джесси. Там, где живет эта женщина, затмение тоже полное.

На мгновение верхний этаж дома на озере Дак-Скор исчез. А на его месте возникли густые заросли ежевики. Ветви, сплетенные под темным небом, не отбрасывали тени. Ясно чувствовался запах моря. Джесси увидела худощавую женщину в домашнем платье. Длинные волосы с проседью собраны в пучок. Она стояла на коленях, наклонившись

над крышкой колодца, грубо сколоченной из гнилых досок. В крышке, ошерившись щепками, словно пасть дикого зверя, зияла дыра. Рядом, как маленький мятый сугроб, лежал кусок белой материи. Джесси почему-то была уверена, что это — лоскут от ее нижней юбки*.

— Кто ты? — спросила Джесси у женщины. Но видение уже исчезло... если оно вообще было.

Джесси обернулась, вдруг испугавшись: уж не подкрадывается ли эта страшная женщина к ней со спины. Но в комнате не было никого. Руки покрылись гусиной кожей.

Ты сходишь с ума, — обреченно сказал голос, который потом станет голосом примерной женушки Берлингейм. — Ох, Джесси, ты себя плохо вела, просто отвратительно, и теперь тебе нужно за это заплатить.

— Я не схожу с ума, — возразила Джесси, глядя на свое отражение в зеркале. — Нет!

На мгновение она застыла, с ужасом ожидания других голосов или видений. Но ничего не произошло. Тот страшный *другой* голос — который сказал Джесси, что она вроде как столкнула кого-то в колодец, — умолк и больше не проявлялся.

Это все нервы, лапуля, — сказала будущая Рут. Джесси ясно осознавала, что голос сам не очень-то верит своим словам. Он просто решил напомнить, что у них есть одно незаконченное дело и надо поторопиться. — Тебе привиделась женщина и ее нижняя юбка, потому что ты весь день только и думала, что о нижнем белье, только и всего. На твоём месте я бы выкинула из головы эту чушь.

Отличный совет. Джесси быстро намочила шорты и футболку, отжала и бросила в корзину для грязного белья. Потом залезла под душ, ополоснулась, быстро вытерлась и поспешила в спальню. Обычно она не надевала халат для этого марш-броска... но только не сегодня. Джесси запахла халат, но не стала завязывать пояс, чтобы не тратить время.

В спальне она снова остановилась и прикусила губу, дожидаясь, не вернется ли страшный голос. Она очень надеялась, что не вернется. Что у нее никогда больше не будет

* Кинг имеет в виду Долорес Клейборн, главную героиню своего одноименного романа.

этих странных видений и галлюцинаций. Все было спокойно. Джесси швырнула халат на кровать, кинулась к своему шкафчику и натянула свежее белье и шорты.

Она чувствует тот же запах, — подумала Джесси. — Кем бы она ни была, она чувствует, что из колодца, куда свалился мужчина, пахнет точно так же. Я уверена, что это происходит прямо сейчас, во время затмения...

Она обернулась, держа рубашку в руке, и замерла. В дверях спальни стоял отец. Стоял и смотрел на нее.

19

Джесси очнулась в тягучем и мягком молочном свете зари. Зловещее воспоминание о женщине из сна не шло у нее из головы, озадачивало, тревожило: о женщине с седеющими волосами, собранными в хвост на затылке, о женщине, что стоит на коленях в колючих зарослях ежевики и смотрит в зияющую пасть колодца в обрамлении острых щепок и обломков досок. Рядом подтаявшим сугробом лежит нижняя юбка. Женщина вдыхает этот ужасный и вязкий запах, идущий из недр колодца. Джесси годами не вспоминала об этой женщине, и лишь после сна о событиях 1963 года — который был вовсе не сном, а именно воспоминанием, — она подумала, что это было нечто вроде сверхъестественного откровения. Как всегда бывает, появилось оно из-за стресса и пропало по той же причине.

Но сейчас это было уже не важно. Ни тревожное видение, ни происшедшее с отцом на веранде, ни то, что случилось с ней позже, когда она обернулась, а он стоял в дверях спальни, — все это уже не имело значения. Все это — только воспоминания о давнем прошлом... и совершенно не связано с тем, что с ней происходит сейчас.

Похоже, я влипла. И очень серьезно влипла.

Джесси откинулась на подушку и снова — в который раз — уставилась на свои руки, прикованные наручниками к кровати. Она чувствовала себя вялым беспомощным насекомым, попавшим в паутину, причем паук уже успел впрыснуть в нее свой яд. Сейчас ей не хотелось уже ничего: только опять погрузиться в глубокий сон, на этот раз — без сновидений,

если такое возможно, и оставить в другой реальности бесчувственные колодки рук и саднящее жадой горло.

Но чудес не бывает.

Где-то совсем рядом раздавалось монотонное, усыпляющее жужжание. Сначала Джесси решила, что это будильник. Потом, подремав пару минут с открытыми глазами, она подумала, что это *детектор дыма*. Последняя мысль на мгновение вспыхнула надеждой, но тут же погасла, вернув Джесси к реальности. Она поняла, что жужжание совсем не похоже на детектор дыма. Оно напоминало... ну...

Это мухи, разве не ясно? — устало сообщил голос, который «сказал, как отрезал». — *Помнишь летние игры? А это команда «Осенние Мухи». У них сейчас как раз проходит ежегодный чемпионат по бейсболу на теле Джералда Берлингейма, выдающегося адвоката и известного любителя секса с наручниками.*

— Господи, мне *надо* встать, — хрипло сказала Джесси и сама не узнала свой голос.

Какого черта? Что все это значит? — подумала она. Ответ на этот вопрос — слава Богу, нормальный, а не какая-нибудь очередная ерунда — окончательно пробудил ее от сна. Дело в том, что она *не хотела* просыпаться, но в голове билась мысль, что лучше все-таки очнуться и принять реальность такой, как она есть. Необходимо приложить все усилия и освободиться, пока она в состоянии делать хоть что-нибудь.

Для начала было бы очень неплохо размять затекшие руки. Если удастся, конечно.

Джесси посмотрела на правую руку. Потом повернула голову и посмотрела на левую. Что-то хрустнуло в районе шеи, словно, пока она спала, позвоночник превратился в ржавый металлический стержень. Джесси с удивлением обнаружила, что теперь рассматривает свои руки совсем по-новому, словно это были и не *ее* руки, а образцы мебели в демонстрационном зале — вещь, совершенно отдельная от нее, Джесси Берлингейм. Что в принципе неудивительно. Ведь почти до самых плеч ее руки совсем ничего не чувствовали.

Джесси попыталась подтянуться, но руки онемели гораздо сильнее, чем она предполагала. Они не только не сдвину-

ли *ее*, но и не двигались *сами*. Они просто не реагировали на приказы мозга. Джесси снова взглянула на них, как будто это могло как-то помочь, и они уже не показались ей мебелью. Теперь они походили на обескровленные куски мяса, свисающие с крюков в мясной лавке. Джесси хрипло закричала от страха и ярости.

Но это тоже не помогло. На данный момент руки не слушались, и злоба и страх ничего не изменят. Может, попробовать пальцы? Если ухватиться за столбики в изголовье, то может быть...

...а может быть, и нет. Пальцы тоже не слушались. После пары минут тщетных усилий Джесси была вознаграждена только вялым движением большого пальца.

— Боже мой. — Ее голос скрипел, как песок на шестернях. На этот раз там сквозил лишь страх.

Несчастные случаи, когда гибнут люди, происходят не так уж и редко. За свою жизнь Джесси видела, наверное, тысячи репортажей о смерти в теленовостях. Носилки с трупами, извлеченными из развороченных автомобилей, ноги, торчащие из-под торопливо накинутаго одеяла, полыхающее здание на заднем плане. Бледные испуганные лица свидетелей, липкая кровь на асфальте, на стойке бара, на кафельном полу общественного туалета. Она помнила, как выносили тело Джона Белуши из отеля «Шато Мармон» в Лос-Анджелесе. Помнила, как воздушный гимнаст Карл Валенда потерял равновесие и упал на канат (канат был натянут между двумя высотными зданиями) — попытался удержаться, но сорвался и полетел вниз, навстречу смерти. Все программы по всем каналам, как одержимые, передавали этот кошмарный сюжет. Так что Джесси прекрасно знала: люди часто умирают именно в результате несчастных случаев, — но до теперешнего момента ей даже в голову не приходило, что за этими сюжетами стояли такие же настоящие и живые люди, как и она сама. Они ведь даже и не подозревали, что им уже никогда не поесть чизбургеров, не посмотреть очередную игру «Файнал джеопарди»*, не позвонить друзьям, что-бы собраться на покер в четверг или на поход по магазинам в

* Популярная в Америке телеигра, похожая на «Счастливый случай».

субботу. Не будет больше ни пива, ни поцелуев, и ваша сокровенная мечта заняться любовью в гамаке во время грозы уже никогда не осуществится. У вас будут другие дела на том свете. И каждое утро может оказаться последним...

А это утро может оказаться последним для меня! — подумала Джесси. — *Вполне может так получиться, что наш тихий и замечательный дом на озере покажут в вечерних новостях в пятницу или субботу. Даг Роу в своем вечном белом плаще, который я просто терпеть ненавижу, назовет его «Дом, где погибли преуспевающий адвокат из Портленда Джералд Берлингейм и его жена Джесси». Потом он передаст микрофон Биллу Грину, и тот расскажет о последних спортивных событиях. Так оно и будет, и это не нытье примерной женушки, и не разглагольствования Рут Ниери. Это...*

Джесси прекрасно знала, что это правда. Это будет всего лишь нелепый несчастный случай. Обычно люди читают о таких происшествиях за завтраком, в недоумении качая головами. Чья-нибудь жена скажет: «Послушай, дорогой!» — и прочтет заметку мужу, который занят поеданием грейпфрута. Просто нелепый несчастный случай... только на этот раз все происходит с ней. Ее сознание продолжало настаивать, что нет, так не будет, это просто ошибка — вот только в ее ситуации это было совершенно неуместно. Поблизости не было отдела жалоб, где можно было бы объяснить, что это Джералд затеял игрища с наручниками и что было бы справедливо ее освободить. И если она собирается исправить эту ошибку, то все придется делать самой.

Джесси закрыла глаза, прочистила горло и произнесла в потолок:

— Господи Боже, ты меня слышишь? Не уделишь мне минутку внимания? Я влипла в историю, мне очень страшно, пожалуйста, помоги мне выбраться отсюда. Я... эээ... Я... ээээ... умоляю Иисуса Христа... — Она старалась как можно тщательнее подбирать слова, но в голову шла лишь молитва, которой ее научила Нора Кэллиган. Молитва, которую знал и использовал всякий мелкий торговец или новоиспеченный гуру: «Господи, дай мне силы, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество — чтобы изменить то, что могу изменить, и мудрость — чтобы отличать одно от другого, аминь».

Ничего не случилось. Джесси не чувствовала ни снизошедшей силы, ни мужества, да и мудрости определенно не прибавилось. Она по-прежнему оставалась лишь женщиной, прикованной к кровати, как цепной пес — к своей будке. У нее умер муж, а руки затекли так, что уже ничего не чувствовали, и, по всей видимости, ей суждено было умереть... всеми покинутой... как собаке, забытой на пыльном заднем дворе, чей пропойца-хозяин отбывает тридцатидневный срок в окружной тюрьме за вождение в нетрезвом виде.

— Пожалуйста, пусть мне не будет больно, — произнесла она низким дрожащим голосом. — Господи, если мне суждено умереть, пусть это будет быстро и безболезненно... я так боюсь боли.

Думать о смерти сейчас более чем неуместно, лапуля. — Рут замолчала, но потом добавила: — Хотя, если по здравом размышлении, то о чем еще думать в такой ситуации.

Да, с этим вряд ли поспоришь. Думать о смерти — затея действительно неудачная, но что еще остается делать?

Жить, — ответили Рут и примерная женушка в один голос.

Ну хорошо, ладно. Жить так жить.

Стало быть, мы опять возвращаемся к онемевшим рукам.

Они ничего не чувствуют, потому что я провисела на них всю ночь. И до сих пор, кстати, вишу. Поэтому перво-наперво нужно снять с них нагрузку.

Упершись ногами в кровать, она попыталась продвинуться чуть назад — и обмерла от страха, когда и ноги тоже отказались слушаться. На какой-то момент она потеряла контроль над собой, а когда снова пришла в себя, то обнаружила, что яростно сбивает ногами покрывало и простыни в конец кровати. Она дышала, как гонщик-велосипедист, взбирающийся на последний холм перед финишем. В ее ягодицы, которые поначалу тоже ничего не чувствовали, теперь, казалось, вонзились тысячи иголок.

Страх окончательно разогнал сон. Аэробика для онемевшей задницы вкупе с беспредельной паникой заставили ее сердце стучать быстрее. Теперь оно колотилось как сумасшедшее. По крайней мере хотя бы *чего-то* она добилась: в руках появилось слабое покалывание, тихое и переливчатое, как далекий гром.

Если больше ничего не поможет, лапуля, думай об оставшихся двух-трех глотках воды. Напоминай себе, что не сможешь удержать стакан, пока не разомнешь руки как следует.

Джесси продолжала упираться ногами в кровать. За окном уже всходило солнце, по небу разливался рассвет. Волосы Джесси намокли от пота и прилипли к вискам, липкие капельки текли по щекам. Она понимала, что активно теряет влагу, а это значит, что ей очень скоро захочется пить, но другого выхода она не видела.

Потому что другого выхода просто нет, лапуля.

Лапуля это, лапуля то, — раздраженно подумала Джесси. — Может, заткнешь пока варежку, сучка болтливая?!

В конце концов ягодичы сдвинулись. Джесси напрягала мышцы живота, стараясь принять сидячее положение. Медленно, но верно угол между торсом и ногами приближался к девяноста градусам. Локти мало-помалу сгибались, потому что она уже почти сидела, а не висела на руках, как раньше. В кисти постепенно возвращалась чувствительность. Джесси почти уже села, но все-таки продолжала выполнять ногами упражнение «велосипед». Сердце учащенно билось, разгоняя кровь по затекшим мышцам. Капелька пота сбежала со лба и ужалила в глаз. Джесси нетерпеливо мотнула головой, не переставая работать ногами. В руках покалывало все сильнее — уже в районе локтей. Минут через пять ее поза была похожа на позу долговязого тинэйджера, неуклюже развалившегося в кресле в театре. И тут случилась первая судорога — как удар обухом мясницкого топора.

Джесси запрокинула голову и закричала. Капли пота с волос разлетелись во все стороны. Как только она перевела дыхание, начался второй спазм, гораздо сильнее и хуже прежнего. Казалось, левое плечо обмотали колючей проволокой и теперь затягивают петлю. Джесси взывала, сжав кулаки, так что ногти на нескольких пальцах сломались и пошла кровь. Глаза как будто утонули за коричневатой плотью век — так крепко она зажмурилась. Но слезы все равно нашли щелочку и потекли по щекам, смешиваясь с потом.

Работай, лапуля, не останавливайся.

Не называй меня этим дурацким словом! — закричала Джесси.

Незадолго до рассвета бродячий пес пробрался обратно на заднее крыльцо и улегся там спать. При звуке голоса Джесси он тут же вскочил. На морде застыло забавное выражение удивления.

Не называй меня так, ты, сука! Ты гадкая сука. Мерзкая су...

Еще одна судорога — быстрая и резкая, как разряд молнии — прошла через левый трицепс, от локтя до самой подмышки. Незаконченная фраза утонула в крике боли. Но Джесси все равно продолжала двигать ногами.

Она не знала, откуда берутся силы, но продолжала «крутить педали».

20

Когда судороги закончились — по крайней мере Джесси очень на это надеялась, — она перевела дух, прислонилась к изголовью кровати и закрыла глаза. Дыхание замедлялось... словно лошадь с галопа на рысь, а потом на шаг... Ужасно хотелось пить, но в остальном Джесси чувствовала себя на удивление хорошо. Наверное, в старой шутке — насчет того «Как же хорошо наконец остановиться» — была доля правды. В школе Джесси была очень спортивной девочкой и оставалась спортивной женщиной лет до тридцати (ну, скажем, до двадцати пяти), но она до сих пор не забыла ощущение выброса эндорфинов в кровь. Нелепо, конечно, в данной ситуации... но тоже неплохо.

А может быть, и не так уж нелепо, Джесс. Может быть, даже полезно. Эндорфины очищают мозги, именно поэтому после физических упражнений люди работают лучше и продуктивнее.

И действительно: в голове была полная ясность. Паника прошла — как туман, рассеянный ветром. Появилась способность трезво рассуждать. Джесси никогда бы не поверила, что такое возможно, не случись это с ней. Ее даже немного пугала эта способность человеческого разума приспособиться к чему угодно в стремлении выжить. *Уже столько всего случилось, а еще не пила кофе,* — подумалось ей.

В голове возник образ: крепкий черный кофе в ее любимой чашке с синими цветочками. Джесси облизала губы. Потом она подумала о программе утренних новостей «Сегодня». Если ее биологические часы не врут, то «Сегодня» как раз сейчас и начинается. Люди по всей стране — не прикованные, конечно же, наручниками к кровати — сейчас сидят в своих уютных кухоньках, пьют сок или кофе, едят рогалики и яичницу (или овсяные хлопья, которые улучшают работу сердца и благотворно действуют на кишечник) и смотрят новости. Они смотрят, как Брайан Гамбел и Кэтти Корик берут интервью у Джона Гаранжиолы. Потом — как распинается Виллард Скотт, желая счастья какой-нибудь паре долгожителей. А потом будет рубрика «Гости программы». Один расскажет о чем-то мудреном типа базисной ставки или федерального бюджета, другой откроет секрет, как отучить любимого чау-чау грызть тапки, а третий разрекламирует новый фильм. И никому из этих людей даже в голову не придет, какая трагедия разыгрывается сейчас в штате Мэн. Им и в голову не придет, что один из самых преданных зрителей сегодня утром не сможет включить телевизор, потому что прикован наручниками к кровати. А рядом, буквально в двадцати футах, лежит голый, обглоданный собакой и облепленный мухами мертвый муж.

Джесси повернула голову и взглянула вверх, на стакан, который Джералд так заботливо поставил на полку перед началом веселья. Еще пять лет назад, подумала она, там бы скорее всего не было бы никакого стакана, но теперь, когда Джералд стал поглощать больше виски, соответственно вырос и объем потребляемой им воды. Он выпивал сотни литров диетической содовой и чая со льдом. Так что «проблема с питьем» стояла у Джералда в самом буквальном смысле. Ну, — сказала она себе, — *если у него и были проблемы, то сейчас он уж точно от них избавился.*

Стакан стоял там же, где она его оставила, и если ее ночной гость не был порождением кошмарного сна (*Не глупи, конечно же, это был сон*, — нервно вставила примерная женоушка.), то пить он явно не хотел.

Я достану этот стакан, — подумала Джесси. — Только мне надо быть осторожной, если вдруг повторится судорога. Вопросы и комментарии?

Ответом была тишина. На этот раз ей не пришлось напрягаться, чтобы достать стакан. Она поставила его так, чтобы потом было удобнее взять, так что теперь не надо было проявлять чудеса ловкости и изобретательности. В довершение она обнаружила бонус в виде уже готовой соломинки. Рекламка высохла и свернулась как раз по нужным сгибам. Эта странная геометрическая конструкция выглядела как авангардистское оригами на вольную тему. И надо сказать, что работала она определенно лучше, чем вчера, так что выпить остатки воды оказалось еще даже легче, чем взять стакан с полки. И когда Джесси слушала хлюпанье на дне стакана, пытаясь соломинкой собрать остатки воды, ей вдруг пришла мысль, что воды пролилось бы гораздо меньше, если бы она знала, что соломинку можно «починить» таким простым способом. Ну, теперь уже поздно — что толку плакать о пролитом молоке. Или, вернее, о воде.

Пара глотков только усилила жажду. Но ничего не подешь. Джесси поставила стакан обратно на полку и тут же рассмеялась над собой. Привычка — вторая натура. Она настойчиво проявляет себя — даже в такой, совершенно бредовой ситуации. Ведь пока она тянулась, чтобы поставить стакан на место, у нее снова могли бы начаться судороги. Проще было бы бросить его на пол. И почему она так не сделала? Да потому, что «аккуратность — прежде всего», — вдалбливала Салли Махо в свою лапулю, в свое скрипящее колесо, которому доставалось так мало смазки и которое всюду совало свой нос. Ее маленькая лапуля зашла бы сколь угодно далеко — вплоть до совращения родного отца, — лишь бы сделать все по-своему. Джесси представила Салли: руки в боки, щеки пылают гневом, губы плотно сжаты. Именно такой ей запомнилась мать.

— Ты бы и в это поверила, правда, сучка? — тихо спросила она.

Это нечестно, — отозвалась какая-то ее часть. — Это несправедливо, Джесси.

Но это было справедливо. Салли была далеко не идеальной матерью, особенно в те годы, когда их брак с Томом уже еле теплился, как прогоревший костер. В те годы во всем ее поведении сквозила просто клиническая паранойя, и иногда она выдавала такое, что человек в здравом уме никогда бы не сделал. Виллу повезло больше всех. Почему-то он был избавлен от чтения нотаций и подозрений, но своих дочерей Салли Махо подчас просто пугала.

Но темные времена давно прошли. Письма, которые Джесси получала из Аризоны, были скучными и банальными излияниями старой леди, в жизни которой осталась всего одна радость — игра в бинго по вторникам. Те годы казались ей теперь мирным, спокойным и даже счастливым временем. Она, очевидно, забыла о том, как орала на Мэдди, что убьет ее прямо на месте, если та снова не завернет использованный тампон в туалетную бумагу, прежде чем выкинуть его в мусорку... или о том, как однажды воскресным утром ворвалась в комнату Джесси — Джесси так до сих пор и не поняла зачем, — швырнула в нее пару туфель и вылетела вон.

Иногда, когда Джесси получала письма и открытки от матери — «у меня все в порядке, дорогая, недавно я получила письмо от Мэдди, аппетит у меня стал лучше», — ей хотелось немедленно позвонить в Аризону и закричать: *Ты что все забыла, мама?! Ты забыла тот день, когда швырнула в меня туфлями и разбила мою любимую вазу, а я потом плакала, потому что подумала, что ты все узнала... что он сорвался и все-таки рассказал тебе, хотя со дня затмения прошло уже три года? Ты забыла, как часто пугала нас своими криками и слезами?*

Это несправедливо, Джесси. Несправедливо и подло.

Может быть, несправедливо. Но это правда.

Если бы она знала, что было в тот день...

В сознании Джесси снова всплыл образ женщины в колдовках. Проявился и тут же исчез. Так быстро, что она едва его распознала. Что-то типа скрытого двадцать пятого кадра в рекламе. Закованные в кандалы руки, волосы, закрывающие лицо... люди вокруг тычут пальцами и хохочут.

Мать даже если бы и не сказала, но уж точно подумала бы, что во всем виновата Джесси. Что это было *сознательное*

соблазнение. Ведь от скрипучего колеса недалеко до Лолиты*, верно? И вполне вероятно, что если бы мать узнала, что между ее мужем и дочерью произошло что-то, связанное с сексом, она бы уже не думала о разводе — она бы немедленно начала процесс.

Она бы точно поверила, можешь не сомневаться.

На этот раз голос благопристойности промолчал. И тут Джесси вдруг осенило: отец все понял еще тогда. Ей же, чтобы понять, понадобилось почти тридцать лет. Он знал реальное положение вещей, точно так же, как знал и об особенностях акустики гостиной-столовой в их летнем домике.

Получается, что в тот день отец использовал ее не только для одной цели.

Джесси думала, что сейчас, когда она все поняла, ее захлестнет поток отрицательных эмоций. Потому что по всему выходило, что человек, который должен был любить и защищать свою дочь, держал ее за полную идиотку и использовал как пешку в своей игре. Но она даже не разозлилась, не говоря уже о каких-то обидах. Может быть, она все еще была под воздействием эндорфинов, но скорее всего дело было в другом. Сейчас она не испытывала ничего, кроме предельного облегчения. Не важно, насколько грязным и отвратительным было случившееся в тот день, она нашла в себе силы от этого избавиться. Теперь она удивлялась, что было в этом такого особенного, чтобы столько лет хранить это в секрете. И еще она чувствовала что-то похожее на растерянность. Интересно, как часто та последняя минута на коленях отца в день затмения, когда она смотрела сквозь закопченное стеклышко на большую черную дыру в потемневшем небе, прямо или косвенно влияла на ее поступки во взрослой жизни? И вовсе не исключено, что она оказалась в своем теперешнем положении именно из-за того, что случилось с ней в день затмения...

Нет, это уж слишком. Вот если бы он меня изнасиловал, тогда другое дело. А то, что было тогда на террасе, — это просто еще один неприятный случай. Не несчастный, а именно неприятный. То, что было тогда, не беда... Настоящая беда

* Лолита — героиня одноименного романа Владимира Набокова.

происходит здесь и сейчас. И не ищи виноватых. С таким же успехом можно было бы во всем обвинить мисс Джилетт, которая шлепнула меня по руке, когда мне было четыре. Или списать все на родовую травму, или на искупление грехов прошлой жизни. К тому же то, что было на террасе, это просто игрушки по сравнению с тем, что он сделал со мной позже, в спальне.

Ей больше не нужно было засыпать, чтобы вернуться в прошлое. Она и так все прекрасно помнила... очень отчетливо, очень ярко.

21

Увидев отца на пороге спальни, она инстинктивно скрестила руки, прикрывая грудь. Потом она увидела, какое печальное и виноватое у него лицо, и уронила руки, хотя щеки горели от стыда и смущения, и она знала, что ее собственное лицо уже пошло безобразными красными пятнами — она всегда так краснела, не сплошь, а пятнами. Смотреть было особенно не на что (ну, или *почти* не на что), но Джесси все равно чувствовала себя неловко от осознания собственной наготы. Впечатление было такое, что ее кожа буквально шипит. Она подумала: *А вдруг остальные вернутся пораньше? Представь, что будет, если она сейчас войдет в комнату и увидит меня без рубашки?*

Смущение переросло в жгучий стыд. А тот в свою очередь — в страх. Джесси быстро натянула рубашку и стала спешно ее застегивать. И вдруг почувствовала, что страх и стыд — это еще не все. Внутри пробудилась злость — почти такая же неудержимая злость, которую она испытает спустя много лет, когда поймет, что Джералд прекрасно знает, что она говорит серьезно, но предпочитает прикинуться, что не понимает. Она злилась потому, что *не заслуживала* того, чтобы ее заставляли чего-то бояться или стыдиться. На самом деле ей нечего было стыдиться. В конце концов это *он* был взрослым, и это *он* оставил странно пахнущее пятно у нее на трусах, это *ему* должно быть стыдно... но только на деле все было *наоборот*.

Когда она застегнула рубашку и заправила ее в шорты, ярость и злость исчезли, заползли в свою темную пещеру. В голове вертелась одна мысль: только бы мама не вернулась пораньше. И то, что Джесси полностью одета, уже не будет иметь значения. Случилось что-то плохое и непоправимое... это уже случилось. И это ясно читалось у них на лицах, висело в воздухе — огромное и значимое, как сама жизнь, только гораздо страшнее. Она видела это по лицу отца и знала, что у нее на лице читается то же самое.

— Ты в порядке, Джесси? — тихо спросил он. — Голова не кружится?

— Нет. — Она попыталась улыбнуться, но на этот раз у нее не вышло. Она почувствовала, как горячая слезинка медленно катится по щеке, и виновато смахнула ее рукой.

— Прости меня. — Его голос дрожал, и Джесси испугалась, увидев слезы в его глазах. Становилось все хуже и хуже. — Пожалуйста, прости меня. — Он резко развернулся, шагнул в ванную, схватил с вешалки полотенце и вытер слезы. А Джесси пока напряженно думала.

— Папа?

Он взглянул на нее. Его глаза были сухими, и если бы она не видела его слез, то ни за что бы не подумала, что еще пару секунд назад он плакал.

Вопрос застрял комом в горле, но ей было нужно спросить у него.

Обязательно.

— Мы... мы должны рассказать маме... о том, что было?

Он горько и тяжело вздохнул. Она напряженно ждала ответа. Сердце, казалось, билось где-то в горле. И когда он сказал «Да, по-моему, должны» — оно ухнуло в пятки.

Она, пошатываясь, подошла к нему — ноги стали как будто ватными — и обняла его крепко-крепко.

— Пожалуйста, папа, не надо рассказывать. Я тебя очень прошу, не надо. *Пожалуйста*, не надо! — Голос сорвался, захлебнулся в плаче, и Джесси вжалась лицом в его голую грудь.

Он тоже обнял ее, на этот раз — по-отечески.

— Мне бы тоже не хотелось рассказывать, — сказал он. — В последнее время у нас с мамой очень натянутые отношения,

но ты, наверное, это заметила. А если мы ей расскажем... то получится только хуже. В последнее время она... ну, не особенно ласкова со мной... и то, что случилось сегодня... это как раз потому и случилось. У мужчин есть... Ну, в общем... некоторые потребности. Ты все поймешь, когда станешь взрослой...

— Но если она узнает, то скажет, что это я во всем виновата!

— Нет, я так не думаю, — ответил Том. Его голос был удивленным и задумчивым... но для Джесси он прозвучал так же страшно, как смертный приговор. — Нет. Я уверен... я *точно* уверен, что она...

Джесси подняла голову и посмотрела на него мокрыми от слез глазами.

— *Пожалуйста*, папочка! Не рассказывай ей ничего... ну пожалуйста, пожалуйста!

Он чмокнул ее в лоб.

— Но, Джесси, я *должен*... Мы должны рассказать.

— Почему? *Почему*, папочка?

— Потому что...

22

Джесси шевельнулась — цепи наручников звякнули, браслеты гулко брякнули по столбикам кровати. Солнце ярко светило в восточное окно.

— Потому что такие секреты, как правило, все равно раскрываются, — тупо проговорила она, — и если правда всплывет, то будет лучше для нас обоих, чтобы это случилось сейчас, а не через неделю, месяц или год. Даже через *десять* лет.

Как умело он манипулировал ею. Сначала — извинения, потом — слезы, и наконец — хет-трик*: теперь у *нее* голова болит о *его* проблемах. *«Братец Лис, братец Лис, делай со мной что хочешь! Только не бросай меня в терновый куст!»* ** И

* три гола, забитых одним игроком за одну игру, спортивный термин.

** Цитата из «Сказки дядюшки Римуса», где Кролик таким способом уговорил Лиса бросить его в терновый куст, где чувствовал себя как дома.

тогда она поклялась ему, что будет хранить эту тайну вечно, что даже мастера пыток не смогут выудить у нее правду — ни щипцами, ни раскаленным железом.

Она помнила, как обещала ему хранить тайну сквозь пот жарких горячих слез. В конце концов он перестал обреченно качать головой и посмотрел в другой конец комнаты, сощутив глаза и плотно сжав губы. Джесси видела его отражение в зеркале. На это он и рассчитывал.

— Никогда никому не рассказывай, — сказал он после долгой и напряженной паузы, и у Джесси точно гора с плеч свалилась. Его тон был гораздо важнее смысла сказанных слов. Таким тоном он говорил с Джесси часто, что, кстати, всегда выводило Салли из себя. *Ладно, сдаюсь, — как бы нехотя соглашался он, — пусть будет по-твоему, хотя это и противоречит моим принципам. Теперь я на твоей стороне.*

— Да, — пролепетала она сквозь слезы, — я никогда никому ничего не скажу, папуля.

— Не только матери, а вообще *никому и никогда!* Это большая ответственность для такой маленькой девочки, милая. А поделиться с кем-нибудь своей тайной — это великое искушение. Например, ты будешь делать уроки вместе с Кэролайн Клайн или Темми Хоу, и кто-нибудь из подруг расскажет тебе свой секрет, и тебе тоже, наверное, захочется рассказать что-нибудь этакое...

— Им?! *Никогда-никогда, ни за что!!!*

Он понял, что это — не просто слова. Понял все по ее лицу, потому что при одной только мысли о том, что Кэролайн или Темми узнают, что отец трогал ее, Джесси объял неподдельный ужас. Посчитав этот кон выигранным, отец перешел к наиболее важному для него вопросу.

— И сестре тоже ни слова. — Он отстранил Джесси и строго посмотрел ей в глаза. — Вовсе не исключено, что когда-нибудь ты захочешь с ней поговорить...

— Нет, папочка, нет. Я никогда...

Он покачал головой.

— Сначала дослушай, малыш. Я знаю, что вы с Мэдди очень близки, и еще я знаю, что девочкам иногда очень хочется поделиться с кем-нибудь своими самыми сокровенны-

ми тайнами. Ты уверена, что сумеешь удержаться и не проговориться Мэдди?

— Да! — Джесси опять расплакалась, так ей хотелось, чтобы он наконец поверил. Конечно, в одном он был прав: кому как не старшей сестре она бы смогла доверить такую ужасную тайну. Но только не в этом случае... ведь Мэдди была близка с мамой, точно так же, как Джесси — с отцом, и если бы Джесси ей рассказала о случившемся на террасе, то Салли бы все узнала еще в тот же вечер. Во всех подробностях. Поэтому Джесси не сомневалась, что с легкостью избежит искушения рассказать все сестре.

— Ты точно уверена? — Он все еще сомневался.

— Да, точно-точно!

Он с сожалением покачал головой, и его упорное недоверие обидело и напугало Джесси.

— По-моему, наш единственный выход — рассказать обо всем маме, малыш. Не *убьет* же она нас в конце концов.

Джесси прекрасно помнила, как разъярилась мать, когда папуля сказал, что она не поедет со всеми на гору Вашингтон, и в ее голосе тогда сквозила не только злость. Джесси было неприятно об этом думать, но зачем отрицать очевидное, ведь себя не обманешь... В голосе матери была ревность и даже как будто ненависть. Во всяком случае, что-то очень похожее. И на мгновение у нее в голове возник ясный и четкий образ: они с папой, бездомные, скитаются по Америке...

...и естественно, спят вместе. Ночью.

И вот тогда что-то словно сломалось внутри. Она разрыдалась, забилась в истерику, умоляла его не рассказывать ничего маме, обещала, что станет послушной, хорошей девочкой, если только он ничего не расскажет. Отец дал ей выплакаться и когда почувствовал, что настал подходящий момент, очень серьезно сказал:

— Знаешь, малыш, ты очень сильная для такой маленькой девочки.

Она взглянула на него — щеки мокры от слез, — и в ее глазах засветилась надежда. Он утрумо кивнул и вытер ей слезы чистым полотенцем.

— Я никогда не мог тебе отказать, если тебе действительно чего-то хотелось. И сейчас не могу. Давай попробуем сделать по-твоему.

Джесси бросилась ему на шею и принялась осыпать поцелуями его лицо. Где-то в глубине души она сознавала, что он

(не сможет сдержаться)

начнет все сначала. Но ее благодарность затмила всякую осторожность. И ничего страшного не случилось.

— Спасибо, спасибо тебе, папуля. Большое спасибо!

Он опять взял ее за плечи и отстранил от себя, на этот раз — мягко и улыбаясь. Однако во взгляде все равно сквозила грусть. И сейчас, почти тридцать лет спустя, Джесси не сомневалась, что эта грусть не входила в первоначальный сценарий папиной постановки. Печаль была искренней и неподдельной, но вместо того, чтобы что-то поправить, это только ухудшило ситуацию.

— Ну что ж, решено: я молчу, ты молчишь? Хорошо?

— Хорошо!

— И даже между собой мы это больше не обсуждаем. Отныне и во веки веков, аминь. Сейчас мы выйдем из этой комнаты, и сегодня ничего не было, хорошо?

Джесси с готовностью согласилась. Но тут она вспомнила тот странный запах и поняла, что задаст еще один — последний вопрос, прежде чем они «выйдут из этой комнаты».

— И вот еще что. Прости меня, Джесс. Мне очень стыдно. То, что я сделал... это мерзко и отвратительно.

Джесси помнила: говоря эти слова, он смотрел в сторону. Все это время он сознательно доводил ее до истерики — заставлял чувствовать груз вины и внушал страх неотвратимой расплаты. Пока он мучил ее, угрожая разоблачением и добиваясь того, чтобы она уже точно никому ничего не сказала, он смотрел ей прямо в глаза и ни разу не отвел взгляда, а когда извинялся, его взгляд скользил по рисункам, разделявшим комнату. Это воспоминание породило в ней странное чувство: смесь пронзительной грусти и жгучей ярости. Он совершенно спокойно врал ей в лицо, но прятал глаза, когда говорил правду.

Она помнила, как хотела сказать ему, что извиняться не нужно, но все-таки промолчала. Потому что боялась, что если она сейчас скажет хоть слово, он передумает и расскажет все матери. Но самое главное, даже тогда — в десять лет — она понимала, что он *должен был* перед ней извиниться.

— В последнее время Салли была со мной холодна, что верно, то верно. Но это меня не оправдывает. Даже не представляю, что на меня нашло. — Он рассмеялся, по-прежнему пряча глаза. — Может быть, это затмение виновато? Если да, то слава Богу, что мы больше его не увидим. — Он умолк на мгновение и добавил, словно про себя: — Господи, если мы ей ничего не расскажем, а она как-то узнает сама...

Джесси прижалась к нему и сказала:

— Она не узнает. Я никогда ей не скажу, папуля. — Она помедлила и добавила: — Да и что я *могу* сказать?

— Правильно, — он улыбнулся, — ведь ничего не было.

— А я... Ведь я не...

Она взглянула на него, надеясь, что он поймет, что она хочет спросить, однако он лишь смотрел на нее, озадаченно подняв брови. Улыбка сменилась озабоченным выражением ожидания.

— Я не беременна? — выпалила она.

Он вздрогнул. На лице появилось странное напряжение словно он изо всех сил пытался подавить какое-то сильное чувство. Страх или грусть — подумалось ей тогда. И только теперь, спустя столько лет, до нее дошло, какие чувства пытался сдержать отец: взрыв безудержного смеха от облегчения. Наконец он взял себя в руки и поцеловал ее в кончик носа.

— Нет, малышка. Конечно, нет. Мы ведь не делали то, от чего женщины могут забеременеть. *Ничего* подобного не было. Я просто чуть-чуть повозился с тобой, вот и все.

— Ты меня приласкал. — Джесси прекрасно помнила, что сказала именно эти слова. — Мне было страшно, и ты меня приласкал.

Он улыбнулся:

— Да, вот именно! Ты просто прелесть, малыш. Ну что, все уже решено? Тема закрыта?

Она кивнула.

— Ничего подобного больше не будет... и ты это знаешь, да?

Она снова кивнула, но ее улыбка поблекла. Его слова должны были ее успокоить, и она действительно вроде бы успокоилась, но и испугалась тоже — может быть, потому, что его голос звучал как-то уж слишком утрюмо, а во взгляде читалась какая-то странная грусть. Она помнила, как схватила его руки и сжала что было сил.

— Ты все еще меня любишь, папа? Несмотря ни на что, ты меня любишь? После того, что случилось?

Он кивнул и сказал, что любит, и даже сильнее, чем прежде.

— Тогда обними меня крепко-крепко.

И он обнял ее, но теперь Джесси вспомнила кое-что еще: теперь он больше не прикасался к ней нижней частью тела.

Ни в тот раз, ни потом. Больше уже никогда, — подумала Джесси. — Во всяком случае, я не помню, чтобы такое было. Даже когда я окончила колледж и во второй раз в жизни увидела слезы у него на глазах, он лишь приобнял меня, по-старушечьи отключив зад, чтобы — не дай Бог — не прикоснуться ко мне промежностью. Бедный, бедный папа. Думаю, что никто из его коллег и деловых партнеров ни разу не видел его таким взволнованным и смущенным, каким его видела я в день затмения. Столько боли и переживаний... и из-за чего? Из-за какого-то сексуального эпизода, который и гроша ломаного не стоил. Господи, что за жизнь. Что за херовая жизнь.

Она принялась машинально сгибать и разгибать руки, чтобы разогнать кровь. Сейчас примерно около восьми утра. Она прикована к кровати уже почти восемнадцать часов. Из рубрики «невероятно, но факт».

Тут проявилась Рут, причем настолько внезапно, что Джесси даже подпрыгнула от неожиданности. В ее голосе сквозило неприкрытое отвращение:

И ты до сих пор его оправдываешь? Вiniшь во всем себя, а он как бы и ни при чем? После стольких лет, до сих пор... Чудно!

— Замолкни, — хрипло отозвалась Джесси. — Это здесь ни при чем. И уж тем более...

Да ты просто шедевр, Джесс!

— Но даже если бы было при чем, — продолжила Джесси, повысив голос, — *даже если бы было при чем*, оно все равно не поможет мне выбраться из теперешней передраги. *Так что давай закроем тему.*

До Лолиты тебе было как до луны. И не важно, что ты там себе напридумывала.

Джесси сочла за лучшее промолчать. Но Рут все равно не унималась:

Если ты все еще думаешь, что твой разлюбимый папуля был добрым и благородным рыцарем и самоотверженно защищал тебя от огнедышащей драконихи, то тебе очень не помешает взглянуть на это с другой точки зрения.

— Заткнись! — Джесси принялась еще быстрее двигать руками. Цепи позвякивали, браслеты наручников гулко клацали по столбикам. — Заткнись, ты, мерзавка!

Он все спланировал, Джесси. Неужели ты не понимаешь? Это было не спонтанным порывом: изголодавшийся по сексу отец вдруг вспыхнул к дочке отнюдь не отеческой любовью. Он все спланировал заранее!

— Неправда, — выдохнула Джесси. Пот стекал по лицу солеными прозрачными каплями.

Да неужели? А чья была идея надеть сарафанчик? Тот, который был слишком мал и тесен? Кто знал, что ты будешь слушать — и восхищаться, — как он спорит с матерью? Кто лапал тебя за грудь накануне вечером? И на ком в день затмения были только спортивные шорты?

Джесси внезапно представилось, что в спальне был Брайан Гамбел. В безупречном костюме-тройке и с золотым браслетом. Он стоит у кровати, а рядом с ним — парнишка-оператор с портативной камерой на плече. Он медленно водит камерой, снимая каждый дюйм почти обнаженного тела Джесси, а потом берет крупным планом ее вспотевшее лицо. Брайан Гамбел ведет прямой репортаж из спальни в летнем домике на берегу озера, где лежит женщина, прикованная наручниками к кровати. Он наклоняется, подносит ей микрофон и спрашивает:

— *Когда вы впервые поняли, что ваш отец питает к вам далеко не отеческие чувства?*

Джесси перестала двигать руками и закрыла глаза. На лице застыло упрямое выражение. *Хватит*, — решила она. — *Я еще могу смириться с голосами Рут и примерной женоушки... и даже, наверное, с голосами НЛО, которые время от времени проявляются и пытаются меня поучать... но я перечеркну свое прошлое. Я дам интервью Брайану Гамбелу в «прямом эфире», пусть даже на мне только описанные трусы. Пусть только в воображении, но я это сделаю.*

Скажи мне одну вещь, Джесси, — это был не НЛО, а Нора Кэллиган. — Только одну, и на сегодня тема закрыта. А может, и навсегда.

Джесси замерла в ожидании.

Когда ты вышла из себя вчера вечером, кого ты пнула? Джералда или?..

— Конечно, Джерал... — начала было она и запнулась. В голове возник четкий образ: беловатая капля слюны, свисающая с подбородка Джералда. Джесси очень ясно видела, как она вытягивается, срывается и падает ей прямо на живот. Всего лишь капля слюны. Неужели такая малость имеет значение после стольких лет совместной жизни и стольких трастных поцелуев?! Столько раз их слюна смешивалась, и никто от этого не страдал. Разве что иногда один подхватывал от другого простуду.

Подумаешь, ерунда... Но вчера все изменилось. Изменилось в тот самый момент, когда он отказался ее отпустить, хотя она очень просила. Да, мелочь и ерунда. Но так было раньше, пока она не почувствовала слабый запах минеральной воды, так похожий на запах воды из колодца у озера Дак-Скор и запах воды в самом озере в жаркие летние дни. Как 20 июля шестьдесят третьего года, например.

Она *видела* слюну, но *думала*, что это сперма.

Нет, неправда, — начала было она, но себя не обманешь. Тут даже Рут не нужна в своей вечной роли Адвоката дьявола. Это правда. *Это его чертова сперма* — вот в точности ее мысли. А потом она перестала думать вообще. И рефлекторно ударила мужа ногами. Не слюна, а сперма. И не отвращение к любимой игре Джералда, а старый, полусгнивший страх, всплывший на поверхность сознания, как чудище — на поверхность моря.

Джесси взглянула на искалеченное тело мужа. На глаза навернулись слезы, но она сдержалась. Потому что подумала, что Министерство Выживания не одобрило бы эту слабость. Сейчас слезы были бы непозволительной роскошью. Но все-таки ей было жаль Джералда. Он умер, и это при-
скорбно. Но гораздо печальнее, что она осталась одна в такой дрянной ситуации.

— Вот вроде бы все. Больше добавить нечего, Брайан. Передавай мои наилучшие пожелания Вилларду и Кати. И вот еще, не мог бы ты расстегнуть наручники, прежде чем уйдешь? Я была бы очень тебе признательна.

Брайан не ответил, что было вовсе неудивительно.

23

Если ты собираешься выжить, Джесс, тогда послушай дружеский совет: перестань ворошить прошлое и подумай о том, что ты намерена делать в будущем... скажем, в ближайшие десять минут. По-моему, это не очень приятно — умирать от жажды здесь на кровати, а ты как считаешь?

Да, действительно неприятно... и жажда — это еще не самое страшное. Самое страшное — это боль. Джесси ощущала себя так, как, наверное, ощущали себя распятые на кресте. Эта мысль не давала ей покоя буквально с первых секунд пробуждения. Тяжелая мысль, гнетущая: распятие на кресте... В университете на курсе истории она читала статью об этом очаровательном старом способе пыток и казни и с удивлением узнала, что это только начало — когда тебе в руки и в ноги вбивают гвозди. Подобно карманным калькуляторам или льготной подписке на журналы, распятие — это настырный подарок судьбы, которого лучше бы избежать.

Самое мерзкое — это судороги и спазмы в мышцах. Джесси прекрасно осознавала, что те боли, которые она испытывала до сих пор — и даже та парализующая судорога, что прекратила первую панику, — это только цветочки по сравнению с тем, что еще ждет впереди. Мучения только начинаются. Постепенно судороги и спазмы будут проявляться все чаще и все интенсивнее. Руки, диафрагма, живот... к вечеру все ее тело превратится в один сплошной спазм. Руки

и ноги будут неметь все сильнее, как бы напряженно она ни работала, чтобы восстановить кровообращение. Они все равно будут неметь, но онемение не принесет облегчения: к тому времени судороги доберутся уже до груди и желудка. Ее руки и ноги не были прибиты гвоздями, и она лежала горизонтально, а не висела на кресте у дороги, как побежденные гладиаторы в фильме «Спартак», но от этого было не легче — это только продлит мучения.

И что ты сейчас собираешься делать? Именно сейчас, пока боль еще не настолько сильна и ты еще не потеряла способности рассуждать здраво?

— Я сделаю все что смогу, — прохрипела Джесси. — Так что давай ты сейчас заткнешься и дашь мне спокойно подумать, ага?

Да пожалуйста, думай себе на здоровье.

Начать нужно с самого очевидного и простого решения. Как говорится, не мудрствуя лукаво... а дальше уже будет видно. А какое решение самое очевидное? Ну конечно, ключи. Которые так и лежат на туалетном столике, куда их положил Джералд. Два одинаковых ключа. Джералд был человеком донельзя сентиментальным и называл их «Первый ключ» и «Запасной». (Именно так — с большой буквы; Джесси явственно слышала эти заглавные буквы в голосе мужа.)

Предположим — просто *предположим*, — что ей удастся пододвинуть кровать к туалетному столику. Но получится ли у нее взять ключ и открыть замки на наручниках? Вот в чем вопрос... Хотя по здравом размышлении Джесси пришлось признать, что здесь два вопроса, а не один. Допустим, она возьмет ключ зубами — и что потом? Все равно у нее не получится вставить его в замок. Эксперимент со стаканом воды уже доказал, что губами она до наручников не дотянется, как бы ни старалась.

Ладно, с ключами проехали. Что у нас дальше по шкале вероятностей?

Минут пять Джесси напряженно думала, прокручивая в уме все возможности, как какой-нибудь кубик Рубика, но не придумала ничего конструктивного. И тут ее рассеянный взгляд наткнулся на телефон, который стоял на журнальном столике у восточного окна. Прежде она не рассматривала та-

кой вариант спасения — как-то сразу решила, что с тем же успехом телефон мог находиться в другой вселенной, — но сейчас ей подумалось, что она несколько поторопилась с выводами. Все-таки телефон стоял ближе к кровати, чем столик с ключами, и аппарат был значительно больше, чем крошечный ключ от наручников.

Если ей удастся пододвинуть кровать к журнальному столику, может быть, у нее получится снять телефонную трубку ногой? И может быть, у нее получится нажать большим пальцем на кнопку вызова оператора — на ту, что в самом нижнем ряду, между кнопками * и #. Конечно, бред полный. Такое бывает только в каком-нибудь идиотском водевиле, но чем черт не шутит...

Нажать на кнопку, дожидаться ответа и заорать что есть мочи.

Да, а спустя полчаса за ней приедут спасатели. Идея безумная, да. Но ничуть не безумнее ее придумки свернуть подписную карточку из журнала в соломинку для питья. Главное — она может сработать. И это вернее, чем двигать кровать через всю комнату к туалетному столику — а ведь надо еще придумать, *как* это сделать, — а потом изобретать способ, как взять ключ и вставить его в замок. В общем, стоит попробовать... Вот только была тут одна небольшая загвоздка: каким-то образом ей нужно сдвинуть кровать вправо, а это задача нелегкая. Кровать из красного дерева весит как минимум триста фунтов. По самым скромным прикидкам.

Но ведь можно хотя бы попробовать, девочка. И кто знает, а вдруг тебе будет приятный сюрприз... ты не забыла, что пол натерли воском к Дню Труда? И уж если изголодавшийся бродячий пес, у которого ребра торчат, сумел сдвинуть тело Джералда, то вполне вероятно, что и ты тоже сдвинешь кровать. Как говорится, попытка не пытка. В конце концов ты ничего не теряешь.

Хорошая мысль.

Джесси сдвинула ноги на левую сторону кровати, а плечи и спину осторожно переместила вправо. Потом она перевернулась на левое бедро. Ступни свесились с кровати... и внезапно ее ноги и туловище *соскользнули* влево и поехали вниз, как горный обвал, грозящий перейти в неконтролируемую

лавину. Ужасная судорога свела всю левую половину тела, выгнутого под таким углом, который сделает не всякий тренированный акробат. Ощущение было такое, как будто кто-то быстро провел по ногам и боку раскаленной зазубренной кочергой.

Короткая цепочка между браслетами наручников на правой руке натянулась, и на мгновение боль в левом боку растворилась в другой вспышке боли — в правой руке и плече. Впечатление было такое, словно кто-то пытается выкрутить ей руку. Да что там выкрутить — вырвать. *Теперь я знаю, что чувствует рождественская индейка, когда ей отрывают ножки*, подумала Джесси.

Левая пятка коснулась пола; правая зависла в трех дюймах над полом. Тело выпнулось влево под совершенно неестественным углом, а правая рука до предела ушла назад. Туго натянутая цепочка безжалостно поблескивала в лучах утреннего солнца.

И вдруг Джесси подумалось, что она сейчас умрет. Вот в таком вот положении. Просто не выдержит боли. Она будет лежать здесь, постепенно теряя чувствительность, и в конце концов ее уставшее сердце проиграет битву и больше не сможет снабжать тело кровью — ее изломанное и растянутое тело. Ее опять охватила паника, и она принялась громко кричать о помощи, позабыв, что поблизости нет никого, кроме бродячего пса, обожравшегося адвокатом. Она отчаянно потянулась правой рукой к столбику кровати, но ей не хватило какого-то дюйма, чтобы схватиться рукой за опору.

— *Помогите! Пожалуйста, помогите!*

Нет ответа. В тихой, залитой солнцем спальне не было других звуков, кроме тех, которые издавала сама Джесси: хриплые крики, тяжелое сбивчивое дыхание, бешеный стук сердца. Она была совершенно одна, и если не сумеет взобраться обратно на кровать, она точно умрет здесь — как человек, подвешенный на крюке в мясной лавке. И действовать надо быстрее, потому что ее ягодицы продолжали скользить к краю кровати и тело смещалось, выкручивая правую руку под совсем уже невозможным углом. Как говорится, на грани срыва.

Совершенно не задумываясь о своих действиях, и уж тем более их не просчитывая (разве что тело, истерзанное болью, само знало, что надо делать), Джесси уперлась в пол левой пяткой и что есть сил оттолкнулась. Это была единственная точка опоры, которая еще оставалась у ее скрюченного болью тела, и — слава Богу — маневр удался. Нижняя часть тела выгнулась дугой, цепь между браслетами наручников на правой руке провисла, и Джесси схватилась за столбик кровати с горячечным рвением утопающего, вцепившись в спасательный круг. Потом она подтянула себя назад, не обращая внимания на боль, рвущую спину и плечи. Как только ноги поднялись обратно на кровать, она отшатнулась подальше от края, как если бы опустила ногу в бассейн с акулами и заметила это как раз вовремя, чтобы ей не оттяпали пальцы.

Наконец ей удалось принять прежнее полусидячее положение: руки раскинуты в стороны, лопатки лежат на мокрой от пота подушке в сбившейся наволочке. Джесси опустила голову на деревянную перекладину. Она никак не могла отдышаться. Голая грудь блестела от пота. И это было ужасно — Джесси не могла позволить себе терять влагу. Она закрыла глаза и болезненно рассмеялась.

Это было волнующе, правда, Джесс? Незабываемые впечатления... Так твое сердце не билось, наверное, с восемьдесят пятого года, когда ты целовалась с Томми Дельгуидасом на рождественской вечеринке и всерьез собиралась залечь с ним в постель. Попытка не пытка — ты так, кажется, думала? Ну, теперь ты знаешь, что это не так.

Да. И она знает еще одну вещь.

Да? И какую же, лапушка?

— Я знаю, что мне не добраться до этого долбаного телефона, — сказала она вслух.

Да, все правильно. Когда она только что оттолкнулась пяткой от пола, она это сделала исключительно из-за паники. Если бы Джесси не запаниковала, ей бы в жизни не удалось оттолкнуться так сильно. Но при этом кровать не сдвинулась ни на дюйм. И теперь — уже задним числом — она сообразила, что это было и к лучшему. Если бы кровать сдвинулась, Джесси бы не удалось взобраться обратно. Тем более

что кровать бы сдвигалась вправо, и если бы Джесси каким-то чудом удалось передвинуть кровать к окну, где стоял телефон, то она бы...

— Я бы болталась с *другой* стороны кровати. — Джесси не знала, плакать ей или смеяться. — Мать моя женщина, легче меня пристрелить, чтобы не мучилась.

Да, дела невеселые, — произнес у нее в голове один из НЛО-голосов, которого ей сейчас только и не хватало. — *На самом деле есть у меня подозрение, что шоу Джесси Берлингейм только что благополучно накрылось. Ваше эфирное время вышло.*

— Нет, так не пойдет, — хрипло проговорила Джесси. — Придумай еще что-нибудь.

Тут уже ничего не придумаешь. Вариантов было немного с самого начала, и ты перепробовала их все.

Она закрыла глаза и ей снова представилась — уже во второй раз с начала этого кошмара наяву — игровая площадка за фальмутской средней школой на Централ-авеню. Только на этот раз Джесси увидела не двух девочек на качелях-доске. Она увидела мальчика — брата Вилла, — который выделял всякие трюки на турнике.

Джесси открыла глаза, сползла чуть ниже и запрокинула голову, чтобы получше рассмотреть горизонтальную перекладину в изголовье. Вилл, в частности, делал такую штуку: зависал на руках, потом резко подтягивал ноги, забрасывал их себе за плечи, перекувыркивался назад и приземлялся на ноги с другой стороны турника. Брат выполнял это сложное упражнение без всяких видимых усилий. Иногда Джесси казалось, что он кувыркается так, что его запрокинутые ноги проходят между расставленных рук.

Предположим, что я тоже сумею так перекувырнуться. Через эту проклятую перекладину. И...

— И приземлиться на ноги, — прошептала она.

Затея, конечно, опасная, но вполне осуществимая. Только сначала придется отодвинуть кровать от стены — потому что нельзя сделать сальто назад, если сзади нет места, куда приземлиться, — но Джесси подумала, что у нее должно получиться. Сперва нужно снять полочку (а это будет несложно, потому что она не прикручена, а просто лежит на крон-

штейнах), а потом запрокинуть ноги и упереться ступнями в стену над изголовьем. Ей не удалось сдвинуть кровать в сторону, но если отгалкиваться от стены...

— Принцип рычага: тот же вес, но зато выигрыш в силе, — пробормотала она. — Законы физики в действии.

Она уже потянулась к полочке левой рукой, собираясь приподнять ее за край и сбросить с кронштейнов, но тут ее взгляд упал на наручники — и весь запал разом иссяк. Эти проклятые полицейские наручники с их убийственно короткими цепочками... Если бы Джералд пристегнул их к кровати немного повыше — хотя бы между первой и второй перекладинами, — тогда Джесси, наверное, решила бы провернуть этот опасный трюк. Вполне вероятно, что она сломала бы оба запястья, но она уже дошла до того состояния, когда сломанные запястья казались вполне приемлемой платой за освобождение... в конце концов кости срастутся, правильно? Однако Джералд пристегнул наручники между второй и третьей перекладинами, а это было слишком низко. Если она попытается перекувырнуться назад, дело не ограничится сломанными запястьями; она себе вывернет оба плеча. Да что там вывернет... их просто вырвет из суставов под весом ее тела.

И попробуй потом еще сдвинуть эту кровать с обоими сломанными запястьями и вывернутыми плечами... Ничего себе развлечение.

— Нет уж, спасибо, — прохрипела она.

Давай подведем итоги, Джесс. Ты здесь застряла. Можешь меня называть голосом безысходности или отчаяния, если тебе от этого будет легче или если тебе так проще сохранить рассудок... а я всеми руками-ногами за то, чтобы ты его сохраняла как можно дольше... но на самом деле я голос правды. А правда сейчас заключается в том, что ты тут застряла.

Джесси резко повернула голову набок, не желая слушать этот доморощенный голос правды, но оказалось, что она не может его заглушить — точно так же, как не могла заглушить все остальные призрачные голоса.

Это настоящие полицейские наручники, а не какие-нибудь игрушки с мягкой подкладочкой под браслетами, которые можно открыть самой, просто дернув рукой, если кого-то вдруг зане-

сет и он начнет заходить слишком далеко. Ты здесь прикована по-настоящему, и ты не какой-нибудь гуттаперчевый акробат из цирка, который может завязывать свое тело узлом, и не какой-нибудь эскейпист типа Гарри Гудини или Дэвида Копперфильда. Я ничего не придумываю, я говорю все как есть. И вот что я тебе скажу: положение у тебя безвыходное.

Ей вдруг вспомнилось, что с ней было, когда отец ушел из ее комнаты в день затмения. Она бросилась на постель и рыдала, пока ей не стало казаться, что сейчас ее сердце просто не выдержит и разорвется... ну и пусть бы оно разорвалось. Так, наверное, было бы лучше. Для всех. И вот теперь, когда ее губы уже дрожали, а глаза щипало от слез, она была очень похожа на ту несчастную девочку, которая плакала у себя в спальне в тот день, когда на небе погасло солнце: обессиленная, смущенная, испуганная и потерянная. Да, прежде всего — потерянная.

Джесси расплакалась, но еехватило только на две-три слезинки. Должно быть, сработали защитные механизмы: ее организму сейчас нельзя было терять ни капли влаги. Но она все равно плакала, без слез, и ее рыдания были сухими, как ощущение наждачной бумаги, забившей горло.

24

Редактора и ведущие телепрограммы «Сегодня» в Нью-Йорке отработали очередной день и теперь отдыхают до завтра. На дочернем канале NBC, вещавшем на южный и западный регионы штата Мэн, началось местное ток-шоу (дородная тетушка — этакая добрая и уютная мамочка — в клетчатом переднике демонстрировала, как легко приготовить бобы в скороварке), потом показывали игру, участники которой отпускали дурацкие и совсем не смешные шутки и вопили почти в оргазмическом экстазе, когда выигрывали машины, моторные лодки и блестящие красные пылесосы. А в летнем домике Берлингеймов на берегу озера Кашвакамак новоявленная вдова снова уснула тревожным и беспокойным сном. И ей снова приснился кошмар — очень яркий и убедительный, как будто все происходило наяву.

Там, во сне, Джесси снова лежала в темноте, и какой-то человек, мужчина — или существо, притворявшееся человеком, — снова стоял в углу спальни и смотрел на нее. Это был не отец и не муж. Это был незнакомец; *тот самый*, который преследует тебя в кошмарных снах и самых болезненных, самых параноидальных видениях, — порождение твоих самых глубинных страхов. Это было то самое воплощение темного ужаса, которое Нора Кэллиган — с ее полезными советами на все случаи жизни и мягкой, практичной натурой — никогда не принимала в расчет. Это черное существо нельзя победить никакой логикой. Оно просто есть, и оно выбирает тебя в жертву.

Но ты меня знаешь, сказал незнакомец с длинным белым лицом. Потом наклонился и взялся за ручку сумки, что стояла на полу у его ног. Даже не сумки, а маленького чемоданчика. Джесси заметила, причем без всякого удивления, что ручка была сделана из челюстной кости, а сам чемоданчик — из человеческой кожи. Незнакомец поднял его с пола, шелкнул замочками и открыл крышку. И снова Джесси увидела кости и драгоценности; и вновь незнакомец запустил руку в глубь чемоданчика и принялся медленно помешивать его содержимое, и опять Джесси услышала те же страшные звуки — тихое клацанье и позвякивание.

Нет, я не знаю тебя, — сказала она. — *Я не знаю, кто ты. Не знаю, не знаю!*

Я Смерть, ясное дело, и сегодня вечером я вернусь. Только сегодня я вряд ли буду просто стоять в углу и смотреть. Сегодня я на тебя наброшусь... вот так!

Существо рванулось вперед, уронив чемоданчик на пол (кольца, кулоны, ожерелья рассыпались по полу, как раз рядом с телом Джералда, который лежал у двери и указывал обглоданной рукой на темный коридор) и протягивая руки к Джесси. Она увидела, что ногти у него черные, грязные и такие длинные, что их правильнее было бы назвать когтями... Она резко дернулась и проснулась. Цепи наручников зазвенели, когда она попыталась инстинктивно закрыться руками.

— Нет, нет, нет, — шептала она спросонья и никак не могла остановиться.

Это был сон. Прекрати, Джесси. Это был только сон.

Она медленно опустила руки, так что они снова безвольно повисли в браслетах наручников. Конечно, это был сон — вариация на тему другого сна, который приснился ей прошлой ночью. Но он был такой яркий, такой реальный... о Господи, да. Если подумать, то он был значительно хуже, чем сон о дне рождения брата и даже чем сон об их с папой возне в день затмения. И вот что странно: почти все утро она вспоминала именно эти два сна и почему-то не думала о самом страшном. На самом деле она вообще забыла об этом жутком незнакомце с длинными руками и кошмарным чемоданом, пока не задремала и он не приснился ей снова.

В голове вертелись строчки из песни. Что-то из Позднего Психоделического периода: *«Кое-кто называет меня космическим ковбоем... о да... кое-кто называет меня гангстером любви...»*

Джесси поежилась. Космический ковбой. Что-то в этом есть. Чужой, посторонний, равнодушное ко всему существо, случайный прохожий...

— Чужак, — прошептала Джесси и неожиданно вспомнила, как собрались морщинами щеки этого существа, когда оно усмехнулось. И как только она вспомнила и осознала *это*, все остальное сразу же стало понятно. Золотые зубы поблескивают во рту. Пухлые надутые губы. Мертвенно-бледный лоб и большой тонкий нос. И, разумеется, чемоданчик, какие бывают у разъездных коммивояжеров...

Прекрати, Джесси... не надо себя накручивать. У тебя и без того хватает проблем.

Да уж, проблем у нее хватает. Но раз начав думать об этом сне, Джесси уже не могла остановиться. И что самое неприятное: чем больше она о нем думала, тем больше убеждалась, что это мало похоже на сон.

А что, если я не спала? — вдруг подумалось ей, и теперь, когда эта мысль оформилась в слова, Джесси с ужасом поняла, что какая-то ее часть была уверена в этом все время и ждала лишь подтверждения своей страшной догадки.

Нет, конечно же, нет. Это был просто сон...

А если все-таки не сон? Что тогда?

Смерть, — подсказал белолицый чужак. — Ты видела Смерть. Сегодня вечером я вернусь, Джесси. А завтра ночью я сложу твои кольца к себе в чемоданчик вместе с другими моими красивыми штучками... с моими хорошенькими сувенирами.

Джесси вдруг поняла, что ее бьет дрожь, как это бывает при сильной простуде с температурой. Она вперила беспомощный взгляд в пустой угол, где прошлой ночью стоял

(космический ковбой, гангстер любви)

в пустой угол, который сейчас был залит ярким утренним светом, но ночью там снова поселятся черные тени. Ее снова пробрал озноб. Неумолимая правда была такова: вполне вероятно, что она здесь умрет.

Конечно, рано или поздно тебя найдут, Джесси. Но как бы не было слишком поздно. Потому что сперва все решат, что вы с Джералдом укатили в какое-нибудь романтическое путешествие. А почему бы и нет? Разве вы с ним не разыгрывали из себя страстно влюбленную пару, которая переживает затяжной медовый месяц? Только вы вдвоем знали, что Джералд теперь возбуждается только тогда, когда ты прикована наручниками к кровати. И это наводит на определенные мысли... Может, и с ним тоже кто-то игрался в день солнечного затмения?

— Заткнись, — пробормотала Джесси. — Вы все заткнитесь.

Но в конце концов те, кто вас знает, начнут волноваться и примутся вас искать. И скорее всего первыми будут коллеги Джералда. Я хочу сказать, что в Портленде есть парочка женщин, которых ты называешь подругами, но ты никогда не была с ними очень близка. На самом деле это просто приятельницы — милые дамы, с которыми можно попить чайку и перелистать каталоги и журналы мод. Никто из них и не заметит, если ты пропадешь на целую неделю, а то и дней на десять. Но у Джералда есть дела, у него были назначены встречи, и если он не появится на работе к пятнице, то кто-нибудь из его сослуживцев-приятелей начнет звонить и выяснять, в чем дело. Да. Так, наверное, все и будет... но есть у меня подозрение, что найдет вас не кто иной, как смотритель дач. Два трупа в летнем домике. И он наверняка отвернется, Джесс, когда будет тебя накрывать простыней. Потому что ему будет страшно

смотреть на твои окостеневшие руки в наручниках — на твои пальцы, твердые, как карандаши, и белые, как свечи. Ему будет страшно смотреть на твой рот; на пену слюны, высохшую на губах до состояния чешуйчатых струпьев. Но страшнее всего ему будет смотреть на твои глаза, в которых навечно застынет ужас, и поэтому он отвернется, когда будет тебя накрывать.

Джесси медленно повела головой из стороны в сторону — безнадежный жест отрицания и неприятия.

Билл позвонит в полицию, и они придут сюда вместе с судебной бригадой и коронером штата. Они будут стоять над тобой и курить сигары (Дуг Роу, без сомнения, придет в своей ужасной белой полушубке, и вся команда киношников будет ждать на улице, пока полиция не разрешит им войти), а когда коронер откинет простыню, они все сморщатся и отвернутся. Да... мне кажется, даже самые крутые из них сморщатся и отвернутся на миг, а кое-кто даже выйдет из комнаты. И потом их приятели будут над ними смеяться за это. А те, кто останется в комнате, со знанием дела кивнут головой и огласятся, что женщина на кровати умирала долго и тяжело. «Стоит лишь на нее посмотреть, и все станет ясно», — вот так они скажут. Но они не узнают и половины того, что ты вытерпела перед смертью. Они никогда не узнают, почему глаза у тебя распахнулись от ужаса, а рот застыл в безмолвном крике... они никогда не узнают, что ты увидела в самом конце. Нечто, выходящее из темноты. Твой отец, может, и был твоим первым любовником, Джесси, но последним твоим любовником будет черное существо с длинным белым лицом и чемоданчиком из человеческой кожи.

— Пожалуйста, замолчите, — простонала Джесси. — Не надо больше никаких голосов, пожалуйста.

Но этот голос уже не мог остановиться. Он как будто ее и не слышал. Он продолжал говорить — шептал прямо ей в мысли откуда-то из глубин подсознания. Слушать его было все равно что лежать и чувствовать, как тебе по лицу водят шелковым лоскутом, измазанным в склизкой грязи.

Тебя отвезут в Августу, и судебно-медицинский эксперт распотрошит тебя и переберет все внутренности. Такова обычная процедура в случаях подозрительной смерти при отсутствии

свидетелей. А ты — как раз такой случай. Он извлечет у тебя из желудка остатки последнего обеда — сандвич с салями и сыром из «Амато» в Горхэме, — срежет кусочек мозга, рассмотрит все под микроскопом и в конце концов констатирует смерть от несчастного случая. «Леди и джентльмен играли в обычную безобидную игру, — скажет он. — Но джентльмен повел себя вовсе не как джентльмен, и в самый интересный момент у него прихватило сердце, а дама осталась... ладно, не будем вдаваться в подробности. На мой скромный вкус, лучше об этом вообще не задумываться без особой на то необходимости. Скажем просто, что дама умирала мучительно и тяжело — стоит лишь на нее посмотреть, и все станет ясно». Вот так все и кончится, Джесс. Может быть, кто-то заметит, что у тебя нет обручального кольца. Но они не будут искать его слишком долго... если вообще будут искать. И медэксперт вряд ли заметит, что у тебя не хватает одной маленькой косточки — какой-нибудь незначительной косточки, скажем, одной фаланги на пальце правой ноги. Но мы-то знаем, да, Джесси? Мы все уже знаем. Мы знаем, что это он их возьмет. Чужак, космический ковбой. Мы с тобой знаем...

Джесси резко запрокинула голову назад и ударилась затылком об изголовье кровати. Перед глазами поплыли круги. Было больно — очень больно, — но внутренний голос умолк, как умолкает радио, когда его выдернули из розетки. Так что оно того стоило.

— Вот, — сказала она. — А если ты снова начнешь, я повторю *это* еще раз. И еще, и еще... И я не шучу. Мне надоело выслушивать...

Теперь уже ее собственный голос, который почти бессознательно произносил слова в пустой комнате, резко умолк, как отрубившееся радио. Когда круги перед глазами чуть-чуть побледнели, она увидела какую-то штуку — на полу в нескольких дюймах от вытянутой руки Джералда. Раньше она ее не замечала и не заметила бы теперь, если бы эта штука-вина не блеснула, отразив солнечный свет. Маленький белый камушек с изогнутым золотым ободком посередине, так что в целом все это напоминало символ ин-янь. Сначала Джесси подумала, что это кольцо, но для кольца оно было уж слишком маленьким. Это была сережка с жемчугом. Она

выпала на пол, когда ночной гость перебирал содержимое чемоданчика, демонстрируя Джесси свои сокровища.

— Нет, — прошептала она. — Нет, невозможно.

Но она там *была*, жемчужная сережка с тоненьким золотым ободком. Она лежала на полу, поблескивая в лучах солнца, такая же настоящая, как и мертвый мужчина, который как будто указывал на нее вытянутой рукой.

Это моя сережка! Наверное, выпала из шкатулки с драгоценностями и лежала там с лета... просто я ее только сейчас заметила!

Вот только одна неувязка: у нее была всего одна пара жемчужных сережек, без золотого ободка, и эти серьги остались в Портленде.

И еще одна неувязка: через неделю после Дня Труда сюда приходили рабочие натирать пол, и если бы кто-то нашел на полу сережку — если бы она там *валялась*, — то он бы поднял ее и положил на туалетный столик или к себе в карман.

И было еще кое-что.

Нет. Ничего там нет. И не смей говорить, что есть.

Как раз за сережкой...

Даже если там что-то есть, я не буду на это смотреть.

Но она не могла не смотреть. Ее взгляд сам скользнул мимо сережки и остановился на пятачке перед самой дверью, ведущей в коридор. Там было пятнышко высохшей крови, но Джесси сейчас волновала совсем не кровь. Это была кровь Джералда. Кровь — это нормально. Ее волновал след ботинка, отпечатавшийся в крови.

Чего ты психуешь?! Если он есть там сейчас, значит, он был там и раньше!

Но как бы Джесси ни хотелось в это поверить, она точно знала, что никакого следа здесь *не было*. Вчера на полу было ни единой пылинки, не говоря уже о каких-то следах. Тем более что *этот* след не мог быть следом Джералда или самой Джесси. Это был отпечаток большого растоптанного ботинка, а грязь с него, уже высохшая на полу, вполне могла быть грязью с заросшей тропинки, что вьется вдоль берега озера на протяжении примерно мили, а потом уходит обратно в лес и ведет на юг, к Моттону.

Похоже, что вчера ночью кто-то действительно был здесь, в спальне.

И как только эта кошмарная мысль неумолимо оформилась в ее и без того перенапряженном сознании, Джесси начала кричать. Бродячий пес, дремавший на крыльце у задней двери, на мгновение приподнял голову и наострил здоровое ухо. Но сразу же успокоился и опять опустил морду на лапы. В крике не было никакой угрозы — это кричала хозяйка. Всего лишь хозяйка. Тем более теперь от нее тоже пахло той черной тварью, что приходила сюда вчера ночью. Это был очень знакомый запах. Запах смерти.

Бывший Принц закрыл глаза и снова заснул.

25

Наконец ей кое-как удалось взять себя в руки. И как ни странно, в этом ей помогла идиотская аутотренинговая считалка, придуманная Норой Кэллиган.

— Раз, для ступней и для пальчиков ног, десять милых свинок — лежат к боку бок, — хрипло проговорила Джесси в пустоту спальни. — Два, для левой и правой ноги, они так прекрасны, стройны и длинны. Три, для того, что у жешины есть. Женщина я — это нужно учесть... и вляпалась я через это по самые пончикряки...

Она продолжала упорно начитывать простенький текст считалки, повторяя те строки, которые смогла вспомнить, и пропуская те, которые напрочь забыла. Она лежала, плотно зажмурив глаза. Она повторила считалку раз шесть подряд и в конце концов начала осознать, что сердцебиение постепенно приходило в норму, а самые кошмарные страхи начинают блекнуть. Но она даже и не заметила то радикальное добавление, которое внесла в стишок Нора.

После шестого раза она открыла глаза и обвела комнату мутным взглядом человека, который только-только проснулся после короткого крепкого сна. Однако она избегала смотреть в тот угол, где стоял туалетный столик. Ей не хотелось снова наткнуться взглядом на ту сережку и уж тем более — на чужой след у двери.

Джесси? Робкий и тихий голос. Кажется, это был голос примерной женушки, только теперь в нем не было ни над-
рывного энтузиазма, ни горячего отрицания. *Джесси, можно я что-то скажу?*

— Нет, — быстро отозвалась Джесси и не узнала свой собственный голос, таким он стал ломким и хриплым. — Лучше молчи. Как вы мне все надоели, сучки.

Пожалуйста, Джесси. Послушай меня.

Джесси закрыла глаза, и в голове у нее возник мысленный образ той части ее личности, который она называла примерной женушкой. Причем она ничего не представляла себе специально. Она просто его *увидела*. Желушка все еще пребывала в колодках, но теперь она подняла голову. Наверное, это было очень непросто сделать, если учесть, что ей на шею давила тяжелая деревяшка. Волосы разметались, на мгновение приоткрыв лицо, и Джесси с удивлением обнаружила, что примерная желушка была совсем еще молодой девчонкой.

Да, но она — это тоже я, подумала Джесси и едва не рассмеялась. Классический случай для книжки из серии «Прикладная психология — в массы». Ей вспомнилась Нора, которая могла буквально часами говорить о том, как мы должны лелеять и холить «ребенка внутри нас». Нора утверждала, что причина всех наших депрессий и бед — хроническое неумение потакать слабостям этого внутреннего ребенка.

Слушая рассуждения Нору, Джесси только кивала с серьезным видом. Ей самой эта идея казалась какой-то уж слишком сопливо-розово-сентиментальной. Ей очень нравилась Нора, но ей всегда казалось, что Нора излишне чувствительная особа и что ей пора бы и выйти за рамки ментальных концепций «детей цветов» конца шестидесятых — начала семидесятых. Однако теперь она поняла, что имела в виду Нора, когда говорила про «ребенка внутри нас», и эта идея уже не казалась ей идиотской. Наоборот, очень даже заманчивой. Джесси даже подумала, что в ней заключен некий значимый символ. Тем более что колодки — образ вполне соответствующий обстоятельствам, правильно? Женщина в колодках — это примерная желушка, которая ждет своего часа. Рут, ко-

торая ждет своего часа. Джесси, которая ждет своего часа. Это — та самая девочка, которую папа называл малышом.

— Ладно, давай говори, — сказала Джесси, не открывая глаз. Образ девочки в колодках казался почти реальным — наверное, из-за предельного стресса, голода и жажды в ее восприятии что-то сдвинулось. Теперь она различала слова «ЗА ПЛОТСКОЕ ИСКУШЕНИЕ И ОБОЛЩЕНИЕ» на дощечке, прибитой гвоздями над головой у девочки. Разумеется, это было написано сахарно-розовой губной помадой оттенка «Мятная-ням-ням».

Но на этом фантазия Джесси не успокоилась. Рядом с девочкой-малышом стояли другие колодки, и в них тоже была закована какая-то девочка. На вид ей было лет семнадцать, и она была толстой. Лицо все в прыщах. За спиной у пленниц появился зеленый луг. Должно быть, общественный выгон. И через пару секунд воображение Джесси нарисовало и двух коров, которые там паслись. Где-то звонил колокол — похоже, на той стороне холма, — глухо и монотонно, как будто звонарь собирался бить в него целый день, дотемна... или хотя бы пока коровы не вернутся домой.

Джесс, ты сходишь с ума, — сказала она себе. И, наверное, так оно и было. Но это было уже не страшно. Если ближайшее время она не придумает, как спастись, то сумасшествие можно будет считать благословением небес. Джесс прогнала эту кошмарную мысль и снова сосредоточила внимание на девочке в колодках. Выражение злобы у нее на лице сменилось странной смесью ярости и нежности. Эта Джесси Махо была постарше, чем та девочка, которую лапал отец в день затмения. Но *немного* постарше. Лет двенадцать, наверное. Четырнадцать — самое большее. Девочка ее возраста вообще не могла быть наказана *ни за какое* преступление, и уж тем более — за плотское искушение и оболщение. Плотское *искушение*, Господи Боже... что за дурацкие шутки?! Почему люди бывают такими жестокими? Почему?!

Что ты хотела сказать мне, малыш?

Только то, что оно настоящее, — сказала девочка в колодках. Ее лицо побелело от боли, но в серьезных ясных глазах была только искренняя озабоченность. — *Оно тебе не при-*

снилось. Оно настоящее, и ты сама это знаешь. И сегодня ночью оно вернется. И мне кажется, что на этот раз оно не будет просто стоять и смотреть. Тебе нужно освободиться, пока не стемнело, Джесси. Тебе нужно бежать отсюда, пока оно не вернулось.

Джесси опять захотелось заплакать, но слез не было.

Не было ничего, кроме сухого и едкого жжения.

Я не могу! — закричала она. — Я уже все перепробовала — все, что можно! Самой мне не выбраться!

Ты забыла одну вещь, — сказала девочка в колодках. — Не знаю, насколько это важно... но вполне может быть, что тебе это чем-то поможет.

Что я забыла?

Девочка повернула руки в отверстия деревянной колодки, демонстрируя Джесси чистые розовые ладошки. *Помнишь, он говорил, что есть два вида наручников: М-17 и F-23. Вчера ты почти что вспомнила, но потом отвлеклась... Так вот. Он хотел F-23, но их выпускают мелкими партиями и их очень трудно достать, так что ему пришлось взять М-17. Ты же помнишь, правда? Он рассказывал про эту модель в тот вечер, когда принес наручники домой.*

Она открыла глаза и взглянула на правый наручник. Да, Джералд рассказывал про эту модель. На самом деле он говорил без умолку, как наркоман-кокаинщик после двух доз удряд. А началось все с того, что около полудня он позвонил ей с работы. Хотел убедиться, что Джесси одна — за столько лет он так и не смог запомнить, по каким дням к ним ходит домработница, — а когда Джесси сказала, что сегодня домработница не придет, он попросил ее надеть что-нибудь этакое. «Ну, ты понимаешь, чтобы было надето, но вроде как и не совсем», — вот так он сказал. Помнится, Джесси это заинтриговало. Даже по телефону голос у Джералда был возбужденный донельзя, и она сразу же поняла, что он что-то такое задумал... неординарное. Она была совершенно не против; им обоим было уже хорошо за сорок, и если Джералду вдруг захотелось немного поэкспериментировать, то она с удовольствием ему подыграет.

Он приехал в рекордное время (Джесси еще подумала, что он гнал всю дорогу так, что под колесами дымился асфальт).

Она очень хорошо помнила, как он ходил из угла угол в спальне и буквально трясся от возбуждения: щеки пылают, глаза горят. Если говорить о словесных ассоциациях, то слово «секс» стояло далеко не первым в списке Джессиных ассоциаций на Джералда (если бы ей пришлось проходить тест, то первым, наверное, всплыло бы слово «безопасность»), но в тот день Джералд буквально кипел сексуальностью. Джесси даже подумала, что если муж не успеет раздеться *быстро*, то его обычно отнюдь не приткий адвокатский причиндал сейчас просто сорвет молнию на брюках.

Когда же Джералд снял брюки, а заодно и трусы, он слегка сбавил пыл и торжественно открыл пластиковую коробку, которую принес с собой. Там были две пары наручников. Джералд достал их и показал Джесси. У него на горле билась синяя жилка — судорожно трепетала, как крылышки колибри. Джесси запомнила и это тоже. Должно быть, уже тогда его сердце давало сбон.

Ты бы мне сделал огромное одолжение, Джералд, если бы откинул лыжи еще тогда.

Наверное, Джесси должна была ужаснуться тому, что способна думать *такое* про человека, с которым прожила столько лет и с которым у нее было столько связано, но ее хватило только на легкое отвращение к себе. А потом ее мысли снова вернулись к тому, каким был Джералд в тот день — щеки пылают, глаза горят, — и руки сами собой сжались в кулаки

— Почему ты никак не оставишь меня в покое? — спросила она своего мертвого мужа. — Почему ты, такая *скотина*, не оставишь меня в покое?!

Не заводись. Не думай про Джералда; думай про наручники. Две пары наручников Kreig, размер M-17. «М» значит «мужские». 17 — число зарубок на замках.

Ее как будто обдало жаром. Живот скрутило. *Ты ничего не чувствуешь*, — сказала она себе. — *А если не можешь не чувствовать, просто считай, что у тебя несварение желудка.*

Но себя не обманешь. Это была надежда. Отрицать это было уже бесполезно. Главное — не обольщаться. Смотреть на вещи реально. Держать в голове, что все предыдущие попытки освободиться ни к чему не привели. Джесси упорно твердила себе, что она должна помнить про разочарование и

боль, но постоянно ловила себя на том, что думает совсем о другом: о том, как близко — как охерительно *близко* — было освобождение. Чтобы все получилось, ей не хватило буквально четверти дюйма. А будь у нее лишних полдюйма... все получилось бы *наверняка*. Проблема могла быть с костяшками под большими пальцами, но неужели ей суждено здесь умереть исключительно потому, что она не сумеет преодолеть расстояние не шире ее верхней губы?! Ну уж нет, не дождетесь.

Неимоверным усилием воли Джесси отбросила эти мысли и опять стала думать про тот «знаменательный» день, когда Джералд принес домой наручники. Она вспомнила, с каким неподдельным благоговением он их рассматривал — как ювелир, который держит в руках бриллиантовое ожерелье самой что ни на есть тонкой работы. Честно сказать, они произвели впечатление и на Джесси тоже. Она вспомнила, как они блестели на солнце, как блики света играли на браслетах из посиненной стали и на зарубках на замках, которые можно было подгонять под размер запястий.

Она спросила, где он достал наручники — просто из любопытства, она совсем не хотела в чем-то его обвинять, — ю он сказал только, что их достал один приятель из окружного суда. При этом он заговорщически подмигнул Джесси, как будто почти все сотрудники окружного суда только и делали, что снабжали своих приятелей такими вот миленькими игрушками, и он знал их всех лично. На самом деле в тот день Джералд вел себя так, будто раздобыл не две пары наручников, а как минимум пару ракет с ядерными боеголовками.

Она лежала на постели в белом коротком кружевном пеньюарчике и белых шелковых чулках (иными словами, в наряде «чтобы было надето, но вроде как и не совсем») и наблюдала за мужем с удивлением, любопытством и — да — возбуждением... хотя удивление все-таки преобладало. Ей было так странно видеть, как Джералд — который всегда так натужно изображал из себя мистера Сама Крутизна и Хладнокровие — расхаживает по комнате, словно перевозбудившийся жеребец, и чуть ли не бьет копытом. Его редкие волосы топорщились во все стороны забавными «петушками», как назы-

вал это Джессин брат; а раздеваясь, Джералд забыл снять носки, и это тоже смотрелось забавно — голый мужчина в одних носках. Джесси помнила, как кусала себя изнутри за щеки — и, кстати, кусала достаточно больно, — чтобы не улыбаться.

Мистер Сама Крутизна и Хладнокровие говорил без умолку, как аукционист на распродаже имущества обанкротившейся компании. Но вдруг резко умолк на середине фразы и остановился с растерянным видом.

— Джералд, что-то не так? — спросила Джесси.

— До меня только сейчас дошло, что я даже не знаю, захочешь ли ты даже *обдумать* мое предложение, — сказал он. — Я тут самозабвенно болтаю, уже весь распалился, как ты сама видишь, но я не спросил у тебя, как ты относишься...

Она улыбнулась. Отчасти потому, что ей уже надоели шарфы, но она не знала, как сказать об этом Джералду; но больше всего — потому что ей было приятно, что муж опять распалился на секс. Ну да, может быть, это было несколько диковато, что человек так возбудился при мысли, что он будет наяривать женщину, прикованную наручниками к кровати. Ну так и что с того? Это останется между ними... и потом, это же просто игра. И все понарошку — как в эротическом фильме. И мы с Джералдом как бы актеры. Все вполне безобидно. Тем более это еще не самое странное развлечение. Фрида Сомс — соседка, что живет через улицу, — однажды призналась Джесси (после двух бокалов аперитива и полбутылки вина за обедом), что ее бывший муж обожал, когда она присыпала ему одно место тальком и пеленала его, как младенца.

Во второй раз фокус с прикусыванием щеки изнутри не сработал, и Джесси расхохоталась. Джералд смотрел на нее, склонив голову набок и улыбаясь одним уголком губ. Джесси знала, что это значит — за семнадцать лет совместной жизни волей-неволей узнаешь все привычки своего мужчины, — либо он сейчас разъярится, либо рассмеется вместе с ней. Но заранее никогда не угадаешь, что именно.

— Ну и как тебе такая идея? — спросил он.

Она ответила не сразу. Она перестала смеяться и одарила Джералда взглядом, достойным — во всяком случае, Джесси на это надеялась — самой стержневой «белокурой бестии» с обложки крутого порножурнала. Когда ей показалось, что она сумела изобразить более или менее правдоподобное ледяное презрение, она подняла руки и произнесла три слова, которые так возбудили Джералда, что он одним прыжком преодолел расстояние до кровати:

— Иди сюда, мерзавец.

Буквально за две секунды он защелкнул наручники у нее на руках и принялся пристегивать их к столбикам в изголовье кровати. На кровати в их спальне в Портленде не было никаких перекладин, так что если бы Джералд сподобился умереть от удара *там*, Джесси бы просто сняла наручники через верх. Пока Джералд возился с наручниками, он терся коленом о лоно Джесси и говорил без умолку. В частности, он рассказал ей о двух моделях наручников — М и F — и о том, как действуют замки с зарубками. Он хотел раздобыть F-модель, потому что у женских наручников двадцать три зарубки, а не семнадцать — как у большинства мужских. А чем зльше зарубок, тем плотнее наручники облегают запястье. о настоящие женские наручники достать очень сложно, так о когда тот приятель из окружного суда сказал Джералду, что может продать ему две пары мужских по вполне умеренной цене, тот сразу же согласился.

— Некоторые женщины могут запросто выбраться из мужских наручников, — сказал ей Джералд. — Но у тебя кость широкая... и к тому же я уже не мог ждать. Ну-ка, давай посмотрим...

Он взял ее правую руку и принялся сдвигать замок по зарубкам, поначалу — быстро и порывисто, но потом — осторожнее. При этом он постоянно спрашивал, не слишком ли туго их затягивает и не больно ли Джесси. Ей совсем не было больно, даже на самой последней зарубке, но когда Джералд попросил ее освободиться, она не смогла вытащить руку из браслета. Запястье вполне проходило — хотя Джералд потом говорил, что оно не должно было скользить внутри браслета, — но когда дело дошло до костяшек сбоку ладоней под большими пальцами, Джералд сразу же успокоился.

— Да, похоже, как раз то, что нужно, — сказал он очень довольный. Джесси это запомнила очень хорошо. А то, что он сказал потом, она запомнила еще лучше: — Мы замечательно позабавимся с этими штуками.

Воспоминания о том дне были очень живыми и яркими. Джесси опять надела на наручники, подобрав большие пальцы к ладоням — ей надо было как-нибудь стиснуть руки, чтобы выдернуть их из браслетов. На этот раз боль пришла раньше, только пронзила она не кисти, а перенапряженные мышцы плеч и предплечий. Джесси крепко зажмурилась, пытаясь не обращать внимания на боль, и потянула еще сильнее.

А через пару секунд боль дошла и до кистей. Напряжение достигло предела, браслеты наручников врезались в мягкую ткань на тыльной стороне ладоней, и боль стала просто невыносимой. *Это связи*, подумала Джесси, кривясь от боли. *Связки, проклятые связи, мать их растак... ну давай же, давай...*

Ничего. Дальше — никак. И у Джесси возникло одно подозрение — очень *сильное* подозрение, — что здесь дело не только в связках. Там были еще и *кости* — маленькие боковые косточки под нижними суставами больших пальцев, такие мелкие косточки, из-за которых она могла умереть.

Последний рывок. Последний крик разочарования и боли. И только потом Джесси позволила себе расслабиться. Руки снова безвольно повисли в стальных браслетах. Предплечья и плечи дрожали от напряжения. Столько надежд и усилий, чтобы выбраться из наручников... потому что выбраться из мужских наручников в принципе можно. Разочарование было почти что сильнее физической боли; оно обжигало, как отравленная крапива.

— *Мать твою!* — выкрикнула Джесси в пустоту. — *Мать твою, мать твою, мать твою!*

Где-то на озере — сегодня значительно дальше, если судить по звуку, — опять завизжала пила, и Джесси разозлилась еще сильнее. В довершение ко всему еще и вчерашний парень. Наверняка же какой-нибудь раздолбай в клетчатой фланелевой рубашке, редкостный идиот... жужжит там своей пилой и мечтает о том, как вечером после работы завалится в койку со своей цыпочкой... или, может быть, он мечта-

ет о том, как бы сходить на футбол или попросту пропустить два стаканчика виски со льдом в местном баре. Этот кретин в черно-красной клетчатой рубашке представился Джесси так же ясно и живо, как раньше — девочка, закованная в колодки, и если бы можно было убить просто мыслью, то он бы сейчас уже не дышал.

— *Так нечестно!* — выкрикнула Джесси. — *Так просто нече...*

Горло сдавил сухой спазм, и Джесси умолкла на полуслове, скривившись от боли и страха. Она честно пыталась освободиться, она до сих пор еще чувствовала пронзительную боль в костях, которые ей помешали — а уж как она ее чувствовала *тогда...* Но все равно она была близка к цели. Вот отсюда — горечь и злость. Вовсе не из-за боли и не из-за какого-то там лесоруба с его визгливой пилой. Самое мерзкое было знать, что она была очень близка к освобождению и что ей не хватило совсем чуть-чуть. Она могла бы, конечно, сжать зубы и потерпеть боль, но уже больше не верила, что у нее что-то получится. Эти последние четверть дюйма так и останутся непреодолимыми. Вот такая насмешка судьбы. Упорствовать можно, да. Но в итоге все это закончится отеком суставов, и вместо того чтобы сделать лучше, она сделает только хуже.

— И не говори мне, что я сдалась без борьбы. *Не смей* ничего говорить, — сдавленно прошептала она. — Я не хочу даже слушать.

Тебе нужно как-то освободиться, — прошептала в ответ девочка, закованная в колодки. Потому что он — оно — действительно вернется. *Сегодня вечером. После заката.*

— Я не верю, — прохрипела Джесси. — Я не верю, что он вообще здесь был. И мне плевать на сережку и на след у двери. Я просто не верю и все.

Нет, ты веришь.

Нет, не верю!

Нет, веришь.

Джесси склонила голову набок. Ее губы дрожали, как это бывает, когда человек вот-вот заплачет.

Да, она верила.

Она опять начала засыпать, несмотря на жгучую жажду и непрестанную боль. Она понимала, что засыпать опасно — сон не придаст ей сил, а наоборот, силы будут убывать, пока она не контролирует свое состояние, — но ей было уже все равно. Она перепробовала все что можно, дошла до предела своих возможностей и все без толку. Она так и осталась Мисс-Америкой-Прикованной-Наручниками-к-Кровати. Сейчас ей хотелось забвения — она *вождедела* забвения, как законченный наркоман воделеет свою ежедневную дозу. Но буквально за пару секунд до того, как она провалилась в глубокий сон, в голове яркой вспышкой мелькнула мысль — очень простая и поразительно ясная, — и Джесси сразу проснулась.

Крем для лица. Баночка с кремом на полочке в изголовье кровати.

Только не надо слишком на это надеяться, Джесси... это будет большой ошибкой. Если баночка не упала на пол, когда ты приподнимала полку, то она скорее всего соскользнула на ту сторону полки, откуда тебе ее в жизни не выпепить. Так что не надо слишком надеяться.

Проблема в том, что *не* надеяться было весьма затруднительно. Если баночка с кремом осталась на полке и до нее можно достать, то очень даже возможно, подумала Джесси, что ей все же удастся вытащить руку из браслета наручников. Может быть, даже обе руки, хотя и одной будет вполне достаточно. Если у нее получится вытащить руку, она сможет подняться с кровати, а если она поднимется с кровати, то можно будет считать, что она уже освободилась.

Джесси, не разгоняйся. Это был крошечный пробник, который рассылают по почте в целях рекламы. Он наверняка соскользнул на пол.

Но нет, как выяснилось. Джесси повернула голову влево — насколько это было возможно без риска вывернуть шею — и буквально на самой периферии зрения все же увидела круглую синюю баночку.

На самом деле ее там нет, — прошептал обреченный голос той части ее сознания, которая уже была готова покориться судьбе и сдаться. — Ты убеждаешь себя, что она там

есть... и это можно понять... но на самом деле ее там нет. Это просто галлюцинация. Самообман. Джесси, ты видишь то, что тебе хочется видеть, что ты приказываешь себе видеть. Но я реалистка, и я говорю: на самом деле там нет никакого крема.

Джесси еще раз взглянула туда, стараясь повернуть голову чуть дальше влево, несмотря на кошмарную боль. Синяя баночка не пропала. Наоборот — на мгновение она «проявилась» четче. Да, обычный пластмассовый пробник. На Джессиной стороне полки стояла настольная лампа. Она была прикручена к полке шурупам и поэтому не соскользнула на пол, когда Джесси приподнимала полку. Книжка в мягкой обложке «Долина диких коней» — которая валялась здесь, наверное, с середины июля — начала было соскальзывать, но уперлась в подставку лампы, а баночка с кремом «Nivea» уперлась в книжку. Джесси едва не рассмеялась, когда осознала, что сейчас ее жизнь зависит от банальной настольной лампы и дурацкой истории про пещерных людей с именами типа Айла, Ода, Уба и Тонолан. Это было не просто смешно. Это был полный сюрреализм.

Даже если она там есть, эта баночка с кремом, тебе все равно ее не достать, — заявил предательский голос, уже смившийся с поражением. Но Джесси его не слушала. На самом деле она почти не сомневалась, что *сумеет* дотянуться о крема.

Она повернула левую кисть и осторожно потянулась рукой к полке. Сейчас она не имела права на ошибку — не могла допустить, чтобы баночка с кремом соскользнула по полке дальше, где ей уже точно ее не достать, или откатилась к стене. Там был небольшой зазор между стеной и полкой — узкая щель, куда без труда проскользнет баночка-пробник. И если это случится, Джесси не сомневалась, что тогда она точно сойдет с ума. Да. Она услышит, как баночка с кремом ударится о деревянный пол, и у нее в голове что-то сдвинется... и она просто сойдет с ума. Поэтому ей надо быть осторожной. И тогда у нее, может быть, все получится. Поэтому что...

Потому что Бог, может быть, есть, подумала она, и *Он не захочет, чтобы я умерла здесь, на этой кровати, как жи-*

вотное, пойманное в капкан. И если подумать, это имеет смысл. Я же взяла эту баночку, когда пес начал грызть Джералда, а потом решила, что она слишком маленькая и легкая и что пес вряд ли заметит, даже если у меня получится в него попасть. И вот в таком состоянии — в замешательстве, в полном смятении, перепуганная до смерти — я все же не бросила баночку с кремом на пол, прежде чем шарить по полке в поисках чего-нибудь потяжелее. А что было бы самым естественным? Правильно, бросить ее и забыть. Но нет. Я поставила ее обратно на полку. Вопреки всякой логике. А почему? Потому что мне Бог подсказал, вот почему. Да. Это самый подходящий ответ. Единственный подходящий ответ. Бог сберег ее для меня, потому что Он знал, что она мне понадобится.

Растопырив пальцы, Джесси принялась осторожно сдвигать руку в направлении баночки. Она понимала, что ошибиться нельзя. И не важно: Бог, провидение или благосклонная судьба... это был ее единственный шанс. Другого могло и не быть. И наверняка не будет. И когда ее пальцы коснулись гладкой поверхности круглой баночки, ей вдруг вспомнились строчки из одной старой песенки, разговорного блюза, кажется, Вуди Гатри* Впервые Джесси ее услышала в исполнении Тома Раша, еще в университете:

Хочешь попасть прямо на небеса,
Я тебе подскажу, как это правильно делать.
Просто намажь пятки жиром,
Козлиным или бараньим жиром.
И дьявол тебя не удержит никак,
Выскользнешь ты у него из лап
И поднимешься прямо на небо.
Так что не унывай,
Просто намажь пятки жиром,
И к Богу — в Рай.

Она обхватила баночку пальцами, стараясь не обращать внимания на боль в напряженных мышцах плеча, и принялась осторожно подтаскивать к себе. Теперь она поняла, что должны чувствовать грабители, которые взрывают сейфы нитроглицерином. *Так что не унывай, —* подумала Джесси. —

* Вуди Гатри (1912—1967), американский композитор, гитарист, автор слов и исполнитель песен. Родоначальник разговорного блюза.

Просто намажь пятки жиром. Воистину, самые правильные слова за всю историю человечества.

— Я так не думаю, милая, — произнесла она вслух своим самым высокомерным голосом, голосом Элизабет Тейлор из «Кошки на раскаленной крыше». Но она себя не услышала. Она даже не осознала, что вообще что-то сказала.

Она уже чувствовала, как в душе разливается благовонный бальзам облегчения — такой же сладкий, каким будет первый глоток свежей прохладной воды, когда она наконец встанет с этой проклятой кровати и буквально зальет водой свое бедное горло, в которое как будто забились ржавая колючая проволока. Она выскользнет из лап дьявола и поднимется прямо на небо. Вне всяких сомнений. Но подниматься надо *осторожно*. Ее испытывали, ее закалили в огне, и вот теперь ей будет награда. Обязательно будет награда. И если раньше она сомневалась, то была полной дурой.

Сейчас тебе лучше об этом не думать, — встревожилась жenuшка. — *Если ты будешь так думать, потеряешь всякую осторожность, а мне почему-то кажется, что неосторожному человеку никогда в жизни не выскользнуть из лап дьявола.*

Да, все правильно. Но Джесси *не собиралась* быть неосторожной. Последние двадцать часов она провела в аду, и кому, как не ей, знать, что сейчас поставлено на карту.

— Я буду очень осторожной, — прохрипела она. — Я буду обдумывать каждый шаг, обещаю. А потом я... я...

Она — что?

Ясное дело, намажет пятки жиром. И не только сейчас, чтобы освободиться, но отныне и впредь. Джесси вдруг осознала, что опять разговаривает с Господом Богом, только теперь она не запинаясь, а говорила легко и свободно.

Я хочу пообещать Тебе одну вещь, сказала она Богу. *Я обещаю, что поднимусь на небеса. И начну я с большой генеральной уборки у себя в голове: выброшу весь старый ненужный хлам и игрушки, которые я давно переросла... иными словами, я выброшу все, что занимает место, загромождает проходы и создает пожароопасные ситуации. Надо бы позвонить Норе Кэллиган и спросить, не возьмется ли она помочь. И еще я позвоню Кэрл Саймондс... то есть теперь Кэрл Риттенхауз, конечно. Если кто-то из нашей старой компании знает, где сейчас*

Рут Ниери, так это Кэрл. Послушай, Господи... я не знаю, добирался ли кто-нибудь до твоих небес, но я обещаю, что как следует смажу пятки и буду очень стараться. Ладно?

И вдруг она поняла — вернее, даже не поняла, а как будто увидела, словно это и был ответ на ее молитву, — что именно ей нужно делать. Самое сложное — это снять крышку с баночки. Здесь потребуется терпение и предельная осторожность. Ей еще повезло, что баночка совсем маленькая. Джесси поставит ее на ладонь левой руки, прихватит пальцами у верха, а большим пальцем открутит крышечку. Хорошо, если крышечка будет закрыта неплотно... впрочем, Джесси ни капельки не сомневалась, что откроет ее в любом случае.

Да, ты права, лапушка. Я открою ее в любом случае, угроюмо подумала она.

Самый опасный момент — это когда крышечка только начнет проворачиваться. Если это случится внезапно и Джесси не будет готова, баночка может выскользнуть из руки. Джесси хрипло рассмеялась.

— Не дождетесь, — сказала она пустой комнате. — Не дождетесь, мать вашу.

Джесси приподняла руку, пристально глядя на баночку. Было сложно что-либо разглядеть сквозь полупрозрачную, но темную синюю пластмассу, но судя по всему, баночка была где-то наполовину полной. Может быть, даже чуть больше, чем наполовину. Когда она снимет крышку, то просто перевернет баночку и крем вытечет на ладонь. А потом она поднимет ладонь вертикально, так, чтобы крем стек на запястье. Большая его часть соберется между браслетом наручника и рукой. Она размажет крем более или менее ровно, вращая кистью. Она уже знает, где самое «проблемное» место — прямо под большим пальцем. А когда она как следует смажет пятки — в данном случае не пятки, а запястье, но смысл понятен, — она еще раз попробует потянуть. Решительно и со всей силы. Она будет тянуть, невзирая на боль, пока не выдернет руку из браслета, и тогда она будет свободна. Наконец свободна. Господи Всемогуший, свободна. У нее все получится. Она знает, что все получится.

— Но осторожно, — пробормотала она, устанавливая баночку на ладони и кладя пальцы на крышечку. А потом...

— Она закрыта *неплотно!* — воскликнула Джесси хриплым дрожащим голосом. — *На самом деле неплотно!*

Она не могла поверить в свою удачу — а покорное, давно смилившееся с поражением существо в глубине ее сознания и вовсе *отказывалось* в это верить, — но ей действительно повезло. Когда пальцы легли на крышечку, она слегка повернулась на мягкой пластмассовой нарезке.

Осторожнее, Джесс, осторожнее... Делай все так, как ты видела.

Да. Но теперь перед мысленным взором встала другая картинка. Джесси увидела себя: она сидела за письменным столом у себя дома в Портленде. На ней было самое лучшее платье — черное короткое платье, которое она купила прошлой весной как подарок себе, любимой. Небольшая приятность за то, что она все-таки выдержала диету и сбросила десять фунтов. Ее волосы чисто вымыты и пахнут каким-то сладким травяным шампунем, а не застарелым прокисшим потом. Стол залит мягким вечерним светом, струящимся из высоких окон. Она пишет письмо в компанию Nivea... или кто там производит кремы с таким же названием. *Уважаемые господа, пишет она. Я хочу, чтобы вы знали, что ваша продукция действительно спасает людям жизнь...*

Когда Джесси чуть сильнее надавила на крышечку большим пальцем, она начала откручиваться очень плавно, без всяких рывков. Все шло по плану. Как во сне, подумала она. *Спасибо, Господи. Большое Тебе спасибо, такое большое спасибо...*

Краем глаза она уловила какое-то движение в дверях. Самое странное, что ей даже в голову не пришло, что это может быть кто-то, кто ее спасет. Самая первая мысль: это космический ковбой вернулся, чтобы забрать ее себе, пока она не ускользнула. Джесси испуганно вскрикнула и оторвала взгляд от баночки у себя в ладони. Пальцы судорожно стиснули пластмассу.

Это был пес. Он вернулся позавтракать, но пока остановился в дверях: проверял, можно ли заходить. Как только Джесси это осознала, она осознала еще одну неприятную

вещь. Она так сильно стиснула баночку с кремом, что та начала скользить по ладони, как большая виноградина, очищенная от кожицы.

— *Нем!*

Она попыталась удержать баночку, и ей это почти удалось. Но, как говорится, чуть-чуть не считается. Баночка выскользнула из руки, ударилась о бедро и отскочила на пол. Когда она ударилась о деревянный пол, раздался негромкий удар. Какой-то дурацкий звук... как будто что-то легонько клацнуло. Именно такой звук она представляла себе буквально три минуты назад. Именно такой звук и должен был свести ее с ума. Она не сошла с ума, но зато осознала одну очень страшную правду: несмотря на все то, что ей довелось пережить за последние почти сутки, ей еще далеко до того, чтобы рехнуться. И не важно, какие еще кошмары ждут ее впереди, похоже, безумие — эта последняя дверь к спасению — для нее закрыто. Ей придется встречать все, что будет, в трезвом уме и твердой памяти.

— Тебе обязательно было сейчас приходить, ты, скотина? Вот именно *сейчас*?! — спросила она у бывшего Принца, и теперь в ее хриплом и страшном голосе было что-то такое, что заставило пса насторожиться и посмотреть на нее с опаской. А ведь все предыдущие ее крики и угрозы вообще на него не действовали. — Почему сейчас, черт тебя поберет? Почему?!

Пес решил, что хозяйка по-прежнему вполне безобидна, несмотря на те резкие нотки, которые теперь явственно слышались в ее голосе, но он все же поглядывал на нее, когда подбирался к запасам мяса. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Этой нехитрой мудрости он выучился на своей шкуре, а такие уроки не забываются никогда: лучше перебдеть, чем недобдеть.

В последний раз взглянув на хозяйку своими яркими отчаянными глазами, пес наклонил голову, вцепился зубами Джералду прямо в яичко и отодрал изрядный кусок. Джесси было противно на это смотреть, но это было еще не самое страшное. Когда пес впился зубами в тело, от него поднялись тучи мух. И их сонное жужжание стало той пресловутой последней соломинкой, которая сломала хребет верблюду.

Что-то сломалось у Джесси внутри, а именно — та часть, которая была преисполнена мужества, и надежды, и стремления выжить любой ценой.

Пес попятился обратно к двери, ступая с таким грациозным изяществом танцора из музыкального фильма. Здоровое ухо стоит торчком, из пасти свисает кусок мяса. Уже на пороге он развернулся и вышел в коридор. Как только он отошел от тела, мухи начали опускаться на насиженные места. Джесси опустила голову на деревянное изголовье кровати и закрыла глаза. Она снова молилась, но на этот раз — не о спасении. Она просила у Господа, чтобы он забрал ее к себе быстро и без мучений, пока солнце еще не село и не вернулся тот незнакомец с белым лицом.

27

Следующие четыре часа — примерно с одиннадцати утра и до трех часов пополудни — слились в единый, сплошной кошмар. Хуже *этого* в жизни у Джесси Берлингейм не было ничего. Судороги становились все чаще и все болезненнее, но это было еще не самое страшное. Больше всего Джесси пугало, что ее разум упрямо отказывался срываться в пропасть безумия. Еще в школе она прочитала стихотворение Эдгара По «Предательское сердце», но только теперь по-настоящему поняла и прочувствовала истинный — страшный — смысл его первых строк: «Возбужденный и нервный! Да, я всегда был таким — возбужденным и нервным, но это не значит, что я сумасшедший».

Безумие было бы облегчением, но Джесси уже поняла, что на это рассчитывать не приходится. И спасительный сон тоже не шел. Вполне вероятно, что смерть придет раньше, опередив и безумие, и сон. А ночь так точно придет раньше всех. Оставалось только лежать и ждать — в тупой, затуманенной, тусклой реальности, которую периодически прожигали яркие вспышки боли в сведенных мышцах. Только боль и пробивалась в сознание Джесси. Боль и еще это упорное, страшное осознание, что спасительного безумия не будет. А все остальное уже вроде бы и не имело значения... такое впечатление, что мир за пределами этой комнаты вообще пере-

стал существовать. На самом деле Джесси пришла к убеждению, что за пределами этой комнаты *действительно* ничего уже не существует, что все люди, которые когда-то жили в том мире, вернулись на некую экзистенциальную киностудию, а декорации разобрали и сложили в подсобку — как на спектаклях студенческих театров, которые так любила Рут.

Время стало замерзшим морем, по которому пробивалось ее сознание — натужно и неуклюже, как ледокол. Призрачные голоса то включались, то умолкали. В основном они звучали в голове у Джесси, но однажды Нора Кэллиган заговорила с ней из ванной, а потом у нее состоялся совсем уже идиотский разговор с матерью, которая вроде бы пряталась в коридоре. Мать заявила, что Джесси никогда бы не оказалась в таком вот бедственном положении, если бы научилась следить за своими вещами и не разбрасывать одежду по всей квартире. «Если бы всякий раз, когда я подбирала твои вывернутые наизнанку вещички по всем углам, мне бы давали пять центов, — сказала мать, — я бы купила себе Кливлендский газоперерабатывающий комбинат». Это было любимое мамино выражение, и Джесси только сейчас поняла, что никто из них почему-то не спрашивал у матери, с чего бы ей вдруг *понадобилось* покупать себе Кливлендский газоперерабатывающий комбинат.

Пусть слабо и вяло, но она все-таки продолжала свою «зарядку»: перебирала ногами и водила руками вверх-вниз настолько это позволяла длина цепочек наручников и насколько хватало сил. Теперь она делала упражнения вовсе не для того, чтобы подготовить свое тело к каким-то действиям, если ей все-таки предоставится возможность спастись; она уже поняла — и умом, и сердцем, — что никаких возможностей больше не будет. Баночка с кремом — это был ее последний шанс. Джесси делала упражнения исключительно потому, что движения вроде бы слегка облегчали боль в мышцах.

Но несмотря на то что она постоянно двигалась — ну, по мере возможностей, — она уже чувствовала, что стопы и кисти немеют. Кожа как будто покрылась тоненькой ледяной пленкой, которая постепенно проникала все глубже внутрь. Это было совсем не похоже на обычное онемение, которое она

чувствовала сегодня, когда проснулась; скорее это было похоже на обморожение. Однажды, еще подростком, Джесси отморозила себе руку и ногу, когда каталась на лыжах: на тыльной стороне ладони и на лодыжке — в том месте, где над леггинсами завернулся носок, — появились зловещие серые пятна. Кожа там словно омертвела и потеряла чувствительность даже к обжигающему теплу от камина. Джесси подумала, что со временем это холодное онемение перекроет и боль от судорог, так что вполне может случиться, что в итоге ее смерть окажется милосердной — как будто ты замерзаешь в снегу и просто засыпаешь. Вот только как-то уж слишком медленно все идет...

Время шло. Только это было не время. Это был неумолимый и неизменный поток информации, которую бессонные чувства передавали рассудку, здравому до жути. А больше не было ничего — только спальня, вид из окна на съемочную площадку (режиссер, который поставил этот, честно сказать, очень дерьмовый фильм, пока еще не дал команды убирать последние декорации), жужжание мух, превращавших Джералда в свой инкубатор, и медленное перемещение теней по деревянному полу вслед за солнцем, плывущим по небу. Периодически острая и холодная, как сосулька, боль вонзалась ей в подмышку или пропарывала правый бок, словно толстый стальной гвоздь. Через какое-то время — а день, кажется, растянулся до бесконечности — судороги добрались и до живота, который раньше сводило от голода, но потом вроде бы все успокоилось, и до перенапряженной диафрагмы. Вот это было самое страшное. Мало того, что это было очень больно, так ей еще стало нечем дышать. Она уставилась на отражение водной ряби на потолке, пытаясь все-таки продышаться. В глазах — боль, руки и ноги трясутся от напряжения. Наконец судорога прошла. Ощущение было такое, как будто лежишь по шею в холодном мокром цементе.

Голод прошел, но не жажда. И в какой-то момент этого бесконечного, долгого дня Джесси вдруг поняла, что именно жажда (только жажда и больше ничего) сделает то, что не смогли сделать ни боль, ни даже мысли о близкой смерти... может быть, именно жажда сведет ее с ума. Теперь пересох-

ло не только во рту и в горле. Теперь каждая клеточка ее тела изнывала по воде. Даже глаза умирали от жажды... и глядя на дразнящее отражение водной ряби, пляшущее на потолке, Джесси тихонечко застонала.

По идее, при всех этих очень даже реальных опасностях ее страх перед ночным гостем, космическим ковбоем, должен был либо слегка притупиться, либо пройти окончательно, но Джесси постоянно ловила себя на том, что все ее мысли заняты этим таинственным незнакомцем с белым лицом. Он стоял у нее перед глазами — как раз на границе маленького пятна света, который еще проникал в ее тускнеющее сознание, — и хотя Джесси видела только размытый темный силуэт, общие очертания фигуры (худой как скелет; на грани истощения), она все-таки различала злорадную усмешку, крикующую его тонкие бледные губы. Причем эта усмешка проступала все явственнее по мере того, как солнце склонялось к западу. В ушах стоял звон — вернее, глухое позвякивание драгоценностей и костей. Это он, ночной гость, медленно перемешивал их рукой в своем старомодном чемоданчике.

Он придет за ней. Когда станет темно, он придет. Мертвый ковбой, чужак, призрак любви.

Ты его видела, Джесси. На самом деле. Это Смерть, ты его видела. Так часто бывает: когда человек умирает в одиночестве, он видит Смерть. И это действительно так. Это видно по их искаженным лицам, по их застывшим глазам, в которых отпечатался ужас. Это был Ковбой Смерть, и сегодня, когда стемнеет, он вернется за тобой.

Весь день было тихо, но где-то после трех поднялся ветер. Незакрытая задняя дверь опять начала хлопать. А вскоре визг бензопилы вдалеке затих и Джесси смогла различить слабый плеск поднятых ветром волн, набегающих на каменистый берег. Сегодня гагара уже не кричала. Может быть, улетела на юг или перебралась на другой конец озера, откуда ее не слышно.

Ну вот, теперь я совсем одна. Пока не придет тот, другой.

Она больше уже не пыталась заставить себя поверить, что ее ночной гость — это всего лишь плод воспаленного воображения. Для воображения это было как-то уж слишком.

Очередная судорога. В левую подмышку как будто вошло несколько длинных штырей. Джесси скривилась от боли. Такое впечатление, что тебе в сердце тычут вилкой. А потом у нее свело мышцу прямо под грудью и нервный узел в солнечном сплетении вспыхнул обжигающей болью. *Такой* боли Джесси еще не испытывала. Она выгнула спину, сжала колени... потом снова разжала... и снова сжала. Заметалась из стороны в сторону. Попыталась закричать и не смогла. На мгновение ей показалось, что это и есть *оно самое* — конец пути. Еще один спазм, равный по взрывной силе шести динамитным шашкам, и все, приехали, Джесси. Покойся с миром.

Но и эта судорога прошла.

Джесси медленно расслабилась и запрокинула голову, пытаясь отдышаться. В первые две-три секунды вид отражения водной ряби, пляшущей на потолке, не казался ей невыносимой пыткой. Она вся сосредоточилась на обожженных болью нервах в солнечном сплетении. Затаив дыхание, она ждала, что будет дальше: пройдет боль совсем или, наоборот, разгорится по новой. Боль прошла... но как бы нехотя, как бы давая понять, что очень скоро вернется. Джесси закрыла глаза, моля Бога, чтобы он дал ей хотя бы немножко поспать. Умирать — это работа тяжелая и изнурительная. Ей нужна передышка. Хотя бы маленькая передышка.

Сон не пришел. Зато пришла Малыш — девочка из видео с колодками. Только теперь она была свободной как птица, в каком бы там искушении и обольщении ее ни обвиняли. Она шла босиком по зеленой лужайке в том пуританском поселке, где она жила в своем мире, и была совершенно одна — дивно одна, так что ей было не нужно скромно прятать глаза, чтобы какой-нибудь проходящий мимо мальчишка не поймал ее взгляд и не стал бы подмигивать со значением или глумливо лыбиться. Трава была очень зеленой, цвета густого бархата, а вдалеке, на вершине соседнего холма (*какой у них там огромный общественный выгон*, мимоходом подумала Джесси), паслись овечки. Уже смеркалось. Монотонный унылый звон, который Джесси слышала раньше, теперь затих.

Малыш была в синей фланелевой ночнушке с большим желтым восклицательным знаком на груди. Совершенно не пуританское одеяние, хотя и достаточно скромное: длинная, в пол, рубашка с закрытым воротом. Джесси помнила эту рубашку, и ей было приятно увидеть ее снова. Она носила ее два года — с десяти до двенадцати лет, когда мать наконец пустила ее на тряпки. Джесси спала в этой рубашке каждую ночь и всегда надевала ее на «ночные девичники»*.

Когда Малыш сидела в колодках, перекладина, давившая ей на шею, не давала поднять голову, так что волосы падали ей на лицо и полностью его закрывали. Теперь ее волосы были убраны назад и подвязаны ярко-синим бантом. Она была очень даже симпатичной. И еще она выглядела счастливой. Но это и неудивительно. Ведь она освободилась от *своих* оков. Она была свободна. Джесси ей не завидовала, но ей захотелось сказать этой девочке — ей было *необходимо* сказать ей, — что, когда ты свободен, недостаточно просто радоваться. Свободу нужно ценить, беречь и использовать.

Все-таки я заснула. Да, я заснула и вижу сон.

Очередная судорога — правда, уже не такая ужасная, как та, что проглотила ее солнечное сплетение, — прошила правое бедро. Нога рефлекторно дернулась. Джесси открыла глаза и увидела, что свет стал тусклее. Еще не смеркалось, но до сумерек было недалеко. Джесси слышала, как хлопает задняя дверь. Она ощущала запахи. Свои запахи: пот, моча, кислое несвежее дыхание. Все было в точности так, как прежде. Время прошло, но при этом оно как будто *не сдвинулось*, как это часто бывает, когда ты просыпаешься после того, как заснул в непривычное для себя время. Джесси показалось, что руки стали чуть холоднее, но в ее ощущениях ничего не изменилось — онемение не прошло, но и не стало сильнее. Она не спала и не видела снов... но все равно была где-то *не здесь*.

И я могу это повторить, подумала Джесси и закрыла глаза. И опять оказалась на общественном выпасе того самого пуританского поселения. Девочка в синей ночнушке с боль-

* Ночные девичники — детские мероприятия, когда несколько девочек-школьниц ночуют в доме одной из них и болтают почти всю ночь.

шим восклицательным знаком между маленькими грудками взглянула на Джесси серьезно и ласково.

Ты не все еще перепробовала, Джесси. Есть еще одна вещь.

Ты ошибаешься, сказала она Малышу. Я перепробовала уже все, поверь. И знаешь что? Если бы я не уронила эту чертову баночку с кремом, когда меня напугала собака, мне бы наверняка удалось освободить левую руку. Мне просто не повезло, что собака вошла именно в эту секунду. Или здесь не в невезении дело. Может быть, это злая судьба. Я не знаю...

Девочка подошла ближе. Трава мягко шуршала под ее босыми ногами.

Не левую руку, Джесси. Ты можешь освободить правую. Это уже последний шанс, и я тебе не обещаю, что все получится. Я говорю только, что это возможно. Вопрос только в том, хочешь ты жить или нет.

Разумеется, я хочу жить!

Еще ближе. Эти глаза... глаза цвета дыма, которые как бы стараются быть голубыми, но никак не дотягивают до желанного результата... Джесси казалось, что они смотрят ей прямо в душу.

Правда?

Ты что, рехнулась?! Неужели ты думаешь, что мне очень хочется тут лежать... прикованной и совершенно беспомощной... и дожидаться, пока...

Джесси снова открыла глаза — глаза цвета дыма, которые как бы стараются быть голубыми, но никак не дотягивают до желанного результата, — и обвела комнату взглядом, в котором читался застывший ужас. Увидела мужа, который теперь лежал в совершенно невообразимой вывернутой позе и невидящими глазами таращился в потолок.

— Мне очень не хочется тут лежать, прикованной и совершенно беспомощной, и дожидаться, пока не стемнеет и он не вернется за мной, — сказала она пустой комнате.

Закрой глаза, Джесси.

Она закрыла глаза. Малыш в старой синей ночнушке с желтым восклицательным знаком смотрела на нее все так же спокойно и ласково. Но теперь Джесси увидела и вторую девочку — толстушку с прышавым лицом. Той, другой, девочке не повезло. Она не спаслась, как Малыш, и уже не

спасется. Разве что иногда сама смерть кажется нам спасением — причем Джесси уже дошла до того состояния, когда подобные мысли не кажутся страшными, когда ты готов их принять. Толстая девочка либо задохнулась в колодках, либо у нее был какой-то приступ. Лицо у нее было багрово-черным, цвета грозового неба. Один глаз чуть ли не вываливался из глазницы, второй походил на раздавленную виноградину. Из рта вываливался язык, кровавый в том месте, где она прикусила его в последней агонии.

Джесси поежилась и повернулась обратно к Малышу.

Я не хочу, чтобы все кончилось так. Я не знаю, что со мной будет, но я не хочу, чтобы все кончилось так. Как тебе удалось вырваться?

Я просто выскользнула, — отозвалась Малыш. — Выскользнула из лап дьявола и поднялась прямо на небо.

Джесси вдруг обозлилась.

Ты что, не слышала, что я тебе сказала?! Я уронила эту дурацкую баночку с кремом! Пришла собака, она меня напугала, и я уронила крем! И как мне теперь...

А еще я помнила про затмение, — резко проговорила Малыш с видом человека, раздраженного необходимостью соблюдать правила этикета, сложные и совершенно бессмысленные: ты делаешь реверанс, я кланяюсь, все жмут друг другу руки. — Именно так я и выбралась: я все время помнила про затмение и про то, что случилось в тот день на веранде. И тебе тоже нужно про это помнить. Мне кажется, это твой единственный шанс спастись. Тебе больше нельзя убегать и прятаться. Пора взглянуть правде в глаза.

И всё?! И ничего больше?! Джесси была жутко разочарована. На миг в душе затеплилась надежда, но нет... здесь для нее не было ничего. Ничего.

Ты не понимаешь, — сказала она Малышу. — Это мы уже проходили — и прошли до конца. Да, наверное, то, что отец сделал со мной в тот день, как-то связано с тем, что происходит со мной сейчас... то есть я допускаю такую возможность... но зачем снова переживать ту боль, когда мне и так предстоит пережить столько боли, пока Бог наконец не устанет меня терзать и, образно говоря, не задернет шторы?!

Ответа не было. Маленькая девочка в синей ночнушке — та девочка, которой Джесси была когда-то, — ушла. Осталась лишь темнота под закрытыми веками наподобие черноты на пустом экране, когда фильм закончен и все финальные титры прошли, поэтому Джесси открыла глаза и еще раз оглядела комнату, где ей предстоит умереть. Она медленно перевела взгляд с двери в ванную на батик в рамочке, изображающий яркую бабочку, потом — на туалетный столик в углу, потом — на тело мужа под копошащимся покрывалом из сонных осенних мух.

— Прекрати, Джесс. Вернемся лучше к затмению.

Джесси широко распахнула глаза. Голос действительно *прозвучал*. По-настоящему. Не из ванной, не из коридора, и не у нее из головы. Он как будто возник из самого воздуха.

— Малыш. — Ее собственный голос теперь превратился в невнятный хрип. Она попыталась сесть повыше, но очередная судорога скрутила живот, и ей пришлось снова лечь, приклонившись затылком к изголовью кровати и ждать, пока судорога не пройдет. — Малыш, это ты?

Ей показалось, она что-то услышала. Но даже если этот новый голос и произнес что-то еще, она не смогла разобрать слов. А потом все вообще затихло.

Вернемся к затмению, Джесси.

— Это ничем не поможет, — пробормотала она. — В этом нет ничего, только боль, глупость и...

И что? Что еще?

Праотец наш Адам. Фраза всплыла в сознании, наверное, вспомнилась из какой-то проповеди, услышанной еще в детстве, когда мама с папой водили ее в церковь, где она отчаянно скучала и, чтобы развлечься, болтала ногами, пытаясь уловить на своей беленькой лакированной туфельке разноцветные отблески витражей. Просто фраза, застрявшая в подсознании. *Праотец наш Адам.* Может быть, этим все и объяснялось. Вот так: без затей, совсем просто. Отец, который полусознательно устроил все так, чтобы остаться один на один со своей совсем еще юной, и свежей, и очень хорошенькой дочкой и который все время себе говорил, что *никого вреда не будет, совсем никакого вреда*. А потом нача-

лось затмение, и она уселась к нему на колени в своем слишком тесном и слишком коротеньком сарафанчике — который он сам попросил, чтобы она надела, — и случилось то, что случилось. Небольшая постыдная возня, которая смутила и вогнала в краску их обоих. Короче говоря, он выдал струйку ей на трусики — и неслабую струйку, уж если на то пошло. Определенно, не самое похвальное поведение для любящего папочки, и в детских телепередачах такого тебе никогда не покажут, но...

Но давай уж начистоту, подумала Джесси. По сравнению с тем, что могло бы случиться, я отделалась легким испугом... что могло бы случиться и что вообще-то случается каждый день. И не только в злачных районах. Мой папа — не первый мужчина из верхушки среднего класса, человек с высшим образованием, который возбудился на свою дочь; и я не первая дочь, которой папа оставил пятно на трусиках. Я вовсе не утверждаю, что это нормально или простительно. Но что было, то было. Что было, прошло. И все могло быть гораздо хуже.

Да. И гораздо лучше об этом забыть, чем переживать все это снова, что бы там ни говорила Малыш. Пусть лучше оно растворится во тьме полного солнечного затмения. Ей и так есть о чем подумать, пока она будет здесь умирать — в этой вонючей комнате с мухами.

Джесси закрыла глаза, и ей сразу представился запах отцовского одеколona. И еще — легкий запах его нервного пота. Ощущение чего-то твердого, жмущегося к ягодицам. Тихий вздох, когда она заерзала у него на коленях, пытаясь устроиться поудобнее. Его рука легонько касается ее груди. Беспокойство, все ли с ним в порядке. Он вдруг задышал так быстро. Марвин Гей по радио: *«Друзья говорят, что я слишком сильно люблю... но кажется мне, что только так и надо любить...»*

Ты меня любишь, малыш?

Да, конечно...

Тогда ничего не бойся. Я тебе никогда не сделаю ничего плохого. Теперь другая его рука медленно пробирается вверх по ее бедру, сдвигая подол сарафанчика. Я просто хочу...

— Я хочу приласкать тебя, — прошептала Джесси. Лицо у нее осунулось и отекло. — Он так и сказал. Господи, он действительно это сказал.

«Все это знают... и особенно вы, девочки... что любовь может быть грустной, так вот моя любовь очень-очень грустна...»

Мне что-то не хочется, папочка. Я боюсь обжечь глаза.

Не бойся. У тебя есть еще секунд двадцать. Как минимум. Так что не переживай. И не оборачивайся.

Потом был щелчок резинки — но не у нее на трусиках, а у него на шортах, — когда он выпустил на волю своего прародителя Адама.

Как бы вопреки близящейся перспективе полного обезвоживания организма, одинокая слезинка сорвалась с ресницы Джесси и потекла по щеке.

— Вот, я делаю, как ты сказала, — сдавленно прохрипела она. — Я вспоминаю. Надеюсь, теперь ты довольна.

Да, — отозвалась Малыш, и хотя Джесси больше ее не видела, она чувствовала на себе ее пристальный ласковый взгляд. — Но ты зашла дальше, чем нужно. Вернись немного назад. Чуть-чуть назад.

Джесси вздохнула от несказанного облегчения. Она поняла, что Малыш хочет, чтобы она сейчас вспомнила. Не то, что случилось во время или после папиных сексуальных поизнозов, а то, что было до этого... хотя и незадолго до этого.

Тогда зачем нужно было вспоминать и весь этот ужас?

Ответ был вполне очевидным. Допустим, тебе захотелось сардин. Не важно, сколько ты хочешь — одну или целых двадцать, — все равно тебе нужно открыть всю банку, посмотреть на них и вдохнуть этот противный запах масла, пропитанного рыбным духом. Тем более что все это уже в прошлом, а от воспоминаний о прошлом еще никто не умирал. Воспоминания — пусть даже очень болезненные воспоминания — не убивают. А вот наручники, которые держат ее на кровати, вполне могут убить. Так что хватит уже ныть и плакаться, пора заниматься делом. Надо все-таки отыскать то, что, по словам Малыша, ей так важно найти.

Вернись чуть дальше назад... как раз перед тем, как он начал к тебе прикасаться так, как нельзя... Вспомни, а почему вы вообще оказались в тот день вдвоем. Вспомни затмение.

Джесси крепко зажмурилась и начала вспоминать.

28

Малыш, все в порядке?

Да, но... мне чуточку страшно.

Теперь ей не нужен никакой бинокль, чтобы понять, что происходит что-то необычное. На улице потемнело, как это бывает, когда солнце прячется за тучи. Только туч не было, то есть были, но далеко на востоке. Но мрак все равно сгустился.

Да, — говорит он серьезно. И она смотрит на него и с облегчением понимает, что и ему тоже страшно. — Если хочешь, садись ко мне на колени, Джесс.

Правда, можно?

Спрашиваешь! Еще бы!

И она садится к нему на колени, и ей радостно, что он рядом. Она чувствует его тепло и его сладкий запах — запах любимого папы, — а день все темнеет. Но больше всего она радуется тому, что это действительно *страшиновато*. Даже страшнее, чем она думала. А самое страшное то, как бледнеют их с папой тени. Она в жизни не видела, чтобы тени бледнели *вот так* и скорее всего уже никогда не увидит такого еще раз. *Все хорошо*, думает Джесси и прижимается к папе теснее, потому что ей очень нравится, что она снова стала (пусть даже совсем ненадолго, пока не закончатся эти страшные сумерки) папиным Малышом, а не обычной Джесси — слишком высокой и неуклюжей... слишком *скрипучей*...

Уже можно смотреть через стеклышко, пап?

Еще нет. — Его рука у нее на бедре, тяжелая и горячая. Она накрывает его руку своей, оборачивается к нему и улыбается.

У меня прямо дух захватывает!

Да. У меня тоже, малыш. Даже больше, чем я ожидал.

Она ерзает у него на коленях, чтобы устроиться поудобнее — ей мешает та самая твердая штука, которая теперь упирается ей в ягодицы. Он судорожно вдыхает воздух.

Папа? Я слишком тяжелая? Тебе больно?

Нет, все в порядке.

Уже можно смотреть через стеклышко?

Нет, малыш, но уже скоро.

Мир вокруг погружается в сумрак. Но этот сумрак уже совсем не похож на ту пасмурную темноту, какая бывает, когда солнце заходит за тучи. Такое впечатление, что на землю спустились сумерки, хотя сейчас самая середина дня. Где-то в лесу ухает сова, и этот звук почему-то пугает Джесси. Деббиз Рейнольдс уже допевает свою песню по радио. Сейчас вступит диджей, и уже совсем скоро запоем Марвин Гей.

Взгляни на озеро! — говорит папа, и она смотрит. Видит, как странные сумерки разливаются по тусклому миру, в котором уже нет ни одной яркой краски, а остались только приглушенные пастельные тона. Она зябко ежится и говорит ему, что ей страшно. А он говорит, чтобы она ничего не боялась и наслаждалась моментом, который уже никогда не повторится. Уже потом, спустя много лет, размышляя над этой фразой отца — может быть, размышляя *слишком* упорно, — она будет искать в ней другой, скрытый смысл. Но это будет потом, а пока...

Пап? Папуля. Оно исчезло. Можно я...

Да, теперь можно, но когда я скажу «хватит» — это значит хватит, и ты не будешь спорить, поняла?

Он дает ей три закопченных стеклышка, сложенных вместе. И еще — кухонную прихватку. Он дает ей прихватку, потому что эти «смотрильные» стеклышки он вырезал сам из простого стекла, которое вставляют в окна, и не слишком уверен в своих способностях резать стекла в домашних условиях. Она смотрит на стеганую прихватку в этом полувоспоминании-полусне, и вдруг ее память делает резкий скачок еще дальше назад — легко и проворно, как циркач-акробат делает сальто, — и она явственно слышит, как он говорит: *Меньше всего мне хотелось бы...*

— ...чтобы мама вернулась домой и нашла записку...

Джесси произнесла это вслух и открыла глаза. И первое, что попало ей на глаза, был пустой стакан. Стакан Джералда, который все еще стоял на полке рядом с наручником, который держал ее руку прикованной к кровати. Но не левую руку, а правую.

...и нашла записку, что я повез тебя в больницу Оксфорд-Хиллз, чтобы тебе постарались пришить обратно пару отрезанных пальцев.

Теперь Джесси поняла, в чем был смысл этих болезненных воспоминаний; поняла, что пыталась сказать ей Малыш. Это было никак не связано с «праотцом нашим Адамом» или со слабым минеральным запахом от влажного пятна у нее на трусиках. Все дело было в старом оконном стекле, аккуратно разрезанном на кусочки. Она уронила баночку с кремом, но у нее все-таки есть один очень хороший источник смазки, правильно? Еще один шанс подняться на небеса. Кровь. Пока кровь не засохнет, она почти такая же скользкая, как масло.

Это будет ужасно больно, Джесси.

Да. Разумеется, будет больно. Но Джесси смутно припоминала, что где-то слышала или читала, будто на запястьях меньше нервных окончаний, чем на многих других участках тела, то есть раны на запястьях менее болезненны. Кстати, как раз поэтому еще со времен Древнего Рима самоубийцы предпочитали именно такой способ свести счеты с жизнью — перерезать вены на запястьях, лежа в горячей ванне. Тем более что ее руки и так онемели почти до бесчувственности.

— И мозги у меня онемели почти до бесчувственности, когда я разрешила ему пристегнуть меня этими штуками, — прохрипела Джесси.

Если порежешься слишком сильно, ты умрешь от потери крови. Как эти древние римляне.

Да. Именно так все и будет. Но если она не порежется вовсе, то так и будет лежать здесь, пока не умрет от удара или от полного обезвоживания организма... или пока не станет ночь и не придет ее добрый приятель с полным чемоданом костей.

— Ладно, — сказала Джесси. Сердце бешено колотилось в груди. Впервые за последние несколько часов она себя чувствовала полностью проснувшейся. Время дернулось и пошло опять, постепенно набирая обороты, как товарный поезд, который выехал с запасного пути на главный. — Ладно, это вполне убедительный аргумент.

Слушай, — включился настойчивый голос, и Джесси с изумлением поняла, что это был голос Рут и примерной жenuшки. Они объединились, пусть даже на время. — *Слушай внимательно, Джесси.*

— Я слушаю, — сказала Джесси пустой комнате. Но она не только слушала, но и смотрела. Смотрела на пустой стакан. Один из двенадцати из набора, который она купила на распродаже года три-четыре назад. Шесть или восемь из этих двенадцати уже разбились. А сейчас разобьется еще один. Джесси сглотнула и поморщилась. Все равно что пытаться проглотить обернутый фланелью камень, застрявший у нее в горле. — Я очень внимательно слушаю, можете не сомневаться.

Хорошо. Потому что когда ты начнешь, уже нельзя будет останавливаться. Это не тот случай, когда можно передумать на полпути. Все должно произойти очень быстро, потому что твой организм и так уже обезвожен. И запомни одно: даже если все пойдет не так, как надо...

— ...в конечном итоге все будет к лучшему, — закончила Джесси вслух. И в этом и вправду был смысл. Случай предельно прост — настолько, что в этом есть даже какой-то шарм. Конечно, она *не хотела* умереть от потери крови — да и кто бы хотел, интересно знать, — но это все-таки лучше, чем кошмарные судороги и жажда. И лучше, чем он. То есть *оно*. Или она — в смысле галлюцинация. Что бы там ни было.

Джесси облизала сухие губы сухим языком и попыталась сосредоточиться. В голове был полный сумбур, а ей нужно было справиться с мыслями — как в тот раз, когда она собиралась взять баночку с кремом, которая теперь валялась на полу, совершенно бесполезная. Но справиться с мыслями было не так уж просто. В голове вертелись строчки

(просто намажь пятки жиром)

из того старого блюза, она по-прежнему чувствовала запах отцовского одеколона и очень явственно ощущала ту твердую штуку, жмущуюся к ягодицам. А потом, был еще и Джералд. И он как будто ей говорил: *Он вернется, Джесси. Что бы ты ни делала, он вернется. И он проучит тебя, моя гордячка, моя красавица.*

Джесси бросила настороженный взгляд в ту сторону, где лежал Джералд, и быстро отвела глаза. Ей показалось, что Джералд ухмыляется ей той стороной лица, которую пес оставил нетронутой. Она еще раз попыталась заставить себя думать... потом еще раз и еще... и наконец в голове начали появляться какие-то более или менее связанные мысли.

На то, чтобы обдумать все действия и несколько раз прокрутить их в голове, ушло минут десять. Сказать по правде, «прокручивать» было особенно нечего — ее план был смертельно опасным, но при этом предельно простым. Однако она все равно мысленно отрепетировала каждый шаг, причем несколько раз, чтобы заранее предусмотреть все вероятные ошибки, потому что даже одна незначительная ошибка может стоить ей жизни. Но все вроде бы было нормально. Ошибок быть не должно. Была только одна загвоздка: все нужно сделать быстро, пока кровь не начнет сворачиваться. А там уже два исхода — либо она освободится, либо потеряет сознание и умрет.

Джесси в последний раз прогнала в голове все свои предстоящие действия — медленно и обстоятельно, как будто рассматривала вязаный шарф на предмет зацепок и спущенных петелек. Солнце неумолимо клонилось к закату. Бродячий пес на заднем крыльце встал, бросил обглоданный хрящик и направился в лес. Он уловил давешний черный запах. Сейчас, когда он был сыт, ему захотелось убраться подальше даже от легкого дуновения этого страшного запаха.

30

Двенадцать, двенадцать, двенадцать — мигали часы. И не важно, сколько сейчас было времени. Время пришло.

Но сначала еще один важный момент. Сейчас ты взвинчена до предела, и это очень хорошо, но все же держи себя в руках.

Ты уже уронила баночку с кремом, а если уронишь и этот проклятый стакан, тогда ты точно пропала, подруга.

— Собака, ты меня слышишь? Не вздумай сюда придти! — пронзительно выкрикнула Джесси, не зная о том, что пес уже пару минут как ушел в лес. Она подумала, что, может быть, стоит еще помолиться, но потом решила, что исчерпала уже все свои просьбы к Богу. Теперь ей оставалось надеяться только на голоса... и на себя самое.

Она потянулась к стакану правой рукой, уже без прежней медлительной осторожности. Какой-то частью сознания — наверное, той, которая всегда восхищалась Рут Ниери, — она понимала, что осторожность сейчас не главное. Главное — не испугаться в самый последний момент и довести дело до конца.

Вроде как я теперь самурай, подумала Джесси и улыбнулась.

Она обхватила пальцами стакан, на секунду застыла, глядя на него чуть ли не с удивлением — так, наверное, садовник разглядывает какой-нибудь экзотический цветок, непонятно с какой такой радости выросший на грядке с горохом и фасолью, — и сжала руку. Потом она крепко зажмурилась, чтобы осколки стекла не дай Бог не попали в глаза, оподняла стакан и с силой ударила им о полку, наподобие того, как бьют о стол скорлупу сваренного вкрутую яйца. Звук бьющегося стекла был до абсурда *нормальным* — с таким же обыденным звуком бьются стаканы в мойке или когда падают на пол, если кто-нибудь неуклюжий смахнет их локтем со стола. В возрасте пяти лет Джесси перестала пользоваться детской пластмассовой кружкой с таким смешным желтым утенком и с тех пор перебила столько стаканов, что и не сосчитать. Так что звук был знакомым. Самый что ни на есть банальный звук бьющегося стекла. Никакого тебе торжественного резонанса, который бы обозначил начало уникального в своем роде действия: Джесси рискует жизнью в надежде оную жизнь спасти.

Она почувствовала, как отлетевший осколок стекла ударил ей в лоб, как раз над бровью, но больше в лицо не попало. Еще один осколок — судя по звуку, большой — отскочил от полки и упал на пол. В предчувствии сильной боли Джес-

си плотно сжала губы, так что они превратились в тонкую белую линию. Пальцам должно было быть очень больно, но больно не было. Почему-то боли не было вообще — лишь ощущение слабого давления и едва уловимого тепла. По сравнению с болью от судорог, которая терзала Джесси последние пару часов, это было вообще ничего.

Наверное, я очень удачно разбила стакан. А почему бы и нет? Должно же мне когда-нибудь повезти.

Но когда Джесси подняла руку, то увидела, что ей не так уж и повезло. Темно-красные капельки крови выступили из мелких порезов на кончиках пальцев: на большом, указательном, среднем и безымянном, — и только мизинец остался нетронутым. Тонкие осколки стекла торчали из пальцев, как иглы какого-то непонятного остекленевшего дикобраза. Наверное, из-за онемения в руках — и еще, может быть, из-за того, что осколки были очень острыми, — Джесси вообще не почувствовала, как стекла вонзились ей в пальцы. Как завороченная Джесси смотрела на свою правую руку. Густые капельки крови уже падали на матрас — красные капли на розовом фоне.

Джесси мутило при виде этих узких и длинных осколков которые торчали из пальцев, как портновские иглы из специальной такой подушечки для иголок. Ее бы, наверное стошнило, если бы было чем.

Замечательный из тебя получается самурай, — фыркнул кто-то из НЛО-голосов.

Но это же мои пальцы! — мысленно завопила Джесси. — Неужели тебе непонятно?! Это же мои пальцы!

Она почувствовала, что впадает в панику, заставила себя успокоиться и снова сосредоточила все внимание на осколках стакана, которые еще оставались у нее в руке. Это была закругленная верхняя часть — может быть, четверть от целого, — которая с одной стороны разломилась на две половинки. Одна из этих половинок напоминала изогнутый заостренный коготь, который зловеще поблескивал в лучах солнца. Так что ей все-таки повезло... может быть. Главное — чтобы хватило мужества. Джесси подумалось, что этот осколок похож на оружие для какой-нибудь во-

инственной феи из детской сказки — этакая крошечная сабелка для кровавых сражений под мухомором.

Ты отвлекаешься, дорогая, — сказала Малыш. — Разве можно сейчас отвлекаться?

Ответ был вполне однозначным: нет.

Джесси осторожно положила закругленный осколок на полку, так чтобы потом достать до него, не особенно напрягаясь, и чтобы острый саблеобразный конец торчал вверх. На тонком острие скола вспыхнула искорка — отражение солнечного света. Джесси решила, что этот осколок вполне подойдет для того, что она задумала. Надо только быть осторожной и не давить слишком сильно. Иначе она может смахнуть его с полки или обломить острый конец.

— Просто будь осторожной, — сказала она себе. — И тогда у тебя все получится. Просто представь...

Но вторая половина задуманной фразы

(что ты разрезаешь ростбиф)

показалась ей не особенно продуктивной, поэтому Джесси решила не произносить ее вслух. Она приподняла правую руку, так что цепочка наручников натянулась до предела, и оставила ее так, чтобы запястье оказалось как раз над сверлющим острием стекла. Ей хотелось смахнуть с полки все стальные осколки — чтобы не напороться на них и не отвлечься от главного, — но она не решилась. Ей хватило эксперимента с баночкой крема. Если она случайно уронит или разобьет заостренный осколок, ей придется искать более или менее подходящую замену. И не факт, что замена найдется. Такая предосторожность казалась чуть ли не абсурдной, но вряд ли была излишней. Если она собирается спастись, ей не отделаться малой кровью. Крови надо гораздо больше.

Делай так, как ты это себе представляла, Джесси... главное — не испугаться.

— Я не испугаюсь, — прохрипела Джесси осипшим от жажды голосом. Она потрясла рукой в надежде смахнуть осколки, застрявшие в пальцах. И у нее это получилось. Только одно острое стеклышко, вонзившееся глубоко в кожу под ногтем большого пальца, осталось на месте. Джесси решила пока оставить его в покое и заняться главным.

То, что ты собираешься делать... это же просто безумие, — прозвучал у нее в голове нервный голос. Но теперь это был не какой-то там голосок с НЛО. Этот голос Джесси узнала сразу. Это был голос матери. — *Но знаешь, меня это не удивляет. Типичная реакция Джесси Махо — сразу же впасть в крайности. Я это видела тысячу раз. Ну подумай как следует, Джесси. Зачем тебе резать себя и рисковать умереть от потери крови?! Кто-нибудь наверняка придет и спасет тебя; а все остальное — это просто бредятина. Умереть в летнем домике?! Умереть в наручниках?! Так не бывает, поверь мне. Так что послушайся матери хотя бы на этот раз. Не стоит бросаться в крайности. Не режь себе руку этим стеклом. Не надо!*

Да, это была ее мать. И она, как всегда, хорошо притворялась. Так хорошо, что аж жутко. Мать старается, чтобы в ее словах чувствовалась любовь, и забота, и здравый смысл, но на самом деле все это — только замаскированная злость. Может быть, ее мать и умела любить, но Джесси всегда считала, что *настоящая* Салли Махо — это та женщина, которая однажды ворвалась к ней в комнату, запустила в нее парой туфель и даже не потрудилась объяснить почему. Ни тогда, ни потом.

Тем более что все, что сказал этот голос, было неправдой. *Кошмарной* неправдой.

— Нет, — решительно проговорила Джесси. — *Я не слушаюсь* твоего совета. Никто не придет... разве что тот человек... то существо, что приходило сюда прошлой ночью. Я сделаю так, как решила. И я не боюсь.

И Джесси опустила запястье на сверкающее острие стекла.

31

Джесси нужно было видеть, что она делает, потому что сначала она почти ничего не чувствовала. Сейчас она могла бы раскромсать свое запястье в лохмотья и не почувствовать ничего, кроме слабого, едва ощутимого давления и тепла. Но она с облегчением обнаружила, что ей прекрасно все видно; она разбила стакан в *правильном* месте (*Ну наконец-то хоть что-то хорошее!* — язвительно прозвучало в голове.), и

ей не пришлось выворачивать шею, чтобы наблюдать за своими действиями.

Отогнув кисть чуть назад, она опустила внутреннюю часть запястья — ту самую часть, где проходят линии, которые гадалки называют браслетами Фортуны — на отколотый край стекла. Как замороженная она наблюдала за тем, как острый выступ сначала вдавился в кожу, а потом пропорол ее. Она продолжала давить, и стекло все глубже и глубже вонзалось в запястье. Вдавленная ямка наполнилась кровью и исчезла.

Поначалу Джесси расстроилась. Стекло не разрезало руку так, как было ей нужно (и чего она немного боялась). Но потом острый край вспорол пересечение вен под кожей, и кровь потекла быстрее. Она не была пульсирующими струями, как думала Джесси, а именно текла непрерывным потоком — как вода из крана, открытого почти до конца. Стекло вошло глубже в руку, и крови стало еще больше. Она перелилась через край полки и потекла по предплечью Джесси. Дело сделано. Отступать уже поздно. Теперь все должно решиться.

Давай тяни руку! — завопил голос матери. — *Не дожидайся, пока станет хуже — хуже и так уже некуда! Тяни, пока еще можешь! Быстрее!*

Мысль, конечно, заманчивая. Но Джесси считала, что януть еще рано. Она не знала слова «дегловация» — специального медицинского термина, который обычно употребляется при описании состояния пациентов с обширным ожогом, — но инстинктивно чувствовала, что нельзя полагаться на одну только кровь, чтобы освободиться. Вполне вероятно, что одной только крови будет недостаточно.

Джесси медленно и осторожно провернула запястье, так чтобы расширить разрез. Теперь она почувствовала странное покалывание в ладони, как будто осколок, режущий руку, задел какой-то крошечный, но жизненно важный нерв. Мизинец и безымянный палец на правой руке непроизвольно дернулись и согнулись. И больше не поднялись. Большой, указательный и средний пальцы тоже задержались взад-вперед. Из-за онемения Джесси не чувствовала боли, но ей было жутко смотреть на эти явные признаки повреждений. Тем более что она уродовала себя добровольно. Эти омертвевшие

скрюченные пальцы — мизинец и безымянный — были похожи на два бледных трупика, и это было гораздо страшнее, чем кровь, хлещущая из раны.

А потом и страх, и все более интенсивное ощущение давления и жара в раненой руке утонули в обжигающей боли от новой судороги, пронзившей бок. Эта безжалостная боль как будто специально пыталась заставить Джесси дернуться, но та яростно сопротивлялась. Сейчас ей *нельзя* было шевелиться. Если она пошевелится, она точно уронит на пол свой импровизированный стеклянный нож.

— Нет, ничего у тебя не выйдет, — процедила она сквозь сжатые зубы. — Так что давай убирайся.

Она замерла, пытаясь не давить на хрупкое стекло сильнее, чем давила до этого. Ей совсем не хотелось, чтобы осколок свалился на пол. Она еще не закончила, и ей вовсе не улыбалось подбирать другой — менее подходящий — инструмент, чтобы довести дело до конца. Но если судорога переберется с бока на правую руку, что, кажется, и происходит...

— Нет, — простонала она. — Не надо, слышишь?! *Отгребись* от меня, я тебе говорю!

Она немного подождала — при этом прекрасно осознавая, что ждать нельзя, — но ей просто не оставалось ничего другого. Она ждала, слушая, как ее кровь капает на пол полочки над кроватью. Теперь кровь текла просто ручьями смывая с полки мелкие осколки стекла. Глядя на это, Джесси чувствовала себя героиней кровавого фильма ужасов — жертвой какого-нибудь маньяка.

Нельзя больше ждать, Джесси, — прикрикнула на нее Рут. — *Времени нет!*

Не времени нет, а везения, — отозвалась Джесси. — *Вот чего мне действительно не хватает. Впрочем, мне никогда не везло — по жизни.*

А потом Джесси почувствовала — или сумела себя убедить, — что судорога проходит. Она провернула руку внутри браслета и закричала от боли, когда очередной спазм вонзился ей в живот опаляющими когтями, пытаясь снова разлиться огнем по нервам. Но она продолжала вращать рукой, разрезая и внешнюю часть запястья. Теперь внутренняя часть

запястья была повернута вверх. Как замороженная Джесси наблюдала за тем, как на браслете Фортуны открывается глубокая длинная рана, похожая на окровавленный черно-красный рот, который, казалось, смеется над ней. Все еще сражаясь с судорогой в животе, она надавила на стекло, так чтобы оно вошло в руку как можно глубже, а потом рванула руку к себе. Горячие капельки крови брызнули ей в лицо. Осколок стекла, которым она так отчаянно кромсала себя, упал на пол и разлетелся вдребезги. Но Джесси уже про него забыла — она сделала то, что хотела, и больше он был не нужен. Теперь надо сделать последний шаг и узнать, смогут ли мясо и кровь пересилить стальной наручник, который так ревниво удерживает ее на кровати.

Судорога в последний раз пропорола бок, а потом вроде бы начала отпускать. Но Джесси этого не заметила, как не заметила и того, что осколок стекла, которым она резала руку, упал на пол. Она буквально физически ощущала свою предельную сосредоточенность — ее мозги разве что не горели, как смоляной факел, — на правой руке. Все остальное как будто вообще перестало существовать. Она подняла руку как можно выше и внимательно рассмотрела ее в золотистых лучах заходящего солнца. Толстая корка запекшейся крови на пальцах. Предплечье залепано кровью, напоминавшей оттеки ярко-алой краски. Стальной браслет наручника был ва различим в кровавом месиве. Зрелище малоприятное, но как раз то, что нужно. Джесси согнула руку и потянула из, как она это делала раньше. Наручник соскользнул... немного, еще немного... а потом отскочил обратно. Он снова уперся в кость под большим пальцем.

— Нет! — закричала Джесси и рванула руку сильнее. — Я не хочу умирать вот так! Слышите?! Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ ВОТ ТАК!

Наручник врезался глубоко в кожу, и на мгновение Джесси испугалась, что он не сдвинется больше ни на миллиметр — что в следующий раз он сдвинется только тогда, когда какой-нибудь полицейский, попыхивающий сигарой, откроет его и снимет с ее мертвого тела. А самой ей его не сдвинуть. И нет на земле такой силы, которая сдвинет этот проклятый браслет. Ни ангелы рая, ни бесы из ада его не сдвинут.

Потом на внешней стороне запястья возникло ощущение сильного жара, и браслет слегка сдвинулся вверх. Остановился и снова начал сдвигаться. При этом по руке разлилось горячее электрическое покалывание, которое быстро переросло в жжение, опоясывающее запястье наподобие браслета. А еще через пару секунд жжение стало невыносимым, как будто ей в руку вгрызлись миллионы голодных озлобленных муравьев.

Браслет двигался потому, что двигалась кожа под ним. Именно так какой-нибудь тяжелый предмет будет скользить по ковру, если кто-то потянет за ковер. Круглый порез на запястье разошелся еще шире, открывая влажные натянутые сухожилия. Кожа с внешней стороны кисти сморщилась и начала собираться в складки под браслетом наручника. Джесси представилось сматое покрывало, которое она отпинала к изножью кровати, когда сучила ногами.

Я сдираю кожу с руки, — подумала она. — Боженька миленький, я сдираю с себя кожу, как кожуру с апельсина.

— Ну давай же, давай! — заорала Джесси наручнику, неожиданно разозлившись. Сейчас этот стальной браслет стал для нее живым существом. Зловредным животным, вцепившимся зубами ей в руку. Типа какой-нибудь хищной рыбыны или взбесившегося горноста. — *Отпусти меня наконец!*

Наручник продвинулся значительно дальше, чем во время всех предыдущих попыток выдернуть из него руку, но все равно не желал сниматься, упорно отказываясь сдвигаться на эту последнюю четверть (а теперь, вероятно, всего на одну восьмую) дюйма. Окровавленное кольцо стали лежало по верх страшной зияющей раны, на участке начисто содранной кожи, обнажившей блестящее переплетение сухожилий цвета свежих слив. Тыльная сторона кисти напоминала жареную индейку, с которой содрали хрустящую корочку. Из-за постоянного давления вниз рана на внутренней стороне запястья превратилась в широченную зияющую дыру. Джесси все-речь испугалась, что она просто-напросто оторвет себе руку в этой последней попытке освободиться. А потом стальной браслет, который все это время продолжал сдвигаться — по крайней мере Джесси казалось, что он сдвигался, — снова остановился. И на этот раз — намертво.

Ну да, разумеется. Он и должен был там застрять! — воскликнула Малыш. — Ты посмотри на руку, кожа вся завернулась. Если бы как-то ее распрямить...

Джесси вытянула руку вперед, так чтобы цепь наручника легла на запястье. А потом, пока руку опять не свело судорогой, резко рванула вниз. Со всей силы, которая еще оставалась. Дикая боль пронзила руку, когда браслет врезался в живое мясо между запястьем и серединой ладони, перед глазами поплыли алые круги. Вся содранная кожа собралась там сморщенным валиком, проходившим по диагонали от основания мизинца до основания большого пальца. На мгновение эта окровавленная масса задержала браслет, а потом закатилась под стальное кольцо с тихим влажным хлопом. Теперь оставался только костяной выступ под большим пальцем. Джесси потянула сильнее, но браслет не сдвигался. Он снова застрял.

Ну вот и все, — обреченно подумала она. — Всем спасибо, все свободны.

А потом, когда Джесси уже собиралась расслабить руку и сдаться, браслет проскользнул мимо косточки, которая так упорно и долго не давала ему сниматься, прошелся по кончикам пальцев и звякнул о деревянный столбик кровати. Все это случилось так быстро, что Джесси не сразу сообразила, что это все-таки произошло. Ее рука уже была мало похожа на ормальную человеческую руку, но это была *ее* рука, и она свободилась.

Освободилась.

Джесси перевела взгляд с пустого окровавленного наручника на свою изуродованную руку, и только тогда до нее начало доходить, что у нее все-таки получилось. *Похоже на птичку, которая попала в фабричный станок и выбралась с другого конца, — подумала она. — Но зато на мне больше нет наручника. Его действительно нет.*

— Даже не верится, — прохрипела она. — На самом деле не верится. Мать моя женщина...

Не отвлекайся, Джесси. Тебе надо спешить.

Она испуганно вздрогнула, как человек, которого неожиданно разбудили. Надо спешить? Да, конечно. Она не знала, сколько она потеряла крови — наверное, целую пин-

ту, если судить по пропитанному кровью матрасу и по алым струйкам, которые продолжали стекать вниз с полки, — но зато она знала, что если не остановить кровь сейчас же, она просто-напросто потеряет сознание, а путь от обморока до смерти будет уже недолгим. Как говорится, всего один шаг.

Ну уж нет, не дожидетесь, — подумала Джесси. Это снова был твердый и непреклонный голос, только теперь это был *ее* голос, а не какой-то там посторонний. И Джесси было приятно это осознать. — *Я пережила такие страсти вовсе не для того, чтобы хлопнуться в обморок и умереть. Я не читала контракт, но я почему-то уверена, что такого пункта в моем договоре нет.*

Ладно, но твои ноги...

Джесси вовсе не нуждалась в этом напоминании. Она больше суток провалилась на этой кровати, и хотя постоянно разминала ноги, насколько это было вообще возможно в ее положении, ей все же не стоило полагаться на них сейчас. Во всяком случае, в первое время. Вполне вероятно, что как только она попробует встать, у нее будут судороги или ноги просто подкосятся. Или и то, и другое вместе. Но кто предостережен, тот вооружен... кажется, так говорится. За свою жизнь Джесси вдоволь наслушалась подобных полезных советов (советов, которые исходили от неких таинственных мудрецов, обозначаемых местоимением «все» в сочетании «все говорят»), но ничто из того, что она видела по телевизору или читала в популярных журналах типа «Ридерз дайджест», не подготовило ее к тому, что она только что сделала. Она дошла до всего сама. Однако ей следует быть осторожной. Опять же, как говорится, лучше не зарываться.

Джесси перевернулась на левый бок. Изуродованная правая рука безжизненно волочилась за ней, как хвост воздушного змея или ржавая выхлопная труба старенького автомобиля. Джесси почти не чувствовала руки, и только страшная рана на тыльной стороне ладони — там, где кожа свернулась, обнажив сухожилия, — горела огнем. Боль была адской, и хуже всего было мерзкое ощущение, что правая рука сейчас просто-напросто отомрет, но, несмотря ни на что, Джесси была преисполнена торжествующей радости пополам с надеждой. Как здорово было осознать, что теперь она

может перекатиться набок и никакие наручники ей уже не помешают. Очередная судорога скрутила мышцы внизу живота, но Джесси не обратила на нее внимания. Она назвала свое состояние радостью?! Нет. Радость — это еще мягко сказано. Это была эйфория. Беспредельный восторг...

Джесси! Там край кровати! Господи, остановись!

Да. Только это было совсем не похоже на край кровати; скорее это было похоже на край света, как его изображали на старых картах времен Христофора Колумба. *И там, за краем, живут чудовища и кровожадные звери*, подумала Джесси. *Они тебя сразу сожрут. И в довершение ко всему ты еще вернешь левую руку, а то и вовсе сломаешь запястье. Остановись, Джесс.*

Но тело не подчинилось приказу. Оно продолжало переворачиваться — несмотря на все судороги и боли, — и Джесси едва успела повернуть левую руку в браслете наручника, чтобы действительно не сломать запястье, когда легла животом вниз на самом краю и скатилась с кровати. Ступни с глухим стуком ударились о пол, и Джесси закричала, но не только от боли. Она все-таки слезла с этой дурацкой кровати. У нее получилось коснуться ногами пола. *У нее получилось.*

Не сказать, чтобы все вышло удачно. Левая рука, все еще прикованная к столбику кровати, неуклюже торчала в сторону и вверх, а правая, неловко прижатая к груди, оказалась зажатой между Джессиным телом и боковиной кровати. Джесси чувствовала, как теплая кровь толчками льется из раны и стекает по груди.

Она приподняла голову и попробовала повернуть ее вбок. Ей пришлось подождать в этой болезненной и неудобной позиции, пока не пройдет новая судорога, которая парализующей болью пронзила спину от шеи до ягодиц. Простыня, к которой Джесси прижималась грудью и искалеченной правой рукой, уже пропиталась кровью.

Мне нужно встать, — сказала она себе. — Прямо сейчас, иначе я тут умру от потери крови.

Судорога в спине отпустила. Джесси подобрала под себя ноги и попыталась подняться. Она боялась, что ноги ее не

послушаются, но нет — они были совсем не такими слабыми и онемевшими, как она опасалась. На самом деле они были вполне даже дееспособны. Джесси осторожно выпрямилась. Наручник на левой руке скользнул вверх по столбику кровати и остановился, наткнувшись на следующую деревянную перекладину. Джесси было трудно поверить, что она действительно встала, а ведь в какой-то момент она уже начала отчаиваться. Но у нее все-таки получилось: она снова стоит на ногах, рядом с кроватью, которая была ее тюрьмой... и едва не стала могилой.

Нахлынуло чувство щемящей, пронзительной благодарности, но Джесси решительно подавила его в себе, как раньше она подавила панику. Время для благодарности будет потом, а сейчас у нее есть другое, более важное дело. Она все еще прикована к кровати, и ей надо как можно скорее освободиться. Потому что времени у нее мало. Пока что ее не мутит, голова не кружится, предобморочной слабости нет, но это еще ничего не значит. Если она потеряет сознание, то скорее всего это будет внезапно и резко. Она просто вырубится, и все.

Но все равно, разве это не здорово: просто встать на ноги — просто встать и больше ничего?! Даже выразить невозможно, как это здорово!

— Нет, — прохрипела Джесси. — Сейчас не время об этом думать.

Крепко прижав искромсанное запястье к левой груди, чтобы хотя бы слегка остановить кровь, она развернулась впопыхах и прижалась к стене ягодицами. Теперь Джесси стояла с левой стороны кровати в позе солдата, расслабившегося по команде «вольно». Она сделала глубокий вдох, заставляя себя оторвать правую руку от груди. Ждать больше нельзя. Пора делать дело.

Рука поднялась медленно и неохотно, как рука старенькой заводной игрушки, за которой никто не следит. Изрезанная ладонь легла на полочку в изголовье кровати. Безымянный палец и мизинец по-прежнему не слушались, но Джесси удалось ухватиться за полочку большим, указательным и средним пальцами и сбросить ее с креплений. Полка

упала на постель, на которой столько часов пролежала Джесси и на которой еще оставались отпечатки ее тела — вмятины в розовом стеганом матрасе, пропитанные потом, а сверху и кровью. Вид этих вмятин вызывал в Джесси злость, страх и слабость. Ей было противно на них смотреть. Ее это бесило.

Джесси перевела взгляд на свою дрожащую правую руку. Потом поднесла ее ко рту и попыталась вытащить зубами осколок стекла, застрявший под ногтем большого пальца. Стекло вроде бы поддалось, но потом прошло между зубами и вонзилось глубоко в десну. Больно особенно не было — просто быстрый и резкий укол. Кровь потекла на язык, сладковато-соленая и густая, как вишневый сироп от кашля, которым Джесси поили в детстве, когда она болела. Джесси даже не обратила внимания на эту новую ранку — за последние несколько минут она и не такое пережила. Она только крепче стиснула зубы, вытащила осколок из пальца и выплюнула его на кровать вместе с теплой алой кровью, переполнившей рот.

— Ладно, — пробормотала она и принялась протискиваться между стеной и спинкой кровати.

Кровать отодвинулась от стены на удивление легко — гораздо легче, чем смела надеяться Джесси. Впрочем, она никогда и не сомневалась, что кровать *можно* сдвинуть, если найти подходящую точку опоры. И она нашла эту точку опоры и принялась толкать ненавистную кровать по вошеному полу. Поначалу кровать постоянно сдвигалась вправо, потому что Джесси могла толкать только с левого края, но Джесси быстро под это подстроилась, и дело пошло быстрее. *Если удача приходит*, — размышляла она, — *то приходит во всем, Джесс. Да, ты порезала себе десну, но зато не наступила босой ногой на осколки стекла. Так что давай, дорогая, толкай кровать и продолжай считать свои...*

Нога наткнулась на что-то мягкое. Джесси опустила глаза и увидела, что это было пухлое плечо Джералда. Кровь из ее изрезанной правой руки капала ему на лицо и на грудь. Одна капля упала прямо на остекленевший открытый глаз. Джесси смотрела на мужа и не чувствовала ничего: ни жалости, ни ненависти, ни любви. Сейчас она чувствовала только ужас и отвращение к себе за то, что все чувства, которыми она жила

столько лет — так называемые чувства культурных людей, что составляют костяк любой «мыльной оперы», телевизионного ток-шоу или радиопередачи, куда слушатели звонят и делятся своими проблемами, — оказались такими мелкими и ничтожными по сравнению со стремлением выжить любой ценой. Джесси не знала, как это бывает у других, но в ее случае инстинкт выживания сметал все на своем пути, как безжалостный скребок бульдозера. Хотя случай действительно был критический, и Джесси почему-то не сомневалась, что, окажись на ее месте, скажем, Арсенио или Опра, они бы действовали почти так же, как действовала она.

— Прочь с дороги, Джералд. — Джесси пнула его ногой (при этом она испытала ни с чем не сравнимое удовольствие, но постеснялась признаться в этом даже себе самой). Джералд, однако, даже не шелохнулся. Как будто химические процессы, происходившие при разложении его тела, намертво приклеили его к полу. Только мухи жужжащим облаком поднялись с его развороченного живота. Только мухи — и все.

— Ну и хрен с тобой, — заключила Джесси и снова толкнула кровать. Ей удалось переступить через Джералда правой ногой, но левой пришлось наступить прямо ему на живот, при этом у него в горле раздался долгий хрипящий свист и из открытого рта вырвались вонючие газы. Хорошо еще, что немного.

— Можешь не извиняться, Джералд, — пробормотала Джесси и направилась дальше, даже не оглянувшись на мужа. Она смотрела на туалетный столик, где лежали ключи.

Как только она отошла от Джералда, мухи сразу же опустились на прежнее место. У них тоже было совсем мало времени, а сделать еще предстояло так много.

32

Больше всего Джесси боялась, что кровать зацепится за дверь ванной или за угол, и ей придется оттащить ее назад и разворачивать, как это бывает, когда ты пытаешься втиснуть громадный автомобиль на узкое свободное место на стоянке. Но как выяснилось, траектория движения кровати,

которая постоянно забирала чуть вправо, была почти что идеальной. Всего один раз Джесси пришлось чуть подправить направление и подтолкнуть свой край кровати немного вперед, чтобы правая сторона не уперлась в туалетный столик. И именно в этот момент — когда она толкала кровать, вцепившись в столбики обеими руками, низко наклонив голову и отключив задницу, — она почувствовала первые признаки слабости и головокружения. Она навалилась всем телом на деревянное изголовье, в точности как пьянчужка, которая назюзюкалась так, что не может стоять на ногах. Голова не просто кружилась. В голове *помутилось*. Ощущение было такое, что она разом лишилась всего — и не только способности мыслить и силы воли, но и чувствительности тоже. На мгновение ей показалось, что время разорвалось и повернуло вспять, и она оказалась *не здесь* — тоже у воды, но не на Дак-Скоре и не на Кашвакамаке, а в каком-то совсем другом месте, и не на озере даже, а скорее на море. Там пахло не устрицами и медью, а морской солью. Опять был день солнечного затмения, но это единственное, что совпадало. Она спряталась в кустах ежевики, спасаясь от какого-то другого мужчины — от какого-то другого папы, который хотел сделать с ней кое-что посерьезнее, чем просто забрызгать ее трусы. И теперь он лежал на дне колодца.

Нахлынуло ощущение *дежа-вю*.

О Господи, что это? — подумала Джесси, но ответа не было. Только снова это загадочное видение, о котором она вспоминала с тех пор, как в день затмения зашла к себе переодеться — к себе в комнату, перегороденную веревкой с *исунками*: худощавая женщина в домашнем платье, темные волосы собраны на затылке в пучок... а рядом с ней, на земле, какая-то белая смятая ткань, вроде бы нижняя юбка.

Спокойно, — сказала себе Джесси, вцепившись в столбик кровати изрезанной правой рукой и уже из последних сил пытаясь устоять на ногах. — *Держись, Джесси... держись. Просто не обращай внимания. Ни на женщину, ни на запахи, ни на темноту. Держись, и темнота пройдет.*

Она удержалась, и темнота отступила. Первым поблекло видение с худенькой женщиной, стоявшей на коленях и глядящей в дыру в прогнивших трухлявых досках над старым ко-

лодцем, а потом постепенно рассеялась и темнота. Спальня вновь озарилась мягким приглушенным светом — таким светом, который и должен быть в пять часов вечера ясным осенним днем. В косых лучах света, что падали из окна с видом на озеро, плясали искрящиеся пылинки. Теперь Джесси снова их видела. Пылинки в лучах и тень своих ног на полу. Посередине тень от ног преломлялась, так что тень остального тела лежала уже на стене. Темнота отступила, оставив лишь звон в ушах. Джесси опустила глаза и увидела, что ноги у нее все в крови. Она шла по крови, она истекала кровью.

У тебя мало времени, Джесси.

Она это знала.

Она опять навалилась грудью на деревянное изголовье. На этот раз сдвинуть кровать с места оказалось труднее, но Джесси все-таки справилась с этой задачей и две минуты спустя встала перед туалетным столиком, на который так долго, так вожделенно и так безнадежно смотрела с другого конца комнаты. Едва заметная дрожь — сухое подобие улыбки — тронула уголки ее губ. *Я похожа на человека, который всю жизнь мечтал повидать черные пески Коны и не поверил своим глазам, когда все-таки их увидел, —* подумалось ей. — *Это похоже на сон, на еще один сон, пусть даже очень живой и реальный — из тех снов, в которых ты чувствуешь, как у тебя чешется нос.*

Нос у нее не чесался, но вот на туалетном столике лежал смятый галстук Джералда, и на нем был завязан узел. Такие детали вряд ли заметишь даже в самом что ни на есть реалистичном сне. А рядом с галстуком лежало два одинаковых маленьких круглых ключика. Ключи от наручников.

Джесси поднесла правую руку к лицу и критически осмотрела изрезанную кисть. Мизинец и безымянный палец по-прежнему не двигались и ничего не чувствовали. На миг Джесси задумалась, насколько серьезно она повредила себе нервные окончания, но тут же отбросила эту мысль. С этой проблемой она разберется потом — как и с другими проблемами, которые отложила «на потом» на время поездки с мужем к озеру, — а сейчас повреждение нервов на правой руке занимало ее не больше, чем стоимость фьючерсных сделок на рыбий жир в штате Омаха. Самое главное, что большой, указательный и средний пальцы все еще действовали. Они,

правда, немного дрожали — словно от потрясения, что их давние соседи, мизинец и безымянный палец, так внезапно покинули их в самый ответственный момент, — но зато слушались.

Джесси склонила голову и заговорила, обращаясь к своим еще дееспособным пальцам:

— Давайте-ка прекращайте дрожать. Потом можете хоть всю жизнь трястись, если хотите, но сейчас вы должны мне помочь. Вы *должны* мне помочь. — Да. Потому что одна только мысль о том, что она уронит ключи или собьет их со столика после всего, что проделала и что пережила... нет, даже думать об этом не стоит. Она строго смотрела на свои пальцы. Дрожать они не перестали, но под пристальным взглядом Джесси крупная дрожь все-таки унялась и превратилась в слабое подрагивание.

— Ладно, — тихо проговорила она. — Не знаю, достаточно этого или нет, но мы сейчас это выясним.

По крайней мере там было два ключа. То есть два шанса. Джесси совсем не казалось странным, что Джералд привез с собой оба ключа. Он был педантом во всем, и не будь он педантом, он бы не был Джералдом. Муж любил повторять, что в умении учитывать непредвиденные обстоятельства и заключается разница между хорошим стратегом и великим стратегом. Но на этот раз было одно непредвиденное обстоятельство, которое он не учел, — сердечный приступ и пинок, го спровоцировавший. И в результате Джералд оказался вообще никаким стратегом: ни хорошим, ни великим, а только мертвым.

— Собачий обед, — пробормотала Джесси, даже не замечая, что говорит это вслух. — Раньше наш Джералд всегда побеждал, пока на ужин к псу не попал. Вот такие дела. Правда, Рут? Правда, Малыш?

Она зажала маленький стальной ключик между большим и указательным пальцами своей израненной правой руки (как только она прикоснулась к холодному металлу, снова вернулось то странное ощущение, как будто все это сон), подняла его, посмотрела, потом взглянула на наручник на левой руке. Замок — маленькая круглая пимпочка — располагался сбоку; Джесси он почему-то напомнил звонок на двери черного хода

в богатом доме. Для того чтобы открыть замок, надо было надеть полый ключ на пимпочку, а когда она встанет на место, просто повернуть ключ.

Она поднесла ключ к замку, но тут накатилась новая волна слабости. В глазах опять потемнело. Джесси пошатнулась и снова вспомнила Карла Валленду*. Рука опять задрожала.

— Прекрати! — выкрикнула Джесси и отчаянно ткнула ключом в замок. — Прекрати...

Ключ не попал на пимпочку. Он ударился о твердую сталь и повернулся в скользких от крови пальцах. Еще секунду Джесси держала его в руке, но потом он выскользнул — словно намазанный жиром — и упал на пол. Теперь у нее оставался всего один ключ, и если он тоже выскользнет...

Этот не выскользнет, — отозвалась Малыш. — Точно не выскользнет, не сомневайся. Давай бери его и открывай замок, пока тебе еще хватает решимости.

Джесси согнула правую руку и поднесла пальцы к глазам. Осмотрела их очень внимательно. Дрожь вроде бы унималась. Конечно, лучше было бы дождаться, пока она не пройдет совсем, но ждать было нельзя. Джесси боялась потерять сознание.

Она протянула дрожащую руку к оставшемуся ключу и едва не смахнула его со столика. Очень трудно взять маленький ключик, когда ты ничего не чувствуешь, а онемение в пальцах не проходило никак. Джесси сделала глубокий вдох, задержала дыхание, сжала руку в кулак — хотя это было больно и опять потекла кровь — и медленно выдохнула воздух. Ей стало немного лучше. На этот раз, вместо того чтобы пытаться сразу поднять ключ, она прижала его указательным пальцем и сдвинула к краю столика.

Только не урони его, Джесси, — простонала примерная жenuшка. — Если ты и его тоже уронишь...

— Слушай, заткнись, — рявкнула на нее Джесси и подхватила ключик снизу большим пальцем. Стараясь не думать о том, что будет, если и в этот раз у нее ничего не получится, она взяла ключ и поднесла его к замочку на левом наруч-

* Карл Валленда (1905–1978), артист цирка, канатоходец, постановщик опасных трюков. Разбился, переходя по натянутой проволоке между двумя 10-этажными зданиями.

нике. Рука дрожала, и Джесси никак не могла насадить ключ на пимпочку замка. Это было ужасно, а потом сделалось еще хуже, когда замок начал двоиться... и четвериться. Она крепко зажмурилась, сделала глубокий вдох и открыла глаза. Теперь все было нормально — замок был один. Она быстро надела ключ на стальной шарик, пока замок снова не начал двоиться.

Потом она нажала ключом на пимпочку, одновременно провернув его по часовой стрелке. Но ничего не случилось. Панический ужас встал комом в горле, но тут Джесси вспомнила старенький грузовичок Билла Данна, который работал здесь сторожем. Совершенно раздолбанный ржавый грузовичок с юморной наклейкой на заднем бампере: НАЛЕВО — СВОБОДНО, НАПРАВО — НАПРЯЖНО. А сверху был изображен большой шуруп.

— Налево — свободно, — пробормотала Джесси и попробовала повернуть ключ против часовой стрелки. В первый момент она даже не поняла, что наручник открылся. Ей показалось, что слабый щелчок, который она услышала, провернув ключ, означал только то, что ключ сломался в замке. Она в отчаянии закричала, и кровь из порезанной десны брызнула на столик. Несколько капель попало на галстук Джералда: красное на красном. А потом Джесси увидела, что замок с защелками открыт, и только тогда наконец осознала, то у нее получилось. У нее все-таки *получилось*.

Теперь Джесси Берлингейм оставалось лишь вытащить руку из браслета открытых наручников. Запястье немного припухло, но никаких повреждений вроде бы не наблюдалось. Медленно, чуть ли не благоговейно Джесси поднесла обе руки к лицу. Какое-то время она просто смотрела на них, переводя удивленный взгляд с одной руки на другую. И сейчас ее вовсе не волновало, что правая рука вся в крови. Об этом она будет думать потом. А сейчас ей хотелось лишь одного — убедиться, что она действительно освободилась.

Почти полминуты она рассматривала свои руки — левую-правую, левую-правую, — как человек, наблюдающий за партией в настольный теннис. Потом сделала глубокий вдох, запрокинула голову и пронзительно закричала. Слабость вновь накатила волной черноты — злобной, громадной и гладкой, —

но Джесси просто ее не заметила. Она продолжала кричать. Ей казалось, что у нее просто нет выбора: или кричать, или умереть. В этом пронзительном, режущем вопле явно сквозило безумие, но в основном это был торжествующий крик победы. В двухстах ярдах от домика, в лесу у начала подъездной дорожки, бывший Принц поднял голову и с опаской взглянул на дом.

Джесси казалось, что она никогда уже не сумеет оторвать взгляд от рук. Никогда не перестанет кричать. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного, и где-то в глубинах сознания родилась шальная мысль: *Это лучше, чем секс. Будь секс хотя бы наполовину таким же классным, все бы трахались прямо на улицах... и ничто бы им не помешало.*

А потом ей просто не хватило воздуха. Ее качнуло назад. Она попыталась схватиться за перекладину в изголовье кровати, но промахнулась и упала на пол. Уже в падении она осознала, что какая-то ее часть по привычке ждала, что цепи наручников удержат ее и не дадут упасть. Очень забавно, если подумать.

Падая, Джесси задела открытую рану на внутренней стороне запястья. Боль пронзила всю правую руку, прожгла как огнем. Джесси опять закричала — на этот раз *только* от боли, — но тут же умолкла, почувствовав, что теряет сознание. Она открыла глаза и уставилась на изуродованное лицо мужа. Джералд смотрел на нее мертвым взглядом, в котором застыло бесконечное удивление: *Со мной не должно было это случиться. Я — преуспевающий адвокат, у меня отдельный кабинет.* А потом муха, которая чистила лапки на верхней губе Джералда, заползла ему в ноздрю, и Джесси резко отвернулась и так приложилась затылком об пол, что из глаз посыпались искры. Когда она снова открыла глаза, ее взгляд наткнулся на спинку кровати в тошнотворных кровавых подтеках. Еще пару секунд назад она стояла вон там, у кровати. Ну да, конечно, она там стояла... но сейчас в это как-то не верилось. С пола эта гребаная кровать казалась примерно такой же громадной, как Крайслер-билдинг.

Вставай, Джесс! Это была Малыш, которая снова орала своим настойчивым пронзительным голосом. Если эта ма-

лышка с ангельски милой мордашкой хотела чего-то добиться, она становилась настоящей стервой.

— Нет, не стервой, — поправилась Джесси вслух и закрыла глаза. Уголки рта тронула мечтательная улыбка. — Скрипучим колесом.

Вставай, черт возьми!

Я не могу. Мне нужно сперва отдохнуть.

Если ты сейчас не поднимешься, тогда уже точно в гробу отдохнешь. Давай поднимай свою жирную задницу.

Вот это Джесси задело.

— Никакая она не жирная, миссис Злой Язычок, — обиженно пробормотала Джесси и попробовала встать на ноги. Но после второй неудачной попытки (когда очередная парализующая судорога скрутила ей диафрагму) она убедилась, что мысль, чтобы подняться, была не самой удачной идеей. Во всяком случае, в данный конкретный момент. Тем более что когда она встанет, надо будет как-то решать еще одну небольшую проблему. Ей хотелось в туалет, а изножье кровати теперь загораживало дверь в ванную, поэтому лучше вообще не вставать, а проползти под кроватью.

Джесси так и сделала. Она скользила на животе, отталкиваясь от пола руками. Ее движения напоминали движения лодки и были почти грациозны. По пути она дула на редкие комочки пыли, чтобы они не лезли в глаза. Они отлетали, как легкие серые шарики перекати-поля. По непонятным причинам эти шарики пыли ассоциировались у Джесси с женщиной из видения — с женщиной, которая стоит на коленях в зарослях ежевики, а рядом с ней на земле валяется ее белая нижняя юбка. Джесси вползла в полумрак ванной комнаты, и новый запах ударил ей в ноздри: насыщенный запах влаги — чуть застоялой воды. Вода сочилась из крана, капала из душа. Вода текла в трубах. Джесси чувствовала даже запах влажного полотенца в корзине за дверью. Вода, повсюду вода — вода, которую можно пить. Всю. Пересохшее горло свело, и Джесси вдруг поняла, что она *прикасается* к воде — к маленькой лужице из-под протекающей трубы над раковиной, которую водопроводчик никак не мог починить, хотя его просили об этом неоднократно. Задышавшись, Джесси подползла к лужице, наклонила голову и принялась слизывать воду прямо с

пола. Вкус у воды был просто неопишуемым — шелковистая влага на языке и губах, которая слаще любой сладострастной мечты.

Единственная проблема в том, что этой воды было мало. Этот чарующе влажный, обольстительно *зеленый* запах был повсюду, но лужица под раковиной иссякла, а жажда не только не унялась, но стала даже сильнее. Этот запах, запах чистых ключей в тенистых лесах и старых потаенных колодцев, сделал то, чего не сумела добиться Малыш. Он заставил Джесси встать на ноги.

Она поднялась, тяжело опираясь на раковину. Краем глаза она уловила свое отражение в зеркале — отражение восьмисотлетней старухи, — но не стала приглядываться. Она открыла холодную воду, и из крана полилась вода — прозрачная, чистая вода. Вся вода в мире. Джесси хотелось опять торжествующе заорать, но на этот раз она сумела выдавить из себя только сухой хриплый шепот. Она наклонилась над раковиной, жадно хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, и погрузилась в этот пьянящий запах, запах колодезной воды. Это был тот же самый запах минералов, который преследовал ее столько лет — с тех пор, как отец приставал к ней в день затмения, — но сейчас он не казался противным и страшным. Раньше это был запах стыда и страха, а теперь это был запах жизни. Джесси радостно вдохнула его полной грудью и подставила рот под струю воды. Она пила и пила, пока сильная, хотя и совсем не болезненная судорога не скрутила живот и ее не вырвало. Вода не успела нагреться в желудке и вылилась еще прохладной. Несколько розовых капель попало на зеркало. Джесси сделала пару глубоких вдохов и попробовала еще раз.

И на этот раз ей удалось удержать воду в желудке.

33

Напившись воды, Джесси буквально ожила. Когда она наконец оторвалась от крана и снова взглянула на себя в зеркало, то хотя бы была похожа на человека. Слабая, истерзанная, едва стоящая на ногах... но все же живая и, как говорится, в своем уме. Ей подумалось, что никогда в жиз-

ни она не испытывала — и вряд ли когда-нибудь испытает еще раз — такого пронзительного наслаждения, которое ей подарили первые несколько глотков этой прохладной воды из-под крана. Разве что первый в жизни оргазм может примерно сравниться с этим восхитительным ощущением. В обоих случаях она полностью отдалась во власть физического желания, все сознательные мысли (но не само сознание) отключились, и в результате она получила полнейший экстаз. *Я никогда этого не забуду*, подумала Джесси, хотя прекрасно осознавала, что уже забыла это запредельное ощущение, точно так же, как забыла восхитительно сладостную остроту того первого оргазма, как только иссяк огонь, разливавшийся по нервам. Как будто тело само по себе презирало память... или просто отказывалось от нее.

Сейчас не время для праздных раздумий, Джесси. Тебе нужно спешить!

Прекрати на меня орать, мысленно огрызнулась Джесси. Разрезанное запястье еще слегка кровоточило и саднило ужасно; а кровать, отражавшаяся в зеркале над раковиной, являла собой зрелище поистине устрашающее — матрас, пропитанный кровью, и деревянное изголовье в кровавых подтеках. Джесси где-то читала, что даже при сильной потере крови человек может держаться достаточно долго, но потом наступает такой момент, когда силы разом его оставляют и он становится абсолютно беспомощным. И если рядом с ним никого нет... в общем, лучше до этого не доводить.

Она открыла аптечку, взглянула на упаковку бинтов и хрипло рассмеялась. Потом ее взгляд наткнулся на пакет с прокладками «Always», скромно спрятанный за флаконами с духами, одеколонами и Джералдовыми лосьонами после бритья. Вытаскивая пакет, Джесси сбила несколько флаконов, и в воздухе разлился удушающий аромат смешанных запахов. Джесси содрала бумажную упаковку с одной прокладки и обернула ее вокруг запястья наподобие толстого мягкого браслета. Красные капельки проступили на белой прокладке почти мгновенно.

Кто бы мог подумать, что в теле жены адвоката будет столько крови?! — подумала Джесси и опять рассмеялась. В аптечке нашелся и рулончик пластыря. Она взяла его левой

рукой, потому что правая была уже ни на что не способна — только болеть и кровоточить. И все же Джесси не стала на нее сердиться. Когда она больше всего в ней нуждалась, когда у нее не было ничего другого, именно эта рука взяла ключ, вставила его в замок и освободила ее от наручников. Нет, Джесси совсем не сердилась на миссис Правую Руку.

Это была ты, Джесси, — сказала Малыш. — Я имею в виду... мы все — это ты. И ты это знаешь, правда?

Да. Она это знала.

Она содрала упаковку с пластыря и, неуклюже зажав его правой рукой, подцепила конец липкой ленточки большим пальцем левой. Потом опять взяла рулончик в левую руку, прижала отлепленный кончик пластыря к своей импровизированной повязке и несколько раз обернула пластырь вокруг запястья, стараясь как можно туже прижать к ране прокладку, которая уже стала липкой от крови. Закончив с повязкой, Джесси оторвала пластырь зубами, немного подумала, отмотала еще пластыря и туго перетянула им руку чуть ниже локтя. На всякий случай. Она не знала, много ли пользы будет от этого импровизированного жгута, но решила на всякий случай перестраховаться. Вреда-то уж точно не будет.

Она снова оторвала пластырь зубами и уронила изрядно отощавший рулончик на полочку над раковиной. На средней полке шкафчика с аптечкой стоял зеленый пузырек с экседрином. Слава Богу, крышка на нем был самая простенькая — без всяких там хитрых защелок, чтобы ее не открыли маленькие дети. Джесси взяла пузырек левой рукой и сняла крышку зубами. В ноздри ударил резкий запах аспирина — едкий, немного уксусный.

Лучше не стоит, — встревожилась женушка. — Аспирин разжижает кровь, она от него медленнее сворачивается.

Да, наверное. Но поврежденные нервы на тыльной стороне правой ладони горели огнем, и если не заглушить эту боль немедленно, то уже через пару минут — во всяком случае, так казалось Джесси — она будет кататься по полу и выть в потолок. Она взяла в рот две таблетки, немного подумала и взяла еще две. Потом снова открыла воду, проглотила таблетки и виновато взглянула на импровизированную повязку на правом запястье. Белая прокладка почти вся пропиталась

кровью, очень скоро ее можно будет снимать и выжимать. И кровь потечет, как горячая красная вода... Кошмарный образ. И самое главное, очень привязчивый. Он засел у нее в голове, и от него было никак не избавиться.

Если тебе станет хуже... — начала было женушка страдальческим голосом.

Слушай, заткнись, — оборвал ее голос Рут. Она говорила резко, но все же беззлобно. — *Если я умру от потери крови, то вряд ли тому поспособствуют четыре таблетки аспирина... после того как я себе всю руку ободрала чуть ли не до кости, пытаюсь выбраться из этих проклятых наручников. Это уже сюрреализм какой-то!*

Да, действительно. Теперь *все* казалось сюрреализмом. Разве что «сюрреализм» — не совсем верное слово. А верное слово...

— *Гипер-реализм,* — задумчиво произнесла Джесси.

Да, именно так. Джесси повернулась к двери и испуганно замерла. Она уже не двигалась, но у нее было стойкое ощущение, что она *все еще* оборачивается. На мгновение ей представилась такая картина: десятки Джесси — целая вереница образов, наложенных друг на друга, — и каждая как отдельный фрагмент единого движения. Как застывший кадр, вырезанный из фильма. А потом ей стало уже по-настоящему страшно, когда она увидела, что золотистые лучи солнца, падающие из западного окна, приобрели чуть ли не вещественную плотность — они были похожи на лоскуты ярко-желтой змеиной кожи. Пылинки, пляшущие в лучах света, превратились в россыпи бриллиантовой крошки. Джесси слышала, как стучит ее сердце, чувствовала смешанный запах крови и колодезной воды. Такое ощущение, как будто нюхает старую медную трубу.

Кажется, я сейчас хлопнусь в обморок.

Нет, Джесси, не хлопнешься. Сейчас нельзя.

Да, все правильно. Но Джесси была уверена, что все равно потеряет сознание. И тут уже ничего нельзя сделать.

Нет, можно. И ты даже знаешь, что именно.

Джесси поднесла к лицу свою изуродованную ободранную руку. На самом деле ей даже не нужно было что-либо *делать* — просто расслабить мышцы на правой руке. А все остальное сде-

лает сила тяжести. Рука упадет и ударится о край раковины, и если боль от удара не вытащит Джесси из подступающей тьмы, тогда она даже не знала, что ее вытащит. Еще пару секунд она постояла, прижимая больную руку к испачканной кровью левой груди и морально готовясь к тому, что задумала. А потом осторожно опустила руку. Она не могла... просто не могла и все. Это было бы уже слишком. Ей не нужна была лишняя боль.

Тогда шевелись, пока действительно не отрубилась.

Я не могу, — мысленно отозвалась она. Ей было не просто плохо. Ощущение было такое, как будто она только что выкурила в одиночку целую коробку ядерных сигар. Ей уже ничего не хотелось — только стоять и смотреть на бриллиантовые пылинки, искрившиеся в лучах света из западного окна. И может быть, выпить еще немного этой темно-зеленой воды с болотным привкусом.

— О Господи, — испуганно выдохнула она. — Господи Боже.

Тебе нужно выйти из ванной, Джесси... обязательно нужно выйти. Все остальное сейчас не важно. Только на этот раз лезь по кровати. Я не уверена, что у тебя хватит сил проползти под кроватью.

Но... но там, на кровати, битое стекло. А вдруг я порежусь?

Тут снова вступила Рут, и она была просто взбешена.

Ты и так уже расплосовала себе запястье и ободрала почти всю кожу с руки... и ты считаешь, что парочка мелких порезов хоть что-то значит?! Господи Боже, лапуля, а если ты тут умрешь, в этой ванной, с прокладкой, которой сама знаешь что затыкают, на руке и с глупой улыбкой на рожке?! Как тебе перспектива? Давай шевелись, идиотка!

Два осторожных шага — и Джесси встала в дверях. Она постояла там пару секунд, пошатываясь и щурясь на солнечный свет, как человек, который весь день просидел в кинотеатре. Еще шаг — и она подошла вплотную к кровати. Коснувшись ногами залитого кровью матраса, она осторожно приподняла левое колено, схватилась за столбик кровати, чтобы не потерять равновесие, и взобралась на постель. Омерзение и страх накрыли ее волной. Она была к этому не гото-

ва. Хотя, по здравом размышлении, наверное, так и должно было быть. Джесси подумалось, что она никогда больше не сможет здесь спать... все равно что спать в собственном гробу. Она еще ничего не сделала, только встала на колени на эту постель, а ей уже хотелось закричать.

Мать твою, Джесси. Тебе не нужно здесь спать. Тебе нужно всего лишь переползти на ту сторону.

Кое-как ей удалось справиться с этой задачей и даже не задеть полку и не напороться на осколки стекла. Каждый раз, когда она натыкалась взглядом на наручники, висевшие на столбиках в изголовье — один открытый, второй закрытый и весь в крови, в ее крови, — она тихонько стонала от отвращения. Для нее это были не просто наручники, то есть неодушевленные вещи. Они казались живыми. И по-прежнему голодными.

Она добралась до той стороны кровати, схватилась за столбик здоровой левой рукой, осторожно развернулась на коленях, легла на живот и спустила ноги на пол. На какой-то ужасный миг ей показалось, что не хватит сил снова подняться на ноги; что она будет просто лежать здесь, совершенно беспомощная, пока не потеряет сознание и не сползет с кровати. Но потом она сделала глубокий вдох и оттолкнулась левой рукой. Через секунду она уже стояла на ногах. Ее сильно шатало, гораздо сильнее, чем раньше — самой себе Джесси напоминала матроса, мающегося похмельем, который ранним воскресным утром возвращается на корабль после веселой дружеской попойки на берегу, — но она все-таки встала. В голове опять помутилось. Словно разум накрыла тень пиратского галеона с черными парусами. Или мрак солнечного затмения.

Ослепленная этой густой темнотой, едва держащаяся на ногах, Джесси подумала: *Пожалуйста, Боже, не дай мне сейчас потерять сознание. Я не хочу умирать. Ну пожалуйста, Господи. Хорошо?*

Чернота перед глазами постепенно рассеялась. Когда Джесси решила, что у нее в голове достаточно просветлело, она направилась к столику с телефоном. Она шла очень медленно, выставив левую руку перед собой, чтобы лучше удерживать равновесие. Добравшись до телефона, она сняла трубку — которая

весила, как «Полный Оксфордский энциклопедический словарь», — и поднесла ее к уху. Ни гудков, ни шумов. Мертвая тишина на линии. Джесси почему-то не удивилась, но зато у нее появился вопрос: это Джералд отключил телефон из розетки, как он иногда это делал, когда они приезжали сюда, или это ночной гость перерезал провод?

— Это не Джералд, — прохрипела она. — Если бы это был Джералд, я бы запомнила.

Но потом она сообразила, что это вовсе не обязательно — сразу же по приезде она побежала в ванную. Он мог отключить телефон, пока она была в душе. Она наклонилась, взялась за черный шнур, который шел от аппарата к розетке за креслом, и потянула. Сперва провод вроде бы поддался, но потом стало ясно, что она ошиблась. И даже то, что провод поддавался вначале, вполне могло ей показаться. Джесси прекрасно осознала, что сейчас доверять своим чувствам нельзя. Конечно, розетка могла зацепиться за кресло, но...

Нет, — возразила примерная женушка. — Он не поддался. Он вставлен в розетку. Джералд его не выключал. А телефон не работает потому, что то существо, которое было здесь прошлой ночью, перерезало провод.

Не слушай ее. Ты же знаешь, какая она паникерша — собственной тени пугается, — отозвалась Рут. — Наверняка он зацепился за ножку кресла. Я в этом даже не сомневаюсь. Тем более что это легко проверить.

Конечно, проверить легко. Всего-то и нужно, что отодвинуть кресло и посмотреть. И если телефон отключен от розетки, то надо его включить.

А если ты его включишь, а он по-прежнему не будет работать? — спросила женушка. — Тогда ты поймешь, что все далеко не так радужно, как ты себя уговариваешь.

Рут: Прекрати уже ныть. Тебе нужна помощь. Причем немедленно.

Да, все правильно. Но при одной только мысли о том, что сейчас ей придется двигать тяжелое кресло, Джесси впала в уныние. Скорее всего она его сдвинет: хоть и большое, оно все равно весит значительно меньше, чем двуспальная кровать из красного дерева, а ей удалось протащить кровать через всю комнату... так что дело совсем не в том, что кресло

окажется слишком тяжелым. Просто думать об этом было тяжело. Тем более что отодвинуть кресло — это только начало. Потом нужно встать на колени... и заполнить в пыльный угол за креслом... и найти там розетку...

Господи, лапотька ты моя! — воскликнула Рут. И теперь ее голос звучал встревоженно. — *У тебя все равно нет выбора! По-моему, мы уже все согласились хотя бы в одном: что тебе нужна помощь, причем немедле...*

Джесси решительно отгородилась от голоса Рут, оборвав его на полуслове. Вместо того чтобы двигать кресло, она перегнулась через него, подобрала с пола свою юбку-брюки и осторожно ее надела. Она тут же измазала весь перед юбки кровью, просочившейся сквозь повязку на правом запястье, но даже этого не заметила. Сейчас она сосредоточилась только на том, чтобы не слушать этот безумный хор разозленных, растерянных голосов. А кто, интересно, вообще пустил к ней в голову этих кошмарных и надоедливых персонажей?! Наверное, что-то подобное испытывает человек, который, проснувшись утром, вдруг обнаруживает, что у него в доме полно посторонних людей. Что бы Джесси ни собиралась сделать, все голоса сразу же принимались спорить и выражать недоверие в успех «безнадежного предприятия». И так — каждый раз. Но Джесси вдруг поняла, что ей на них наплевать. Это ее жизнь, в конце концов. Ее жизнь.

Она подняла с пола блузку и просунула в нее голову. Вчера было очень тепло, поэтому Джесси надела блузку без рукавов. И вот сейчас — в своем потрясении и растерянности — она решила, что это незначительное вроде бы обстоятельство служит истинным доказательством существования Господа Бога. Все очень просто: вряд ли бы ей удалось продеть изрезанную большую руку в длинный рукав, а так она может спокойно влезть в блузку. Значит, Бог все-таки есть.

Что я делаю?! — сказала она себе. — Это же полный идиотизм, и я это знаю и без подсказок каких-то там воображаемых голосов. Я всерьез собираюсь одеться, дойти до машины и уехать отсюда... ну, или хотя бы попробовать... хотя мне всего-то и нужно, что отодвинуть это дурацкое кресло и включить телефон в розетку. Это, наверное, из-за потери крови... у меня в голове помутилось. Вот и приходят такие безумные

мысли. Господи, это кресло весит не больше пятидесяти фунтов... Я почти спасена.

Да. Но дело было совсем не в кресле. И даже не в том, что ребята из спасательной службы найдут ее в одной комнате с голым изжеванным трупом мужа. Джесси ни капельки не сомневалась, что ей хватило бы сил самой доехать до города на машине, даже если бы телефон работал и она уже вызвала бы сюда полицию, «скорую помощь» и марширующий духовой оркестр в придачу. Потому что дело было не в телефоне... вовсе нет. Дело было... ну, ладно...

Дело в том, что мне нужно как можно скорее выбираться отсюда, — подумала Джесси и вздрогнула. По голым рукам побежали мурашки. — *Потому что то существо вернется.*

Да, *то существо.* Проблема была не в Джералде, и не в кресле, и не в том, что подумают спасатели, когда приедут сюда и оценят обстановку. Проблема была даже не в телефоне. Проблема была в космическом ковбое, в ее старом приятеле Докторе Погибели. *Вот почему* она сейчас одевается и проливает еще больше крови, которой и так потеряла немало, вместо того чтобы наладить общение с внешним миром. Тот незнакомец был где-то поблизости; в этом она даже не сомневалась. Он лишь дожидался, пока не стемнеет. А стемнеет уже очень скоро. Если она потеряет сознание, пока будет двигать кресло или ползать в пыли за креслом, то может и не успеть прийти в себя до его появления. Она может *вообще* не прийти в себя. И когда он придет со своим чемоданчиком, полным костей, она будет лежать тут совсем одна, полностью в его власти, совершенно беспомощная. И хуже того — может быть, еще живая.

Тем более что ее ночной гость действительно *перерезал* провод. Она не могла это знать наверняка... но чувствовала сердцем. Даже если она сдвинет кресло и подсоединит телефон к розетке, он все равно будет молчать. Как и телефон в кухне, и в прихожей.

И потом, что в этом такого? — сказала она своим голосам. — *Я собираюсь доехать до главной дороги. Не такое уж и большое дело, и особенно после того, как я сама себе руку разрезала чуть ли не до кости, а потом еще толкала двуспальную*

кровать через всю комнату, потеряв предварительно пинту крови. Да это вообще пустяки. «Мерседес» — хорошая машина, и он стоит даже не в гараже, а на подъездной дорожке. А дорога до шоссе прямая. Я доеду до 117-го шоссе на скорости десять миль в час, и если почувствую слабость... если почувствую, что не сумею доехать до ближайшего придорожного супермаркета, я просто остановлюсь посередине шоссе, включу все фары и габаритки и буду сигналить, когда увижу, что кто-нибудь едет. Вполне реальный план. Он должен сработать. Тем более что местность там ровная, и дорога просматривается мили на полторы в обе стороны. И потом, машина же закрывается. И это огромное преимущество. Когда сяду в машину, я закрою все дверцы. И оно до меня не доберется.

Оно, — фыркнула Рут. Вернее, лишь попыталась фыркнуть. Потому что Джесси показалось, что Рут боится. Да, даже бесстрашная Рут.

Да, все верно, — отозвалась Джесси. — Разве не ты всегда говорила, что мне давно пора перестать думать головой и больше слушать, что подсказывает сердце? Что только так правильно. И знаешь, Рут, что мне сейчас подсказывает мое сердце? Что «мерседес» — мой единственный шанс на спасение. А если тебе смешно, то, пожалуйста, смейся... но я уже все решила.

Рут, похоже, совсем не хотелось смеяться. Она замолчала.

Джералд отдал мне ключи как раз перед тем, как выйти из машины. Он еще забирал свой портфель с заднего сиденья. Да, отдал их мне, я точно помню. Господи, сделай так, чтобы ямять меня не подвела.

Джесси запустила руку в левый карман юбки, но там обнаружилась только пара бумажных носовых платков. Потом опустила правую руку, осторожно прижала ее к правому карману и с облегчением вздохнула, нащупав там знакомую связку ключей от машины на круглом брелоке, который Джералд подарил ей на прошлый день рождения. На брелоке была шутливая надпись: ТЫ СЕКСАПИЛЬНАЯ ШТУЧКА. Джесси подумалось, что никогда в жизни она не чувствовала себя настолько несексапильной и настолько «штучкой», то есть, попросту говоря, вещью. Но это ничего. С этим еще можно

жить. Самое главное — ключи у нее к кармане. Ключи от машины — пропуск на выход из этого страшного места.

Ее спортивные туфли стояли под столиком с телефоном, но Джесси решила, что и так уже вполне одета. Она медленно направилась к двери в коридор, ступая очень осторожно, мелкими, неуверенными шажками. Прежде чем выйти из дома, надо попробовать телефон в прихожей, сказала она себе. Вряд ли он будет работать... но проверить все-таки не помешает.

Она едва обогнула изголовье кровати, как свет в глазах снова стал меркнуть. Такое впечатление, что луч света из западного окна был подсоединен к генератору и кто-то постепенно убавлял мощность. По мере того как свет солнца тускнел, гасли и бриллиантовые пылинки, пляшущие в луче.

Нет, только не сейчас, мысленно взмолилась Джесси. *Пожалуйста... не шути так со мной.* Но свет продолжал меркнуть, и Джесси вдруг поняла, что ее снова шатает. Она хотела ухватиться за столбик кровати, но слегка промахнулась и уцепилась за окровавленный наручник, из которого только недавно освободилась.

Двадцатое июля шестьдесят третьего года, подумалось ей ни с того ни с сего. *Семнадцать часов сорок две минуты. Полное солнечное затмение. У кого-нибудь есть доказательства?*

В ноздри ударил смешанный запах пота, спермы и отцовского одеколona. Она едва не задохнулась, а потом накатил кошмарная слабость. Ей удалось сделать еще два шага, а потом она просто упала на залитый кровью матрас. Глаза ее были открыты, веки время от времени дергались, но в остальном Джесси не шевелилась. Ее обмякшее неподвижное тело напоминало тело утопленницы, выброшенной прибоем на пустынный пляж.

34

Ее первая осознанная мысль была такая: темнота означает, что она умерла.

Вторая мысль была такая: если она умерла, то почему ее правая рука болит так, как будто ее сначала обожгли напалмом, а потом исполосовали бритвой. Третья мысль перепол-

нила ее паническим страхом: если вокруг темно, а глаза у нее открыты — а они, похоже, открыты, — значит, солнце село и наступила ночь. Именно эта третья мысль мгновенно вырвала Джесси из того пограничного состояния, в котором она пребывала: не совсем обморок, а какая-то глубокая после-шоковая апатия. Поначалу она никак не могла сообразить, почему мысль о наступлении ночи наполняет ее таким страхом, а потом

(космический ковбой — монстр любви)

память вернулась так внезапно и резко, как будто ее ударило электричеством. Узкие, мертвенно-бледные щеки; высокий лоб; голодные глаза; восторженный взгляд.

Пока Джесси в полубессознательном состоянии лежала на кровати, на улице снова поднялся ветер и задняя дверь опять начала хлопать. Первые пару секунд она не слышала ничего, кроме двери и ветра, а потом снаружи раздался надрывной вой. Джесси в жизни не слышала такого ужасного воя. Наверное, именно так должен кричать человек, который заснул летаргическим сном, его сочли мертвым и похоронили, и он очнулся в гробу — живой, но сошедший с ума от страха.

Звук растаял в тревожной ночи (а уже была ночь, в этом Джесси ни капельки не сомневалась), но буквально через секунду он повторился — нечеловеческий высокий голос, полный безумного ужаса. Он набросился на Джесси, словно живое существо, и она беспомощно содрогнулась под его напором и зажала руками уши. Но как бы она ни старалась отгородиться от этого жуткого крика, когда он раздался в третий раз, спасения от него не было никакого.

— Не надо, пожалуйста, — простонала она. Ей вдруг стало холодно. Никогда в жизни ей не было *так* холодно. — Не надо... не надо.

Вой замер в ветреной ночи, и какое-то время была тишина. Джесси перевела дух и только потом сообразила, что это была собака — может быть, даже *та самая* собака, которая превратила ее мертвого мужа в свой собственный маленький филиал придорожной закуской. Потом страшный крик раздался снова, и невозможно было поверить, что живое существо из реального мира может *вот так вот* кричать. Наверняка

это была баньши* или вампир, которому в сердце вбивают кол. А когда вой достиг своей высшей точки и сорвался на пронзительной ноте, Джесси вдруг поняла, почему собака так жутко воеет.

Случилось то, чего она так боялась. Оно вернулось. И собака знала об этом. Собака почувствовала.

Джесси трясло мелкой дрожью. Она лихорадочно вглядывалась в темный угол, где ее страшный гость стоял прошлой ночью, — в тот самый угол, где он потерял жемчужную сережку и оставил отпечаток ботинка. Было слишком темно, и Джесси не различала ни сережки, ни следа (если считать, что они вообще там были), но на мгновение ей показалось, что она разглядела его самого — это кошмарное существо, — и в горле комом встал крик. Она крепко зажмурилась, снова открыла глаза и не увидела ничего, только тени деревьев, качающихся на ветру за окном. А еще дальше, за изломанными силуэтами черных сосен, виднелась блекнущая полоска золотистого света на горизонте.

Сейчас, наверное, часов семь. Или, может быть, меньше... раз еще виден закат. Стало быть, я провалялась без сознания где-то час. Самое большее — часа полтора. Может быть, еще не поздно убраться отсюда. Может быть...

На этот раз собака уже не выла, она действительно кричала. От этого страшного звука Джесси самой захотелось кричать. Она схватилась за столбик в изножье кровати, потом, что ее опять зашатало, и вдруг поняла, что вообще не помнит, как встала с кровати. Вот как сильно ее напугала собака.

Возьми себя в руки, девочка. Сделай глубокий вдох и возьми себя в руки.

Джесси сделала глубокий вдох и вместе с воздухом вдохнула запах, который был ей хорошо знаком. Он был похож на тот безвкусный, слегка минеральный запах, который преследовал ее все эти годы — запах, который ассоциировался у нее с сексом, водой и отцом, — но не точно такой же, а только *похожий*. К нему примешивались и другие запахи... прогорклого чеснока... чуть подгнившего лука... грязи... не-

* В ирландской мифологии — фея. Существует поверье, что плач баньши предвещает человеческую смерть.

мытых ног, может быть. Этот запах как будто отбросил ее назад в прошлое и наполнил беспомощным, невыразимым ужасом, который чувствуют дети, когда им кажется, что под кроватью у них притаилось какое-то безликое и безымянное существо — то самое непонятное *Оно*, — которое терпеливо ждет в темноте, пока они не свесят с кровати руку или ногу...

Снаружи выл ветер. Хлопала задняя дверь. А где-то совсем близко тихонько поскрипывали половицы, как это бывает, когда кто-то хочет беззвучно подкрасться к тебе.

Оно вернулось, прозвучал тихий шепот у Джесси в голове. Теперь это были *все* голоса, слившиеся в один. *Собака унюхала его запах, и ты сама тоже почувствовала его запах, и знаешь что, Джесси... это оно скрипит половицами. Оно вернулось — черное существо, приходившее прошлой ночью.*

— О Боже, пожалуйста, нет, — простонала она. — Господи, только не это. Не надо. Пожалуйста.

Она попыталась сдвинуться с места, но ноги как будто приросли к полу, а рука словно приклеилась к столбику в изножье кровати. Страх буквально парализовал ее, точно так же, как яркий свет фар в темноте парализует кролика или оленя, который выбежал на середину дороги. Она уже поняла, чем все это закончится. Она так и будет стоять здесь, не в силах даже пошевелиться, будет тихонько стонать и молиться, пока он не придет сюда, пока он не придет *за ней* — осмический ковбой, убийца любви, коммивояжер смерти о своим чемоданчиком с образцами товара... и вовсе не пошков и каких-нибудь чудо-щеток для домашней уборки, а костей и колец.

Пронзительный вой собаки вонзился в ночь, вонзился Джесси в *мозги*. Ей показалось, что еще немного — и она точно сойдет с ума.

Это сон, вдруг подумалось ей. *Я сплю и вижу сон. Вот почему я не помню, как встала с кровати. Сон — это как выборка самого главного при обзоре последних книжных новинок в «Ридерз дайджест». Во сне ты не помнишь какие-то незначительные детали. Я потеряла сознание, да... я действительно потеряла сознание, но вместо того чтобы впасть в кому, я просто заснула. Так часто бывает — обморок переходит в глубокий сон. Наверное, это значит, что кровотечение остано-*

вилось... Мне кажется, людям, которые умирают от потери крови, не грезятся никакие кошмары. Получается, я просто сплю. Я сплю, и мне снится ужасный сон. Самый страшный кошмар.

Мысль, конечно же, утешительная. Мысль просто чудная. Вот только одна небольшая загвоздка: никакой это не сон. Тени деревьев, пляшущие на стене, были самыми что ни на есть реальными. И жуткий запах, разлившийся по дому, тоже был самым что ни на есть реальным. Она не спала, и ей нужно было как можно скорее отсюда бежать.

Но я не могу даже пошевелиться!

Нет, можешь, — решительно возразила Рут. — Ты выбравшись из этих гребучих наручников вовсе не для того, чтобы умереть от страха, лапуля. Давай быстрее выходи из ступора... ты сама знаешь, как это сделать? Или тебе подсказать?

— Не надо подсказывать, — прошептала Джесси и легонько ударила правой рукой по столбику кровати. Рука буквально взорвалась болью. Парализующий страх отступил — разбился на сотни осколков и отпустил ее, — и когда собака на улице взвыла снова, Джесси уже не испугалась. На самом деле она даже и не услышала этого воя. Боль в руке перекрыла все.

Ты знаешь, что делать дальше... да, моя лапонька?

Да, пришло время действовать и выбираться отсюда. На мгновение Джесси задумалась об охотничьей винтовке Джералда, но тут же отбросила эту мысль. Она понятия не имела, где эта винтовка и здесь ли она вообще.

Едва передвигая дрожащие ноги, Джесси медленно прошла через комнату. Она снова выставила левую руку перед собой, чтобы было легче удерживать равновесие. Коридор за дверью спальни напоминал карусель движущихся теней. Открытая дверь справа вела в комнату для гостей. Слева была небольшая комнатка, которую Джералд использовал как кабинет. Ее дверь тоже была открыта. Еще дальше слева темнела арка, ведущая в кухню и гостиную. А справа — дверь черного хода... «мерседес»... и, быть может, свобода.

Шагов пятьдесят, прикинула про себя Джесси. Вряд ли больше. А скорее всего даже меньше. Так что давай — вперед.

Но поначалу она была просто не в силах выйти из спальни. Это могло показаться нелепым любому, кто не пережил то, что пришлось пережить Джесси за последние двадцать восемь часов, но для нее спальня была как убежище — мрачное, но относительно безопасное. А вот коридор... там ее могло поджидать все что угодно. *Все что угодно.* А потом что-то ударилось в стену снаружи, совсем рядом с западным окном. Судя по звуку, это был камень. Джесси испуганно вскрикнула, и только потом до нее дошло, что это была всего-навсего ветка голубой ели, что росла рядом с террасой.

Держи себя в руках, — строго проговорила Малыш. — *Держи себя в руках и выбирайся отсюда как можно скорее.*

Она храбро пошла вперед, выставив перед собой левую руку и тихонько считая шаги. На двенадцатом шаге она прошла мимо двери в гостевую спальню. На пятнадцатом — поравнялась с дверью в Джералдов кабинет и вдруг услышала слабое шипение типа того, что издает струя пара, вырываясь из очень старого радиатора. Поначалу Джесси не связала этот звук с кабинетом. Ей показалось, что это она сама подсвистывает при дыхании. Но когда она подняла ногу, чтобы сделать шестнадцатый шаг, шипение стало громче. Теперь оно раздавалось гораздо отчетливее, и Джесси поняла, что это никак *не может быть* она, потому что она задержала дыхание.

Медленно — очень медленно — она повернула голову в сторону кабинета, где ее муж больше уже никогда не будет лежать над своими бумагами, куря сигареты одну за одной и напевая себе под нос старые песни «Beach Boys». Дом стоял и поскрипывал всеми швами при каждом порыве ветра, как старый корабль, застигнутый штормом в открытом море. Теперь Джесси расслышала, что где-то хлопает незакрепленный ставень. Незакрытая задняя дверь по-прежнему билась о косяк, но все эти звуки доносились откуда-то из другого мира, где жен не приковывают наручниками к кровати, где мужья не отказываются их слушать и где нет никаких ночных тварей, которые грозят тебе из темноты. Повернув голову, Джесси буквально услышала, как скрипят напряженные мышцы шеи — ну прямо пружины в старом диване. В глазницах жгло так, как будто на месте глаз были раскаленные угольки.

над бровями наподобие какой-то карикатурной луковицы. Тонкие узкие брови — как две перевернутые буквы V. Глаза — как два черных кружка. Пухлые губы цвета сырой печенки, как будто надутые и поджатые одновременно.

Нет, не поджатые. Джесси вдруг поняла это с той слепящей и четкой ясностью, которая иногда пробивается внутри замкнутой сферы предельного страха наподобие светящейся спиральки внутри электрической лампочки. *Не поджатые, а растянутые в улыбке. Оно пытается мне улыбнуться.*

Потом оно наклонилось, чтобы поднять чемоданчик, и — к несказанному облегчению Джесси — его узкое нечеловеческое лицо скрылось из виду. Джесси попятилась и опять попыталась закричать, но крика снова не получилось — только сдавленный хрип. Стон ветра над скатом крыши был и то громче.

Ночной гость снова выпрямился в полный рост, держа чемоданчик в одной руке и открывая его другой. Джесси вдруг поняла две вещи, и не потому, что ей очень хотелось это понять, а скорее потому, что от страха она совершенно утратила способность рассуждать здраво и контролировать свои мысли, отмечая ненужное и вычлняя главное. Первое было связано с запахом, который она почувствовала еще на выходе из спальни. Это был никакой не чеснок и не лук, не пот и не грязь. Это был запах гниющей плоти. А второе, что поняла Джесси, относилось к рукам страшного гостя. Сейчас, когда она видела их вблизи и могла разглядеть получше (лучше бы этого не было, разумеется, но теперь уже ничего не поделаешь: что есть, то есть), они производили совсем уже жуткое впечатление — странные, какие-то слишком уж длинные, они как будто колыхались вместе с тенями, словно мягкие щупальца. Ночной гость протянул ей чемоданчик, как будто ища ее одобрения, и только теперь Джесси увидела, что это был вовсе не чемоданчик, а плетеная коробка наподобие рыбацкой корзины, только побольше.

Я уже видела раньше такую коробку, подумала Джесси. Не помню, по телевизору в каком-нибудь старом фильме или в реальной жизни, но я ее видела. Когда была совсем маленькой. Ее доставали из длинной черной машины типа пикапа, с дверцей сзади.

И тут вдруг включился очередной НЛО-голос, зловещий и тихий: *Когда-то давным-давно, Джесси, когда президент Кеннеди был еще жив, и все маленькие девочки были Малышами, и пластиковые мешки для трупов еще не изобрели — в Эпоху Затмения, скажем так, — такие коробки использовались повсеместно. Плетеные коробки самых разных размеров: и для крупных мужчин, и для недоношенных младенцев. Твой новый приятель хранит свои драгоценности в коробке для трупов, Джесси. В точно такой же коробке, которые раньше имелись в любом похоронном бюро.*

И как только она это осознала, то поняла и кое-что еще. Вполне очевидную вещь, если подумать. От темного гостя несло мертвечиной, потому что он мертвый. Это был не ее отец — существо, поджидавшее ее в темноте в кабинете Джералда. Но все равно это был ходячий труп.

Нет. Так не бывает... не может быть...

Но именно так все и было. Точно такой же запах исходил и от Джералда. Он пропитал его мертвую плоть, словно некая экзотическая болезнь, которая бывает только у мертвецов.

Ночной гость уже открыл свою коробку и опять протянул ее Джесси, и она снова увидела, как среди белых костей поблескивают драгоценные камни и золото. Мертвец опустил свою узкую бледную руку и снова — как в тот, первый, раз — принялся перемешивать содержимое плетеной коробки для трупов, коробки, в которой, вполне вероятно, когда-то был трупик ребенка. И снова — как в тот, первый, раз — Джесси услышала мрачное шебуршание костей, похожее на глухое шелканье облепленных грязью кастаньет.

Джесси смотрела на это как замороженная, и ужас, объявший ее сейчас, почти граничил с восторженной эйфорией. Похоже, рассудок все-таки сдался. Джесси чуть ли не физически ощущала, как он постепенно погружается в черноту безумия, но ничего не могла с этим поделать.

Нет, ты еще что-то можешь! Беги отсюда! Быстрее!

Это была Малыш, и орала она истошно... но она была далеко-далеко, потерялась в каком-то глубоком ущелье в сознании Джесси. Джесси уже начала понимать, что у нее в сознании было бессчетное множество таких вот ущелий и

пропастей — темных пещер и извилистых каньонов, куда никогда не проникает свет солнца; мест, где затмение никогда не кончается. Это было интересно. Интересно узнать, что твой разум — это всего лишь громадное мрачное кладбище, возведенное над черным провалом, на дне которого ползают странные змееподобные твари. Интересно, воистину.

Снаружи снова завывала собака, и Джесси наконец обрела голос. Она тоже завывала, на пару с собакой. Это был страшный звук — звук, полный безумия. Наверное, именно так и должны кричать пациенты психиатрических клиник. И сейчас Джесси очень легко представляла себя вот такой вот пациенткой, запертой в дурдоме до конца жизни. Действительно — очень легко.

Джесси, не надо! Держись! Не сходи с ума! Беги! Скорее беги отсюда!

Ночной гость улыбался ей страшной улыбкой, обнажающей крупные острые зубы. Она снова увидела, как поблескивают золотые коронки у него на дальних зубах. Точно такие же, как у Джералда. Золотые коронки. У него во рту золотые коронки, а это значит...

Это значит, что он настоящий. Но мы это и так уже знаем, правильно? Сейчас тебе надо придумать, что делать дальше. Есть какие-то соображения, Джесси? Если есть, то давай воплощай их скорее, потому что времени у тебя нет.

Кошмарный гость сделал шаг вперед, по-прежнему держа перед собой раскрытую коробку. Он как будто ждал, что Джесси должна восхититься его «сокровищами». Она заметила ожерелье у него на шее — какое-то жуткое ожерелье. Густой неприятный запах стал еще сильнее. Как и предчувствие чего-то очень плохого. Когда незнакомец шагнул к ней, Джесси хотела отступить, но обнаружила, что не может сдвинуться с места. Ноги как будто приросли к полу.

Он хочет убить тебя, милочка, — сказала Рут, и Джесси поняла, что так оно и есть. — И ты ему это позволишь?! — Сейчас в голосе Рут не было ни сарказма, ни ярости. Одно любопытство. — После всего, что ты сделала, ты ничего не предпримешь, чтобы ему помешать?!

Снаружи выла собака. Бледная рука перебирала кости и драгоценности. Кости тихонько шуршали. Бриллианты и рубины тускло поблескивали в темноте.

Не сознавая, что она делает — и уж тем более не понимая зачем, — Джесси схватила за кольца у себя на левой руке. На среднем пальце. Она вцепилась в них двумя пальцами правой — указательным и большим — и сжала что есть силы. Было больно, но теперь боль ощущалась как-то приглушенно. Свои обручальные кольца Джесси носила почти не снимая. В последний раз, когда нужно было их снять, ей пришлось намыливать палец. Но теперь они снялись на удивление легко.

Она протянула правую руку ночному гостю, который уже подошел совсем близко, почти к самой двери. Кольца лежали на окровавленной правой ладони, образуя мистическую восьмерку под импровизированной повязкой из женских прокладок. Незнакомец остановился. Жутковатая улыбка на его бесформенных пухлых губах дрогнула и превратилась в гримасу то ли ярости, то ли смущения — определить было трудно.

— Вот, — сдавленно прохрипела Джесси. — Вот, возьми. Возьми и отстань от меня.

И прежде чем он успел сдвинуться с места, она швырнула кольца ему в коробку, как однажды швыряла монетки в корзину с табличкой «КИНЬТЕ ЛИШНЮЮ МЕЛОЧЬ, ЕСЛИ НЕ ЖАЛКО» у слагбаума скоростного шоссе Нью-Хэмпши. Теперь расстояние между ними составляло пять футов, если не меньше. Коробка была большой, так что кольца попали туда, куда нужно. Джесси явственно услышала, как оба ее кольца — обручальное и то, которое муж подарил ей на свадьбу, — глухо звякнули о сухие кости.

Незнакомец опять усмехнулся, обнажив острые зубы, и издал странный звук, похожий на мягкий шипящий присвист. Он сделал еще один шаг вперед, и вот *тогда* Джесси вышла из ступора — как будто нечто, застывшее в оцепенении в самых глубинах ее сознания, наконец пробудилось к действию.

— *Нет!* — закричала она, развернулась и бросилась по коридору к выходу. Снаружи выл ветер, задняя дверь билась о деревянный косяк, где-то хлопал незакрепленный ставень, в лесу выла собака, а ночной гость бежал за ней следом, да,

он бежал за ней следом, она слышала, как он шипит... совсем-совсем рядом... в любой момент он может протянуть руку и схватить ее за плечо... эту узкую бледную руку, совсем не похожую на человеческую, длинную, словно щупальце какого-то фантастического чудовища... и эти белые полусгнившие пальцы лягут так близко от ее шеи...

И вот уже задняя дверь. И Джесси ее открывает, и выбегает на крыльцо, и запинается о свою же ногу, и падает, и уже в падении успевает напомнить себе, что надо бы развернуться, так чтобы упасть на левый бок. Она успевает и развернуться, но все равно приземляется очень больно. Так что из глаз сыплются искры. Она переворачивается на спину, и смотрит на дверь, и ждет, что сейчас из сумрака за второй дверью с натянутой сеткой возникнет узкое белое лицо космического ковбоя. Но он не показывается, и Джесси вдруг понимает, что его шипения тоже не слышно. Но это еще ничего не значит. Он может подкрасться в любой момент, вынырнуть из темноты, схватить ее и разорвать ей горло.

Джесси с трудом поднялась, сумела сделать еще один шаг, а потом ноги вдруг подогнулись — они, кстати, дрожали уже давно и от напряжения, и от потери крови — и она снова упала на доски рядом с большой проволочной корзиной, куда складировали мешки с мусором. Она застонала и взглянула в небо. Там на безумной скорости неслись облака, подсвеченные луной, на три четверти полной. По ее лицу текли и, похожие на причудливые призрачные татуировки. Снова завyla собака — теперь значительно ближе, — и это придало Джесси тот стимул, которого ей не хватало. Она нашла левой рукой ручку проволочного ящика и, держась за нее, поднялась на ноги. Она еще пару секунд постояла, не выпуская железную ручку: подождала, пока не пройдет головокружение. Потом медленно и осторожно направилась к «мерседесу», выставив перед собой уже обе руки, чтобы удерживать равновесие.

Оглянувшись через плечо, Джесси на миг замерла, удивившись тому, как жутко выглядит дом при лунном свете. *Как человеческий череп! В точности как громадный череп! Дверь — это рот, окна — глазницы, тени деревьев — остатки волос...*

А потом ей в голову пришла совершенно шальная мысль. Джесси даже рассмеялась в ветреную ночь, только ее смех был больше похож на сдавленный крик.

И мозги... не забудь про мозги. А мозги — это Джералд, понятное дело. Мертвые, разлагающиеся мозги этого дома.

Она опять рассмеялась, на этот раз громче, и собака завывала в ответ. *У моего песика злобные блохи, они кусают его за коленки,* — подумала Джесси. Ее собственные коленки неожиданно подогнулись, и она вцепилась в дверцу «мерседеса», чтобы не упасть. При этом она продолжала смеяться и никак не могла остановиться, хотя вряд ли сумела бы объяснить, *почему* она так смеется. Наверное, потом она это поймет — когда те части ее сознания, которые «закрылись» в плане самозащиты, раскроются снова. Но это случится не раньше, чем она отсюда уедет. Если вообще уедет.

— И мне, наверное, потребуется переливание крови, — сказала она вслух и опять рассмеялась. Потом, все еще смеясь, неуклюже залезла левой рукой в правый карман, чтобы достать ключи. И тут она снова почувствовала этот противный запах и поняла, что существо с плетеной коробкой стоит у нее за спиной.

Джесси медленно повернулась, по-прежнему давясь смехом и кривя губы в нервной улыбке, и на мгновение ей показалось, что она действительно *видит* эти узкие белые щеки и восторженные бездонные глаза. Но она это увидела только из-за

(затмения)

того, что была сильно напугана, а вовсе не потому, что там действительно что-то было. На заднем крыльце не было никого. Дверной проем был как высокий прямоугольник черноты.

Но тебе все равно надо поторопиться, — высказалась примерная женушка Берлинггейм. — *Да, тебе надо поторопиться. Пока не поздно.*

— Очень мудрое замечание, — согласилась Джесси и снова расхохоталась. Кажется, у нее начиналась истерика. Она достала ключи из кармана и едва их не уронила, но все же успела поймать за брелок. — Ты сексапильная штучка, — сказала она и рассмеялась совсем уже диким смехом, когда у

нее за спиной хлопнула дверь и мертвый ковбой — призрак любви встал на крыльце в белом облаке костяной пыли. Но когда она обернулась (чуть не выронив ключи, несмотря на огромный брелок), там не было никого. Дверь хлопнула от ветра. Только от ветра — и больше ничего.

Она открыла машину, села за руль и втянула в салон дрожащие ноги. Потом захлопнула дверцу, нажала на кнопку, которая автоматически запирала все дверцы (и, конечно, багажник — немцы все делают очень добротно, как говорится, на совесть), и вздохнула от невыразимого облегчения. Но дело было не только в том, что она наконец почувствовала себя более или менее в безопасности. Ощущение было такое, как будто она вырвалась из безумия и вновь обрела прежнее здравомыслие. Джесси подумала, что в жизни не переживала ничего подобного — ничего, что могло бы сравниться с этим сладостным ощущением возвращения чего-то, что казалось уже безвозвратно утерянным... кроме разве что первых глотков воды из-под крана. С тем первым глотком вообще ничего не могло сравниться.

А ведь я и вправду могла бы сойти с ума. Ведь могла бы?

Тебе действительно хочется это знать? — угрюмо отозвалась Рут Ниери.

Нет. Наверное, все-таки нет. Джесси вставила ключ в замок зажигания и повернула его. Ничего не случилось.

Смех застрял в горле, но Джесси не ударилась в панику. Она по-прежнему чувствовала себя разумной и здравомыслящей женщиной. *Думай, Джесси. Думай.* Она подумала, и вет пришел почти сразу. Машина была уже старой, и в последнее время коробка передач начала барахлить (немецкое качество — это, конечно, надежно, но даже добротные вещи когда-то изнашиваются). В частности, иногда двигатель не заводился с первого раза. Джесси знала, как с этим бороться: надо было как следует потрясти рычаг переключения передач и одновременно включить зажигание. Но для этого ей нужны были обе руки, а правая рука буквально разрывалась от боли. При одной только мысли о том, что ей придется трясти рычаг больной рукой, Джесси аж передернуло. И не только из-за того, что будет больно. Она боялась, что глубокий порез на запястье опять разойдется.

— Господи, помоги мне, пожалуйста, — прошептала она и попробовала еще раз провернуть ключ в замке зажигания. По-прежнему — ничего. Нигде даже не щелкнуло. И тут ей в голову пришла кошмарная мысль, что машина не заводится вовсе не из-за неполадок в коробке передач. Это опять по-старался ее ночной гость. Он перерезал телефонный провод; он выкрутил из мотора распределитель зажигания и зашвырнул его в лес.

Хлопнула дверь. Джесси нервно взглянула в том направлении, и ей опять показалось, что на мгновение в темном дверном проеме промелькнуло белое ухмыляющееся лицо. Сейчас он выйдет из дома, поднимет с земли камень и разобьет стекло в дверце машины. Потом он возьмет осколок стекла и...

Джесси протянула левую руку к коробке передач и со всей силы надавила на рычаг (который, сказать по правде, почти и не шелохнулся). Потом она неуклюже схватилась за ключ зажигания правой рукой и повернула его.

Ничего. Только беззвучный сдавленный смех чудовища, наблюдавшего за ней из темноты. Джесси явственно слышала этот смех, пусть даже он раздавался лишь у нее в голове.

— *Пожалуйста, Господи, ну помоги же мне, твою мать!* — закричала она. Рычаг коробки передач слегка поддался у нее под ладонью, и когда она повернула ключ в замке зажигания, мотор ожил. — *Да, мой фюрер!* — выдохнула она с облегчением и включила фары. Два ярких желто-оранжевых глаза таращились на нее с подъездной дорожки. Джесси истошно завопила. Ей показалось, что ее сердце сейчас выпрыгнет из груди и застрянет в горле. Конечно, это была собака... бродячий пес, образно выражаясь, последний клиент Джералда.

Бывший Принц застыл в ступоре, на мгновение ослепленный ярким светом фар. Если бы Джесси в этот момент переключила передачу на скорость и нажала на газ, она бы наверняка сбила его насмерть. Мысль пронеслась в голове, но как-то так — мимоходом. Ее ненависть к псу и страх перед ним прошли. Она увидела, какой он тощий, и жалкий, и весь ободранный... и шерсть у него слишком редкая, чтобы защитить его от холодов, а ведь уже скоро зима. Но самое

главное: она увидела, как он отшатнулся от света, прижав уши и припадая на задние лапы.

Я думала, это уже невозможно, — подумала Джесси. — Но кажется, этому псу еще даже хуже, чем мне.

Она надавила левой рукой на сигнал. Раздался короткий смазанный звук — скорее хрип, чем гудок, — но и этого было вполне достаточно, чтобы пес сдвинулся с места. Он развернулся и скрылся в лесу, ни разу не обернувшись назад.

Последуй его примеру, Джесс. Выбирайся отсюда, пока не поздно.

Хорошая мысль. На самом деле единственно верная мысль. Джесси опять потянулась левой рукой к рычагу коробки передач и перевела передачу на скорость. Рычаг с тихим щелчком встал на место, и машина медленно тронулась по узкой подъездной дорожке. Деревья, качающиеся под ветром, напоминали танцоров театра теней. Сухие листья кружились в воздухе, поднимаясь в ночное небо. *Я еду, с удивлением подумала Джесси. Я действительно еду. Я уезжаю отсюда.*

Она медленно ехала по дорожке, направляясь к безымянной грунтовке, которая приведет ее на нормальную асфальтированную дорогу, а та, в свою очередь, — к 117-му шоссе. К цивилизации и спасению. Она взглянула на дом в зеркало заднего вида (сейчас он еще больше напоминал огромный белый череп, подсвеченный лунным светом ветреной октябрьской ночи) и подумала: *Почему он дает мне уйти? Или я ошибаюсь и это еще не конец?*

Какая-то ее часть — напуганная до безумия; та, которая уже никогда не освободится от наручников в спальне летнего домика на берегу озера Кашвакамак, — утверждала, что это еще далеко не конец. Кошмарное существо с плетеной корзиной просто играло с ней, как кот играет с раненой мышью. Оно не даст ей уйти. Еще до того, как она доедет до конца подъездной дорожки, оно бросится следом за ней на своих длинных ногах и вмиг сократит расстояние между ними. Оно вытянет свои длинные руки, схватится за задний бампер и остановит машину. Да, немецкое качество и надежность — это действительно качество и надежность, но когда ты имеешь дело с живым мертвецом... в общем...

Дом в зеркале заднего вида продолжал уменьшаться, и никто не вышел из задней двери. Джесси доехала до конца подъездной дорожки, свернула направо на грунтовку, ведущую к асфальтированной дороге, и осторожно поехала вперед, освещая дорогу фарами и руля левой рукой. Раз в два-три года, где-нибудь в конце августа, команда добровольцев из владельцев летних домиков на озере, как следует «разогревшись» пивом, приводила грунтовку в порядок: они обреза́ли кусты по обеим ее сторонам и отпиливали низкие ветки, нависающие над дорогой. Но в этом году подобного мероприятия не проводилось, и дорога вся заросла. Джесси это не нравилось. Она испуганно вздрагивала каждый раз, когда ветки деревьев, качающиеся под ветром, бились о крышу машины.

И все же она *уезжала*. Она *спасалась*. Знакомые ориентиры, которые Джесси за эти годы выучила наизусть, возникали из темноты, выхваченные светом фар, и оставались за спиной: громадный валун с расщепленной верхушкой, заросшие чуть ли не до самого верха ворота с поблекшей табличкой «ПРИЮТ ДЛЯ ПУТНИКОВ ПЕШИХ И КОННЫХ, А ТАКЖЕ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ И ПРОЧИХ НАЕЗДНИКОВ», древняя покосившаяся ель с выкорчеванными из земли корнями посреди мелких пушистых елочек — Джесси она всегда напоминала старого пьяницу, который не держится на ногах и которого тащат домой его молодые приятели-собутельники. От «пьяной елки» до нормальной заасфальтированной дороги — треть мили, не больше, а оттуда — еще мили две до шоссе. Всего ничего.

— С этим я справлюсь, обязательно справлюсь. Главное, не волноваться, — сказала она и включила радио, осторожно нажав на кнопку большим пальцем изрезанной правой руки. Из всех четырех колонок полилась музыка. Что-то из Баха — мощное, величественное и, самое главное, *рациональное*. Джесси сразу же стало лучше. Ей вообще становилось все лучше и лучше, с каждой секундой. — Главное, не волноваться, — повторила она уже громче. — Смажь пятки жиром. — Даже последнее потрясение — выхваченные из темноты глаза бродячего пса, сверкающие оранжевыми огонька-

ми, — постепенно забывалось, хотя Джесси все еще слегка трясло. — Все будет хорошо. Главное, не волноваться.

И она в общем-то не волновалась. На самом деле она была, может быть, даже *слишком* спокойна. Стрелка спидометра чуть-чуть не дотягивала до отметки 10 миль в час. Да, когда ты сидишь у себя в машине, закрывшись на все замки, и наконец-то чувствуешь себя в безопасности, — это действительно очень бодрит. Джесси уже начала задумываться, а не померещились ли ей все эти ужасы... но сейчас было не самое подходящее время, чтобы расслабляться и успокаиваться. Если в доме действительно кто-то *был*, он (*оно* — прозвучал в голове самый настойчивый и НЛО-шный из всех НЛО-голосов) мог выйти через другую дверь. Может быть, прямо сейчас он крадется за ней по пятам. И вполне вероятно, что по-настоящему упорный преследователь запросто сможет ее догнать, если она так и будет тащиться на скорости десять миль в час.

Джесси взглянула в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что на самом деле никто ее не преследует, что эти дурацкие параноидальные мысли приходят ей в голову исключительно из-за усталости, пережитого потрясения и потери крови... взглянула и обмерла. Левая рука сорвалась с руля и упала прямо на правую, безвольно лежавшую на колене. По идее, Джесси должна была взвыть от боли. Но боли не было. Вообще никакой боли.

Незнакомец сидел на заднем сиденье, зажимая руками ли, как обезьяна из притчи, которая не слушает злобных речей. Он сидел там и смотрел на нее в упор своими черными пустыми глазами.

Его там нет... тебе это кажется... мне это кажется... НАМ это кажется! Это просто игра теней! — закричала Малыш, но этот пронзительный вопль доносился, казалось, с другого конца галактики.

Тем более что обольщаться не стоило. Он там *был*. Джесси не показалось. Существо на заднем сиденье было *укрыто* тенями, да. Но само оно не было тенью. Джесси видела его лицо: выпуклый лоб, нависающий над бровями, круглые черные глаза, тонкий, как лезвие бритвы, нос, бесформенные пухлые губы.

— Джесси, — восторженно прошептал космический ковбой. — Нора! Рут! Девочка моя сладенькая! Малыш!

Джесси смотрела как завороченная, не в силах оторвать взгляд от зеркала заднего вида. Он видела, как ее пассажир медленно наклоняется вперед, как он приближает свои пухлые губы к ее правому уху — как будто хочет ей что-то шепнуть по секрету. Она видела, как эти губы растянулись в бледной судорожной улыбке, обнажив острые бесцветные зубы. И именно в этот момент разум Джесси Берлингейм окончательно надломился.

Нет! Ее собственный голос звучал так же тонко и пронзительно, как голос певца на заезженной старой пластинке в 78 оборотов. *Не надо, пожалуйста! Это несправедливо!*

— Джесси! — Его зловонное дыхание было острым, как рапира, и холодным, как воздух в морозильной камере. — Нора! Джесси! Рут! Малыш! Женишка! Джесси! Мамочка!

Джесси с ужасом наблюдала за тем, как его узкое бледное лицо чуть ли не зарывается ей в волосы. Его губы чуть ли не целовали ей ухо, пока он снова и снова шептал ей свой сочный секрет:

— Джесси! Нора! Женишка! Малыш! Джесси! Джесси! Джесси!

Перед глазами у Джесси взорвалась вспышка белого света, а когда свет померк, на его месте осталась большая черная дыра. И пока Джесси падала в эту черную пустоту, она успела подумать: *Не надо мне было смотреть... он мне выжигает глаза.*

И это была ее последняя связная мысль.

А потом Джесси упала грудью на руль в глубоком обмороке. А потом «мерседес» въехал в сосну у края дороги; ремень безопасности натянулся и отдернул Джесси назад. Если бы машина была оборудована надувной подушкой безопасности, то она бы, наверное, надулась от удара. Впрочем, удар был не слишком сильным. Двигатель не разбился и даже не заглох. Немецкое качество и надежность лишний раз подтвердили свою качественность и надежность. Бампер и передняя решетка погнулись, фирменный значок на капоте свернулся набок, но двигатель продолжал работать.

Минут через пять электронный процессор в приборной доске определил, что мотор нагрелся достаточно, и включил

печку в салоне. Воздуховодки под приборной доской тихо-нечко зашуршали. Джесси завалилась набок и теперь полулежала на сиденье, прижимаясь щекой к окошку — как усталый ребенок, который долго крепился, но все же уснул в машине буквально за несколько миль до бабушкиного дома. В зеркале заднего вида отражалось пустое заднее сиденье и пустынная дорога, залитая лунным светом.

35

Все утро шел снег — погода хмурая и унылая, но как раз подходящая для того, чтобы писать длинные письма, — и когда яркий солнечный луч лег на клавиатуру компьютера, Джесси оторвалась от монитора и растерянно огляделась, как это бывает, когда тебя неожиданно вырывают из глубокой задумчивости. Она взглянула в окно и замерла, зачарованная. Мало того: то, что Джесси увидела за окном, переполнило ее щемящей радостью — чувством, которое она не испытывала уже очень давно и не надеялась, что испытает в ближайшем будущем, если вообще когда-нибудь испытает. Да, это была настоящая радость — беспредельная, невыразимая.

Снег все еще шел — хотя и не так сильно, как раньше. Но яркое февральское солнце пробилось сквозь плотные облака и чистый белый снег заискрился бриллиантовыми переливами. Из окна открывался изумительный вид на Восточную набережную — вид, который завораживал и успокаивал Джесси при любой погоде и в любое время года, — *такого* она не видела еще никогда. Сочетание яркого солнца и сияющего снега наполнило все пространство переплетенными радугами и превратило серую бухту Каско в настоящую сказку.

Если бы в этих стеклянных шарах с переливающим «снегом» — в которых можно устроить «метель», если их потрясти, — жили маленькие человечки, они бы всегда-всегда наслаждались такой вот погодой, — подумала Джесси и рассмеялась. Полузабытый звук счастливого смеха был таким же прекрасным и странным, как и радость, переполнявшая ее сердце. И ей даже не надо было задумываться почему: она вообще не смеялась с

прошлого октября. Ни разу. Те кошмарные часы в последний приезд на озеро Кашвакамак — на самом деле в *последний*, потому что Джесси решила, что она больше уже никогда не поедет на это озеро, да и на любое другое озеро тоже, уж если на то пошло, — она вспоминала как «самое неприятное, что у меня было в жизни». Очень удобная фраза. Выражает самую суть и не говорит ни о чем конкретно. Как раз то, что нужно.

И ты ни разу с тех пор не смеялась? На самом деле ни разу? Ты уверена?

Да, *абсолютно* уверена, что ни разу. Может быть, только в снах — видит Бог, она достаточно плакала в снах, так что вполне заслужила, чтобы смеяться хоть изредка, — но когда бодрствовала, не смеялась. Совсем. До теперешнего момента. Джесси очень хорошо помнила, когда она смеялась в последний раз: когда доставала ключи от машины левой рукой из правого кармана юбки и кричала в ветреную ночь, что обязательно справится. И с тех пор она не смеялась ни разу.

— Вот так... и больше ничего, — пробормотала Джесси и закурила сигарету. Эта фраза сразу же пробудила воспоминания... кошмарные воспоминания. Джесси уже обнаружила, что есть две вещи, которые сразу, всерьез и надолго возвращают ее в тот ужасный день: вот эта самая фраза из «Ворона» Эдгара По и та дурацкая песенка Мервина Гей. Она как-то случайно услышала ее по радио, в машине, когда возвращалась из поликлиники — всю эту зиму она только и делала, что бегала по врачам. Она включила приемник, и Марвин завыл из колонок своим мягким вкрадчивым голосом: «Все это знают... и особенно вы, девчонки...» Джесси тут же выключила радио, но ее так затрясло, что она была просто не в состоянии вести машину. Пришлось запарковаться на первом же подходящем месте и ждать, пока не пройдет дрожь в руках. Тогда ей удалось более или менее успокоиться, но это был далеко не первый случай. Каждую ночь ее донимали кошмары. Если она не просыпалась в холодном поту, бормоча эту фразу из «Ворона», то все равно просыпалась от собственных криков.

Она глубоко затагнулась, выдохнула три колечка дыма и стала смотреть, как они медленно тают в воздухе.

Когда знакомые начинали расспрашивать Джесси о том, что она пережила на озере — то ли по глупости, то ли от недостатка тактичности; а Джесси уже поняла, что среди ее знакомых на удивление много глупых и бестактных людей, значительно больше, чем она думала раньше, — она отвечала, что почти ничего не помнит. После первых двух-трех допросов в полиции она начала говорить то же самое полицейским и всем коллегам Джералда — всем, кроме одного. Этим единственным исключением был Брендон Майлерон. Ему она рассказала всю правду. Отчасти потому, что ей нужна была его помощь. Но в основном потому, что он был единственным, кто хотя бы попытался понять, через что прошла Джесси... и каково ей сейчас. И самое главное — он ее не жалел, что было для Джесси истинным облегчением. Она обнаружила, что человеку, пережившему настоящую трагедию, не нужна ничья жалость. Жалость ценится дешево. Вся жалость мира не стоит и ломаного гроша.

Но самое главное, полицейские и газетчики восприняли ее амнезию как должное. А почему бы и нет? У людей, которые пережили серьезную физическую и психическую травму, часто случаются провалы в памяти, и они совершенно не помнят, что с ними было. Срабатывают своего рода защитные механизмы. И полицейские это знают еще лучше, чем адвокаты. А Джесси — лучше их всех. С прошлого октября Джесси много чего узнала о физических и психологических травмах. Книги и статьи в научных журналах помогли ей принять вполне благовидный предлог не говорить о том, о чем говорить не хочется, но в остальном от них было немного толку. Хотя, может быть, ей просто не попадались *правильные* книги, где был бы описан похожий случай: как себя чувствуют женщины, прикованные наручниками к кровати, когда бродячие псы пожирают их мертвых мужей прямо у них на глазах.

Джесси опять рассмеялась — к собственному несказанному удивлению. Неужели *это* смешно? Да, пожалуй, смешно. Но о подобных забавных вещах ты никогда никому не расскажешь. Потому что о таком не рассказывают. Как не рассказывают, например, о том, что твой папа однажды так возбудился на солнечное затмение, что обкончал тебе все

трусики. Или о том — а вот тут *действительно* обохочешься, — как ты боялась, что забеременеешь от того, что тебе на трусы попало немного спермы.

Но как бы там ни было, авторы многих статей по травматической психологии утверждали, что человеческий разум реагирует на сильные травмы в точности так, как кальмар реагирует на опасность — выпускает струю чернил, которые затемняют пространство вокруг него. Ты знаешь, что *что-то* с тобой случилось и что это было не самым приятным переживанием, но больше ты ничего не помнишь. А если пытаешься вспомнить, то видишь лишь мутную черноту — чернильное облако. Об этом говорили многие люди, чьи случаи были рассмотрены в психологической литературе по данной теме: жертвы изнасилований, пострадавшие в автомобильных авариях, люди, обгоревшие на пожаре, и даже одна девушка-парашютистка, у которой не раскрылся парашют, но которая все-таки — чудом — выжила, потому что упала в мягкое болото.

Что вы чувствовали, когда падали? — спросили у этой парашютистки. — *О чем вы подумали в тот момент, когда поняли, что ваш парашют не раскрылся и уже не раскроется?* И она ответила: *Я не помню. Я помню, как наш инструктор хлопал меня по плечу... кажется, помню, как шагнула из люка... а потом я очнулась уже на носилках и спросила у одного из ребят, которые заносили меня в машину «скорой помощи», сильно я ранена или нет. А что было между — не помню. Наверное я молилась. Но точно не знаю... не помню...*

А может быть, помнишь, подруга-парашютистка, подумала Джесси. Просто не хочешь об этом рассказывать. Как я сама помню, но не хочу никому говорить. И может быть, даже по тем же причинам. И вообще, есть у меня подозрение, что все люди, якобы страдающие амнезией, о которых я читала в этих психологических книжках, на самом деле все помнят.

Может быть. Кто их там знает... Но факт остается фактом: Джесси *помнила* все, что с ней происходило в те двадцать восемь часов, пока она пролежала, прикованная наручниками к кровати, — начиная с того, как Джералд защелкнул замок на втором наручнике, и заканчивая тем последним, кошмарным моментом, когда она глянула в зеркало

заднего вида и увидела, что ее темный гость сидит на заднем сиденье и глядит на нее в упор. Она помнила *все*. Днем это были просто воспоминания, а по ночам они воплощались в страшные сны, в которых стакан с водой падал с полки на пол, когда Джесси пыталась его достать; в которых бродячий пес с презрением воротил нос от остывшей закуски на полу и вострился на горячее блюдо на кровати; в которых жуткий ночной гость спрашивал у нее «Ты меня любишь, малыш?» папиным голосом, и из его напряженного члена была струя густой белой спермы... только это была не сперма, а могильные черви.

Но *вспоминать* что-то и *переживать* это заново — вовсе не означает, что ты обязан кому-то об этом *рассказывать*, пусть даже от воспоминаний тебя бросает в дрожь, а по ночам тебе снятся кошмары и ты просыпаешься от собственного крика. С прошлого октября Джесси сбросила десять фунтов (на самом деле, наверное, все семнадцать, но она *очень* старалась себя убедить, что все не так страшно, как кажется), опять начала курить (полторы пачки в день плюс самокрутка размером с хорошую сигару перед сном) и совершенно слиняла с лица, то есть, проще сказать, подурнела. И в довершение ко всему у нее стали сесть все волосы. Именно *все*, а не только на висках. Это было легко поправить — в конце концов она закрашивает седину уже, наверное, лет пять, — но пока что она не нашла в себе сил позвонить в парикмахерью и записаться к мастеру. Да и потом... для кого ей прирашиваться? Не пойдет же она в самом деле на какой-нибудь бал знакомств для «одиноких сердец» и не станет знакомиться с мужиками в баре.

А что, неплохая идея, — усмехнулась она про себя. — *Какой-нибудь интересный мужчина подсядет ко мне и спросит, можно ему уостить меня выпивкой, а я скажу «да», а потом, пока мы будем дожидаться заказа, я скажу ему — этак небрежно, как бы между прочим, — что мне сегодня приснился отец, который кончал мне на трусики, но только не спермой, а могильными червями. При таком интересном развитии разговора он меня сразу потащит к себе на квартиру. И даже не попросит справку, что я не больна СПИДом.*

В середине ноября, когда она наконец-то поверила в то, что полиция на самом деле оставила ее в покое, а сексуальная подоплека всей этой истории уже точно не попадет в газеты (поверить в это последнее было непросто, потому что *больше всего* Джесси боялась огласки), она решила опять походить на сеансы к Норе Кэллиган. Она и сама не знала почему. Может быть, потому что ей вовсе не улыбалось просидеть в одиночестве весь остаток жизни, куря сигареты одну за одной и предаваясь тяжелым думам. Только теперь она начала задумываться, что ее жизнь могла бы сложиться совсем по-другому, если бы еще *тогда* она нашла в себе силы рассказать Норе о том, что случилось с ней в день затмения. Или если бы в тот вечер в Ньювортской церкви разных конфессий, когда они с Рут объяснялись на кухне, туда не вошла та девушка... может быть, это бы ничего не изменило... но может быть, и изменило бы.

Может быть, даже *многое*.

Поэтому она набрала номер ассоциации «Новое сегодня — новое завтра» портлендского объединения психотерапевтов, занимающихся частной практикой, в котором состояла Нора, и была потрясена до глубины души, когда ей сказали, что Нора еще год назад умерла от лейкемии — у нее была скрытая форма болезни, которая не проявляла себя никак, пока не стало уже слишком поздно что-либо предпринимать. Девушка, которая сняла трубку, спросила, не хочет ли Джесси встретиться с Лорель Стивенсон, тоже очень хорошим специалистом. Джесси помнила эту Лорель — высокую темноволосую и черноглазую красавицу, которая носила туфли на высоченных шпильках и производила впечатление женщины, которая получает удовольствие от секса исключительно в позе «женщина сверху». Она ответила, что подумает. И на этом ее эпопея с консультацией у психоаналитика благополучно закончилась.

За те три месяца, которые прошли с того дня, когда Джесси узнала о смерти Норы, у нее случались и светлые дни (когда она просто боялась), и дни просто кошмарные (когда она впадала в панический ужас при одной только мысли о том, чтобы выйти из комнаты, не говоря уже о том, чтобы выйти из дома), но только Брендон Майлерон слышал что-то более

или менее близкое к полной истории о том, что случилось на озере, иными словами — что было «самого неприятного в жизни Джесси Махо»... и Брендон поверил далеко не всему, что она говорила. Посочувствовал, да. Но не поверил. По крайней мере не сразу. Да и кто сразу бы поверил в такой откровенный бред?!

— Никакой жемчужной сережки там не было, — доложил он ей через день после того, как она решилась ему рассказать про ночного гостя с узким белым лицом. — И следа у двери тоже. Во всяком случае, в полицейских протоколах об этом не упоминается.

Джесси пожала плечами и ничего не сказала. Она *могла* бы сказать очень многое, но сочла за лучшее промолчать. Так было спокойнее. После всего, что она пережила в летнем домике на озере, ей очень нужен был друг, а Брендон был самой что ни на есть подходящей кандидатурой. И ей не хотелось его отпугнуть своими безумными речами.

И была еще одна причина. Очень простая причина: может быть, Брендон был прав. Может быть, ее темный гость и вправду был всего-навсего порождением игры лунного света и ночных теней.

Мало-помалу Джесси удалось убедить себя — по крайней мере пока она бодрствовала и не мучилась кошмарами, — что так все и было на самом деле. Ее космический ковбой был просто фигуркой из театра теней, но только не вырезанной из бумаги, а сотканной из теней, дрожащих на ветру, и ее собственного воспаленного воображения. Но Джесси ни в чем себя не винила и не считала придурочной. Наоборот. Если бы не ее бурное воображение, она в жизни бы не додумалась, как достать стакан... но даже если бы паче чаяния у нее *получилось* достать стакан, ей бы и в голову не пришло приспособить подписную карточку под соломинку для питья. Нет, ее воображение более чем заслужило право на маленькие капризы в виде галлюцинаций. Самое главное — не забывать, что в ту ночь она была одна. Джесси была твердо убеждена, что если выздоровление вообще начнется, то начнется оно с умения отделять реальность от фантазии. Что-то подобное она сказала и Брендону. Он улыбнулся, обнял ее,

поцеловал в висок и сказал, что она и так уже выздоравливает и вообще замечательно держится.

А потом — не далее как в прошлую пятницу — ей на глаза попала одна статья в разделе окружающих новостей в «Прессгеральд», и все ее здравые предположения и мудрые выводы начали рушиться... и так все и рушилось по мере того, как история Раймона Эндрю Жобера обростала подробностями и постепенно переместилась на первые полосы всех окружающих газет. А вчера... ровно через неделю после той первой статьи про Жобера в новостной колонке...

В дверь постучали, и первой реакцией Джесси был — как всегда — инстинктивный страх. Она испугалась буквально на миг, страх почти сразу прошел... но он все-таки *был*.

— Мэгги, это ты?

— А кто же еще, мэм.

— Входи.

Меган Лендис, домработница, которую Джесси наняла в декабре (когда ей пришел первый чек на солидную сумму из страховой компании), вошла в комнату со стаканом молока на подносе. Рядом со стаканом лежала маленькая таблетка: розовая с серым. Стоило Джесси только взглянуть на стакан, как ее правое запястье жутко зачесалось. Такое случилось не каждый раз, но достаточно часто. Хорошо еще, что прекратились судороги и эти кошмарные боли, когда тебе кажется, что с тебя по-живому сдирают кожу; а ведь еще незадолго до Рождества Джесси начала уже всерьез опасаться, что ей теперь до конца жизни придется пить из пластиковых стаканчиков.

— Как твоя правая лапка? — спросила Мэгги, как будто Джессина чесотка передалась и ей посредством некоей сенсорной телепатии. И Джесси совсем не считала такую идею бредовой. Ее иной раз немного пугали вопросы Мэгги — как и ее потрясающая интуиция, — но она никогда не считала, что все это вздор и бред.

Больная рука — лежащая на столе в ярком луче солнца, который отвлек Джесси от работы за компьютером, — была затянута в тугую черную перчатку с подкладкой из какого-то мягкого пластика, который уменьшает трение. Джесси подзревала, что эту антиожоговую перчатку — а это была имен-

но антиожоговая перчатка — разработали специально для военных нужд и наверняка опробовали в какой-нибудь горячей точке. На какой-нибудь грязной войне. Только не думайте, что из-за этого Джесси было противно носить перчатку или что она была неблагодарной. На самом деле она была преисполнена самой что ни на есть искренней благодарности. После третьей пересадки кожи понимаешь, что благодарность — это одна из немногих защит от безумия, на которые можно безоговорочно полагаться.

— Очень даже неплохо, Мэгги.

Мэгги приподняла бровь почти на уровень «я тебе не верю».

— Правда? Если все три часа кряду, пока ты тут сидела, ты без остановки стучала по клавиатуре, то ей уже впору петь «Аве Мария».

— Я что, действительно три часа тут сижу?! — Джесси взглянула на часы и убедилась, что это правда. Потом посмотрела на монитор и с удивлением обнаружила, что заканчивает уже пятую страницу документа, который она начала только сегодня. Она села писать после завтрака, а теперь было уже почти время обеда. И что самое удивительное — пусть Мэгги ей и не верит, — но она сказала чистую правду: рука действительно не болела. Во всяком случае, не так сильно, как могла бы болеть после трех часов непрерывного печатания. Если бы Мэгги не принесла таблетку, Джесси, наверное, и не вспомнила бы о том, что ей пора принимать обезболивающее. Еще час как минимум она бы смогла обойтись без лекарства.

Но она все равно проглотила таблетку, запив ее молоком. И пока допивала, быстренько пробежала глазами текст на экране:

В ту ночь никто меня не нашел. Я проснулась сама на рассвете на следующий день. Двигатель все-таки заглох, но в машине было еще тепло. В лесу пели птицы, сквозь просветы между стволами деревьев виднелось озеро — гладкое, как зеркало, — и от поверхности воды поднимались тонкие струйки пара. Это было красиво. Но в то же время мне было больно на это смотреть. Я его возненавидела,

это озеро. И до сих пор ненавижу. Ты меня понимаешь, Рут? Я вот — честно — не понимаю.

Рука болела ужасно — действие аспирина давным-давно кончилось, — но мне все равно было невыразимо спокойно и хорошо, несмотря на боль. Но что-то терзало меня изнутри. Что-то, о чем я забыла напрочь. Сначала я не могла вспомнить, что именно. Я так думаю, это мой разум отказывался вспоминать. А потом память разом вернулась. Он был здесь, в машине, на заднем сиденье. Он наклонился вперед и шептал мне в ухо имена всех моих голосов.

Я глянула в зеркало заднего вида. На заднем сиденье никого не было. Я слегка успокоилась, но потом...

На этом месте текст обрывался; в конце незаконченного предложения выжидающе мигал маленький вертикальный курсор. Он как будто подмигивал ей, призывая продолжить начатое, и Джесси вдруг вспомнилось стихотворение из прекрасного сборника Кеннета Патчена. Книжка называлась «Но даже если и так», а в стихотворении были такие строчки: «Иди спокойно, дитя мое. Если бы мы желали тебе вреда, как ты думаешь — мы бы стали таиться в темноте под деревьями в лесной чаще?»

Хороший вопрос, подумала Джесси, оторвалась от компьютера и взглянула на Меган Лендис. Ей очень нравилась эта энергичная маленькая ирландка — и Джесси была ей многим обязана, — но если бы она заметила, что Мэгги читает написанное на экране, она бы тут же с ней распрошлась и Мэгги пошла бы по Форест-авеню с расчетом в кармане еще раньше, чем можно успеть сказать фразу: *Дорогая Рут, ты, наверное, удивлена получить от меня письмо после стольких лет молчания.*

Но Мэгги не смотрела на экран. Она смотрела в окно, на набережную. Солнце сияло по-прежнему, и снег все еще шел, хотя было ясно, что снегопад скоро закончится.

— Дьявол бьет свою женушку, — заметила Мэгги.

— Что? — с улыбкой переспросила Джесси.

— Так моя мама всегда говорила, когда солнце выглядывало до того, как закончится снегопад. — Мэгги слегка смути-

лась и протянула руку за пустым стаканом. — Но я не знаю, что это значит.

Джесси кивнула. Смущение на лице Меган Лендис сменилось другим выражением — беспокойства. Сначала Джесси не поняла, с чего бы вдруг Мэгги так странно встревожилась, но потом догадалась. Это было настолько очевидным, что и вправду не сразу сообразишь. Улыбка. Мэгги, наверное, в первый раз видела, чтобы Джесси улыбалась. Джесси захотелось ее успокоить, сказать ей, что все нормально, что если она улыбается, это еще не значит, что она сейчас вскочит со стула и вцепится Мэгги в горло.

Но вместо этого она сказала:

— А моя мама любила повторять, что солнце дважды не светит в одну и ту же собачью задницу. И я тоже не знаю, что это значит.

Мэгги не смотрела на экран, но все-таки бросила явно неодобрительный взгляд в сторону компьютера, который как бы говорил: *Может быть, хватит играть в игрушки, миссис.*

— Вам надо покушать, иначе после таблетки вас в сон потянет. Я вам сделала сандвич и разогрела суп.

Суп и сандвич — еда из детства. Обед, которым тебя кормит мама, когда ты приходишь зимой с прогулки — из-за морозов занятия в школе отменены, но никто, разумеется, не сидит дома, и ты все утро катаешься с горки на санках, — обед, который едят, когда на щеках еще полыхает мороз. Звучит очень заманчиво, но...

— Мне не хочется есть, Мэг.

Мэгги нахмурилась и упрямо надула губки. Это было то самое выражение, которое Джесси частенько видела на лице своей домработницы, когда та только-только начала у нее работать. Тогда у Джесси ужасно болела рука — иногда так болела, что хоть лезь на стенку, — и одна обезболивающая таблетка за раз просто не помогала. Джесси буквально плакала и просила Мэгги дать ей еще таблетку. Но Мэгги ни разу не поддавалась ее слезам. Наверное, именно потому Джесси и наняла эту маленькую ирландку — она сразу же поняла, что Мэгги не даст ей поблажек. Когда это нужно, Мэгги

была просто кремень... но на этот раз будет так, как решила Джесси.

— Тебе обязательно нужно покушать, Джесс. Ты и так тощая, как огородное пугало. — Мэгги выразительно повела глазами в сторону пепельницы, заваленной окурками. — И тебе надо завязывать с этой дерьмовой привычкой.

Я заставлю тебя сделать по-моему, моя гордячка, моя красавица. — Голос Джералда явственно прозвучал в голове у Джесси, и она невольно поежилась.

— Джесси? С тобой все в порядке? Тебя что, знобит?

— Нет. Просто, как говорится, гусь прошелся в том месте, где будет моя могила. — Джесси выдавила улыбку. — Сегодня у нас с тобой день пословиц и поговорок.

— Сколько раз тебе говорили, что тебе нельзя переутомляться...

Джесси вытянула правую руку в черной перчатке и осторожно коснулась руки Мэгги:

— Но ведь руке уже лучше, намного лучше.

— Ну да. Если ты три часа кряду стучишь ею по этой вот штуке и не встречаешь меня слезными просьбами скорее выдать тебе таблетку, стало быть, ты поправляешься даже быстрее, чем ожидал доктор Малиор. Но все равно...

— Но все равно мне намного лучше. И это здорово... правда?

— Ясное дело, здорово. — Мэгги взглянула на Джесси как на полоумную.

— Ну вот. А теперь я пытаюсь поправиться окончательно. Понимаешь, не только чтобы рука зажила, а вообще поправиться. И первый шаг к этому окончательному выздоровлению — написать письмо одной моей старой подруге. Я пообещала себе... прошлой осенью, в октябре, когда у меня в жизни случилось, наверное, самое неприятное, ну да ладно... в общем, я пообещала себе, что если я выберусь из той задницы, что у меня была, я обязательно напишу этой самой подруге. Но я все откладывала и откладывала... И вот сегодня я все-таки села писать письмо, и раз уж я села, то не хочу останавливаться. Потому что если я остановлюсь, я могу передумать.

— Но таблетка...

— Я уверена, что успею закончить письмо и запечатать его в конверт до того, как мне станет сонно и я уже не смогу работать. Потом я немного посплю, а потом уже и пообедаю, когда проснусь. — Она снова притронулась правой рукой к руке Мэгги. Жест получился слегка неуклюжим, но очень трогательным. — Хорошо пообедаю, честное слово.

Но Мэгги продолжала хмуриться:

— Есть надо вовремя, Джесси.

— Есть вещи важнее, чем вовремя есть, — мягко возразила Джесси. — Или ты не согласна?

Мэгги снова взглянула на монитор, обреченно вздохнула и кивнула головой. А когда она заговорила, это был тон человека, который ради приличия готов смириться с какими-то общепринятыми условностями, в которые он сам лично не верит:

— Да, пожалуй. Но даже если и не согласна, то здесь ты хозяйка.

Джесси кивнула, впервые поняв, что теперь это уже не условность, а нечто большее.

— Да, наверное.

Мэгги опять выразительно приподняла бровь.

— А если я принесу сэндвич сюда и тихонько поставлю на край стола?

— Продано! — улыбнулась Джесси.

На этот раз улыбнулась и Мэгги. А когда минуты через три она вернулась и принесла сэндвич, Джесси уже сидела перед компьютером, полностью погруженная в работу, и медленно набирала на клавиатуре свое письмо или что она там сочиняла. В отблесках экрана ее лицо казалось нездорово зеленоватым. Маленькая ирландка даже и не пыталась не шуметь — она была из тех женщин, которые, наверное, физически не способны пройти на цыпочках, даже если от этого будет зависеть их жизнь, — но Джесси все равно не слышала, как та вошла. Она оторвалась от компьютера, достала из верхнего ящика письменного стола пачку газетных вырезок и принялась их просматривать. В основном это были фотографии — фотографии мужчины с необычно узким лицом. Острый маленький подбородок; высокий выпуклый лоб, нависающий над бровями. Глубоко посаженные глаза — круг-

лые, черные и абсолютно пустые. Эти глаза ассоциировались у Джесси одновременно и с Донди, бездомным бродягой из комиксов, и с Чарлзом Мансоном*. Толстые пухлые губы, похожие на дольки разрезанного плода. Тонкий, как бритва, нос.

Мэгги на секундочку задержалась за плечом у Джесси, явно желая быть замеченной, потом хмыкнула и удалилась. Минут через сорок пять Джесси случайно взглянула налево, на миг оторвавшись от клавиатуры, и увидела поджаренный сандвич с сыром. Сандвич давно остыл, сыр превратился в неаппетитную массу, но она все равно проглотила его за пять укусов. Курсор опять заплясал по экрану, медленно, но верно уводя Джесси все дальше в лес — в самую чашу.

36

Я слегка успокоилась, но потом подумала: «Он мог наклониться, чтобы его не было видно в зеркале». В общем, я кое-как развернулась, хотя такой слабости, как тогда, я вообще не испытывала никогда. Я даже не знала, что бывает *такая* слабость. При малейшем движении руку пронзало болью, словно ее протыкали раскаленным железным прутom. Разумеется, там никого не было; и я пыталась себя убедить, что я ничего и не видела — только тень... что это были лишь тени и игра моего воспаленного воображения.

Да, я пыталась себя убедить. Но я сама в это не верила, Рут... пусть даже был светлый день, и я была без наручников, и благополучно выбралась из дома, и сидела теперь себя в машине, закрытой на все замки. Я себе вбила в голову, что если его нет на заднем сиденье, значит, он прячется в багажнике, а если его нет и в багажнике, значит, он притаился снаружи, у заднего бампера. Иными словами, меня не покидало жуткое ощущение, что он где-то рядом. Что теперь он всегда будет где-то рядом. Я хочу, чтобы ты это поняла — ты или кто-то другой. Главное, чтобы хоть кто-то понял. *Он был где-то рядом.* Пусть даже умом я по-

* Чарлз Мансон — гуру общины хиппи. Убил жену кинорежиссера Поланского Шарон Тейт и шестерых ее друзей. Был приговорен к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением.

нимала, что все это бред, что скорее всего это были лишь тени и лунный свет... но он был где-то рядом. Или, может быть, правильнее сказать — *оно*. Когда светит солнце, мой ночной гость «человек с белым лицом», но когда наступает ночь, он превращается в «существо с белым лицом». Но так или иначе — он или оно, — на *рациональном* уровне я сумела избавиться от его призрачного присутствия. Но оказалось, что этого недостаточно. Потому что всякий раз, когда в доме что-то поскрипывает по ночам, мне кажется, что он вернулся. Всякий раз, когда странные тени танцуют на стене, мне кажется, что он вернулся. Всякий раз, когда я слышу незнакомые шаги у себя за спиной, мне кажется, что он вернулся — вернулся, чтобы закончить начатое. Он был в «мерседесе» в то утро, когда я очнулась, и почти каждую ночь он приходит ко мне в дом на Восточной набережной... может быть, прячется за занавесками или в кладовке, и этот кошмарный плетеный короб стоит на полу у его ног. Настоящих чудовищ не убьешь банальным колом в сердце, и знаешь, Рут, я ужасно устала.

Джесси оторвалась от компьютера, вытряхнула переполненную пепельницу в корзину для бумаг и прикурила новую сигарету. Медленно и осторожно. Руки слегка дрожали, и ей не хотелось обжечься. Докурив сигарету почти до самого фильтра, Джесси раздавила окурки в пепельнице и снова вернулась к работе.

Я не знаю, что бы я делала, если бы в машине сел аккумулятор — наверное, сидела бы там, пока меня не нашли, пусть даже мне бы пришлось просидеть весь день, — но он не сел, и двигатель завелся с первого раза. Я отъехала от сосны, в которую впилилась ночью, и кое-как вырулила на дорогу. Меня подмывало взглянуть в зеркало заднего вида, но я боялась туда смотреть. Боялась, что снова увижу его. Не потому что он там был, понимаешь — я знала, что его там нет, — а потому что я *могла бы* его увидеть.

Но когда я выехала на асфальтированную дорогу, я все-таки посмотрела в зеркало. Просто уже не могла сдержаться. Разумеется, на заднем сиденье никого не было, и мне

стало легче. Значительно легче. Я выехала на шоссе и доехала до ближайшей заправки. Там же был бар. Ну, знаешь... такой небольшой, незатейливый барчик, куда ходят местные, когда им лень ехать в город. Обычно они заседают у стойки, едят пончики с сахарной пудрой и похваляются друг перед другом, чем они якобы занимались в субботу вечером. Я остановилась на парковке за газовыми колонками и минут пять сидела и просто смотрела на людей. Мне не верилось, что они настоящие... ну разве не бред?! Мне все представлялось, что это бесплотные призраки, и когда мои глаза привыкнут к яркому свету, они станут прозрачными, и я буду видеть сквозь них. Мне опять захотелось пить, и всякий раз, когда кто-нибудь выходил из бара с такой белой пластмассовой чашечкой кофе, пить хотелось все больше и больше, но я все равно не могла себя заставить выйти из машины... и пойти к ним, к этим призракам.

Я так думаю, что в конце концов все-таки вышла и пошла бы в бар, но прежде чем я набралась смелости открыть замок на дверце, приехал Джимми Эггарт. Он запарковался рядом со мной. Джимми — бывший бухгалтер-ревизор из Бостона, теперь на пенсии. Живет на озере круглый год с тех пор, как у него умерла жена в 87-м или 88-м году. Он вышел из машины, взглянул на меня, узнал и улыбнулся... но тут же изменился в лице. Сначала как будто встревожился, а потом попросту испугался. Подошел ко мне и наклонился к окну, чтобы взглянуть повнимательнее. Знаешь, он был просто в шоке — у него даже морщины разгладились на лице. Я это очень хорошо помню: Джимми Эггарт так поразился, что даже помолодел.

Я не слышала, что он сказал, но прочла по губам: «Джесси, с вами все в порядке?» Я хотела открыть дверцу, но мне вдруг стало страшно. В голове появилась совершенно шальная мысль. Что то существо, которое я называла космическим ковбоем, побывало и у Джимми тоже, только Джимми не повезло так, как мне. Оно убило его, и срезало его лицо, и напаялило на себя, как хэллоуинскую маску. Я знала, что это бред, но мне от этого было не легче. Потому что я все равно продолжала думать, что Джимми — это не Джимми. И я не могла заставить себя открыть эту проклятую дверцу.

Я не знаю, насколько кошмарно выглядела в то утро, и не хочу это знать. Но, наверное, *очень* кошмарно, потому что как только Джимми меня разглядел, у него стало такое лицо, как будто он перепугался до полусмерти и его сейчас стошнит. Мне показалось, что он сейчас с воплями убежит. Но он, слава Богу, не убежал. Он открыл дверцу и спросил, что со мной случилось: я попала в аварию или меня кто-то ранил?

Я проследила за его взглядом и поняла, почему он так разволновался. Должно быть, порез на запястье снова раскрылся, потому что прокладка, которой я замотала рану, была вся пропитана кровью. Весь перед юбки был залит кровью — как при самых обильных месячных, если не хуже. И вся машина была в крови: кровь на руле, на приборной панели, на рычаге переключения передач... даже на лобовом стекле были подтеки крови. Большинство уже высохло — знаешь, до такого противного коричневатого цвета, какой становится кровь, когда высыхает, мне он всегда напоминает шоколадное молоко, — но там были и свежие пятна, ярко-красные и влажные. Представляешь, Рут, пока не увидела это своими глазами, я и не представляла, что в человеке может быть столько крови. Неудивительно, что Джимми весь побелел.

Я попыталась выйти из машины — я так думаю, мне хотелось ему показать, что не все так страшно, что я вполне в состоянии передвигаться сама и что за меня не надо так переживать, — но случайно задела больной рукой за руль и меня потемнело в глазах. Я не упала в обморок, не отключилась, но у меня было такое чувство, что оборвались последние провода между головой и всем остальным телом. Меня повело, я почувствовала, что сейчас упаду вперед, и еще подумала, что это будет достойное завершение ее злоключений — выбить зубы об асфальт... и особенно после того, как ты угрохала целое состояние на коронки на передних зубах не далее как в прошлом году. Но Джимми меня подхватил... прямо за сиськи схватился, кстати. Я слышала, как он кричит: «Эй там! Кто-нибудь! Мне нужна помощь!» — таким визгливым, пронзительным, старческим голосом. Я едва не рассмеялась, когда услышала... но у

меня не было сил смеяться. Я прижалась щекой к его груди и попробовала отдышаться. Я чувствовала, как колотится мое сердце, но в то же время мне почему-то казалось, что оно вообще не бьется. Потом у меня в голове прояснилось, я опять начала воспринимать цвета, и увидела, что к нам уже бегут какие-то люди. Человек пять или шесть. И в том числе — Лонни Дейкин. Он ел булку, и на нем была розовая футболка с надписью У НАС НЕТ ПОСТОЯННОГО ГОРОДСКОГО ПЬЯНИЦЫ, МЫ НАДИРАЕМСЯ ВСЕ ПО ОЧЕРЕДИ. Забавно, правда, что я запомнила такую ерунду, когда мне казалось, что я сейчас просто умру.

— Кто вас так, Джесси? — спросил Джимми. Я попыталась ответить, но не смогла выдать из себя ни слова. И наверное, оно и к лучшему, если учесть, что я пыталась сказать. Кажется, я пыталась сказать: «Мой отец».

Джесси оторвалась от компьютера, достала из пачки очередную сигарету и взглянула на фотографию, вырезанную из газеты. С фотографии на нее смотрел Раймон Эндрю Жобер... смотрел так же восторженно, как и в ту первую ночь, когда стоял в темном углу ее спальни... и во вторую, когда подкараулил ее в кабинете Джералда. Почти пять минут Джесси просто сидела и смотрела на фотографию. Потом востропилась, как человек, который слегка задремал, но потом вдруг взбодрился, закурила и вернулась к письму. Она была уже на седьмой странице. Джесси потянулась — в спине что-то тихонько хрустнуло — и вновь застучала по клавишам. Курсор на экране возобновил свой танец.

Минут двадцать спустя — за эти двадцать минут я узнала, какими добрыми, и заботливыми, и поразительно глупыми бывают мужчины (Лонни Дейкин спросил, не надо ли мне мидола*) — приехала «скорая» и меня повезли в больницу. Все как положено: сирена ревет, мигалка мигает. А через час я уже лежала в палате и мне делали переливание крови, мне в вену вставили какую-то прозрачную мягкую труб-

* Мидол — обезболивающие спазмолитические таблетки, которые выпускает компания Вауег. Предназначены специально для женщин, которые страдают сильными болями при менструациях.

ку, и я наблюдала, как по ней течет кровь. А где-то играла музыка. Какое-то идиотское кантри про то, как тяжела жизнь мужика, от которого ушла любимая девушка и у которого сломалась машина.

На этом заканчивается первая часть моей истории. Назовем ее «Малышка Нелл переходит по тонкому льду» или «Как я выбралась из наручников и спаслась». Есть еще две части, которые я называю условно «Последствия» и «Некрофил». «Последствия» я опущу. Во-первых, переливание крови и пересадка кожи — это мало кому интересно. А во-вторых, мне бы хотелось скорее перейти к «Некрофилу», пока я не слишком устала и не обалдела от долгого сидения за компьютером. Потому что мне хочется все рассказать именно так, как нужно. И именно так, как мне хочется рассказать это именно тебе. Мне это только сейчас пришло в голову, и это самая что ни на есть настоящая голозадая правда, как мы с тобой говорили еще в универе. Если бы не «Некрофил», я бы, наверное, и вовсе не села за это письмо.

Но прежде чем я приступлю к третьей части, я тебе расскажу про Брендона Майлерона, который помог мне справиться с «Последствиями». Я только-только начала лечиться — кстати сказать, это было кошмарное время, — и вот тогда появился Брендон и помог мне прийти в себя. Он меня вроде как удочерил. Я бы назвала его очень милым, потому что он был со мной в самый тяжелый период моей жизни, и я даже не знаю, что бы со мной было без его поддержки, но «милый» — это не то слово, которое можно отнести к Брендону. Он человек рассудительный и прощательный. Он видит самую суть вещей, и умеет всему найти объяснение, и знает, что надо делать, чтобы все было правильно. Но и это тоже не совсем правильно. Он не холодный рационалист. Он очень добрый и отзывчивый человек. Просто время поджимает, и я не могу много писать про Брендона. Достаточно будет сказать, что для человека, работа которого заключается в том, чтобы блюсти интересы солидной юридической фирмы и заранее предотвращать возможные последствия потенциально грязных ситуаций с участием очень крупных клиентов, Брендон очень даже неплохо со мной «возился». Как говорится, держал за ручку и

всячески ободрял. И он никогда не отказывал мне в сочувствии — в жилетку я ему не плакалась, но промочила слезами весь пиджак его элегантного и дорогого костюма-тройки. Но и это еще не все. Если бы это было все, я вряд ли бы стала так много о нем писать. Помимо всего прочего, он кое-что для меня сделал. Буквально вчера. Сейчас я тебе расскажу.

Последние полтора года Брендон с Джералдом вместе вели одно дело... что-то связанное с сетью крупных супермаркетов в нашем округе. Они выиграли это дело. Но речь сейчас не о том. Они с Джералдом очень сдружились. Ну... не то чтобы сдружились, но отношения у них были вполне приятельскими. Есть у меня стойкое подозрение, что теперь, когда Джералда не стало, Брендон должен занять его место в фирме. Но это опять же к делу не относится. В общем, именно Брендон приехал ко мне в больницу от конторы Джералда. И он как нельзя лучше подходил для подобного поручения в качестве — как сказал сам Брендон в свое первое посещение — «главного специалиста по предотвращению возможных неблагоприятных последствий».

Он действительно очень милый — в нем есть какая-то мягкость, да, — и он был со мной честен с самого начала, но у него, безусловно, был и свой интерес. Я это сразу заметила, не сомневайся. В конце концов я почти двадцать лет была замужем за адвокатом, и знаю, насколько рьяно и ревностно они разделяют работу и личную жизнь. Я так думаю, это своего рода защита от нервных срывов. Но я знаю, что именно из-за этой двойственности их так не любят. И это действительно очень непривлекательная и даже, можно сказать, отвратительная черта.

Но Брендон, наоборот, располагал к себе с первого взгляда. Хотя, повторюсь, у него были свои интересы. И прежде всего — любой ценой не допустить огласки каких-то подробностей, которые могли бы нанести ущерб репутации фирмы. А это значит, не допустить огласки каких-то подробностей, которые могли бы выставить в неблагоприятном свете меня или Джералда. Сама понимаешь, работа неблагодарная и к тому же рискованная. Какая-нибудь идиотская случайность — и все

старания летят к черту. Но Брендон вызвался сам. И, надо отдать ему должное, он не пытался мне врать, что взялся за это дело из уважения к памяти Джералда. Все объясняется проще. Он делал карьеру. Такие дела, если они заканчиваются успешно, открывают прямую дорогу наверх по служебной лестнице. У Брендона все получилось, и я искренне за него рада. Он проявил ко мне доброту и участие, и это уже достаточная причина, чтобы за него порадоваться. Но есть и другие причины. Он никогда не впадал в истерику, когда я ему говорила, что мне звонил или ко мне приезжал кто-то из репортеров, и со мной он не вел себя так, как будто я была только частью его работы — только частью работы и больше ничего. Знаешь, что я на самом деле думаю, Рут? Я на семь лет его старше и выгляжу сейчас полной развалиной, но мне кажется, что Брендон Майлерон немного в меня влюблен... или, может быть, не в меня, а в героическую Малышку Нелл, которую он во мне видит. Вряд ли он меня хочет как женщину (по крайней мере пока еще нет; хотя мне уже лучше, но я все еще напоминаю синюшного общипанного цыпленка, который уныло болтается на крючочке в витрине мясной лавки), и мне это нравится, знаешь. Я, наверное, уже никогда не лягу в постель с мужчиной. Что-то меня не тянет. Но я солгу, если скажу, что мне не нравится то, как он на меня смотрит. Его взгляд говорит, что я теперь часть его жизни — именно я, Джесси Анджела Махо Берлингейм, а не какое-то абстрактное неодушевленное существо, свидетельница по делу, которое у них в конторе проходит под кодовым названием «Это злосчастное дело Берлингейма». Я не знаю, какое место занимаю в его жизни и что для него важнее, я или работа, но мне это не важно. Мне достаточно знать, что я занимаю какое-то место в его, скажем так, расписании, и я для него значу больше, чем просто...

Джесси задумалась, подбирая правильное слово. Потом глубоко затянулась и продолжила:

...побочный эффект в плане благотворительности.

Брендон был рядом со мной на всех допросах в полиции. Он записывал мои показания на диктофон. Он очень

вежливо, но твердо напоминал всем присутствующим — включая стенографисток и медсестер, — что если кто-нибудь вздумает несанкционированно разгласить сенсационные подробности дела, он поимеет крупные неприятности от очень крутой и солидной юридической фирмы, боссы которой шутить не любят. Видимо, Брендон имеет влияние на людей, потому что никто из посвященных ни разу не дал интервью журналистам.

Самые трудные и неприятные вопросы мне задавали в первые три дня, когда я лежала в больнице на переливании крови. Протоколы тех первых допросов были настолько странными и бредовыми, что действительно выглядели очень даже правдоподобными, когда их опубликовали в газетах... ну знаешь, типа тех идиотских историй из серии «человек искушал собаку до полусмерти», которые иногда появляются в прессе. Хочешь узнать, что говорилось в тех протоколах? Вот что-то типа того:

Мы решили провести день в нашем загородном домике на западе штата Мэн. Мы замечательно позанимались сексом, а потом решили вместе принять душ. Джералд вышел из душа первым, а я еще мыла голову. Он пожаловался на то, что у него пучит живот — наверное, из-за сандвичей, которые мы съели в какой-то там придорожной закусочной по дороге из Портленда, — и спросил, нет ли в доме каких-нибудь таблеток. Я сказала, что не знаю, но если есть, то они лежат либо на туалетном столике, либо на полочке над кроватью. А три-четыре минуты спустя, когда я уже домывала голову, я услышала крик Джералда. Я почему-то сразу подумала, что у него плохо с сердцем. Потом раздался глухой удар — как будто тело упало на пол. Я выскочила из ванной и когда вошла в спальню, у меня подкосились ноги. В буквальном смысле. Я упала, ударилась головой об угол туалетного столика и потеряла сознание.

Согласно этой версии, плоду совместного творчества мистера Майлерона и миссис Берлингем — кстати, добавлю, что полиция с энтузиазмом схватилась за эту версию, — я несколько раз приходила в себя, но тут же опять отключалась. В последний раз я пришла в сознание, когда бродячей собаке надоело грызть Джералда и она стала обнюхи-

вать меня. Я забралась на кровать (согласно нашей с Брендон версии, кровать стояла именно там, где стояла — может быть, ее сдвинули те ребята, которые натирали пол, — а мы с Джералдом так распалились, что не стали двигать ее на место) и отогнала собаку, швырнув в нее пепельницу и стакан с водой. Потом я опять потеряла сознание и пролежала в глубоком обмороке несколько часов, истекая кровью. В конце концов я очнулась, кое-как добралась до машины и приехала на заправку... но по дороге опять потеряла сознание. И поэтому врезалась в дерево.

Однажды я спросила у Брендона, как ему удалось сделать так, чтобы полиция поверила в этот бред. Он ответил: «Этим делом теперь занимается полиция штата, а у нас — я имею в виду нашу фирму — много хороших друзей в полиции штата. Мы им оказываем кое-какие услуги, они нам оказывают кое-какие услуги. Но в данном конкретном случае мне даже не пришлось особенно напрягаться. Полицейские тоже люди. И они вовсе не идиоты. Они сразу сообразили, как все было на самом деле, как только вошли в дом и увидели наручники на кровати. Уж поверь мне, они понимают, что это значит: когда мужик умирает от сердечного приступа, а на кровати висят наручники. И этим ребятам совсем не хотелось, чтобы вы с Джералдом стали поводом для грязных шуточек. Потому что на самом деле это был просто нелепый несчастный случай. И очень трагичный несчастный случай».

Сначала я даже Брендону не рассказала про того человека, который, как мне казалось, был в доме. И про след у двери тоже не рассказала, и про жемчужную сережку, и вообще. Я ждала, понимаешь... Каких-то намеков...

Джесси перечитала последнее предложение, покачала головой и продолжила:

Нет, это совсем уже бред. Я ждала, что придет какой-нибудь полицейский и предъявит мне на опознание кольца — не сережку, а именно кольца. «Мы уверены, что это ваши, — скажет он. — Потому что внутри выгравированы инициалы, ваши

и вашего мужа. И еще потому, что мы их нашли на полу в кабинете вашего мужа».

Я ждала этого потому, что если бы мне показали кольца, я была бы уверена, что полуночный гость малышки Нелл был порождением ее воспаленного воображения. Я все ждала и ждала, но никто не пришел и не принес мои кольца. И наконец, как раз перед первой операцией на руке, я рассказала Брендону о своей странной идее, что я была не одна. Что в доме был кто-то еще — пусть и не все время, но был. Я сказала, что мне могло это привидеться, но *тогда* все казалось очень даже реальным. Я ничего не сказала ему о кольцах, но зато очень много говорила про след у двери и про жемчужную сережку. На самом деле насчет сережки меня вообще *понесло*. Я без умолку про нее говорила, без умолку. И мне кажется, я знаю почему. Для меня эта сережка была воплощением всего, о чем я не решилась сказать никому, даже Брендону. Понимаешь? Всякий раз, когда я что-то ему рассказывала, я употребляла фразы типа «я *подумала*, что увидела» или «мне *показалось*», или «я была *почти уверена*, что». Мне нужно было ему рассказать — хотя бы *кому-нибудь* рассказать, — потому что страх разъедал меня изнутри, как ядовитая кислота, и я уже не могла держать это в себе, но я изо всех сил старалась ему показать, что я не какая-то идиотка и разбираюсь, где субъективные ощущения, а где объективная реальность. Но самое главное, мне не хотелось, чтобы он понял, что я *все еще* боюсь. Потому что мне не хотелось, чтобы он подумал, что я рехнулась. Я не боялась, что он посчитает меня истеричкой — лучше пусть меня держат за истеричку, но зато я не буду заикливаться на другой страшной тайне: что со мной сделал отец в день солнечного затмения, — но мне отчаянно не хотелось, чтобы он думал, что я сумасшедшая, чтобы у него возникли хотя бы малейшие сомнения на этот счет.

Брендон взял мою руку, погладил ее и сказал, что он все понимает; что после всего, что мне пришлось пережить, в этом нет ничего удивительного. А потом он добавил, что самое главное — не забывать, что все это так же реально, как и наш с Джералдом совместный душ после рьяных упражнений в постели. Полиция обыскала весь дом, и если

бы там действительно кто-то был, кроме нас с Джералдом, они бы точно нашли что-нибудь, что подтверждало бы его присутствие. Тем более что в доме недавно была генеральная уборка, так что если бы там кто-то был, они бы это определили.

— А может, они и *нашли*, — сказала я. — Может быть, кто-то из полицейских решил прикарманить сережку.

— Я не спорю, что в мире хватает нечистых на руку полицейских, — сказал он, — но мне что-то не верится, что даже самый тупоголовый коп стал бы рисковать своей карьерой ради какой-то сережки, и к тому же непарной. Я бы скорее поверил, что это тот парень, который, ты думаешь, приходил к тебе ночью, потом вернулся и сам ее подобрал.

— Да! — воскликнула я. — Ведь такое возможно, правильно?

Он начал было качать головой, но потом лишь пожал плечами.

— Все возможно. В том числе человеческое корыстолюбие или оплошность в расследовании, но... — Он помедлил, взял мою левую руку и посмотрел на меня этим своим проникновенным взглядом, который я про себя называю «взгляд доброго дядюшки Брендона». — Твои измышления основываются на том, что офицеры, которые осматривали дом, выполняли свою работу спустя рукава, типа тяп-ляп и готово. Но это не так, уверяю тебя. Если бы в доме был кто-то третий, я даже не сомневаюсь, что полицейские бы нашли хоть какие-то доказательства его присутствия. И я бы об этом знал.

— Почему? — спросила я.

— Потому что такая находка могла бы поставить тебя в очень двусмысленное положение... ты оказалась бы в положении, когда полицейские перестают быть милыми парнями и начинают зачитывать тебе твои права.

— Я не понимаю, о чем ты, — сказала я. Но на самом деле я все понимала, Рут. Жизнь Джералда была застрахована на солидную сумму, и я уже знала, что денег, которые я получу по его страховке, мне хватит на несколько лет очень безбедного существования.

— Джон Херрелсон, замечательный медэксперт, проводил вскрытие твоего мужа, — сказал Брендон. — Согласно его отчету, Джералд умер от «чистого сердечного приступа», по терминологии судебной медицины. Это значит, что приступ не сопровождался пищевым отравлением, чрезмерным перенапряжением или серьезной физической травмой. — Он явно хотел развить эту тему — впал в настроение, которое я про себя называю «просветительским порывом Брендона», — но потом взглянул на меня и умолк. Наверное, выражение у меня было еще то. — Джесси? Что-то не так?

— Все нормально, — сказала я.

— Да нет, не нормально. Вид у тебя просто жуткий. У тебя что, судорога?

Все-таки удалось убедить его, что со мной все хорошо, и под конец я сама в это поверила. Ты, Рут, наверное, уже догадалась, о чем я подумала в тот момент. Я уже писала об этом выше: я дважды пнула Джералда, когда он отказался открыть наручники. В живот и в «семейное достояние». Я еще подумала, что я очень удачно сказала в полиции, что у нас был *очень* бурный секс — хорошее оправдание для синяков. Я так думаю, что синяки все равно были слабенькими, потому что приступ случился сразу же, а при резкой остановке сердца внутренние кровоизлияния сразу же прекращаются.

И тут сам собой возникает вопрос: может быть, то, что я его пнула, и стало причиной сердечного приступа? Я изучила медицинскую литературу, и там вроде бы не было ничего, что говорило бы «за» эту версию. Но давай будем честными: вполне вероятно, что тут не обошлось без моей скромной помощи. И все же я не считаю себя виноватой. Он был излишне тучным, он много пил и курил как паровоз. Приступ был уже на подходе. Если не в тот день, то на следующей неделе или в следующем месяце — но он бы случился совсем-совсем скоро. Мне просто не повезло. Так что я не считаю себя виноватой, а если ты сомневаешься, то сверни свои сомнения в трубочку и засунь их туда, где не светит солнце. Я искренне убеждена, что заслужила право верить

в то, во что мне хочется верить. Во всяком случае, в том, что касается Джералда.

— Если у меня такой вид, словно я проглотила дверную ручку, — сказала я Брендону, — то это лишь потому, что никак не могу свыкнуться с мыслью, что некоторые считают, что это я убила Джералда, чтобы получить страховку.

Он покачал головой и посмотрел на меня очень серьезно.

— Так никто не считает. Херрелсон говорит, что сердечный приступ мог быть спровоцирован сексуальным возбуждением, но это чистый сердечный приступ, и полиция штата не усомнилась в его словах, потому что он лучший из всех медэкспертов штата. В крайнем случае могут быть отдельные циники, которые думают, что ты нарочно разыграла из себя искусительницу Саломею, чтобы его завести и довести.

— А ты что думаешь? — спросила я.

Я думала, что моя прямота повергнет его в тихий шок — и, наверное, в глубине души мне было любопытно посмотреть, как Брендон Майлерон выглядит в состоянии крайнего потрясения, но тут я просчиталась. Он лишь улыбнулся.

— То есть не думаю ли я, что тебе хватило воображения разглядеть свой шанс и устроить Джералду сердечный приступ со смертельным исходом, но при этом ты не подумала о том, что в итоге ты и сама можешь там умереть в наручниках? Нет, я так не думаю. Я думаю, что все было именно так, как ты мне рассказала, Джесс. Мне можно быть с тобой откровенным?

— Не можно, а нужно, — сказала я.

— Хорошо. Я работал с Джералдом и неплохо с ним ладил. Но я был скорее исключением из общего правила. Он очень многим у нас не нравился. Он был, как говорится, с большим прибаблом. И меня вовсе не удивляет, что его так распалила идея заняться сексом с женщиной, прикованной наручниками к кровати.

Я украдкой взглянула на него, когда он это сказал. Был поздний вечер, в палате было темно, только одна тусклая лампа горела у меня над кроватью, и он сидел в тени, но мне показалось... вернее, не показалось, а я была просто

уверена... что Брендон Майлерон — молодой преуспевающий адвокат и самый крутой парень в городе — покраснел.

— Если я тебя обидел, прошу прощения, — проговорил он, неожиданно смутившись.

Я чуть не рассмеялась. Это было бы неприлично, я знаю. Но в тот момент мне действительно было смешно — он выглядел как студент-первокурсник.

— Ты меня не обидел, Брендон, — сказала я.

— Хорошо. Но я — это я. Я тебе верю. А у полицейских такая работа. Они обязаны хотя бы рассмотреть возможность, что здесь не все чисто... что ты ускорила развязку, а не просто надеялась, что у мужа случится «коронаротромбоз на почве сексуального возбуждения», как это у них называется.

— Я понятия не имела, что у него какие-то проблемы с сердцем! — сказала я. — И господа из страховой компании, видимо, тоже. Если бы они знали, они бы не выдали ему полис, правильно?

— Страховые компании обслуживают всех, кто готов платить, — сказал Брендон. — И страховой агент Джералда не знал, что тот курит как паровоз и пьет как лошадь. А ты видела. И что бы ты ни говорила, ты должна была предвидеть, что с ним может случиться удар. И полицейские это знают. Представь себе ход их мыслей. «Допустим, она приглашает в домик на озеро какого-нибудь своего приятеля, но мужу об этом не говорит. Допустим, этот приятель выскакивает из шкафа и орет «Буга-Буга» — в самый неподходящий момент для мужа, но зато в подходящий момент для женушки». Если бы у полиции были хотя бы малейшие доказательства, что такое *могло бы* произойти, ты была бы по уши в дерьме, Джесси. Прости за бедность речи. Потому что при определенных обстоятельствах истощный вопль «Буга-Буга» может быть квалифицирован как преднамеренное убийство с отягощающими обстоятельствами. Тот факт, что ты провела больше суток в наручниках и изуродовала себе руку, чтобы освободиться, свидетельствует в твою пользу и вроде бы отмечает возможность наличия сообщника, но, с другой стороны, сами наручники могут кое-кого

навести на мысль о сообщнике... скажем так, полицейских определенного склада ума.

Я смотрела на него как замороженная. Наверное, что-то подобное должен чувствовать человек, который вдруг осознал, что он только что лихо отплясывал на краю пропасти. Только теперь до меня дошло, что все гораздо серьезнее, чем мне представлялось. У меня иногда появлялась мысль, что полиция может подумать, будто это я убила Джералда... но только в плане не очень удачной шутки. Слава Богу, что я так не шутила в полиции, Рут.

Брендон сказал:

— Теперь ты понимаешь, почему тебе не стоит спрашивать про какого-то незнакомца в доме?

— Да, — отозвалась я. — Не будите спящую собаку, правильно?

И как только я это сказала, мне сразу представился тот кошмарный бродячий пес... как он тащил Джералда по полу, вцепившись зубами ему в руку... большой кусок кожи оторвался от мяса и лежал на собачьей морде. Кстати, его нашли, этого бедного пса. Несколько дней спустя. Он себе вырыл что-то вроде берлоги под сараем Лагланов, где они хранят лодки. Он притащил туда изрядный кусок Джералда. Стало быть, он возвращался в дом по крайней мере еще один раз с того раза, как я напугала его светом фар и гудком. Его пристрелили. На нем был ошейник. Но не такой, знаешь, с именем и адресом владельца — а жаль, честное слово. Мне бы очень хотелось, чтобы комитет по охране животных нашел хозяина и устроил ему «веселую жизнь».

И зато там была кличка. Принц. Принц — можешь себе представить?! Когда констебль Тигарден сказал мне, что пса пристрелили, я порадовалась. Я не виню это несчастное существо за то, что он сделал с Джералдом — ему было разве что чуточку лучше, чем мне, — но я все равно порадовалась. И до сих пор еще радуюсь.

Но это так, отступление. Я начала рассказывать про наш с Брендоном разговор после того, как я сказала ему, что в доме, вполне вероятно, был кто-то еще. Он сразу же согласился с тем, что спящую собаку действительно лучше не трогать, пускай себе спит. Наверное, с таким грузом впол-

не можно жить — это уже облегчение, что я рассказала об этом хотя бы кому-то, — но я еще не готова об этом забыть.

— Меня убедил телефон, — сказала я Брендону. — Когда я выбралась из наручников и попробовала позвонить, линия была мертвой, как Эйб Линкольн. Когда я сняла трубку и не услышала ни гудков, ни шумов, я убедилась, что была права — в доме действительно кто-то был, и он перерезал телефонный провод. Поэтому я сорвалась как ошпаренная и бросилась к машине. Я раньше не знала, что такое настоящий страх, Брендон, пока до меня не дошло, что я там одна, ночью в лесу, и где-то поблизости притаился незваный гость.

Он улыбался, но теперь это была не сердечная дружеская улыбка. Обычно так улыбаются мужики, когда задумываются о том, что женщины — существа безнадежно глупые и их нельзя выпускать на улицу без няньки.

— Ты подумала, что кто-то обрезал провод, когда сняла трубку с одного телефона, в спальне, и не услышала гудков?

Все было не так, и подумала я не то, но я все равно кивнула. Во-первых, так было проще. А во-вторых, я уже знала, что бесполезно что-то доказывать мужику, который глядит на тебя вот с такой вот улыбочкой, которая как бы говорит: «Ах эти женщины! Без них жить нельзя на свете, нет, и пристрелить их всех тоже нельзя!» Ты меня понимаешь, Рут. И ты понимаешь, почему в тот момент мне больше всего хотелось поскорее закончить этот разговор.

— Он был отключен от розетки, — сказал Брендон. И тон у него был как у доброго и терпеливого дядюшки, который объясняет малолетней племяннице, что это ей только кажется, что под кроватью сидит злое чудище, но на самом деле там никого нет. — Джералд сам его отключил. Наверное, не хотел, чтобы его доставали с работы; не хотел, чтобы ему помешали отдыхать в законный выходной и, уж тем более, чтобы прервали его маленькое и невинное развлечение с наручниками. Он отключил телефон и в коридоре. Но телефон в кухне работал. Я это знаю из полицейских протоколов.

И вот тогда, Рут, свет померк. Я вдруг поняла, что все эти люди — все полицейские, которые были на озере, — сделали определенные выводы насчет того, как я справилась с ситуацией и почему я делала именно то, что делала. Большинство этих действий шло мне только в плюс, но мне все равно было обидно осознавать — да что там обидно, меня это просто взбесило, — что свои выводы они сделали не на основе того, что я им говорила и что они обнаружили в доме, а лишь потому, что я женщина, а для них поведение женщин вполне предсказуемо.

Если смотреть с этой точки зрения, то между Брендоном Майлероном в его элегантном костюме-тройке и старым констеблем Тигарденом в его драных джинсах на красных подтяжках нет вообще никакой разницы. В отношении к женщинам все мужчины одинаковы, Рут... я в этом уверена. Большинство из них научились скрывать свое снисходительное пренебрежение, но, как говаривала моя мать: «Даже дикаря-каннибала можно научить Святому писанию».

И знаешь что, Рут? Брендон Майлерон мною *восхищается*. Он восхищается тем, как я держалась, когда Джералд хлопнулся мертвым. Я это знаю. Я вижу это в его глазах и уверена, что сегодня увижу опять, если он вечером заедет в гости — а он меня навещает почти каждый вечер. Брендон считает, что я отлично держалась, что я очень *храбро* держалась... для женщины. На самом деле мне кажется, что до нашего первого разговора о моем гипотетическом ночном госте, он считал, что я сделала все точно так, как сделал бы он сам, окажись на моем месте... и если бы у него в завершение ко всему была бы высокая температура. Мне кажется, большинство мужчин именно так и относятся к умственным способностям женщин: что женщины тоже умеют думать, вот только их мысли похожи на бред тяжелобольного на крайней стадии малярии. И этим вполне объясняются странности в их поведении, верно?

Я говорю сейчас о снисходительности — которую мужчины проявляют по отношению к нам, женщинам, — но я говорю и еще об одной интересной вещи, которая гораздо страшнее. Он меня просто не понял. И это никак не связано с разницей полов. Просто таков уж удел человека, и

непонимание — это лишь лишнее подтверждение, что каждый из нас безнадежно одинок. Что бы мы себе ни думали, на самом деле каждый из нас одинок. В том доме происходили ужасные вещи — *по-настоящему ужасные вещи*, — а он этого не понял. Я рассказала ему о том, что я пытаюсь делать, чтобы этот страх не терзал меня изнутри, а он кивнул, он улыбнулся, он искренне мне посочувствовал, и, наверное, в конечном итоге мне это чуть-чуть помогло, но он самый лучший из всех... но даже он так и не понял ужасной правды... не понял, что страх не проходит, наоборот, он продолжает расти и расти и превращается в черный громадный дом с привидениями у меня в голове. И он до сих пор не прошел. Он во мне, этот черный дом, и его двери «гостеприимно» распахнуты, он приглашает меня войти... приглашает вернуться, а я *не хочу* туда возвращаться, но иногда все-таки возвращаюсь, и когда я вхожу в этот дом, дверь тут же захлопывается за мной и замок закрывается сам собой.

Ладно, проехали. По идее, когда я узнала, что моя догадка насчет телефонных проводов была ошибочной, мне должно было стать легче. Но легче не стало. Потому что какая-то часть меня была на сто процентов уверена — и уверена до сих пор, — что даже если бы я тогда заползла за кресло и включила бы этот проклятый телефон в розетку, он бы все равно не работал. Может быть, телефон на кухне заработал потом, но *тогда* он тоже не работал. И у меня был единственный выбор: бежать оттуда как можно скорее или стать легкой добычей того кошмарного существа и скорее всего умереть.

Брендон подался вперед, так что свет от лампочки над кроватью упал ему на лицо, и сказал:

— Там никого не было, в доме, Джесси. И самое лучше, что ты сейчас можешь сделать по поводу этой идеи: наплевать и забыть.

Вот тогда я едва ему не рассказала про кольца. Но я устала, и рука разболелась ужасно, и поэтому я не стала ничего говорить. Он ушел, а я еще долго лежала и не могла заснуть — даже обезболивающие таблетки не помогли мне заснуть в ту ночь. Я думала о завтрашней операции по пересадке кожи,

но не так чтобы очень упорно думала. Я больше думала про свои кольца, и про след ботинка, которого никто, кроме меня, не видел, и про то, возвращался ли он — или *оно* — потом, чтобы убрать все следы. Я и решила, как раз перед тем, как наконец провалилась в сон, что не было там никакого следа и никакой сережки. Что кто-то из полицейских нашел мои кольца на полу в кабинете и забрал их себе. *Вполне вероятно, что сейчас они выставлены в витрине какого-нибудь ломбарда*, подумала я. По идее, я должна была разозлиться при этой мысли, но я вовсе не разозлилась. Наоборот. Я почувствовала то же самое, что почувствовала в то утро, когда очнулась за рулем «мерседеса», — мне стало очень хорошо и спокойно. Никакого таинственного незнакомца, никакого ночного гостя. Его просто нет. И никогда не было. А был просто нечистый на руку полицейский, который быстренько оглянулся через плечо, все ли чисто, и прикарманил мои золотые кольца. Мне было не жалко колец. Мне и теперь их не жалко. В последние несколько месяцев я все больше и больше склоняюсь к мысли, что мужья надевают нам кольца на пальцы исключительно потому, что закон запрещает вставлять их нам в носы. Впрочем, это опять же к делу не относится. Уже далеко за полдень, а я еще даже не приступала к рассказу про Раймона Эндрю Жобера. Итак, все по порядку.

Джесси откинулась на спинку кресла и закурила очередную сигарету, не обращая внимания на то, что кончик языка уже щиплет от табака, что у нее болит голова и что ей *уже* нужно сходить в туалет. Причем *очень* нужно. В комнате царила мертвая тишина — тишина, которая могла означать только одно: строгая маленькая ирландка Меган Ленкс ушла в магазин за покупками или в химчистку. Джесси удивилась, что Мэгги ушла, даже не попытавшись оторвать ее от компьютера. Должно быть, Мэгги решила, что это будет пустой тратой времени и сил. *Пусть она лучше выплеснет из себя, что она там выплескивает, и успокоится*, — наверное, так она рассудила. Тем более что она не занималась в мамочки. Она здесь работает и получает за это деньги. Почему-то при этой последней мысли у Джесси кольнуло сердце.

Наверху скрипнула половица. Джесси застыла, даже не донеся сигарету до рта. *Он вернулся!* — испуганно вскрикнула женоушка. — *Джесси, он вернулся!*

Нет, он не вернулся. Джесси взглянула на узкое бледное лицо, которое таращилось на нее с фотографии, вырезанной из газеты. *Я точно знаю, где ты сейчас, сукин сын. Правда?*

Да, она знала. Но какая-то ее часть все равно продолжала настаивать, что это он — там, наверху. Нет, не он, а оно. Космический ковбой, призрак любви. Он вернулся за ней, чтобы с ней обручиться уже навсегда. Просто он дожидался, пока она не останется дома одна, и если она сейчас снимет трубку телефона, который стоит в уголке стола, она не услышит гудков, как не услышала их в ту ночь в летнем домике на берегу озера.

Твой друг Брендон пусть себе улыбается, сколько хочет, но мы с тобой знаем правду, да, Джесси?

Она резко протянула вперед здоровую руку, сняла телефонную трубку, поднесла ее к уху и... услышала ободряющий гудок. Положила трубку на место. Бледная, невеселая улыбка тронула уголки ее губ.

Да, я точно знаю, где ты сейчас, мудак. Что бы там ни говорила женоушка и все остальные милые дамы у меня в голове, мы с Малышом знаем, что ты сейчас в окружной тюрьме — в одиночной камере в дальнем старом крыле, мне это Брендон сказал. Тебя посадили туда специально, чтобы другие заключенные не добрались до тебя и не прикончили раньше, чем состоится суд... да, тебя будут судить... и можно с уверенностью предположить, какой приговор тебе вынесут, тварь. Может быть, мы еще от тебя не свободны. Но мы обязательно освободимся. Можешь не сомневаться.

Джесси снова уставилась на экран, и хотя сонливость, вызванная таблеткой, давно прошла, она себя чувствовала предельно усталой и уже не верила в то, что сможет закончить начатое.

А я еще даже не приступала к рассказу про Раймона Эндрю Жобера. Итак, все по порядку, — написала она, но сможет ли она продолжить? Она так устала. И это неудивительно. Она почти целый день просидела, гоняя курсор по экрану. Как говорится, тянула кота за хвост. А если тянуть очень

долго и очень упорно, то, может, чего-нибудь ты и вытянешь. Может быть, лучше всего сейчас пойти в спальню и лечь поспать. Лучше поздно, чем никогда, и все такое прочее. Что ей мешает сохранить файл, выключить компьютер и продолжить письмо завтра утром...

Ее оборвал голос Малыша. Теперь Малыш проявлялась лишь изредка, но когда это случалось, Джесси всегда к ней прислушивалась.

Если ты сейчас бросишь письмо, Джесси, то не трудись его сохранять. Просто сотри и все. Мы с тобой обе знаем, что если ты не напишешь про Жобера сейчас, ты уже никогда про него не напишешь. Тебе просто не хватит духу... и не в том смысле, что тебе не захочется заново переживать то, о чем ты пытаешься написать. Иногда написать о чем-то — это даже труднее, чем пережить что-то на самом деле. На это действительно надо решиться: выпустить темную тварь у себя из головы и оформить ее в слова.

— Да, — согласилась Джесси. — На это действительно надо решиться.

Она глубоко затаилась и раздавила сигарету в пепельнице, не докурив ее и до половины. Еще раз просмотрела газетные вырезки, потом взглянула в окно на заснеженную набережную. Снегопад давно прекратился, на небе ярко сияло солнце, хотя светить ему оставалось недолго. В феврале в штате Мэн темнеет рано.

— Что скажешь, Малыш? — спросила Джесси у пустой комнаты. Она говорила тем самым высокомерно-надменным голосом Элизабет Тейлор, который так обожала в детстве и который так сильно бесил ее мать. — Продолжим, голубушка?

Ответа не было, но Джесси он был и не нужен. Она подавалась вперед и опять застучала по клавишам. И не останавливалась очень долго — даже затем, чтобы зажечь сигарету.

37

Итак, все по порядку. Это будет непросто — рассказать про Раймона Эндрю Жобера, — но я постараюсь. Так что, моя дорогая, свари себе очередной кофе, а если у тебя есть бренди, то налей себе рюмочку. Мы приступаем к третьей части.

Передо мной на столе лежит целая кипа газетных вырезов, но в статьях нет того, что я знаю, и там, разумеется, нет того, чего не знает никто... Я сомневаюсь, что кто-нибудь знает про Жобера *все* (и в том числе сам Жобер). Я имею в виду — обо всем, что он сотворил. И это, наверное, даже к лучшему. Мне бы лично и не хотелось бы знать *все*. В газетах есть только намеки, но и этих намеков достаточно, чтобы понять, какой это ужас. Но я знаю больше, чем пишут в газетах. Брендон Майлерон мне кое-что рассказал. Я сама его попросила, когда связь между историей Жобера и той нашей злосчастной поездкой на озеро стала настолько прозрачной, что ее просто нельзя было проигнорировать.

— Ты думаешь, это тот самый парень? — спросил меня Брендон. — Который якобы был с тобой в летнем домике?

— Брендон, — сказала я. — Я *знаю*, что это тот самый парень.

Он вздохнул, опустил глаза, наверное, минуту разглядывал свои руки, потом снова взглянул на меня — мы с ним сидели в этой комнате, где я сижу сейчас, было девять часов утра, и у него не было никакой возможности спрятать лицо в полумраке.

— Наверное, мне надо извиниться, — сказал он. — Я не поверил тебе тогда...

— Я знаю, — сказала я как можно мягче.

— ...но теперь я тебе верю. Господи Боже. Что ты хочешь узнать, Джесси?

Я сделала глубокий вдох и сказала:

— Все, что ты сможешь выяснить.

Он спросил, зачем мне это надо.

— То есть если ты скажешь, что это не мое дело, я не обижусь и не буду тебя пытаться, но ты меня просишь, чтобы я поднял дело, которое в фирме считают закрытым. Если кто-то, кто знает, что я вел твоё дело прошлой осенью, заметит, что я проявляю повышенный интерес к делу Жобера, вполне может так получиться...

— Что у тебя будут неприятности, — закончила я за него. Об этом я как-то не подумала.

— Да, — сказал он. — Но меня это не слишком волнует... я уже большой мальчик и могу о себе позаботиться... во всяком случае, мне так кажется. Меня больше волнуешь ты, Джесс. Я за тебя очень переживаю. А вдруг на тебя снова набросятся репортеры, и это после всего, что мы сделали, чтобы они от тебя отстали как можно скорее и по возможности безболезненно для тебя. Но главное даже не это... вернее, это совсем не главное. Случай Жобера — самый грязный из всех криминальных дел на территории Новой Англии со времен Второй мировой войны. Я имею в виду, что там есть такие мерзкие подробности, что они просто взрывоопасны, и тебе не стоит соваться в опасную зону без очень весомых на то причин. — Он рассмеялся, но как-то нервно. — Черт, мне самому тоже не стоит туда соваться без особых на то причин.

Я встала с кресла, подошла к нему и взяла его руку левой рукой.

— Я не могу объяснить, зачем мне это надо, — сказала я. — Могу только попробовать объяснить почему. Этого будет достаточно для начала?

Он накрыл мою руку своей и кивнул.

— Есть три причины, — сказала я. — Во-первых, мне нужно знать, что он существует на самом деле. Во-вторых, мне нужно знать, что все, что он сделал, было на самом деле. И в-третьих, мне нужно знать, что больше такого не будет: чтобы я проснулась, и он стоял рядом со мной.

И тут на меня обрушились воспоминания, Рут, и я расплакалась. Не специально, поверь мне. Я ничего не хотела добиться своими слезами. Я просто расплакалась. И ничего не могла с собой поделать.

— Пожалуйста, помоги мне, Брендон, — сказала я. — Каждый раз, когда я выключаю свет, он стоит в дальнем углу моей комнаты, в темноте, и я боюсь, что так будет всегда. Мне больше некого попросить о помощи, и мне нужно знать наверняка. Пожалуйста, помоги мне.

Он отпустил мою руку, достал чистый платок из кармана своего элегантного адвокатского пиджака и вытер мне слезы. Очень нежно и ласково, как делала мама, когда я приходила к ней вся в слезах, потому что ободрала до крови коленку...

когда я была еще маленькой. *До того*, как я стала скрипучим колесом в нашей семье.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я выясню все, что смогу, и расскажу тебе... если ты мне сама не скажешь: не надо. Но есть у меня нехорошее подозрение, что лучше тебе пристегнуть ремни.

Он разузнал много чего, и сейчас я тебе обо всем расскажу. Но предупреждаю, Рут: он был прав насчет «пристегнуть ремни». Если тебе захочется пропустить несколько следующих страниц, я не обижусь. Я бы сама с удовольствием их пропустила, но мне кажется, я должна написать об этом. Это тоже — часть курса лечения. Надеюсь, последняя часть.

Этот раздел моей долгой истории — который, я думаю, можно назвать «Рассказ Брендона», — начинается в 84-м или 85-м году, когда в Лейкс-Дистрит на западе штата Мэн были зафиксированы первые случаи кладбищенского вандализма. Подобные случаи произошли в нескольких маленьких городках на границе штата, и в Нью-Хэмпшире тоже. Разрушение памятников, нецензурные надписи на надгробиях, кража венков и памятных лент — дело в общем-то обычное для небольших провинциальных городов. Как и раздавленные тыквы, разбросанные по всему кладбищу наутро после Хэллоуина. Но как правило, это проделки местных хулиганов или мелких воришек. «Надругательство над святынями» — именно эту фразу употребил Брендон, когда на прошлой неделе пришел ко мне с первой порцией информации. И именно эту фразу употребляли в полицейских отчетах и криминальных хрониках начиная с 88-го года.

Сами преступления казались патологически ненормальными всем, кто вел следствие и кто видел, что это было, но *modus operandi** был вполне разумным: все было тщательно организовано и продумано. Кто-то — может быть, двое или трое, но скорее всего это был один человек — вскрывал семейные склепы и мавзолеи на кладбищах маленьких городков с ловкостью профессионального взломщика. Скорее всего у него был целый набор инструментов: сверла, кусачки, ножовки по металлу и, вероятно, лебедка — Брен-

* механизм действия (лат.).

дон сказал, что лебедка есть почти во всех современных автомобилях, она входит в комплект обязательного набора инструментов.

Этот преступник «работал» только со склепами и мавзолеями и никогда — с отдельными могилами. Почти все эти случаи происходили зимой, когда промерзшую землю копать тяжело и тела сохраняют в специальных камерах, пока не пройдут морозы. Когда преступник проникал в склеп, он вскрывал гробы, забирал все драгоценности, которые были на телах, и плоскогубцами вырывал у покойников золотые зубы.

Это, конечно же, омерзительно, но хотя бы понятно. Но кражи — это только начало. Как говорится, дальше — больше. Очень скоро этот кладбищенский вор начал выкалывать трупам глаза, отрезать уши, перерезать горло. В феврале 1989 года на кладбище в Чилтоне нашли два тела с отрезанными носами — то есть даже не отрезанными, а отбитыми, как будто их откололи зубилом и молотком. Полицейский, который расследовал этот случай, сказал Брендону, что это было легко — стояли сильные морозы, тела промерзли, и отбить им носы не составляло труда. «Ну вот как у фарфоровых кукол. Вопрос в другом: зачем этому парню понадобились два замороженных носа? Брелок для ключей себе сделать? Или, может быть, он начинил их сыром и разогрел в микроволновой печи? Я не понимаю».

Почти у каждого оскверненного тела не хватало кисти или стопы, а то и целой руки или ноги, а в нескольких случаях — головы или половых органов. Экспертизы показывали, что преступник пользовался топором, мясницким ножом и набором скальпелей для более тонкой работы. И у него это здорово получалось. «Талантливый любитель, — сказал Брендону один помощник шерифа из округа Чемберлен. — Я бы ему не доверил мой желчный пузырь, но с операцией попроще, например, бородавку срезать на руке, он вполне справится...»

В нескольких случаях он вскрывал тела и/или черепные коробки и набивал их экскрементами животных. Но чаще всего были случаи сексуального осквернения. В том, что касалось украсть драгоценности, вырвать зубы или отпре-

зять уши, он был самым обыкновенным преступником, но когда он отрезал половые органы — и вступал в половые сношения с мертвыми, — он вел себя как джентльмен.

Может, поэтому мне так и повезло.

В первый месяц после того, как я спаслась из нашего дома на озере, я очень много узнала о том, как работает провинциальная полиция, но это было ничто по сравнению с тем, что я узнала за последнюю неделю. Поразительно, насколько скромными, рассудительными и тактичными могут быть полицейские из небольших городков. Я так думаю, что если ты знаешь по имени всех, кто живет на твоём участке, и многие приходятся тебе родней, то скромность и рассудительность становятся для тебя совершенно естественными — ну, типа как необходимость дышать.

Мое дело — как раз пример такой скромности и рассудительности. А дело Жобера вели совсем по-другому. Следствие длилось семь лет, и в нем было задействовано очень много людей — два отдела полиции штата, четыре окружных шерифа, тридцать один помощник шерифа и Бог знает сколько местных полицейских и констеблей. Долгое время у них не было никакой зацепки, а в 1989 году преступнику придумали имя — Рудольф Валентино*. Это было, что называется, громкое дело: о нем говорили в Окружном суде, обсуждали на спецсеминарах и даже в обеденные перерывы. «Но в итоге мы его прищучили, — сказал Брендону один полицейский — кстати, тот же самый, который ему рассказал про отрезанные носы. — Но иначе и быть не могло. Такие парни, как мы всегда вычисляют таких уродов, как этот Рудольф. Прос. надо настроиться и как следует все обдумать. Причем никогда не знаешь, когда все детали сложатся в единую картину. Ты можешь спокойно сидеть во дворе, гамбургеры кушать или обсуждать это дело с приятелем из другого отдела, когда он зайдет к тебе выпить пивка... и тут вдруг — бац, и все встало на место».

Но вот что самое удивительное (ты, наверное, уже и сама догадалась... если, конечно, ты сейчас не сидишь в ванной, потому что тебя растощило от всего предыдущего): все эти

* Рудольф Валентино — герой фильма Кена Расселла «Валентино» (1977). Блистательный герой-любовник.

годы полиция знала, что в западной части штата разгуливает настоящий живой монстр — настоящий маньяк-извращенец, — *но пока его не поймали, эта история ни разу не появилась в газетах!* Лично мне это кажется странным, но больше всего мне это кажется поразительным. Я так думаю, в больших городах все происходит иначе, но здесь у нас, в тихой провинции, полиция действительно работает на совесть.

Конечно, ты можешь возразить, что за семь лет можно было расстараться, тем более что это слишком большой срок, чтобы поймать такого маньяка, как Жобер. Я вот тоже сначала так думала, но Брендон мне все объяснил. Он объяснил, что преступник орудовал исключительно в захолустных городишках, где недостаток бюджетных средств вынуждал полицейских рассматривать только самые срочные и самые серьезные случаи... то есть преступления против живых, а не против мертвых. В западной части штата существует как минимум две банды по угону автомобилей и четыре, специализирующиеся на магазинных кражах. Но это те банды, о которых известно полиции. А сколько еще таких банд, о которых ничего не известно?! К тому же есть еще и убийцы, мужья, избивающие своих жен, грабители, занимающиеся разбоем, просто воры, пьяницы и водители, превышающие дозволенную скорость. И, понятное дело, наротики. Их продают, их покупают, за них калечат и убивают юдей. Брендон говорит, что начальник норвежской полиции уже даже и не употребляет слово «кокаин». Он его называет дерьмом порошковым, а в письменных донесениях ишет «д...мо порошковое». Я поняла, что пытался сказать Брендон. Когда ты совершенно замотанный полицейский в маленьком городишке и тебе нужно следить за порядком и везде успевать на своем стареньком «плимуте», который грозит развалиться всякий раз, когда стрелка спидометра приближается к отметке семьдесят, работу приходится выполнять в порядке строгой очередности, и парень, которому нравится забавляться с мертвецами — которым, понятное дело, уже все равно, — автоматически отодвигается в самый конец списка.

Я внимательно выслушала Брендона и согласилась с ним. Но не во всем.

— Кое-что кажется мне неправильным, — сказала я. — Я имею в виду то, что делал Жобер... это не просто невинное «развлечение с мертвецами». Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься, — сказал он.

Но мы оба с ним не хотели прямо и откровенно сказать, что остановить этого сумасшедшего, который ездил из города в город и насиловал мертвых, было гораздо важнее, чем поймать за руку малолетнюю школьницу, которая ворует косметику в местной аптеке, или выяснить, кто выращивает траву в садике за баптистской церковью.

Но о нем все-таки не забывали, и это самое главное. Над его делом работали, отрабатывали версии, сравнивали показания. Преступники типа Рудольфа всегда беспокоят полицию, и по многим причинам. И самая главная из причин, что, если парень совсем головой повернулся и творит с мертвецами такие мерзости, ему в любой момент может стукнуть в башку сотворить нечто подобное и с живыми... правда, вряд ли ты проживешь долго и счастливо после того, как Рудольф раскроит тебе череп своим топором. Также полицию беспокоили и исчезнувшие конечности — зачем они были ему нужны? Брендон сказал, что одно время в конторе окружного шерифа в Оксфорде ходила вот такая докладная записка: «Может быть, наш герой-любownik Рудольф на самом деле — каннибал Ганнибал Лектэр»*. Ее потом уничтожили, эту записку. И вовсе не потому, что идея сочли неудачной шуткой, а потому, что шериф испугался, как бы это не просочилось в прессу.

Как только в местных отделениях полиции выдавался более или менее свободный день, они собирали людей и прочесывали кладбища. В западной части Мэна немало кладбищ, и есть у меня подозрение, что, пока дело не было закрыто, для некоторых из этих парней подобное времяпрепровождение превратилось в своего рода хобби. Идея была в том, что, если достаточно долго бросать кости, рано

* Персонаж психологического триллера «Молчание ягнят» (1990) — маньяк, врач-каннибал.

или поздно нужное тебе сочетание все-таки выпадет. И в конце концов так и случилось.

В начале прошлой недели — дней десять назад — Норрис Риджвик, окружной шериф Кастла, и один из его помощников остановили патрульную машину у заброшенного сарая неподалеку от кладбища Хоумленд. На тихой дороге, что проходит мимо задних ворот кладбища. Было два часа ночи, и они как раз собирались запарковаться «в засаде», и тут помощник шерифа, Джон Лепонт, услышал шум мотора. Они увидели фургончик только тогда, когда он подъехал к самым воротам кладбища. В ту ночь шел снег, и фургончик ехал без фар. Лепонт хотел схватить этого парня, как только тот выйдет из машины и начнет открывать ворота, но Риджвик охладил его пыл.

— Риджвик с виду такой смешной и неуклюжий, — сказал мне Брендон. — Но он очень умный и знает, когда нанести решающий удар. Даже в самый «горячий» момент он всегда держит в голове, что впереди еще суд и надо все проверить так, чтобы преступник потом не отвертелся. Он учился у Алана Пенгборна — парня, который работал шерифом до него, — а это значит, что он учился у самого лучшего из шерифов.

Минут через десять после того, как фургончик въехал в кладбищенские ворота, Риджвик с Лепонтом последовали за ним, тоже выключив фары. Они ехали по следам фургончика, пока не поняли, куда именно он направляется — к городскому склепу, вырубленному в холме. Они оба считали, что это Рудольф, но никто не сказал этого вслух. Лепонт этом говорил, что они боялись сглазить.

Риджвик велел напарнику остановить машину с другой стороны холма. Сказал, что надо дать парню возможность надыбать веревку, на которой его и повесят. Как потом выяснилось в ходе судебного разбирательства, Рудольф надыбал себе веревку длиной до луны. Когда Риджвик с Лепонтом наконец вошли в склеп с пистолетами наголо и с зажженными фонариками, они застали Раймона Эндрю Жобера наполовину залезшим в открытый гроб. В одной руке он держал топор, в другой — свой член, который, по словам Лепонта, был уже в полной боевой готовности.

Я так думаю, Жобер до смерти напугал их обоих, когда они осветили его фонариками. И это неудивительно. Представляю себе, каково это было... да и кому, как не мне, это знать... Встретить такое вот «чудо», на кладбище, в два часа ночи... Помимо всего прочего, Жобер был болен акромегалией, прогрессирующим ростом рук, ног и лица. Такое бывает при гиперфункции гипофиза. Вот почему у него лоб нависал над глазами, а губы выпирали вперед. И еще у него были ненормально длинные руки — ладони свисали почти до колен.

Год назад в Кастл-Роке был сильный пожар — почти весь центр сгорел, и городская тюрьма в том числе, — поэтому особо опасных преступников отвозили в Чемберлен или Норвеи, но ни шерифу Риджвику, ни его помощнику Лепонту не хотелось тащиться по заваленным снегом дорогам в три часа ночи, и Жобера отвезли в подновленный ангар, в котором тогда временно размещался полицейский участок.

— Они утверждали, что было поздно и дороги были заснежены, так что ехать было опасно, — сказал мне Брендон, — но мне кажется, что дело было в другом. Мне кажется, что шериф Риджвик не хотел отдавать эту *сволочь* в другие руки, пока сам не приложит его пару раз мордой об стол. Но с Жобером не было никаких проблем — он спокойно сидел себе на заднем сиденье, бодрый, как птеник, и вид у него был такой, как будто он только что вылез из телевизора, из какой-нибудь серии «Баек из склепа»*, и — оба, Риджвик и Лепонт, клянутся, что это правда — он еще напевал «Счастливы вместе».

Риджвик передал по рации, чтобы их встретили. Он убедился, что Жобер надежно заперт, а помощники, которые остаются его сторожить, вооружены револьверами и обеспечены свежим кофе. Потом они с Лепонтом вернулись на кладбище за фургоном Жобера. Риджвик надел перчатки, постелил на сиденье зеленый полиэтиленовый пакет, которые используются в полиции для того, чтобы переносить тела, и отогнал фургончик в город. Несмотря на мороз, он ехал с открытыми окнами и потом еще долго плевался, что

* Сериал короткометражных «ужастиков».

в машине воняло, как в мясной лавке, где холодильники не работают уже неделю.

Первый раз Риджвик заглянул в кузов фургончика, когда загнал машину в освещенный гараж. Там обнаружили несколько сгнивших конечностей, плетеная корзинка — поменьше той, которую видела я, — и набор инструментов, достойных профессионального взломщика. Когда Риджвик открыл корзинку, он увидел там шесть отрезанных пенисов, нанизанных на веревку. Он сказал, что сразу понял, что это такое: ожерелье. Потом Жобер признался, что часто его надевал, когда отправлялся на свои вылазки на кладбища, и утверждал, что если бы надел его и в тот раз, в свою последнюю «экспедицию», то его ни за что бы не поймали. «Это мой талисман», — сказал он. И если учесть, что его не могли поймать целых семь лет, то, наверное, так оно и было. А ты как думаешь, Рут?

Но хуже всего был сэндвич, найденный на пассажирском сиденье. Два ломтика белого хлеба, а между ними — человеческий язык. Политый сладкой горчицей... ну знаешь, которую любят детишки.

— Риджвику удалось выскочить из машины раньше, чем его стошнило, — сказал Брендон. — И слава Богу... а то, если бы он заблевал все вещественное доказательство, полиция штата сожрала бы его живьем. Но, с другой стороны, если бы его *не стошнило*, я бы первым выступил за то, чтобы его сняли с работы по причинам психопатологического характера.

Рано утром Жобера отвезли в чемберленскую тюрьму. Когда Риджвик, сидевший на переднем сиденье, обернувшись назад, начал в очередной раз зачитывать Жоберу его права (уже, наверное, по третьему разу — Риджвик был человеком методичным донельзя), Жобер прервал его и пробурчал, что он «сделал что-то плохое папочке-мамочке, и ему очень жаль». К тому времени они уже установили — по документам, найденным в бумажнике Жобера, — что он живет в Моттоне, маленьком заштатном городишке неподалеку от Чемберлена, на другом берегу реки, и как только Жобера благополучно препроводили в камеру, Риджвик пере-

дал офицерам полиции Чемберлена и Моттона все, что успел рассказать Жобер.

По дороге обратно в Кастл-Рок Лепонт спросил у Риджвика, как он думает, что найдут полицейские в доме Жобера.

— Не знаю, — ответил Риджвик. — Но лучше им прихватить с собой противогазы.

Описания того, что нашли в доме Жобера, равно как и выводы, сделанные полицией на основании этих находок, появились в газетах уже на следующей день. Разумеется, пресса раздула из этого невесть что, но уже вечером в первый день пребывания Жобера в чемберленской тюрьме полиция штата и управление главного прокурора располагали достаточным количеством материалов, чтобы составить вполне объективное представление о том, что творилось в доме на Кингстон-роуд. Мужчина и женщина, которых Жобер называл «папочкой-мамочкой» — на самом деле, это была его приемная мать и ее гражданский муж, — были мертвы. Как и следовало ожидать. Они были мертвы уже несколько месяцев, хотя Жобер продолжал говорить обо всем этом так, словно «что-то плохое» случилось несколько дней, если вообще не часов назад. Он снял скальпы с обоих и съел большую часть «папочки».

По всему дому были разбросаны части человеческих тел: одни давно разложились и кишели червями, несмотря на мороз, другие были аккуратно завернуты, и было件нятно что их хотят сохранить на подольше. В основном это были мужские члены. На полке у лестницы в подвал стояло около пятидесяти стеклянных банок с заспиртованными глазами, губами, пальцами рук и ног и мужскими яичками. Жобер, стало быть, занимался еще и домашним консервированием. Дом был просто набит — в буквальном смысле *набит* — всяким добром, украденным в основном из летних лагерей и дачных коттеджей. Жобер называл их «мои вещи». В основном это были всякие электрические приборы, инструменты, садовый инвентарь и целая куча женского нижнего белья. Судя по всему, он любил надевать его сам.

Полиция все еще пытается рассортировать части тел: добытые Жобером в его «кладбищенских вылазках» и добытые

другими путями. Они считают, что за последние пять лет он убил человек десять — пятнадцать — всех автостопщиков, которые имели несчастье подсесть к нему в фургончик. Брендон говорит, что убитых скорее всего было больше, но следствие идет очень медленно. От самого Жобера толку мало, и не потому, что он не хочет говорить, а потому, что говорит слишком много. По словам Брендона, Жобер уже признался в трехсот убийствах, в том числе и в убийстве Джорджа Буша. Он утверждает, что Буш — это на самом деле Дана Карви, парень, который играет набожную даму в «В субботу вечером».

В пятнадцать лет его обследовали в нескольких психиатрических клиниках, когда арестовали за изнасилование двоюродного брата в особо извращенной форме. Двоюродному брату было тогда два годика. Разумеется, сам Жобер тоже был жертвой сексуальных злоупотреблений — его имели все, кому не лень: отец, отчим и мачеха. Такая вот развеселая дружная семейка.

Его отправили в Гейдж-Пойнт — нечто среднее между исправительной колонией и психиатрической клиникой для малолетних преступников в округе Хенкок. Вышел он через четыре года, в возрасте девятнадцати лет. Его посчитали полностью излечившимся. Это было в 1973 году. А в 75-м он снова попал в психушку, где его продержали почти до конца 76-го. На этот раз он попался за «развлекуху» с животными. Я знаю, что плохо над этим смеяться — ты, наверное, считаешь меня жестокой, Рут, — но если честно, я просто не знаю, а что еще делать. Иногда мне кажется, что если я перестану смеяться, то разрыдаюсь. А если я разрыдаюсь, то уже не смогу остановиться. Он сажал кошек в мусорный бак и разрывал их на усочки каминными щипцами... а когда ему надоедало садировать кошек и хотелось разнообразия, он прибивал собак гвоздями к деревьям.

В 79-м он угодил в Джунипер-Хилл за изнасилование шестилетнего мальчика, которому он еще и выколол глаза. Предполагалось, что это уже навсегда, но когда дело касается государственных заведений — и особенно *психиатрических государственных заведений*, — тут ничего нельзя сказать наверняка. Его выпустили из Джунипер-Хилл в 84-м. И снова

признали, что он «здоров». Брендон считает — и я с ним согласна, — что это чудесное выздоровление произошло исключительно в результате сокращения государственных ассигнований, а отнюдь не последних достижений в области прикладной психиатрии. Но как бы там ни было, Жобер вернулся в Моттон, в дом своей мачехи и ее сожителя, и государство о нем забыло... ну, разве что выдало ему водительские права. Он сдал экзамен и получил права официальным путем — вот чего я вообще не могу понять, — и где-то в конце 84-го или в начале 85-го года начались его разъезды по местным кладбищам.

Ему было чем себя занять. Зимой он лазил по склепам и мавзолеям. Осенью и весной грабил летние домики по всей западной части Мэна. Забирал все, на что глаз ложился. «Мои вещи», ты помнишь. У него была явная страсть к фотографиям в рамках. У него дома, на чердаке, нашли четыре огромных ящика с такими вот фотографиями. Брендон говорит, что их там больше семисот.

Сейчас уже невозможно узнать, насколько его «папочка-мамочка» были в курсе происходящего. Скорее всего они знали немало, потому что Жобер и не пытался от них скрываться. Что же касается соседей, то их позиция, похоже, была такова: «Они аккуратно оплачивают счета и живут себе тихо, никого не трогают. И мы их не трогаем, у нас своих дел хватает». Кошмар, доведенный чуть ли не до совершенства. Готика Новой Англии. Как тебе фразочка? Это из журнала «Патологическая психиатрия».

В подвале нашли еще одну плетеную коробку, размер побольше. Брендон раздобыл ксерокопии фотографий того, что было в этой коробке, но поначалу отказался показать их мне. Нет... «отказался» это еще мягко сказано. Это был первый и единственный раз, когда он впал в искушение, которому так или иначе подвержены все мужики... ну, ты знаешь, о чем я говорю... разыграть из себя Джона Уэйна*. «Давай, малышка, отвернись и любуйся песочком в пусты-

* Джон Уэйн (1907–1979). Киноактер. Наибольшую известность ему принесли роли сильных, «крутых» парней — ковбоев, военных и героев приключенческих фильмов и вестернов. Одно время его имя было в Америке символом супергероя.

не. Мы их сейчас всех тут по-быстренькому убьем, а потом я тебе скажу, когда можно будет повернуться».

— Я готов допустить, что он был с тобой в доме, — сказал мне Брендон. — Во всяком случае, такая возможность не исключена. Тем более что все сходится. Но ответь мне, Джесси: зачем тебе это надо? Какой от этого толк?

Я не знала, что ответить ему, Рут. Но я знала одно: хуже, чем было, уже не будет. Потому что хуже просто не бывает. Поэтому я продолжала настаивать и держалась достаточно жестко, пока Брендон не понял, что малышка не отвернется и не исчезнет из кадра до того знаменательного момента, когда ее позовут полюбоваться на мертвых злодеев. В общем, он показал мне те фотографии. Дольше всего я смотрела на снимок с маркировкой «ПОЛИЦИЯ ШТАТА № 217» в правом верхнем углу. Впечатление было такое, как будто мне показали видеозапись моего самого страшного из кошмаров. На снимке была большая квадратная плетеная корзина — открытая, так чтобы фотографу было удобнее заснять содержимое. Внутри была груда костей, смешанных с драгоценностями. Дешевенькая бижутерия и по-настоящему ценные вещи. Кое-что было украдено из летних домиков, а кое-что — явно снято с окоченевших трупов.

Я смотрела на эту фотографию — вызывающе *откровенную*, как и все снимки вещественных доказательств, которые делаются полицией, — и у меня было такое чувство, как будто я вновь оказалась на озере, в нашем летнем домике. Именно *оказалась*, а не вспомнила, понимаешь? Вот она я, лежу на кровати, прикованная наручниками и беспомощная, и смотрю на тени, пляшущие на его бледном лице с губами, растянутыми в улыбке, и слышу свой собственный голос, как я ему говорю, что мне страшно. А потом он нагибается к своей коробке, не сводя с меня лихорадочного взгляда, и я вижу, как он — *оно* — запускает туда свою скрюченную бесформенную руку и медленно перемешивает кости и драгоценности. И я слышу, как они тихонько клацают друг о друга — как кастаньеты, заляпанные грязью.

И знаешь, что меня «убивает» больше всего? Что тогда я подумала, будто это отец — мой хороший и добрый *папочка* — восстал из мертвых и пришел ко мне, чтобы завершить на-

чатое в день затмения. «Давай, — сказала я ему. — Делай, что хочешь, но только пообещай, что потом ты меня освободишь».

И знаешь что, Рут? Если бы я тогда знала, кто это на самом деле, я бы, наверное, сказала ему то же самое. Я знаю, что я бы сказала ему то же самое. Ты понимаешь? Я бы позволила ему вставить в меня свой член — который побывал в глотках стольких полуразложившихся мертвецов, — если бы он пообещал, что я не умру здесь от судорог и конвульсий. Если бы он пообещал меня ОСВОБОДИТЬ.

Джесси на секунду остановилась, пытаясь слегка успокоиться. Ее дыхание сбилось, так что она едва не задохнулась. Она уставилась на слова на экране — на это немыслимое признание, — и ей захотелось стереть их, убрать. И вовсе не потому, что ей было стыдно, что Рут их прочтет. Да, конечно, ей было стыдно. Но дело не в этом. Она не хотела *сама* задумываться об этом, и у нее было стойкое ощущение, что если она не сотрет эти слова прямо сейчас, ей *придется* задуматься. Ой как придется. Слова имеют над нами какую-то непонятную власть... и часто бывает, что твои же слова начинают тобой управлять.

Да, но только в том случае, если ты не умеешь ими управлять, — подумала Джесси, выделила последнее предложение и положила указательный палец правой руки в черной перчатке на клавишу «Delete»*. Потом на секунду задумалась и убрала руку. Ведь это же *правда*, или нет?

— Правда, — произнесла она вслух тем же приглушенным голосом, которым разговаривала со своими голосами, когда лежала прикованная наручниками к кровати в летнем домике на озере. Только теперь она обращалась не к женошке и не к Рут. Теперь она обращалась к себе. Наверное, это можно считать прогрессом. — Да, это правда. Все правильно.

Только правда и ничего, кроме правды. И да поможет ей Бог. Она не нажмет на клавишу «Delete» и не сотрет эту правду, какой бы страшной и мерзкой она ни была. Правда есть правда. Раз слова написались, пусть они остаются. Тем бо-

* Стереть (англ.).

лее что Джесси еще не знала, будет она отправлять письмо или нет (она никак не могла решить, насколько это удобно — обременять человека, которого ты не видела столько лет, таким грузом безумия и боли). Она может и не отправлять письмо, но написанное пусть остается как есть. И лучше всего ей закончить письмо поскорее, пока у нее еще есть силы и пока не иссякла решимость.

Джесси подалась вперед и опять начала печатать.

Брендон сказал:

— Есть одна вещь, о которой ты должна помнить, Джесси, и которую надо принять. Прямых доказательств нет. Да, я знаю... твои кольца так и не нашли. Но насчет них ты, возможно, была права. Может быть, их прикарманил кто-то из полицейских.

— А как насчет фотографии № 217? — спросила я. — Насчет той плетеной коробки?

Он пожал плечами, и на меня вдруг снизошло озарение, которое поэты называют «божественным откровением». Я поняла, что Брендон отчаянно цеплялся за мысль, что эта коробочка была всего-навсего совпадением. Это было непрос-то: уговорить себя. Но это было значительно проще, чем принять все остальное — и особенно смириться с мыслью, что тварь типа Жобера может хоть как-то затрагивать жизнь человека, которого ты знаешь и который тебе небезразличен. То, что я прочитала в тот день в глазах Брендона Майчелерона, было предельно просто: он и дальше будет игнорировать целую кучу косвенных доказательств, мотивируя это отсутствием прямых улик. Ему удобнее считать, что все это плод моего воспаленного воображения, ухватившегося за дело Жобера, чтобы объяснить галлюцинации, которые преследовали меня, пока я лежала прикованная наручниками к кровати.

Вслед за первым озарением пришло и второе: ведь и я тоже могу так сделать. Могу убедить себя, что я ошиблась... но если я это сделаю, тогда моя жизнь будет сломана. Снова вернутся голоса — и не только твой, Малыша или Норы Кэллиган. Это будут голоса всех, кого я знала: мамы, брата, сестры, моих школьных друзей, случайных людей, с кото-

рыми я болтала ни о чем, чтобы провести время в очереди к врачу, и Бог знает кого еще. И больше всего среди них будет тех пугающих голосов НЛО.

А я этого просто не вынесу, Рут. Потому что за те два месяца после того, как я пережила самое страшное потрясение в жизни, я вспомнила много чего такого, что подавляла в себе столько лет. Наверное, самые главные воспоминания всплыли в период между первой и второй операциями на руку, когда меня почти все время держали «на лекарствах» (это такой врачебный жаргон; означает, что тебя накачивают всякими успокоительными до состояния полного ступора). И вот что я вспомнила: в течение примерно двух лет — между днем солнечного затмения и днем рождения Вилла, когда брат пощупал меня при всех, когда мы играли в крокет, — *я почти постоянно слышала голоса*. А потом они прекратились. Может быть, то, что сделал со мной Вилл, сработало как лечебное средство. Типа шоковой терапии. Кстати, вполне может быть. Ведь наши первобытные предки придумали же жарить и варить еду на огне после того, как поели мясо животных, погибших в лесных пожарах. Но даже если в тот день и случилась такая вот «непреднамеренная» терапия, мне кажется, это было связано не с тем, что Вилл потрогал меня за задницу, а с тем, что сделала я: развернулась и въехала брату по морде... Впрочем, сейчас это уже не важно. Сейчас важно другое: после солнечного затмения я почти два года слушала хор голосов, которые разговаривали у меня в голове и оценивали каждое мое слово и каждый поступок. Среди них были добрые голоса, которые были всегда за меня и которые очень меня под держивали, но в основном это были голоса людей, которые вечно всего боялись, которые вечно смущались или робели, которые были искренне убеждены, что Джесси — никчемное и ничтожное существо, и все то плохое, что с ней происходит, она заслужила — как говорится, так ей и надо, — а вот за хорошее ей надо платить вдвойне, потому как она его не заслужила, хорошего. Два года я слушала эти голоса, Рут, а когда они прекратились, я про них забыла. Причем забывала не постепенно, как это обычно бывает. Я забыла их сразу и напрочь. Как отрубил.

Как такое могло случиться? Я не знаю и — честно — не хочу знать. Наверное, я бы этим озадачилась, если бы мне стало хуже, когда голоса прекратились. Но мне стало лучше, и я забыла. И больше об этом не думала. Два года между затмением и днем рождения Вилла я прожила словно внутри полифонической фуги, мое сознание распадалось на десятки разрозненных фрагментов, и мое «божественное откровение» заключалось в следующем: если я сделаю так, как добрый и милый Брендон Майлерон считает правильным, тогда мне будет прямая дорога в дурдом — с диагнозом классическая шизофрения. И на этот раз рядом не будет вредного младшего брата, который мне проведет очередную шоковую терапию. На этот раз мне придется справляться самой, как мне пришлось самой выбираться из Джеральдовых наручников.

Брендон внимательно наблюдал за мной, пытаюсь понять, какой результат возымели его слова. Наверное, он не сумел ничего разглядеть, потому что он повторил, но немного другими словами:

— Тебе следует помнить, что ты можешь и ошибаться. Независимо от того, как оно тебе видится. И еще, как мне кажется, тебе нужно смириться с тем, что ты никогда ничего не узнаешь наверняка.

— Нет, я узнаю.

Он удивленно приподнял бровь.

— У меня есть возможность узнать наверняка. И ты мне поможешь, Брендон.

Он снова заулыбался той неприятной улыбочкой — я почему-то уверена, что он даже не знает, что у него в арсенале улыбок есть и такая, — ну, та, которая говорит: «Ах эти женщины! Без них жить нельзя, и пристрелить их нельзя».

— Да? И как же?

— Ты устроишь мне очную ставку с Жобером.

— Нет, — сказал он. — Этого я не могу. Не могу и *не* буду.

Я не стану тебе пересказывать наш последующий разговор. Мы препирались около часа, в какой-то момент наша беседа скатилась на уровень «Ты с ума сошла, Джесс» и

«Это моя жизнь, Брендон, и даже и не пытайся ее контролировать». Я решила, что в крайнем случае я ему скажу, что, если он не пойдет мне навстречу, я встречусь с газетчиками — я была почти на сто процентов уверена, что такая угроза должна возыметь действие, — но мне все-таки не пришлось прибегать к таким крайним мерам. Я сделала проще: я расплакалась. Наверное, это было нечестно. И сейчас, когда я об этом пишу, я себя чувствую неуютно, потому что я вроде как поступила неправильно. Но, с другой стороны, меня это не беспокоит. Это был просто очередной ход в извечной войне полов. И ход, как выяснилось, выигрышный. Пока я не расплакалась, он не верил, что я говорю серьезно. Забавно, правда?

В общем — чтобы долго не расписываться, — он пошел звонить кому-то по телефону, а когда вернулся обратно в комнату, сказал, что завтра в Чемберленском окружном суде состоится очередное слушание по делу Жобера. Он сказал, что если я действительно не шучу — и если у меня есть шляпка с густой вуалью, — он проведет меня в зал суда. Я, разумеется, согласилась, и хотя у Брендона было такое лицо, как будто он искренне убежден, что совершает самую крупную в жизни ошибку, он не отступился от своих слов.

Джесси пару секунд передохнула и вновь застучала по клавиатуре — теперь уже медленнее. Она вспоминала вчерашний вечер, когда Брендон приехал за ней на своем синем «бимере».

Мы приехали в суд с большим опозданием. На I-295 перевернулся грузовой трейлер и была жуткая пробка. Брендон, конечно же, не сказал этого вслух, но я поняла, что он очень надеялся, что мы не успеем до окончания слушания и что, когда мы приедем, Жобера уже уведут обратно в камеру, но охранник у двери в зал заседаний сказал, что слушание еще продолжается, хотя и подходит к концу. Открывая передо мной дверь, Брендон наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Опusti вуаль, Джесси, и не поднимай ее.

Я опустила вуаль, Брендон приобнял меня за талию, и мы вошли. Зал заседаний...

Джесси остановилась и повернулась к окну, глядя невидящим взглядом на заснеженную набережную, над которой уже потихоньку смеркалось.

Она вспоминала.

38

Зал суда освещен строгими белыми лампами в виде стеклянных шаров, свисающих с потолка, которые ассоциируются у Джесси с магазинчиками, где продают уцененные вещи. А сонная атмосфера напоминает школу, когда сидишь на последнем уроке унылым зимним днем. Она идет по проходу и сознает только две вещи: Брендон по-прежнему приобнимает ее за талию, и вуаль щекочет щеки, как легкая паутинка. Сочетание этих двух ощущений рождает в ней странное чувство — как будто она невеста и идет к алтарю.

Два адвоката стоят перед высокой кафедрой, за которой восседает судья. Он наклонился вперед и смотрит на них сверху вниз. Они о чем-то тихонько переговариваются, все трое. Джесси они напоминают ожившую иллюстрацию Боза к роману Чарльза Диккенса. Судебный пристав стоит слева, рядом с американским флагом. Рядом с ним сидит стенографистка и ждет, когда судья закончит обсуждать с адвокатами «приватные вопросы не для протокола» и заседание возобновится. А за длинным столом в самом дальнем от двери конце деревянной перегородки, что разделяет зал на две части — для зрителей и для непосредственных участников заседания, — сидит худой, неправдоподобно высокий мужчина в ярко-оранжевой тюремной робе. Рядом с ним — человек в костюме. Наверное, еще один адвокат. Мужчина в тюремной робе склонился над желтым блоком и что-то там пишет.

Джесси чувствует — но смутно, словно издалека, — как напрягается рука Брендона у нее на талии.

— Ближе не надо, — говорит он тихонько.

Она отстраняется от него. Он не прав. Ближе *надо*. Брендон понятия не имеет, о чем она думает и что чувствует. Но

это нормально. Главное, *она* знает, что надо, а что не надо. Сейчас все ее голоса слились в один голос, и она наслаждается этим неожиданным единодушием, и она знает: если сейчас не подойдет к нему ближе — *как можно* ближе, — она уже никогда от него не избавится. Где бы он ни был, он всегда будет где-то поблизости. В чулане, или на улице под окном, или у нее под кроватью в самую темную ночь. Он всегда будет где-то поблизости — со своей сморщенной бледной улыбкой, которая обнажает золотые коронки на самых дальних зубах.

Она быстро идет по проходу к деревянной перегородке. Вуаль касается ее щек, словно чьи-то легкие и заботливые пальчики. Брендон недовольно ворчит, но он сейчас далеко-далеко, в другой галактике. Чуть ближе (но тоже в другой галактике) кто-то из адвокатов, которые разговаривают с судьей, бормочет:

— ...в этом вопросе позиция штата остается непреклонной, ваша честь, тем более что есть прецеденты... Кастонгай против Холлиса...

Еще ближе. И вот уже судебный пристав глядит на нее с подозрением, но потом расслабляется, когда Джесси приподнимает вуаль и улыбается ему. По-прежнему глядя ей прямо в глаза, судебный пристав отставляет большой палец в сторону Жобера и едва заметно качает головой. В своем теперешнем состоянии крайнего возбуждения и обостренного восприятия Джесси сразу понимает, что он хочет сказать этим жестом: *Держитесь подальше от этого тигра, мэм. Как бы он не зацепил вас когтями.* Но потом пристав совсем уже расслабляется, когда видит, что ее догоняет Брендон — этакий благородный рыцарь при прекрасной даме, — но он явно не слышит, как Брендон рычит ей в ухо:

— Опусти вуаль, Джесси, черт побери, или я сам ее опущу!

Она не просто его не слушает, она на него даже не смотрит. Она знает, что это пустые угрозы: он не будет устраивать сцен на людях; наоборот, всеми силами постарается этого избежать. Но в любом случае ей все равно — даже если бы он и устроил сцену. Ей очень нравится Брендон, действительно нравится, но она никогда больше не будет делать что-

то в угоду мужчине — лишь потому, что он ей говорит, чтобы она это сделала. Она смутно осознает, что Брендон шептит на нее, что судья все еще шепчется с адвокатом защиты и окружным прокурором, что судебный пристав опять впал в полудрему и взгляд у него стал отсутствующим и сонным. На губах Джесси застыла милая улыбка, которая обезоружила судебного пристава, но сердце колотится так, словно оно сейчас выпрыгнет из груди. До перегородки остается два шага — два *маленьких* шага, — и теперь Джесси видит, что Жобер не пишет в блокноте. Он рисует. Голого мужика с эрегированным членом размером с бейсбольную битку. Мужик на рисунке наклонил голову и отсасывает сам у себя. Джесси хорошо виден рисунок, но лица художника не видно — только часть бледной щеки и прилипшая к ней влажная прядь волос.

— Джесси, не надо... — Брендон пытается взять ее за руку.

Но она вырывает руку, даже не глядя на Брендона. Все ее внимание сосредоточено на Жобере.

— Эй! — шепчет она ему. — Эй ты!

Ничего. По крайней мере пока — ничего. Ощущение не реальности происходящего накрывает ее, как волна. Неужели она это делает? Неужели все это происходит с *ней*? Да и *происходит* ли что-нибудь, кстати? Ее как будто никто не видит и не замечает. Вообще никто.

— Эй ты, мерзавец! — Теперь чуть громче и злее. Она все еще шепчет, но это уже *громкий* шепот. — *Пссс!* Я к тебе бращаюсь!

Судья отрывается от разговора и, хмурясь, смотрит на Джес-

Ну слаба Богу, хоть *кто-то* ее заметил. Брендон стонет в измучении и кладет руку ей на плечо. Если бы он попытался оттащить ее назад, она бы вырвалась, даже если бы пришлось изорвать себе весь верх платья, и Брендон, похоже, это понимает, потому что он просто усаживает ее на свободную скамью совсем рядом со столом защиты (на самом деле все скамьи свободны; официально это закрытое слушание), и в этот момент Раймон Эндрю Жобер наконец поднимает голову.

Его гротескное лицо, похожее на бесформенный астероид, с пухлыми раздутыми губами, тонким, как бритва, носом и лбом, нависающим над глазами, совершенно пустое... оно не выражает вообще ничего... но это *то самое* лицо,

Джесси его узнает мгновенно, и ее переполняет... нет, вовсе не страх. Несказанное облегчение.

А потом — как-то сразу и вдруг — лицо Жобера оживает. Белые узкие щеки наливаются краской, воспаленные красные глаза загораются жутковатым огнем, который она уже видела раньше. Он смотрит на нее точно так же, как смотрел и тогда, в доме у озера Кашвакамак, с экзальтированным восхищением безнадежного безумца, и она тоже смотрит как замороженная — она видит в его глазах жуткую искорку узнавания.

— Мистер Майлерон? — резкий голос судьи доносится из другой вселенной. — Мистер Майлерон, скажите, пожалуйста, что вы здесь делаете и кто эта женщина?

Раймона Эндрю Жобера нет. Теперь это космический ковбой, призрак любви. Его огромные губы снова растягиваются в улыбке, обнажающей зубы — некрасивые, грязные, *рабочие* зубы дикого зверя. Глубоко в черной пещере рта мрачно поблескивают золотые коронки. Медленно — очень медленно — кошмар оживает и приходит в движение. Кошмар медленно поднимает свои уродливо длинные руки.

— Мистер Майлерон, пожалуйста, подойдите ко мне. И ваша незваная гостья тоже пусть подойдет.

Задремавший было судебный пристав, встревоженный резким тоном судьи, мгновенно просыпается. Стенографистка растерянно озирается по сторонам. Джесси кажется, что Брендон берет ее за руку, собираясь помочь ей встать и подойти к судье, но она не уверена в этом, да это уже и не важно. Потому что она не может даже пошевелиться, не то что встать. Такое впечатление, что она сидит в яме по пояс в застывшем цементе. Это снова затмение — полное и последнее. По прошествии стольких лет звезды снова сияют на небе посреди бела дня. Они горят у нее в голове.

Она сидит и беспомощно смотрит, как ухмыляющееся существо в оранжевой тюремной робе поднимает свои длинные руки, и взгляд его мутных воспаленных глаз по-прежнему держит ее, не отпускает. Оно поднимает руки над головой и разводит их в стороны, его длинные узкие кисти висят в воздухе примерно в футах от каждого уха. Подражание получается до жути реальным: Джесси едва ли не *видит* деревянные столбики

в изголовье кровати, когда существо в оранжевой тюремной робе принимается вращать кистями, а потом трясти их и дергать... как будто их держат наручники, которые видят только оно само и еще женщина с поднятой черной вуалью. Голос, который идет из этого страшного рта, растянутого в ухмылке, совершенно не лепится к этому бесформенному лицу чудовища: тоненький хныкающий голосок полоумного ребенка.

— Тебя здесь *нет!* — выговаривает Раймон Эндрю Жобер своим детским писклявым голосом, который вонзается в спертую духоту зала как сверкающий нож. — Ты всего лишь игра теней и лунного света!

А потом оно начинает смеяться. Оно трясет своими уродливыми руками, которые держат оковы, видимые только им двоим, и смеется... смеется... смеется.

39

Джесси полезла за сигаретами, но уронила пачку и все сигареты рассыпались по полу. Она даже не стала их подбирать. Она опять принялась печатать.

Мне казалось, я схожу с ума, Рут... то есть на самом деле, без шуток. А потом у меня в голове прозвучал голос. Я так думаю, это была Малыш. Та самая Малыш, которая подсказала мне, как выбраться из наручников, и заставила меня двигаться, когда примерная женушка попыталась вмешаться со своей тоскливой, якобы очень мудрой логикой. Малыш... благослови ее Бог.

— Не доставляй ему удовольствия, Джесси, — сказала она. — И не давай Брендону себя увести, пока ты не сделаешь то, что должна!

А он пытался меня увести, Брендон. Он взял меня обеими руками за плечи и куда-то тащил. Судья стучал молотком, и к нам уже несли судебного пристава, и я знала, что у меня есть буквально одна секунда на то, чтобы сделать что-нибудь значимое... что-то, что все изменит... что-то, что убедит меня, что затмение не может продолжаться вечно... и тогда я...

Тогда она резко подалась вперед и плюнула ему в лицо.

А теперь она резко откинулась на спинку стула и расплакалась, пряча лицо в ладонях. Она плакала минут десять — ее судорожные всхлипы разносились, наверное, по всему дому, — а потом снова принялась печатать. Но слезы все равно текли, и перед глазами все расплывалось, и ей приходилось часто прерываться, чтобы вытирать глаза.

...и тогда я резко подалась вперед и плюнула ему в лицо. Только это был не простой, а хороший такой плевок. Полноценный. Я не уверена, что он это заметил. Но это не важно. Ведь я это сделала не для него, правильно?

Как говорится, за удовольствия надо платить. И теперь мне придется заплатить штраф, и Брендон говорит, что сумма будет скорее всего немалой. Но сам Брендон отделался только устным замечанием, и для меня это гораздо важнее, чем какой-то там штраф, который мне придется заплатить. Ведь я буквально заставила Брендона взять меня на заседание, только что руки ему не выкручивала. Или выкручивала, но не в буквальном смысле.

И мне кажется: вот оно. Я все-таки высказалась до конца. Мне кажется, я действительно отправлю это письмо, Рут, а потом буду дергаться две недели и ждать ответа. Тогда, много лет назад, я обошлась с тобой грубо и некрасиво, но это не только моя вина... только недавно я начала понимать, что мы очень зависим от окружающих, как бы мы ни тешили себя мыслью, что мы сильные, и крутые, и вообще нам никто не нужен, что мы сами справимся, если что... в общем, я хочу извиниться. И еще я хочу сказать тебе одну вещь, в которую я теперь начинаю верить: со мной все будет в порядке. Не сегодня, не завтра и не через неделю, но *когда-нибудь* обязательно будет. В порядке настолько, насколько это вообще возможно для человека. И мне приятно осознавать, что я все-таки выжила. Это действительно хорошо. Это победа.

Я люблю тебя, Рут. Ты и твои жесткие фразы помогли мне выжить; они буквально спасли мне жизнь в прошлом октябре, пусть ты даже об этом не знала. Я тебя очень люблю.

Твоя старая подруга
Джесси.

P.S. Пожалуйста, напиши мне. Или лучше позвони... хорошо?

Минут десять спустя она положила письмо — уже запечатанное в большой конверт, в каких обычно рассылают журналы, потому что в обычный конверт оно просто не влезло, — на столик в прихожей. Она взяла адрес Рут у Кэрол Риттенхауз — ну, хотя бы какой-то адрес — и напечатала конверт левой рукой, большими печатными буквами, четкими, но немного корявыми. Рядом с конвертом она положила записку, тщательно накорябанную все тем же «левым» почерком.

Мэгги. Отправь, пожалуйста, это письмо. Если я тебе скажу, чтобы ты его не отправляла, ты со мной согласишься... а потом все равно отправь.

Она пару минут постояла у окна в маленькой гостиной, глядя на набережную, занесенную снегом. На улице уже смеркалось. В первый раз за последние несколько месяцев эта простая мысль — что скоро стемнеет — не напугала Джесси.

— Да что за херня, — сказала она, обращаясь к пустому дому. — Пусть будет ночь. — Она отошла от окна и медленно поднялась вверх.

Когда через час Меган Лендис вернулась из магазина и увидела конверт на столике в прихожей, Джесси уже крепко спала под двумя теплыми пледами в гостевой комнате наверху... которую она теперь называла *своей* комнатой. В первый раз за последние несколько месяцев ей снилось что-то приятное, и во сне ее губы сложились в мечтательную, довольную улыбку. Когда холодный февральский ветер пронесся по крыше и загудел в каминной трубе, она зарылась поглубже в пледы... но улыбка, притаившаяся в уголках губ, никуда не исчезла.

16 ноября 1991 г.
Бангор, штат Мэн

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
Игра Джералда

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Художественный редактор *Е. Фрей*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Москва, жұлдызды гулзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
і - РДЦ-Алматы ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.09.2017. Формат 84x108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Доп. тираж I 4000 экз. Заказ № 4319.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

В уединенном доме на берегу лесного озера в штате Мэн разыгралась трагедия. Джесси потеряла мужа и осталась одна, прикованная к кровати... Но ее одиночество было недолгим. Все страхи, которые она когда-либо испытывала в жизни, в одночасье вернулись и заполнили уединенный дом, превратившийся в зловещую камеру пыток...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-087928-1

9 785170 879281

SCAN IT!

1152389719

в приложении OZON.ru